

НАГРАДА

Награда

Дана съ ученику III класса Гомбург-
леия Кьельнского общеуниверситетского
скаго городского училища Кебабчи
Фридриху за отличное поведение,
прилежание и внимание.
гор. Кьельноу ноября 21 дня 1895 года

Начальник Дирекции и учивш

Президентъ Гресса

Заведывающій училищамъ

S. Lucatoussellawo

Законучителъ Кеу Шмаруп
и. Ворренфи Конрау

Учимаю Венноресва

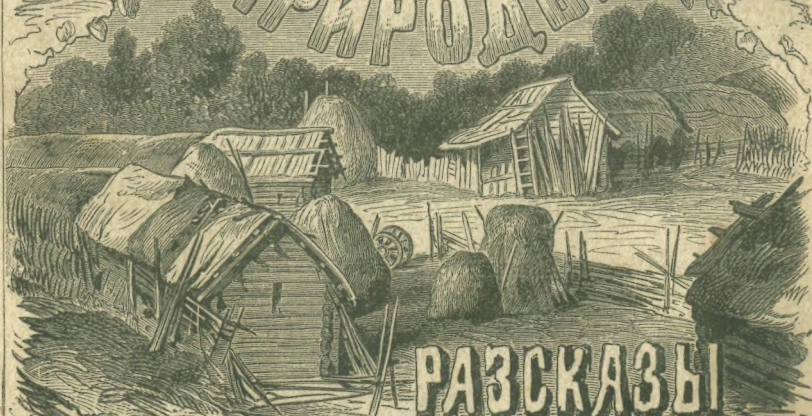

ИЗЪ РУССКОЙ

ЖИЗНИ

И
ПРИРОДЫ

РАЗСКАЗЫ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

Е. ВОДОВОЗОВОЙ.

И. ПИЩЕЦКИЙ

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ

И

ПРИРОДЫ.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Е. Водовозовой.

ИЗДАНИЕ 6-ое

Съ 24 рисунками художниковъ Пянова, Савицкаго,
Бухгольца и Макарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. С. Балашева и К^о, Екатерининскій кан., л. № 80.

1893.

Рисунки и обертка дозволены пензурою, С.-Петербургъ, 7 мая 1893 г.

109310

Рисунки и обертка отпечатаны въ типогр. Гоппе: Вознесенскій пр., № 53.
Тексть отпечатанъ въ типографіи Балашева: Екатерининскій кан., № 80.

ОГЛАВЛЕНИЕ *).

	СТР.
Домашнія птицы, и какъ бабушка Аксивья за ними ухаживала.—	
Гуси и утки	1
Куры и цыплята.	5
Пѣтухъ	8
*Потѣшная ловля утокъ	9
*Настя.	13
Какъ нужно жить, чтобы здоровымъ быть	16
Ласточка	20
Исторія моего пуделя.	23
Лошадь	30
Свиньи.	34
Свиньи и поросята.	37
Про крестьянскихъ ребятъ.	42
Какъ дѣти землянику собирали	49
Миша у сапожника.	54
Весна въ городѣ и въ деревнѣ	57
Огородъ	58
Кто вредить огороду	60
Крапива.	62
Кусочекъ извести	64
Миша въ кузницѣ	65
Раки	68
Лягушка.	72
Дождевой червякъ	74
Наша рѣчка	77
Чему научило меня озеро лѣтомъ	79
Чему научило меня наше озеро зимой	84
Пастухъ	86
Какъ Миша съ Васей проводил лѣто на дачѣ	87
Бульженикъ.	95
*Сонъ	97
*Журка	100
*Медвѣдь.	106
Лѣсъ.	115
Какая польза человѣку отъ лѣса	116
Лѣтнія работы въ деревнѣ	118

*.) Въ этомъ шестомъ изданіи помѣщено семь новыхъ рассказовъ; они отмѣнены звѣздочками. Остальные рассказы совершенно переработаны.

	стр.
Луга	120
Луговые цвѣты и травы	122
Овцы	125
Окунь	126
Какъ Терентьичъ горшки продавалъ	128
Какъ готовятъ глиняную посуду	131
Булки	133
Корова	134
Быкъ и теленокъ	137
Какая польза человѣку отъ коровы	139
Одежда	141
Осень въ городѣ	144
Осень въ деревнѣ	145
Муха	148
Красавица	150
Какъ „Красавица“ играла	154
Кошка и котята	155
Зима	158
Что лѣтомъ дѣлается въ хвойномъ, что въ лиственномъ лѣсу	159
Сосна и ель	162
Что даютъ человѣку хвойныя деревья	164
О паукахъ	170
Жилпше	177
*Лисица	178
Какъ живутъ муравьи	183
Война муравьевъ и ихъ ненависть къ чужакамъ	191
Болото	193
Какъ бабушкѣ Аксиньѣ мыши досаждали	197
Какъ я охоту любилъ и что изъ этого вышло	201
*Волкъ	206
Какъ лѣтомъ и зимою ловили рыбу на нашемъ озерѣ	213
Макъ	217
Земляника	220
Бабуся	223
Горохъ	245
Картофель	247
Береза	253
Липа	259
Осина	261
Орѣшникъ	263
Дубъ	264
Разлука съ родительскимъ домомъ	267
Первые дни школьной жизни	276
Моя няня	292

Оглавление по предметамъ, содержащимся въ статьяхъ.

	СТР.
Домашнія птицы, и какъ бабушка Аксинья за ними ухаживала.	
Гуси и утки	1
Куры и цыплята	5
Пѣтухъ	8
Потѣшная ловля утокъ	9
Ласточка.	20
Исторія моего пуделя	23
Лошадь	30
Свиньи.	34
Свиньи и поросята	37
Кто вредитъ огороду	60
Раки	68
Лягушка	72
Дождевой червякъ	74
Журка	100
Медвѣдь	106
Овцы	125
Окунь	126
Корова	134
Быкъ и теленокъ	137
Какая польза человѣку отъ коровы	139
Муха	148
Красавица (кошка)	150
О томъ, какъ „Красавица“ играла	154
Кошка и котята	155
О паукахъ	170
Лисица	178
Какъ живутъ муравьи	183
Война муравьевъ и ихъ ненависть къ чужакамъ	191
Какъ бабушкѣ Аксиньѣ мыши досаждали	197
Волкъ.	206
<hr/>	
Крапива	62
Лѣсъ	115
Какая польза человѣку отъ лѣса	116
Луга	120
Луговые цвѣты и травы	122
Что лѣтомъ дѣлается въ хвойномъ, что въ лиственномъ лѣсу	159
Сосна и ель.	162
Что даютъ человѣку хвойныя деревья	164
Макъ	217
Земляника.	220
Горохъ.	245
Картофель	247

	СТР.
Береза	253
Липа	259
Осина	261
Орѣшникъ	263
Дубъ	264
<hr/>	
Кусочекъ извести	64
Булыжникъ	95
<hr/>	
Какъ нужно жить, чтобы здоровымъ быть	16
Наша рѣчка	77
Чему научило меня озеро лѣтомъ	79
Чему научило меня наше озеро зимой	84
<hr/>	
Миша у сапожника	54
Миша въ кузницѣ	65
Какъ готовятъ глиняную посуду	131
Булки	133
Одежда	141
Жилище	177
Болото	193
Какъ лѣтомъ и зимою ловили рыбу на нашемъ озерѣ	213
<hr/>	
Весна въ городѣ и деревнѣ	57
Огородъ	58
Какъ Миша съ Васей проводили лѣто на дачѣ	87
Лѣтнія работы въ деревнѣ	118
Осень въ городѣ	144
Осень въ деревнѣ	145
Зима	158
<hr/>	
Настя	13
Про крестьянскихъ ребятъ	42
Какъ дѣти землянику собирали	49
Какъ дѣти землянику собирали	86
Пастухъ	97
Сонъ	128
Какъ Терентьичъ горшки продавалъ	201
Какъ я любилъ охоту и что изъ этого вышло	223
Бабуся	267
Разлука съ родительскимъ домомъ	276
Первые дни школьной жизни	292
Моя няня	292

Перечень рисунковъ *).

	стр.
1. Бабушка Аксинья кормить курь, а ея внучка выгоняетъ утокъ на озеро	4— 5
2. *Утки	10— 11
3. *Настя, окруженная птицами	14— 15
4. Деревенскіе мальчики ночью сторожатъ лошадей и у разведеннаго костра готовятъ пищу.	32— 33
5. Деревенскіе ребята отдыхаютъ на лугу.	48— 49
6. Крестьянскія дѣти собираютъ землянику: дѣвочка рассыпала свои ягоды и горько рыдаетъ	53— 54
7. Мальчикъ у сапожника	55— 56
8. Мальчикъ въ кузницѣ.	66— 67
9. Утопающая дѣвочка	83— 84
10. Пастухъ со стадомъ	86— 87
11. Маленькія дѣти занимаются подѣ руководствомъ учительницы: вырѣзаютъ, лѣпятъ изъ глины, берутъ песокъ.	92— 93
12. *Дѣвочка опоясаная цвѣтной гирляндой, съ ворохомъ цвѣтовъ на колѣняхъ, сидитъ на холмѣ острова и поетъ такъ дивно, что ее заслушались всѣ животныя: лебеди, чижики, бѣлки, рыбы.	98— 99
13. *Журавль.	104—105
14. *Медвѣдь съ музыкантомъ, барабанщикомъ и поводаремъ	108—109
15. Молодая женщина у поля, на которомъ жнетъ, устроила люльку съ пологомъ для своего ребенка: она играетъ съ нимъ, показывая ему цвѣтокъ.	118—119
16. *Стрижка овецъ	125—126
17. Продажа горшковъ въ деревнѣ	129—130
18. Собака съ кошкою	154—155
19. Русская пляска	168—169
20. *Лиса съ лисятами	182—183
21. *Волкъ	206—207
22. Обѣдъ въ деревнѣ	256—257
23. Деревенскія посидѣлки: одна дѣвушка прядетъ, двѣ другія болтаютъ, паренъ играетъ на балалайкѣ	263—264
24. Нищія.	306—307

*) Въ этомъ новсмъ изданіи прибавлено восемь новыхъ рисунковъ, отмѣченныхъ звѣздочками.

Домашнія птицы, и какъ бабушка Акинья за ними ухаживала.

Гуси и утки.

Бабушка Акинья—старая, престарая, совсѣмъ сѣдая старушка. Никто никогда не видалъ ее безъ дѣла: привычка такая у человѣка — терпѣть не можетъ сидѣть, сложа руки. Когда она поставила на ноги внучку, которую вынянчила на своихъ рукахъ, а тяжелая крестьянская работа стала ей не подъ силу, она ни за что не хотѣла долѣе жить въ большой семьѣ своего сына.

— Пока ноги могу таскать,—сказала она ему,—сама себя прокормлю. Теперь у васъ нѣтъ для меня подходящаго дѣла, такъ нечего мнѣ и сидѣть на твоей шеѣ.

Въ это время одна барыня искала себѣ птичницу; ей указали на Акинью, и она наняла ее къ себѣ, на птичій дворъ. Акинья со всѣмъ усердіемъ принялась за работу. Дѣло пошло у нея, какъ по маслу: черезъ годъ-другой, птицы у нея развелось чуть не вдвое, а яйца старушка корзинками носила въ господскій домъ. Даже опытные хозяйки на деревнѣ посылали молодыхъ поучиться у старухи, какъ она съ птицею водится, посмотрѣть, какъ и что она дѣлала и не было ли въ томъ ворожбы-колдовства. Колдовство Акиньи было лишь въ томъ, что всякому

дѣлу она отдавала всю свою душу. Любовь, полное вниманіе, добрыя и нѣжныя слова, поговорки и прибаутки, съ которыми Аксинья вынянчила свою внучку, перенесла она теперь на довѣренныхъ ей птицъ, и вотъ ужъ сущая правда, что всякое, самое даже непривычное дѣло смѣло бери въ руки, если есть у тебя къ нему охота да терпѣнье.

Но я лучше расскажу по порядку, какъ Аксинья проводить весь день. Встаетъ она чуть-свѣтъ и сейчасъ же принимается стряпать утренній завтракъ для своихъ птицъ. Какъ только начинаетъ она сѣчкой яйца рубить, изъ-подъ лавки тотчасъ высовываются птичьи головы и раздаются въ одно и то-же время и шипѣнье гусыни, и клохтанье курицы, и цыканье цыплятъ, и кряканье утятъ.

Подъ лавкой нѣсколько корзинокъ: внутри онѣ устланы соломой и пухомъ. Въ одной корзинѣ сидятъ гусыня съ маленькими гусятами, и крошечныя ихъ головки, покрытыя желтовато-сѣрымъ пухомъ, торчатъ изъ-подъ ея крыльевъ. Гусята еще очень малы, ночью сидятъ они подъ крыльями матери, въ тепломъ гнѣздѣ, и въ той самой избѣ, гдѣ спитъ и сама Аксинья.

Старуха мелко изрубила яйца, рассыпала ихъ на нѣсколько досокъ, поставила корыто съ водой и поманила утятъ и гусятъ. Гусыни и утки сами выскочили изъ корзинокъ; дѣтенышей Аксинья вынимала и пускала поочередно на землю. Нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ принялись клевать яйца, другіе какъ-то вяло и тупо посматривали по сторонамъ.—Приучайся,—приговаривала Аксинья,—пора-бы, кажется, ума набраться: скоро, пожалуй, и сутки на свѣтѣ живешь.—При этомъ она брала въ руки птенчика, осматривала его крылышки, ножки и нѣжно поила его изъ своего рта.—Ну, теперь учись самъ клевать, вотъ такъ... вотъ такъ...—и старушка долбила палочкой по доскѣ. Послѣ этого всѣ птенчики начинали клевать. Яйцами она кормила лишь самыхъ маленькихъ, а когда

они подрастали, она давала имъ крутую гречневую или ячменную кашу съ творогомъ; черезъ недѣли три, четыре они ѣли уже все съ большими.

А чего только не ѣдятъ гуси да утки? У Аксиньи имъ набросаны на полу зерна ячменя и овса. Тутъ же стоитъ для нихъ корыто со всякой всячиной: въ немъ квасная гуща съ мягиной и мукой, рубленая трава и хлѣбныя крошки,—все ѣдятъ, только побольше давай. У гусятъ и утятъ тоже хорошій аппетитъ: тѣ, что постарше другихъ и покрѣпче на ноги, уже бойко проталкиваются впередъ, все норовятъ побольше себѣ захватить; да Аксинья не даетъ слабымъ въ обиду: сейчасъ обидчика въ сторону, а слабому больше подсыплеть.

— Ахъ, бабушка!—закричала 6-ти лѣтняя внучка Аксиньи, входя въ избу.—Вѣдь этихъ гусятъ я еще не видала! Что же ты не позвала меня помочь имъ изъ яйца вылупиться? Чай, какъ трудно было вотъ этой крошкѣ просунуть изъ скорлупы свою головку! — Съ этими словами дѣвочка схватила гусенка и стала его цѣловать. Гусыня вытянула шею, бѣшено зашипѣла и бросилась на ребенка. Дѣвочка выпустила гусенка и во весь духъ, со слезами и крикомъ, побѣжала прочь, но на что-то наткнулась. Гусыня съ распростертыми крыльями бросилась на дѣвочку и стала преобильно клевать и щипать ея босыя ножки. Тутъ подоспѣла бабушка, отогнала хвостинкой гусыню и взяла за руку плачущую дѣвочку.

— Ахъ, Машута, Машута, развѣ можно такъ гусей дразнить! Ну, хорошо еще, что тѣмъ и кончилось, а будь это на дворѣ, такъ могло бы и все стадо наброситься. Бѣда, какъ исклевали бы!

— А телерь, бабушка, я такъ буду бояться... и къ озеру ихъ сегодня не погоню.

— Эхъ, дитятко! волковъ бояться и въ лѣсъ не ходить! Кто-же безъ тебя бабушкѣ-то поможетъ? Я и

куръ еще не кормила, крапиву надо рубить. Ты ихъ только къ озеру прогони, да и сюда скорѣй,—вонъ подъ этой курицей уже цыплята вылупились, а въ этой корзинѣ нужно пересмотрѣть, можетъ помочь понадобится...

При послѣднихъ словахъ дѣвочка отъ радости захлопала въ ладоши,—она до смерти любила смотрѣть, какъ птички вылупляются изъ яицъ, выхватила у бабушки хворостинку и погнала гусей и утокъ.

Гуси—гусятки идутъ, бѣгутъ, крыльями машутъ, га... га... га... кричатъ, длинныя шеи вытягиваютъ, во всѣ стороны посматриваютъ, нѣтъ ли врага. А утки не любятъ торопиться, по сторонамъ не осматриваются, думаютъ только, какъ бы брюшко побольше набить: такъ плотно погушали, что зобки у нихъ стали совсѣмъ тугие. Кря, кря, кря... покрякиваютъ онѣ и съ ноги на ногу переваливаются... Ба! да что это? Одна изъ нихъ немного скорѣе заковыляла и упала на грудь. Тоже самое и съ другой, и съ третьей... Передняя-то часть тѣла у утки гораздо тяжелѣе: тутъ и зобъ, и брюхо—вотъ она и спотыкается.

И утки, и гуси, какъ пришли къ озеру, такъ и стали плавать, плескаться. Плаваютъ они потому, что пальцы на лапкахъ у нихъ соединены твердою перепонкою, что и помогаетъ имъ дѣйствовать, какъ весломъ, и впередъ подвигаться.

А замѣтили ли вы, какъ они ныряютъ? Опустятъ голову въ воду, а на поверхности озера, тамъ и здѣсь, только торчатъ утиные да гусиные хвосты. Держать они долго головки подъ водой, чтобъ отыскать себѣ червячка. «Да вѣдь этимъ», думаете вы, «они такъ замутятъ воду, что едва ли можно будетъ что нибудь увидать?» Имъ и не нужно видѣть: ихъ клювъ покрытъ такою чувствительною кожицею, что, до чего они имъ ни дотронутся, сейчасъ же узнаютъ, что имъ можно изо рта выпустить, что

удержать. Клювъ ихъ отлично приоровленъ къ тому, чтобы ловить добычу. Червячки въ водѣ такіе гладкіе, пожалуй, могутъ выскользнуть; но этого никогда не случается: у утокъ и гусей края клюва усажены маленькими роговыми зубчиками. Схватила утка червячка и крѣпко держитъ его во рту, вода вытекаетъ между зубчиками, а добычу свою она быстро проглатываетъ. Но сколько бы утка ни добыла себѣ пищи въ озерѣ или рѣкѣ, она не долго наплаваетъ, сейчасъ проголодается и бѣжитъ домой, побрякивая.

Куры и цыплята.

— Ну, бабушка, давай помогать цыплятамъ изъ яичка выходить, — говорила Маша, вбѣгая къ бабушкѣ, вся запыхавшись. Старуха помнила свое обѣщаніе и сейчасъ-же выдвинула изъ-подъ лавки корзинку съ насѣдкой. Нѣсколько цыплятъ явились уже на свѣтъ божій безъ чужой помощи. Крошечные, прелестные, покрытые желтенькимъ пухомъ, они ворошились подъ крыльями матери, пищали, высовывали свои головки; при этомъ мать хлоптала и подбирала ихъ подъ свои крылья. Аксинья спустила курицу и, вынимая цыплятъ, что нибудь причитала каждому изъ нихъ.

— Ишь ты какой шустренькій да востроглазенькій.. поди, и кормить скоро не надо, самъ все промыслишь. А ты, курносый, чего затрясся? Ну чего? Чего? Экъ сердчишко-то какъ бьется! Видно, что курица будетъ... по трусости вижу. — И старушка силилась поставить его на ноги, но цыпленокъ покачивался изъ стороны въ сторону и дрожалъ. — Что, холодно?.. сердечный ты мой! — и она клала его къ себѣ за пазуху.

Нѣсколько яицъ еще лежало въ гнѣздѣ. Маша схва-

тила одно изъ нихъ и приложила къ нему свое ухо.—Э, бабушка! Да это *болтунъ*... послушай-ка,—вѣдь цыпленокъ не шевелится и не дышитъ.

— А все бросать не должно, попробуемъ на водѣ; ко дну пойдетъ—твоя правда, а заколышится, такъ живой.

— А тутъ живой, живой, вонъ и капельную дырочку пробилъ, да больше не можетъ... и дѣвочка осторожно надламывала скорлупку.

— Вишь ты, какъ все чудно устроено на бѣломъ свѣтѣ,—говорила бабушка, внимательно осматривая яйца,—кажется, что такое яйцо,—а и въ немъ тварь божія живетъ! И какъ чему назначено быть, такъ ты лучше и не хитри. Вонъ младшенькая дочка Марины: «дай», говоритъ, «сдѣлаю, что у меня черныя куры выйдутъ». Вишь примѣта такая, черныя куры носки... Матери о ту пору въ избѣ не случилось, она возьми да и ну мазать яйца черной сажей. О своей проказѣ матери-то ни слова, и, какъ ни въ чемъ не бывало, вымазала яйца черной сажей, да ихъ подъ насѣдку и положила, точно дѣло сдѣлала. Такъ ни одного цыпленка и не вышло, все болтуны.

— Какой же имъ, бабушка, вредъ отъ сажи?

— Большой, голубка, очень большой: яйцо затѣмъ и просвѣтлое (прозрачное), что тамъ будетъ тварь живая, такъ и въ яйцѣ она еще должна жить, дышать. Ну, а какъ ты скорлупу замажешь, откуда ей воздуху взять, чѣмъ дышать,—она и задохнется.

Въ то время, какъ бабушка съ внучкой такъ разговаривали и кормили цыплятъ, на дворѣ поднялась страшная суматоха. Гуси гоготали во все горло, били крыльями и шипѣли, куры суетливо бѣгали и клохтали, а Петяпѣтушокъ на плетень взлетѣлъ, голову поднялъ и, что было мочи, закричалъ «кукуреку».

— Да ужъ не тучки ли собираются?—сказала старушка.—Чего они подняли такую тревогу!—Но день былъ

ясный и теплый. Вдруг онѣ замѣтили черную точку надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ гуляли домашнія птицы. Точка эта то тихонько опускалась, то опять нѣсколько поднималась и кружилась въ воздухѣ.

— Ястребъ! — закричали онѣ въ одинъ голосъ и въ ту же минуту были около птицъ, махали вверхъ руками и кричали «шущь, шущь, шагу!»

Ястребъ поднялся выше, но долго еще держался въ высотѣ и высматривалъ, не уйдутъ ли люди и гдѣ удобнѣе будетъ ему напасть; наконецъ, упорство маленькой Маши, которая все стояла и оберегала бабушкиныхъ птицъ, заставило его скрыться въ прозрачныхъ облакахъ. Но лишь только Маша повернула на крылечко, ястребъ, какъ стрѣла, упалъ на цыпленка, крѣпко сжалъ въ острыхъ когтяхъ бѣдную жертву и также быстро поднялся съ нею кверху.

Теперь все было напрасно: и Машинъ крикъ, и слезы, и новая тревога птицъ. Скоро куры успокоились; только мать похищеннаго цыпленка отъ горя совсѣмъ потеряла голову. Она громко и жалобно кричала, останавливалась на минуту съ распущенными крыльями и опять бѣгала вокругъ того мѣста, гдѣ ястребъ оставилъ пушокъ, билась объ землю, спотыкалась. Аксиныя схватила ее въ руки.

— Ахъ, ты, горемычная моя, такъ вся и трепещеть... Кому не жаль своего дѣтища! — и старуха дрожащею рукою гладила курицу. Курица все это время дико озиралась, наконецъ вырвалась изъ рукъ и начала созывать остальныхъ дѣтей.

На дворѣ уже стояла сильная жара. Повсюду началось движеніе. Люди вышли изъ избъ и пошли на работы; скотъ выгнали на только что скошенный лужокъ. Гуси и утки ныряютъ въ озерѣ. Маша, сидя на травѣ, зорко наблюдаетъ за ними. Въ избахъ и на улицѣ вездѣ пусто. Только на дворѣ, здѣсь и тамъ, бродятъ куры:

одна изъ нихъ, расгребая ногами и клювомъ песокъ, вырыла наконецъ небольшое углубленіе, и ну кудахтать. Дѣтки, еще безперые цыплятки, въ землѣ копались, червячковъ отыскивали, на зовъ матери зацыкали, запищали, все побросали, лѣзутъ къ ней подъ крылья. Курица съ цыплятами сѣла на приготовленное мѣсто въ песокъ. Они любятъ въ пескѣ покупаться: этимъ они спасаются отъ разныхъ насѣкомыхъ, которыя ихъ часто беспокоятъ. Да и то сказать: купаются же лѣтомъ другія птицы,—ну и имъ хочется. Но въ водѣ они плавать не могутъ,—пальцы не такъ устроены.

Кто бы ни шелъ близко около курицы, сейчасъ ее спугнетъ: она закудахтаетъ, соберетъ цыплятъ и отойдетъ прочь. Развѣ ужъ очень прирученная, такъ сзади птичницы къ избѣ побѣжитъ.

Пѣтухъ.

Много на улицѣ бродить куръ, но Петю-петушка виднѣе всѣхъ,—онъ цѣлой головой выше ихъ. Да у пѣтуха не только видъ другой, но и нравомъ онъ не похожъ на курицу. Осанка такая гордая, смѣлая. Онъ не побѣжитъ со страху, а норовитъ самъ обидѣть каждаго. Клювъ у него крючкомъ, хвостъ дугой и перья въ хвостѣ такія длинныя, красныя, къ верху торчатъ; на головѣ красный гребешокъ, а подъ клювомъ виситъ красная борода. Пѣтушокъ важно расхаживаетъ, ногами мусорныя кучи разгребаетъ, увидалъ муху и скликаетъ цыплятъ. Курица торопится съ цыплятами къ добычѣ: сама она потерпитъ, какъ бы ни проголодалась, а дѣтей впередъ пропускаетъ. Откуда ни возмись, чужой пѣтухъ схватилъ добычу и незамѣтно шмыгнулъ въ сторону. Но Петя-пѣтушокъ, тотъ, который муху нашелъ, тоже не промахъ: поднялъ

голову, заоралъ; его красный гребешокъ сталъ еще краснѣе: очень онъ разсердился, — гребешокъ налился кровью отъ злости, и онъ стрѣлой пустился за врагомъ, мигомъ нагнавъ его и пошла у нихъ потѣха. Одинъ наскочилъ на другаго, сжималъ и билъ его раскрытыми крыльями; другой норовилъ клювомъ ударить подъ крылья. Такъ дрались они, и только пухъ разлетался по воздуху. Воръ таки попался: его поранили и загнали подъ амбаръ. Нашъ молодець взлетѣлъ на заборъ, крыльями замахалъ, измятыя перья расправилъ и прокричалъ кукуреку: всѣхъ оповѣстилъ, что врагу отомстилъ, и принялся опять разгребать гучи.

Потѣшная ловля утокъ.

Заѣхалъ я однажды по дѣламъ, въ началѣ сентября мѣсяца, на югѣ Россіи, въ глухую деревню, расположенную близъ небольшого озера. Не смотря на осеннее время, дни стояли совершенно лѣтніе, съ утра до вечера безъ малѣйшаго облачка, томительно жаркіе въ полдень. Обстоятельства заставили меня остановиться въ хатѣ крестьянина. Заспатья долго по утру не было никакой возможности: какъ только начинало свѣтать, подымались невообразимый плачь, шумъ и гвалтъ просыпавшихся дѣтей.

Куда дѣваться до десяти часовъ, когда начинались мои занятія? Я бралъ свой картузь и отправлялся на небольшое озеро съ крошечнымъ островкомъ, который сплошь заросъ густою травою и невысокимъ кустарникомъ съ нѣсколькими деревцами. Когда по утрамъ я приходилъ сюда, вокругъ прелестнаго зеленого островка уже плавали безчисленные стаи дикихъ утокъ. Я тихонько опускался на траву у густо разросшагося кустарника и наслаждался и тишиною и свѣжестью бодрящаго утра, и затѣйливо изги-

бающеюся береговою линією озера, и пышнымъ зеленымъ нарядомъ разнообразныхъ лиственныхъ деревьевъ, обрамляющихъ озеро, и картиною нравовъ утокъ, плавающихъ и ныряющихъ безъ всякихъ стѣсненій. Да и чего имъ было бояться: въ это время дня сюда никто не заходилъ, а меня изъ-за кустовъ имъ не было видно.

Утки, видимо, привыкли располагаться здѣсь совершенно свободно: онѣ ныряли, рѣзвились, играли, дремали, ссорились, даже дрались между собою. Въ каждомъ уголкѣ этого утиного царства шла своя особая жизнь, и каждая утка, какъ бы она ни была похожа на свою сосѣдку, проявляла свой характеръ, свои привычки, совершенно отличающія ее отъ всѣхъ остальныхъ. Вотъ, молоденькая уточка подплыла къ красивому селезню, голова и грудь котораго точно покрыты зеленымъ бархатомъ съ золотымъ отливомъ. Но онъ, видимо, равнодушенъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ яснаго солнышка, которое такъ пріятно пригрѣваетъ его спину въ то время, когда его лапки и брюшко на половину погружены въ свѣжую, прохладную воду. Уточка начинаетъ легонько теребить своимъ клювомъ то его шею, то крылья. Но селезень даже не оборачивается къ ней, а только чуть-чуть отодвигается отъ безпокойной сосѣдки, добродушно побрякивая въ отвѣтъ. А отъ нихъ подальше и другой селезень, характера болѣе задорнаго: онъ съ яростью бросается на только что подплывшую къ нему уточку, злобно вцѣпляется носомъ въ ея шею и такъ теребитъ ее, что только пухъ летитъ по сторонамъ. Здѣсь и тамъ между селезнями идетъ и настоящая баталія. Съ остервененіемъ схвативъ другъ друга за шеи и вцѣпившись одинъ въ другаго, они вмѣстѣ взвиваются вверхъ, быстро и сильно машутъ крыльями, то спускаясь внизъ, то снова подымаясь....

Но войдите-же въ мое положеніе! У меня, страстнаго охотника, въ такія минуты не было ни ружья, ни пороха!

Да и впереди-то ни малѣйшей надежды достать какое-бы то ни было огнестрѣльное оружіе въ мѣстности, куда не заходилъ ни одинъ охотникъ: конечно, потому-то сюда и стекались такія несмѣтныя стаи утокъ! Разумѣется, только безопасность и тишина деревенскаго захолустья давали имъ возможность такъ смѣло хозяйничать на этомъ озерѣ! Тѣмъ мучительнѣе это было для меня!

Въ слѣдующую ночь я долго безъ сна ворочался на своей лавкѣ: мысль, что въ мѣстности, столь богатой дичью, я вынужденъ сидѣть сложа руки, долженъ сознаться, просто не давала мнѣ покоя; подъ утро однако я все же заснулъ. Первое, что привлекло мое вниманіе, когда я проснулся,—была тыква громадныхъ размѣровъ, лежавшая на лавкѣ. Я узналъ отъ хозяйки, что какъ она, такъ и кое-кто изъ ея сосѣдей, уже издавна разводятъ тыкву въ своихъ огородахъ. Тыква оказываетъ имъ самыя разнообразныя услуги: онѣ солятъ ее, какъ огурцы, и изъ ея мякоти варятъ на молокѣ очень вкусную кашу. Когда каша выходитъ слишкомъ крутою, ее нарѣзаютъ ломтиками и, поджаривъ на сковородѣ, ѣдятъ съ большимъ удовольствіемъ. Изъ сѣмянъ тыквы готовятъ масло и прекрасную, нѣжную муку, изъ которой можно печь вкусныя булки и печенье. Все это я слушалъ разсѣянно, невольно поглядывая на лежавшую передо мной тыкву. Вдругъ у меня блеснула мысль, что съ помощью этой тыквы можно попробовать ловить утокъ, но въ слѣдующую затѣмъ минуту мнѣ самому это показалось до такой степени нелѣпымъ, что я громко расхохотался. Однако, мысль объ охотѣ за утками безъ пороха и ружья снова и снова приходила мнѣ въ голову въ продолженіи всего дня, не давала мнѣ покоя даже во время серьезныхъ занятій.

На слѣдующее утро я остался дома и окончательно рѣшилъ попытать счастье въ охотѣ за утками, или, точ-

нѣе сказать, въ ловлѣ ихъ очень страннымъ, придуманнымъ мною способомъ. Я началъ съ того, что сшилъ нѣсколько мѣшковъ, и притомъ такъ, чтобы ихъ можно было быстро раскрывать и затягивать снуркомъ. Затѣмъ я купилъ въ огородѣ своей хозяйки огромную тыкву и вырѣзалъ внизу большую круглую дыру, въ которую легко проходила моя голова, конечно, послѣ того, какъ внутренность тыквы была до чиста выскоблена. Чтобы имѣть возможность свободно дышать и смотрѣть, я сдѣлалъ два круглыхъ отверстія для глазъ, два отверстія поменьше для ноздрей и одинъ узкій прорѣзъ для рта.

На другой день, чуть забрезжился свѣтъ, я отправился къ озеру, но утки еще не прилетали. Я сбросилъ съ себя одежду, опоясался узкимъ ремешкомъ, прикрѣпивъ къ нему спитые мною мѣшки, надѣлъ на голову приготовленную тыкву и бросился въ воду. Не успѣлъ я проплыть и десяти сажень, какъ очень близко отъ меня опустился цѣлый утиный выводокъ. Утки рѣзвились, крикали, но въ первую минуту какъ-то робко поглядывали на тыкву, которая имѣла такой видъ, будто она сама держалась на поверхности воды. Я былъ опытнымъ пловцомъ и старался держаться не на поверхности, а нѣсколько погрузившись въ воду; такимъ образомъ ни моего туловища, ни рукъ, ни ногъ не было видно. Въ огромной тыквѣ я совершенно свободно поворачивалъ голову и старался дышать осторожно, каждый разъ отвертываясь въ сторону, противоположную той, гдѣ плавали утки, чтобы онѣ не только не увидали, но и по моему дыханію не почували, не заподозрили присутствія человѣка. Дѣйствительно, утки уже черезъ нѣсколько минутъ безъ страха посматривали на тыкву, которая, покачиваясь изъ стороны въ сторону, медленно подвигалась къ нимъ.

Вотъ уже я совсѣмъ близко отъ утокъ, и вдругъ одна изъ нихъ нырнула подлѣ меня... Я быстро схватилъ ее

и дернулъ внизъ изо всей силы. Ошеломленная, она сразу захлебнулась, не издавъ ни единого звука, и я живо бросилъ ее въ свой мѣшокъ и плотно затянулъ его. За ней я тоже самое сдѣлалъ съ другой и съ третьей и могъ-бы продолжать и далѣе эту ловлю, но на первыхъ порахъ былъ слишкомъ для этого взволнованъ.

На другое утро, уже болѣе опытный въ этомъ дѣлѣ, я болѣе приноровился къ нему, да и утокъ на мое счастье прилетѣло несравненно больше. Въ этотъ разъ я оставилъ озеро только тогда, когда биткомъ набилъ утками свои мѣшки. Но въ слѣдующій день мнѣ не такъ посчастливилось: утка, которую я уже схватилъ, вдругъ выскользнула изъ моихъ рукъ, какъ-то злобно зашипѣла, вспорхнула вверхъ и пронзительно закричала, а за нею, со свистомъ ударяя крыльями, взвилось вверхъ и все стадо. Въ слѣдующіе затѣмъ два-три дня утки совсѣмъ не прилетали, а мои дѣла за это время сложились такъ, что заставили меня перекочевать совсѣмъ въ другую мѣстность.

Настя.

Нѣтъ у Насти больше удовольствія, какъ сидѣть на дворѣ среди птицъ и домашнихъ животныхъ.

Родители Насти—простые крестьяне: лѣтомъ, съ ранняго утра, отправляясь на работу въ поле, они оставляютъ пятилѣтнюю дѣвочку подъ присмотромъ Маши, своей одиннадцатилѣтней дочери. Но Машѣ нѣкогда возиться съ сестренкой: ей нужно дровъ натаскать, печку затопить, чтобы приготовить обѣдъ на всю семью, горшки да плошки перемыть, избу прибрать, полуторогодовалого братишку нянчить, котораго ей приходится въ люлькѣ качать и на рукахъ таскать. Гдѣ же ей тутъ еще съ Настей возиться? Вся ея забота о сестрѣ ограничивается тѣмъ, что

она, между дѣломъ, выбѣгаетъ на крылечко, чтобы оклигнуть дѣвочку, посмотрѣть, не далеко ли та отъ избы отбѣжала, не затѣяла ли игры близь колодца или канавы, а еще чаще, чтобы сунуть ей въ руку ломоть хлѣба или что-нибудь съѣстное.

— Настя! Настя! Гдѣ ты? Бери скорѣе лепешку съ картофелемъ, да смотри у меня — сама ѣшь. Всѣмъ по одной лепешкѣ сжарила... Птицамъ раздашь, такъ до вечера ничего не получишь.

Настя прекрасно знала, что это не пустая угроза, но что же ей дѣлать, когда, лишь только она усѣлась на крылечко, къ ней насѣдка съ цыплятами подбѣжала... Можетъ-ли она отказать крошечнымъ, безперымъ птенчикамъ? Какъ прогнать ихъ въ ту минуту, когда они такъ умильно на нее поглядываютъ, забѣгая то съ той, то съ другой стороны, теребить ее за рубашенку, за протянутыя, босыя ножки? Она очень экономно отщипываетъ отъ лепешки по маленькой, маленькой крошкѣ и бросаетъ то направо, то налево.

— Будетъ, будетъ... всѣмъ дала... А тебѣ такъ и два раза! — отмахивалась она толстой рученкой отъ цыпленка постарше, который продолжалъ назойливо теребить ее.

Но тутъ, откуда ни возмись, налетѣла цѣлая стая голубей. Голубки по землѣ бѣгаютъ, кружатся, такъ славно воркуютъ... Вдругъ одинъ изъ нихъ вскочилъ ей на ножки, другой на плечо взлетѣлъ. Какъ не дать такимъ милымъ птичкамъ, которыя такъ ее любятъ? Да не она-ли сама ихъ безпрестанно скликаетъ къ себѣ, «гуль-гуль» кричитъ до тѣхъ поръ, пока онѣ всѣ не слетятся на ея зовъ... И она начала одѣлать голубей.

— А, и Шарикъ тутъ! — привѣтствовала она небольшую дворовую собаченку, которая вдругъ вскочила на крыльцо и остановилась передъ ней, виляя хвостомъ.

K. G. M. 1861

Настя и его не обидѣла, и ему отломилла маленькій кусочекъ.

— Будеть тебѣ... сама хочу! — говорила дѣвочка, торопливо кусая лепешку и крѣпко зажавъ остатокъ въ свой маленькій кулачекъ.

Но Шарикъ не промахъ: онъ знаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и, замѣтивъ, что Настя собирается съѣсть послѣдній кусочекъ безъ раздѣла, бросается къ ней, начинаетъ ластиться, лижетъ ей лицо и руки, но, когда и это не помогаетъ, онъ сердито отодвигается на нѣсколько шаговъ назадъ, злобно ворчитъ и начинаетъ лаять, точно угрожая отнять сплю. Настя быстро разжала кулачекъ, бросила Шарикъ свой послѣдній кусочекъ, но горько, горько зарыдала. Вѣдь ей не удалось съѣсть и половину лепешки, а она была такая вкусная!

— А, опять все раздала! Ну, пеняй на себя! — забранила ее сестра, выскочивъ изъ избы. — Ишь ты, какая чумазая! Они тебя объѣдаютъ, да тебя-же и пачкаютъ! Поди сейчасъ на озеро мыться!—Маша не боялась посылать сестру на озеро: оно было совсѣмъ близко отъ дома, и у берега такъ мелко, что вода и до колѣнъ не доходила ея сестренкѣ.

Пока Настя до озера добѣжала, у нея высохли слезы, а когда она увидала пискарей и плотву, весело рѣзвившихся на солнышкѣ близъ берега, она совсѣмъ забыла о своемъ горѣ. Но какъ-же быть ей теперь! Какъ не угостить рыбокъ, которыя, какъ она думала, только и ждали ея прихода? Чѣмъ-же ей покормить ихъ, когда у нея самой ничего не осталось? — А!—вскричала она, что-то вспомнивъ, и въ припрыжку весело побѣжала къ камнямъ, разбросаннымъ недалеко отъ берега; она сворачивала тѣ изъ нихъ, что были полегче, и своими пухленькими пальчиками выкапывала червячковъ и, возвращаясь къ озеру, бросала ихъ рыбкамъ. Но скоро ей надоѣло это занятіе:

она сбросила съ себя рубашенку, съла въ воду у берега и начала ловить рыбокъ. Но тѣ тотчасъ выскальзывали изъ ея рукъ, да она и не думала ихъ удерживать, — ей хотѣлось только поиграть съ ними, посмотрѣть на нихъ вблизи. Но вотъ холодъ сталъ пробирать ее, даже зубы застучали. Она вздрогнула, быстро выскочила изъ воды, теперь только почувствовала сильный голодъ, накинула рубашенку, побѣжала домой и съ плачемъ стала просить ѣсть у сестры. Та па этотъ разъ не выбрала ее, а сейчасъ-же отлила для нея въ мисочку только что подоеннаго молока, накрошила туда хлѣба и дала ей деревянную ложку. Настя примостилась было къ столу, но какъ усидѣть въ душевной избѣ въ хорошую погоду, да еще въ такое время, когда сестра ея ушла зачѣмъ-то въ хлѣвъ? Дѣвочка выбѣжала на крылечко и усѣлась съ своей миской. Шарикъ опять тутъ какъ тутъ, но она ему теперь ни за что ничего не дастъ.

— Пошелъ, пошелъ вонъ! — закричала она на него, спустила ножки на землю, поставила миску между колѣнъ и съ большимъ аппетитомъ начала ѣсть свою тюрю. Но сердитый приѣмъ не смутилъ Шарика: онъ просунулъ подъ руку дѣвочки свою морду прямо въ миску, и ну помогать ей тюрю доѣдать. Настя сначала толкала его локтемъ, но, видя, что это не помогаетъ, продолжала ѣсть, пока отъ нея и отъ Шарика ничего не осталось въ мисочкѣ.

Какъ нужно жить, чтобы здоровымъ быть.

Къ тетѣ Олѣ приходитъ много дѣтей заниматься. Однажды, по случаю дождя, они долго не расходились послѣ урока и продолжали сидѣть за большимъ столомъ, весело болтали между собой и задавали другъ другу разные задачи, загадки.

— Ну, сегодня,—сказала тетя Оля,—я довольно отгадывала,—теперь ваша очередь, подумайте-ка, да скажите мнѣ,—какъ нужно жить, чтобы здоровымъ быть?

— Нужно непременно гулять ходить!—вдругъ закричала одна дѣвочка.

— Нѣтъ, нѣтъ...—перебивали ее другіе,—совсѣмъ не то... вотъ я скажу, я это очень хорошо знаю... кричали почти всѣ въ одинъ голосъ.

— И чудесно,—сказала тетя Оля:—пусть скажетъ каждый, кто что думаетъ. Ну, Костя, твоя очередь.

— Самое главное, тетя, нужно ѣсть, ѣсть, какъ можно больше,—говорилъ Костя съ важностью опытнаго человѣка.—Моя маленькая сестра, Катя, мало ѣла и умерла.

— Нужно поменьше пить кислаго квасу, отъ него животъ болитъ, а какъ можно больше молока,—сказала Маша.

— Совсѣмъ не въ молоко дѣло,—поторопился высказаться маленькій Вася,—нужно меньше ѣсть хлѣба и какъ можно больше говядины.

— Не то, не то они говорятъ,—закричалъ Ваня, уже давно силившійся перекричать другихъ,—нужно какъ можно раньше ложиться спать, и тогда совсѣмъ будешь здоровъ.

— И Костя правъ,—сказала тетя Оля,—и Ваня: всѣ вы правы, дѣтушки. Только дѣло въ томъ, что каждый, кто захочетъ быть здоровымъ и сильнымъ, долженъ исполнять все это. Каждому изъ васъ напоминаетъ мама именно о томъ, что онъ забываетъ. Ваня радъ до полуночи заболтаться съ большими,—вотъ ему и говорятъ, что онъ не выспится, и на другой день у него будетъ голова болѣть. Вася за столомъ прежде всего бросается на сладкія булки и этимъ портитъ себѣ аппетитъ, а любимый напитокъ Маши—кислый квасъ. Женя, признайся-ка,

ты лѣнива одѣваться для гулянья; особенно когда разыграешься, такъ тебя вѣдь не дозовешься...

— Еще-бы, тетя... я вчера начала строить такой красивый домъ съ флигелемъ, колоннами, палисадникомъ, а няня сейчасъ и тянетъ гулять! И всегда такъ,—и она, вспомнивъ обиду, уже надула губки, но тетя Оля разсмѣялась, а за ней звонко захохотали всѣ дѣти и разсмѣшили маленькую Женю.

— Такъ, такъ, дѣти,—заговорила тетя Оля,—чтобы быть совершенно здоровымъ, необходимо ѣсть по три, по четыре раза въ день, крѣпко и покойно спать ночью и дышать чистымъ воздухомъ. Не выполните чего нибудь: положимъ, хотя и будете хорошо ѣсть и каждый день очищать воздухъ въ комнатѣ, да нѣсколько разъ сряду плохо выспитесь, и вы сперва потеряете аппетитъ, а потомъ расхвораетесь. Машѣ запрещаютъ пить квасъ, но Костя утверждаетъ, что тотъ, кто хочетъ быть здоровымъ, долженъ какъ можно больше ѣсть; квасъ вѣдь тоже питаетъ человѣка, значить, не все равно, что ѣсть?

— Нѣтъ.—отвѣчали дѣти,—нужна хорошая пища.

— Да,—продолжала тетя Оля,—для здоровья нужна питательная пища. Вы, я думаю, рѣдко слышали, чтобы тотъ или другой человѣкъ умеръ съ голоду. И на самомъ дѣлѣ, примѣры голодной смерти очень рѣдки. Это случается или тогда, когда у человѣка вдругъ является какая нибудь болѣзнь горла или рта, такъ что онъ ничего не можетъ глотать, или онъ умираетъ съ голоду при кораблекрушеніяхъ и разныхъ другихъ несчастіяхъ. Когда здоровый человѣкъ не ѣсть болѣе сутокъ, онъ уже начинаетъ чувствовать нестерпимыя муки голода. Муки эти съ каждой минутой становятся сильнѣе и доводятъ его до безумія, заглушаютъ въ немъ всякій стыдъ, всякое состраданіе. Случалось, что матери, умирая съ голоду, поѣдали своихъ дѣтей. Однако, какъ я вамъ сказала,

очень рѣдко случается, чтобы человѣкъ ничего не ѣлъ нѣсколько дней сряду. Бѣдняки, которымъ ѣсть нечего, обыкновенно пробиваются чѣмъ попало. Весною наварятъ себѣ щей изъ какойнибудь зелени, вмѣсто ржаного и пшеничнаго хлѣба пекутъ хлѣбъ изъ мякины и лебеды. Такіе люди тоже умираютъ съ голоду, только вотъ въ чемъ разница: не принимая пищи нѣсколько дней подрядъ, люди умираютъ гораздо скорѣе и пугаютъ другихъ своимъ ужаснымъ видомъ: глаза у нихъ страшно блестятъ и неподвижно смотрятъ въ одну точку. Тѣ же, что пробавляются дрянной пищей, угасаютъ медленно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряя силы. Лицо у такихъ людей вялое, худое, желтое, щеки ввалились, голосъ все слабѣетъ. Муки голода имъ не такъ чувствительны, потому что желудокъ ихъ, хоть и дрянью, а все-таки наполненъ; за то они страдаютъ разными желудочными болѣзнями и горячками. Когда такой бѣднякъ умираетъ, обыкновенно говорятъ, что онъ умеръ отъ той или другой болѣзни, между тѣмъ онъ по просту умеръ съ голоду, который принуждалъ его питаться, чѣмъ попало: дурная пища была причиной его болѣзни и смерти.

— Вы, дѣти, теперь, вѣроятно поняли, что для здоровья нужно не только ѣсть, но употреблять здоровую пищу: мясо, молоко, хорошо пропеченный, чистый, пшеничный и ржаной хлѣбъ, при чемъ полезно также и нѣсколько салату, овощей; кромѣ такой пищи для здоровья нуженъ и чистый воздухъ.

— Вотъ, пищу, — перебилъ Костя, — не всякій можетъ имѣть хорошую, — ее нужно заработать: работу не всегда легко достать, но чистый, свѣжій воздухъ всякій можетъ имѣть, — открылъ форточку, и дыши, сколько угодно.

— Да форточки не вездѣ бываютъ, — вотъ у насъ въ деревняхъ нѣтъ никакихъ форточекъ, — возразила Маша.

— Ну, такъ вышелъ на дворъ, и тамъ надышишь въ волю.

— Вотъ какъ ты, Костя, рассуждаешь,—заговорила тетя Оля.—Ну, а какъ съ утра до поздней ночи тебѣ пришлось-бы работать гдѣ нибудь на заводѣ, у раскаленной печки: при этомъ вѣдь часто ни на минуту нельзя оставить дѣла; вотъ и дышишь черезъ-чуръ раскаленнымъ и отъ множества людей испорченнымъ воздухомъ. Или, представь себѣ, человѣкъ живетъ въ подвалѣ. Положимъ, онъ откроетъ оконце, освѣжитъ воздухъ, но вѣдь долго его нельзя держать открытымъ: настудишь комнату, а дрова дороги; въ подвалахъ-же и въ маленькихъ комнатахъ воздухъ скорѣе портится, къ тому-же въ нихъ еще и сыро. Отъ сыраго воздуха развивается множество болѣзней: и ноги искривлены, и десны пухнуть. Такъ вотъ, дѣтushки, и хорошій воздухъ тоже нужно заработать.

— Ну, а сонъ? Всегда спать хорошо тотъ человѣкъ, который больше поработаетъ,—заговорили дѣти.

— Разъ мы съ мамой были въ дорогѣ,—перебила Маша,—и остановились на станціи ночевать. Мы не успѣли еще заснуть, какъ на насъ со всѣхъ сторонъ напали клопы, блохи, тараканы, такъ что мы всю ночь не могли заснуть. Значитъ, чтобы и спать крѣпко, нужно имѣть чистую, хорошую квартиру.

— Да, это такъ,—сказала тетя Оля.—Чтобы крѣпко спать, нужно также ѣсть легкую, питательную пищу и сидѣть въ хорошо провѣтренной и очищенной комнатѣ. И знаете-ли? мало того, что, выполняя все то, о чемъ мы только что говорили, человѣкъ будетъ здоровъ, но онъ становится даже понятливѣе на всякую науку.

Ласточка.

Эта милая веселая птичка никогда не остается у насъ зимою. Лишь только наступятъ холодные дни и листья

на деревьяхъ начнутъ желтѣть и увядать, она улетаетъ далеко, далеко, туда, гдѣ такъ тепло грѣетъ солнышко и въ то время, когда у насъ стоятъ холода и морозы.

Когда лѣтомъ ласточка влетитъ къ вамъ въ отворенное окно, поймите ее и возьмите въ руки на нѣсколько минутъ, чтобы хорошенько ее разглядѣть: ласточка никогда почти не можетъ привыкнуть къ неволѣ и въ клѣткѣ скоро умираетъ.

Ласточка бодрая, красивая птичка, съ длинными крыльями, съ выемкой на концѣ хвоста, съ синевато-черною блестящею спинкою, съ желтоватою грудью и буро-краснымъ лбомъ и горломъ. Перья у нея всегда прибраны, всегда она чиста, весела. Летаетъ она такъ ловко и красиво, что въ этомъ едва-ли можетъ съ ней сравниться какая-нибудь другая птица. Она носится, какъ стрѣла, дѣлаетъ всевозможные повороты, огибаетъ углы, пролетаетъ чрезъ небольшія отверстія, поднимается такъ высоко, что совсѣмъ исчезаетъ въ облакахъ, спускается до самой земли, кувыркается въ воздухѣ. Она можетъ дѣлать рѣшительно все во время своего полета и быстрыхъ передвиженій. На лету она схватываетъ мухъ, комаровъ, шмелей и разныхъ мошекъ, на лету купается въ водѣ, отряхиваетъ и приводитъ въ порядокъ свои перья, на лету она поетъ и играетъ. Впрочемъ, иногда она садится на какой-нибудь заборъ, на крышу дома; сидитъ, грѣется на солнышкѣ и поетъ.

Раннимъ утромъ, на разсвѣтѣ, когда въ деревьяхъ еще спитъ вся домашняя птица и ни откуда не слышно ни одного звука, ласточка первая начинаетъ свою утреннюю пѣсню.

При хорошей погодѣ ласточки летаютъ высоко и тогда ихъ видятъ мало, а въ сумрачные сырые дни онѣ безпреставно снуютъ передъ глазами, опускаясь къ землѣ очень низко. Простой народъ говоритъ тогда, что быть

скоро дождю, и часто это предсказаніе въ самомъ дѣлѣ сбывается. Это происходитъ оттого, что насѣкомыя, за которыми гоняется ласточка, въ хорошую погоду летаютъ высоко, а въ дурную—низко, или прячутся, кто въ землю, кто въ щели деревьевъ.

Ласточки раньше многихъ другихъ птицъ прилетаютъ къ намъ изъ теплыхъ краевъ и даютъ знать, что скоро и у насъ будутъ теплые, весенніе дни. Онѣ всегда отыскиваютъ свое старое жилище и возвращаются въ тѣ гнѣзда, гдѣ въ прошломъ году выводили птенцовъ. Но чистоплотная птичка не сразу поселится на старомъ мѣстѣ: она прежде всего чисто-на-чисто приберетъ свою квартиру, затѣмъ аккуратно починитъ всѣ попортившіяся мѣста, выброситъ изъ гнѣзда паутинку и сгнившую подстилку и вмѣсто нея подложитъ новую. Если злые люди разорили ея старое гнѣздышко, она ловко и быстро начинаетъ строить себѣ новое, гдѣ нибудь подъ крышею, непременно около людскаго жилья.

Постройкою дома занимается пара ласточекъ: самецъ и самка. Съ влажныхъ мѣсть они таскаютъ глину и лѣпятъ ее кусочками. Низъ гнѣзда всегда толще, чѣмъ верхъ; внутри онѣ выкладываютъ гнѣздо чѣмъ нибудь мягкимъ: перьями, волосами, клочками шерсти.

Самка кладетъ маленькія, бѣлыя яички, усѣянные краснобурыми точками; она одна и высиживаетъ дѣтокъ, а самецъ приноситъ ей кормъ.

Черезъ недѣли двѣ изъ гнѣзда уже бодро выглядываютъ маленькіе птенчики; крошечное тѣльце ихъ покрыто рѣдкимъ, длиннымъ, сѣрымъ пушкомъ. Онѣ разѣваютъ свои широкіе рты съ желтыми, толстыми краями, пищать—ѣсть просятъ. Родители очень любятъ своихъ дѣтокъ и цѣлый день таскаютъ имъ пищу, вычищаютъ не только гнѣздышко, но смотрятъ, чтобы и подъ гнѣздомъ было чисто. Когда дѣти немного оперились, родители учатъ

ихъ летать. Молоденькія птички сперва устаютъ каждую минуту и другъ подлѣ друга садятся отдыхать гдѣ нибудь на вѣткѣ; но въ нѣсколько дней онѣ научаются летать такъ же хорошо, какъ родители, и болѣе не являются къ нимъ въ гнѣздо.

Исторія моего пуделя.

Разсказывать вамъ только о моемъ пуделѣ я рѣшительно не могу,—жизнь его была тѣсно связана съ жизнью нашей семьи: въ горѣ, въ радости, во всѣхъ удовольствіяхъ, въ ежедневныхъ нашихъ трудахъ и заботахъ мой пудель принималъ такое же дѣятельное участіе, какъ каждый членъ нашей маленькой семьи.

Насъ было трое: моя мать, сестра Ольга 14 лѣтъ и я, 10-ти лѣтній мальчикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, мы всегда жили трудами моей матери, которая была лучшей портнихой въ маленькомъ городкѣ N. Ольга помогала матери съ каждымъ годомъ все больше и больше, и уже многія богатыя дамы нашего города носили шляпки, чепчики и платья ея работы. Не смотря однако на усидчивую работу матери и сестры, мы едва могли кормиться; особенно одинъ годъ, о которомъ я теперь и буду говорить, мать экономничала во всемъ: она во что бы то ни стало рѣшила отдать меня въ школу, а для этого нужно было скопить, по нашимъ доходамъ, очень крупную сумму.

Вотъ потому то мать не приготовила мнѣ, какъ это она дѣлала каждый годъ, новой, шерстяной рубашки къ Рождеству, не дала въ праздникъ мѣднаго пятака на сладкіе булочки, которые я очень любилъ. Праздникъ былъ не въ праздникъ, и я, повѣсивши носъ, печальный, сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Я видѣлъ, какъ товарищи весело играли въ снѣжки, катали другъ друга въ саночкахъ, которые мы всей компаніей такъ прилежно работали къ празднику.

У каждаго изъ нихъ были или новыя валенки, или еще не старыя отцовскіе сапоги, или мѣховая шапка, правда часто закрывавшая все лицо, да что за бѣда, — все таки можно было играть на улицѣ съ другими, не смотря на большой морозъ.

— Какое горе: у меня ни брата, ни отца, — размышлялъ я. — Поди, надѣнь сестрино, просмѣютъ, а свое — одна ветошь. Нѣтъ, лучше не ходить! — И у меня навертывались слезы. Вдругъ товарищи стали угощаться: одинъ давалъ другому пряники, черныя стручки... «Николка, иди къ намъ», закричалъ мнѣ одинъ изъ нихъ. «Я тебѣ своего леденца дамъ пососать...» Тутъ я не выдержалъ, бросился за перегородку на постель и зарыдалъ, уткнувшись въ подушку.

Мать не забранила меня за то, что среди бѣлаго дня я завалился на кровать; я думалъ, что она не замѣтила меня, и радъ былъ выплакать свое горе на свободѣ.

— Не возьмете-ли у меня, сосѣдка, для вашего сына, одного изъ щенковъ? — входя заговорилъ нашъ сосѣдъ по дому, странствовавшій по городу съ шарманкою и учеными собаками. — Мальчуганъ такой добрый малый, всегда помогаетъ мнѣ собирать щепу для печки, ну мнѣ и хотѣлось ему удружить.

— Спасибо, сосѣдъ, — начала было мать, — намъ самимъ ѣсть нечего. Да къ тому же мой сынъ скоро въ школу начнетъ ходить...

— Мама, голубушка, — перебила Ольга, догадавшись, что я не заговорилъ только, чтобы не выдать слезъ, — право, собака насъ не объѣстъ, вѣдь кости да корки и у насъ остаются.

Мать замолчала, я принялъ молчаніе за согласіе, съ сильно бьющимся сердцемъ выскочилъ изъ-за перегородки въ дверь, отворачивая отъ матери заплаканное лицо, и чуть не сбилъ съ ногъ сосѣда.

— Ну, какого изъ нихъ ты выберешь?—спрашивалъ онъ у меня, когда я разсматривалъ четырехъ щенятъ, лежавшихъ на соломѣ въ углу его маленькой коморки. Одинъ изъ нихъ былъ бѣлый, другой черный съ бѣлымъ пятномъ на лбу, но я взялъ совершенно черного. Всѣ они были еще слѣпы, то и дѣло совали мордочки въ сторону матки и обнюхивали ее.

Маленькій черный пудель занялъ теперь всѣ мои мысли. Я забылъ о праздникахъ, равнодушно глядѣлъ на товарищей, такъ какъ считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе взять къ себѣ мою маленькую собачку. Когда однажды вечеромъ я возвратился домой, то увидалъ посреди комнаты своего маленькаго пуделя, который такъ неуклюже двигался, боязливо обнюхивалъ углы и полапывалъ пискливымъ, тоненькимъ голоскомъ. Я налилъ на блюдечко молочка, прибавилъ теплой воды, размочилъ булку и сунулъ мордочку пуделя въ блюдечко; онъ долго не понималъ, что ему дѣлать, отползалъ назадъ, жалобно лаялъ, но я упорно училъ его ѣсть, и онъ, наконецъ, сталъ съ жадностью лакать молоко. Мало по малу онъ привыкалъ къ намъ, сталъ понимать насъ, до подробности узнавалъ всѣ наши привычки.

Мѣсяца черезъ четыре мой пудель выросъ, на зависть товарищамъ и на заглядѣнье всѣмъ нашимъ сосѣдямъ, необыкновенно красивой собакой. Про него никто не могъ сказать, что у него голова слишкомъ велика, ноги тонки или слишкомъ длинны. Все въ немъ было въ мѣру: онъ былъ не слишкомъ высокъ, но и не низокъ, не слишкомъ длинень, да и не коротокъ. Красивая голова, статное тѣло и стройныя ноги были покрыты длинной, густой, косматой, черной, шелковистой шерстью, которая мѣстами вилась колечками. А по его добрымъ, умнымъ глазамъ казалось, что вотъ-вотъ онъ заговоритъ

съ вами, спросить васъ, почему вамъ сегодня скучно, посоветуетъ идти на улицу развлечься, конечно, не забывъ взять его своимъ товарищемъ. Лишь только начиналось утро, мой пудель, вмѣстѣ со всѣми нами, тоже оживлялся, такъ и смотрѣлъ, кому бы чѣмъ помочь.

Вотъ моя сестра одѣваетъ теплые башмаки, пудель вскакиваетъ на стулъ, оттуда на столъ, лапой снимаетъ съ крючка корзинку и подаетъ сестрѣ: онъ знаетъ, что она собирается идти въ рынокъ. Тутъ онъ начинаетъ забѣгать отъ Ольги ко мнѣ, а когда я весель, станеть на заднія лапы, положивъ переднія мнѣ на плечо, прямо смотритъ мнѣ въ глаза, чтобы узнать, какія будутъ мои распоряженія. «Въ рынокъ», говорилъ я ему, указывая на сестру. Онъ радостно повиляетъ около меня, точно проситъ, чтобы я не забылъ его во время его отсутствія, и побѣжитъ впередъ передъ сестрой.

Онъ помнитъ каждую лавку, гдѣ забираетъ Ольга, и теперь каждую изъ нихъ обнюхаетъ, остановится и ждетъ; сестра смотритъ въ сторону, и онъ бѣжитъ дальше. Но вотъ корзинка наполнена говядиной и другими припасами, между тѣмъ Ольгѣ нужно еще въ одинъ домъ занести заказъ, а тащить туда корзинку неудобно; она прикрываетъ провизію листомъ бумаги и подаетъ корзинку пуделю. «Домой», говоритъ она ему, и тотъ послушно и бережно беретъ ручку въ зубы и съ нѣкоторою важностью отправляется домой. Дверь нашей квартиры затворена, — онъ визжитъ; если это не помогаетъ, онъ ставитъ на полъ корзинку и барабанитъ лапами по двери, пока ему не отворятъ. Если матери нѣтъ, онъ опускаетъ корзинку на стулъ, и лишь только мать входитъ, тащить ее за платье къ стулу. Когда мы сядились обѣдать, онъ стоялъ на заднихъ лапахъ, ожидая подачи и виляя хвостомъ. Я бросалъ ему какую нибудь кость, онъ съ жадностью хваталъ ее, тогда я, желая испытать его терпѣ-

ніе, кричалъ ему: «подъ столъ...». Онъ немедленно, хотя и съ грустію, растягивался подъ столомъ. Послѣ этого я еще бралъ кусокъ говядины, клалъ ему на носъ и подталкивалъ подъ морду; онъ на лету схватывалъ кусокъ, но я не позволялъ ему ѣсть и клалъ этотъ кусокъ передъ собою. Онъ всему покорялся, хотя я замѣчалъ, что это ему было не легко. Однако, чѣмъ больше я жилъ съ нимъ, тѣмъ больше любилъ его и впослѣдствіи никогда не испытывалъ его терпѣнія безъ нужды, не заставлялъ его даже стоять на заднихъ лапахъ. Все, чему научился пудель, ему далось безъ плетки и колотушекъ; можетъ быть оттого онъ и былъ кроткимъ и послушнымъ.

Наконецъ, наступила для меня новая пора жизни. Однажды мать объявила мнѣ, что завтра я поступаю въ школу. Весь этотъ день я провелъ съ пуделемъ. Минутами мнѣ какъ-то особенно становилось грустно и я, обнявъ шею пуделя, начиналъ рассказывать ему все, что у меня на душѣ.

— Ты будешь теперь по цѣлымъ днямъ безъ меня, пожалуй, избалуешься, пропадешь! — и при одной этой мысли слезы навертывались у меня на глазахъ. Пудель суетился около меня, визжалъ, становился на стулъ и смотрѣлъ въ окно; мнѣ казалось при этомъ, что онъ хочетъ сказать: «пойдемъ, погуляемъ, авось тоска пройдетъ». Но я его не слушалъ, плакалъ отъ страха за будущее, и онъ начиналъ выть. Мнѣ казалось, что при этомъ ему было грустнѣе моего, я забывалъ все и уже самъ старался его разсѣять. — Ничего: тамъ новыя книжки дадутъ читать, много веселыхъ рассказовъ... славно мы тогда заживемъ! я тебѣ все буду пересказывать, — и при этомъ я уже начиналъ скакать. Съ бѣшеною радостью бросался пудель ко мнѣ на плечи своими передними лапами и кружился со мной посреди комнаты, пока взрывъ хохота сестры не напоминалъ намъ, какъ смѣшны должны

были казаться другимъ эти внезапные переходы отъ радости къ тоскѣ.

Наконецъ мы въ первый разъ отправились въ школу вмѣстѣ съ матерью. Конечно, пудель былъ впереди, обнюхивалъ землю, забѣгалъ направо и налево, озирался назадъ, чтобы не потерять насъ изъ виду. Но вотъ мы уже у двери самой школы, мать крикнула ему «назадъ», и онъ, по обыкновенію, кротко повиновался. Въ первый день мать пришла взять меня изъ школы. Лишь только я показался въ дверяхъ, пудель съ бѣшеною радостью бросился на меня, лизалъ мнѣ руки, лицо.

Впродолженіе всего моего школьнаго ученья я уже всегда ходилъ въ сопровожденіи своего неизмѣннаго друга. Выхожу изъ школы, — пудель уже у двери ждетъ меня и каждый разъ встрѣчаетъ съ такою радостью, точно мы не видались цѣлый годъ. По дорогѣ я часто выдѣлывалъ съ нимъ разныя штуки. Такъ какъ онъ всегда бѣжалъ впереди, я, не позвавъ его, однажды зашелъ къ товарищу, который жилъ по дорогѣ. Смотрю въ окно на улицу, а онъ бѣжитъ съ опущенной головой, останавливается, припомигаетъ, обнюхиваетъ слѣды, возвращается, опять останавливается на другомъ концѣ улицы, что-то думаетъ, наконецъ, въ чемъ-то убѣдившись, тряхнулъ головой и прямо вбѣжалъ за мной на лѣстницу.

Пудель пріобрѣлъ много друзей въ моей школѣ. Всѣ рѣшительно знали его; при выходѣ изъ класса каждый непременно потреплетъ его за шею, а нѣкоторые приносили ему даже гостинца: мясо, кусокъ булки.

Ваня, одинъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, сильно привязался къ нему, зазывалъ его къ себѣ, не жалѣлъ угощенія. За то и онъ платилъ Ванѣ такую же дружбою. Однажды Ваня ушелъ за городъ къ своимъ родственникамъ. Наступили уже сумерки, Ваня не возвращался; между тѣмъ погода къ вечеру совсѣмъ испортилась; Ваня же

ушелъ на-легкѣ. Его мать прибѣжала къ намъ посоветоваться, не зная, какъ поступить: ей нельзя было отлучиться изъ дому, такъ какъ у нея были въ домѣ больные. Я взялъ у нея калоши, далъ понюхать пуделю, потомъ завернулъ ихъ въ Ванино платье, опять поднесъ ему къ носу, связалъ все веревкой и вручилъ ему все это. Черезъ часъ явился Ваня и рассказалъ намъ, какъ пудель прибѣжалъ за нимъ съ одеждой и, безпрестанно хватая его за полу куртки, какъ-бы напоминалъ ему, что пора идти домой.

Съ этихъ поръ онъ приобрѣлъ себѣ новаго друга—мать Вани; и сталъ онъ часто посѣщать ихъ домъ, хотя мнѣ это вовсе было не по нутру: я хотѣлъ, чтобы онъ любилъ только меня. Пудель чувствовалъ это и, гдѣ было можно, старался скрыть отъ меня, что онъ любитъ и другихъ. Бывало, онъ такъ хитро и ловко улизнетъ къ своимъ новымъ друзьямъ, что я даже и не замѣчу, а придетъ домой, — смирнехонько ложится подъ столъ, заглядывая мнѣ въ лицо, чтобы прочесть на немъ, не замѣтилъ-ли я его продѣлки.

Я вамъ уже говорилъ, что онъ отлично зналъ время, когда у меня кончались классы и всегда ждалъ меня у двери. Для новыхъ друзей онъ измѣнялъ мнѣ теперь разъ въ недѣлю. Въ субботу моя мать всегда вставала рано утромъ полы мыть, онъ провожалъ меня въ школу, но за мной не всегда приходилъ. Онъ замѣтилъ, что въ тотъ день, когда моя мать моетъ полы, Ванина мать дѣлала большія закупки въ рынокъ, щипала и приготавливала птицу къ воскресенью. Ему тутъ обыкновенно была большая пожива, вотъ онъ иногда и просиживалъ тамъ даже то время, когда я выходилъ изъ школы. Часто я замѣчалъ его на улицѣ, и онъ старался пристать незамѣтно ко мнѣ сзади, вѣрно, для того, чтобы я подумалъ, что онъ и на этотъ разъ встрѣтилъ меня у дверей школы. Но такая измѣна

ради обжорства просто бѣсила меня. Я обращался къ нему и начиналъ обыкновенно его стыдить. Онъ уныло опускалъ голову, по возвращеніи забивался подъ диванъ и не вылѣзалъ оттуда даже и тогда, когда мы сядились обѣдать. Однако, несмотря на любовь ко мнѣ и на то, что я такъ безпощадно его стыдилъ, онъ никогда не могъ противиться искушенію и каждую субботу аккуратно отправлялся къ Ваниной матери.

Лошадь.

Въ лошади для крестьянина все его богатство; нѣтъ ея у него—онъ нищій, а у кого ихъ двѣ или три, того въ деревнѣ считаютъ богачемъ. Лошадь—первая помощница крестьянина въ тяжелыхъ деревенскихъ трудахъ, кормилица всей его семьи. Раннею весною, прежде чѣмъ начнутся полевые работы, крестьянинъ обстраивается или чинить свою старую постройку: лошадь возитъ для этого доски, бревна, кирпичи, камни, колья и другія тяжести. Лѣтомъ и осенью она помогаетъ ему рѣшительно во всякомъ дѣлѣ: вывозитъ навозъ въ поле, свозитъ хлѣбъ на гумно; сѣно высохло—отвезетъ его въ сарай. Зимой она возитъ дрова изъ лѣсу, хлѣбъ на мельницу; покончены эти домашнія работы, и крестьянинъ вмѣстѣ съ нею нанимается въ городъ воду возить или перетаскивать какіянибудь тяжести. И такъ, лошадь вмѣстѣ съ крестьяниномъ круглый годъ въ постоянной работѣ.

Лошадь такое смиренное животное, такъ привязывается къ хозяину и ко всей его семьѣ, что въ деревняхъ 6—7-ми лѣтніе мальчишки смѣло и совершенно свободно управляютъ ею и часто сами работаютъ съ нею. Если ребенка прельститъ показавшаяся на вѣткѣ векша или онъ своими зоркими глазенками завидитъ въ густой травѣ бѣленькія

ушки зайчика и пустится его ловить, и то не бѣда. Конь идетъ, куда надо, самъ завернетъ на свой дворъ, подойдетъ къ хлѣву и остановится тамъ, гдѣ выгребаютъ навозъ. Распрягаютъ-ли лошадь, она понимаетъ и это, и тутъ старается помочь хозяину: поворачивается то одной, то другой стороной, подается впередъ, пятится, вынимаетъ голову изъ хомута; разнузданная, она сама идетъ въ свое стойло.

И берегутъ же въ деревняхъ лошадей. Если вамъ случится узнать, что лошадь два дня не ѣла, то будьте увѣрены, что ея хозяинъ уже съ недѣлю ни разу порядкомъ не обѣдалъ. Крестьянинъ едва-ли такъ заботится о любимомъ сынѣ, какъ о ней: онъ не забываетъ ея не только днемъ, но и ночью: встаетъ нѣсколько разъ съ фонаремъ посмотрѣть, какъ она ѣсть кормъ, не случилось ли съ нею чего нибудь недобраго. Во время полевыхъ работъ лошади мало приходится ѣсть днемъ. Съ раннего утра она работаетъ съ хозяиномъ, въ роздыхъ, въ самое жаркое время дня она отъ овода только прячется въ тѣни. По полудни опять ее запрягаютъ, и такъ она работаетъ до захода солнечнаго. Вотъ потому-то крестьяне и посылаютъ лошадей на ночь на пастбище.

Любопытно посмотрѣть ночью на ребятъ, когда они съ разныхъ деревень стонятъ отцовскихъ лошадей на какое нибудь поле. Лошади бродятъ по лугу и пощипываютъ траву; нивы полегли, но и тѣ отъ времени до времени поворачиваютъ голову то въ ту, то въ другую сторону и побрякиваютъ бубенчиками, что висятъ у нихъ на шеѣ, а вонъ та, пѣгая, съ большими бѣлыми пятнами на спинѣ, стоитъ, какъ вкопанная, настороживъ уши. Почему знать: хоть все и тихо, она, можетъ, гдѣ нибудь вдалекѣ чувствуетъ своего врага — медвѣдя или волка. Наконецъ становится темно и наступаетъ совершенная тишина; все кругомъ точно заснуло. Птички, послѣ цѣлаго дня труда

и пѣсенъ, сидятъ съ птенчиками въ теплыхъ гнѣздышкахъ; звѣри тоже отдыхаютъ, попрятавшись въ свои норы или логовища.

Мальчики зажигаютъ костеръ, привѣшиваютъ котелочекъ съ картофелемъ, а сами кружкомъ подсаживаются къ огню погрѣться. Ужинъ поспѣлъ: каждый вынимаетъ свою тряпочку съ солью или бурачекъ и принимается, перекрестившись, за ѣду. Эти дѣти тоже работали днемъ, но они еще молоды, усталости не видно на личикахъ и они весело болтаютъ между собой. Вдругъ подулъ легкій вѣтерокъ, зашевелились листики деревьевъ, и этотъ тихій шелестъ точно пробудилъ лошадей: онѣ разомъ встрепенулись, рванулись впередъ, и весь табунъ длинною вереницею понесся по просторному лугу, и такъ пробѣгаетъ онѣ нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Топотъ, ржанье, звонъ бубенчиковъ раздаются далеко.

Дѣти только переглянулись между собой; они знаютъ, что лошади любятъ такъ промчатся, когда онѣ на широкомъ лугу, въ большомъ обществѣ и уже нѣсколько отдохнули и поѣли. Впрочемъ, такая удаля рѣдко находить на рабочихъ крестьянскихъ лошадей; онѣ большею частью бываютъ сильно заморены работой.

Если сравнишь рабочую крестьянскую лошадь съ верховымъ конемъ какогонибудь наѣздника, то просто удивишься и не повѣришь, что это одно и тоже животное. У рабочей лошади бока провалились, мѣстами шерсть вылѣзла клочьями, видъ унылый, да она и ходитъ, понуривъ голову. Совсѣмъ не такъ выглядитъ хорошо откормленный конь. Какое это красивое, стройное животное! Тонкія, длинныя ноги, красивое, полное тѣло, густая грива, длинный пушистый хвостъ, граціозная посадка,—все говорить, что онѣ только и ждуть, чтобы пронести васъ такъ, что духъ займетъ. Высоко поднятая голова, гордая осанка, проницательные и живые глаза убѣждаютъ васъ

въ томъ, что вы вполне можете положиться на его умъ, преданность и терпѣніе. Случилась добродушному хозяину надобность, не покормивъ лошади, проскакать на ней цѣлый день, и она повинуется ему безъ ропота, хотя отъ усталости вся въ поту: тяжело дышетъ, а иногда и падаетъ со всего размаха. Впрочемъ, по временамъ, она вдругъ остановится у того постоялаго двора, въ которомъ послѣдній разъ хозяинъ кормилъ ее, умильно посматриваетъ и заворачиваетъ туда, но хозяинъ сжимаетъ ей бока шпорами, и она опять несетъ его.

Лошадь въ высшей степени умное, понятливое животное; это особенно замѣтно тогда, когда ее дрессируютъ для какихъ нибудь представленій. Когда къ ней хозяинъ въ первый разъ является въ другой одеждѣ, она чрезвычайно удивлена: съ ногъ до головы осматриваетъ его новый костюмъ, внимательно слѣдитъ за всѣми его движеніями. Музыка заиграла маршъ, хозяинъ вскакиваетъ на нее, и она тихимъ шагомъ проходитъ вокругъ залы; маршъ перемѣнили на галопъ, ее погнали скорѣе, и уже въ другой разъ, какъ часто ни мѣняйте музыку, она сама будетъ ходить подъ тактъ.

Берегитесь при ученіи бить ее кнутомъ, — тогда она гораздо хуже понимаетъ науку и навѣрно отомститъ за ваше нетерпѣніе. Она вдругъ остановится и, не смотря на всѣ удары, которыми вы будете ее осыпать, не двинется съ мѣста. Если удары для нея нестерпимы, она лягаетъ задними ногами или подымается на дыбы. Она чувствительна къ добротѣ и выказываетъ нерѣдко признаки истинной ненависти къ злему, нетерпѣливому человеку. Одинъ кучеръ уже нѣсколько недѣль выѣзжалъ молодую, горячую и сильную лошадь. Онъ всегда нещадно билъ ее, и лошадь, при всякомъ удобномъ случаѣ, кусала и лягала его; даже когда онъ засыпалъ ей овесъ, она отворачивала отъ него голову въ другую сторону. Но

хуже всего было то, что ученье шло ей не впрокъ. Она, какъ и въ первый разъ, не умѣла ни подняться на гору, ни спуститься съ нея, бросалась въ стороны. Когда ее передали другому, она быстро выучилась всему въ какія нибудь двѣ-три недѣли.

С в и н ь и .

Каждый, конечно, не разъ видалъ свинью, знаетъ, что она нечистоплотна, неуклюжа, прожорлива. Но разглядѣли ли вы хорошенько всѣ члены ея большаго тѣла? Знаете-ли, на что они ей служатъ и какую разнообразную пользу можетъ человѣкъ извлечь изъ свиньи?

Вотъ ихъ выгоняютъ изъ хлѣва: у этой бурой, что наслу тащится отъ своей тяжести и идетъ впереди, — уши огромныя и болтаются, какъ тряпки; у желтоватобѣлой ея сосѣдки — уши стоячія и гораздо меньше, да и самая морда короче. Но у всѣхъ домашнихъ свиней огромное, длинное туловище, сжатое съ боковъ, шея очень короткая, голова длинная, съ тупою мордою, которая все болѣе суживается и оканчивается подвижной, круглой хрящевой пластинкой; въ ней сидятъ ноздри, и ею, то есть, этою пластинкой, свинья ворочаетъ во всѣ стороны, роетъ землю. Нижняя челюсть короче верхней. Когда свинья оскалится, или откроетъ ротъ, вамъ бросятся въ глаза бѣлые, острые зубы, а между ними особенно выдаются клыки, которые длиннѣе всѣхъ остальныхъ. Бѣда кому нибудь попасть на нихъ, особенно когда свинья бываетъ зла. Устройство зубовъ показываетъ, что она ничѣмъ не брезгаетъ и ѣстъ траву, овощи, а бросите ей мяса, — она и отъ него не откажется. Задніе зубы — широки, покрыты буграми и помогаютъ пережевывать траву, а клыками она разрываетъ мясо. Такъ какъ свинья ѣстъ все,

что ей попадетса, ее и называютъ животнымъ *всёяднымъ*. Ноги у нея короткія, тонкія, съ четырьмя копытами на каждой. Ступаетъ свинья на два переднихъ копыта, потому что заднія короче переднихъ и не доходятъ до земли. Такъ какъ у свиньи много копытъ, ее называютъ *многокопытнымъ* животнымъ. Кожа ея очень толстая и покрыта щетиною; глаза точно щели — узкіе, маленькіе. Хвостъ короткій и закрученный кольцомъ.

«Хрю... хрю... хрю...», манитъ хозяйка свиней! Она набросала въ корыто всякой всячины: гнилые листья капусты, гнилой картофель и различную шелуху, зелень отъ моркови и рѣпы, свеклу, огрызки кочерыжекъ, вылила туда помои и остатки мучнаго и забѣленнаго пойла, приготовленнаго для телятъ, взяла палку и только что стала мѣшать все это, какъ къ ней бросились свиньи цѣлымъ стадомъ. Она попеременно стала поднимать палку то на одну изъ нихъ, то на другую. Но какъ ихъ удержать? Онѣ хрюкали, толкали, кусали другъ друга. Вотъ взвизгнула одна, которой досталось больно отъ сосѣдки, а за ней поднялся безобразный визгъ всего стада. Своей неуступчивостью онѣ себѣ же вредили. Одна залезетъ съ ногами въ корыто, другая проталкиваетъ туда свое рыло, — еще толчекъ, и часть пици вылилась на полъ, а кому помои попали и прямо въ морду. Но это имъ ни по чемъ, и пока еще хоть капля остается въ корытѣ, свиньи все продолжаютъ ѣсть и ссориться. Отъ безпрестанныхъ толчковъ корыто перевернулось вверхъ дномъ, но свиньи все таки лѣзутъ къ нему. Хозяйка вытягиваетъ корыто и прогоняетъ ихъ въ поле, недалеко отъ избы. Свиньи не разбрелись въ разныя стороны, а, переваливаясь съ боку на бокъ, медленно подвигались, рыли землю, щипали траву. Вотъ одна отрыла червячка и захрюкала, другая потянулась было полакомиться, но ей достался сильный толчекъ отъ подружки, она отошла въ сторону и сама оты-

скала нѣсколько личинокъ разныхъ насѣкомыхъ, живыхъ и мертвыхъ, и даже околѣвшую мышь. Примѣтили это другія, и бѣда, какой у нихъ опять визгъ поднялся! Тамъ, гдѣ онѣ прошли, земля была взрыта такъ, что земледѣлецъ хоть не паши, а прямо засѣвай: сорныя травы и вредныя насѣкомыя совершенно уничтожены, — польза тому же земледѣльцу: можно надѣяться, что на будущій годъ его посѣвъ не сгніетъ, не будетъ подточенъ въ корню, а густо взойдетъ и дастъ хорошую жатву. Но отчего это свиньи вдругъ прибавили шагу и даже трушкомъ побѣжали прочь? Что онѣ увидали? А вонъ лежитъ мертвая собака. Свиньи не жалуютъ живыхъ собакъ, да и мертвой не тронуть, хотя всякую другую падаль пожираютъ съ необыкновенною жадностію.

Однажды свинопасъ, за какую-то провинность, началъ жестоко бить свою собаку, которая, спасаясь отъ него, бросилась въ его стадо. Свиньи тотчасъ напали на нее съ громкимъ хрюканьемъ, жестоко рвали и кусали ее со всѣхъ сторонъ, наконецъ, повалили на землю и топтали, пока не превратили въ какую-то безобразную массу; но ни одна изъ нихъ не дотронулась до собачьяго мяса. Вдругъ въ ту минуту, когда онѣ съ такою яростію топтали уже неподвижную собаку, одна изъ нихъ наткнулась на лужу, захрюкала, завизжала, выражая этимъ уже не злобу, а удовольствіе, — за ней послѣдовали и другія. Ссора немедленно забыта и свиньи валяются въ лужѣ, нѣжно прищуривъ свои глаза, хотя глупые, но прекраснаго голубаго цвѣта. Въ волю навалывшись, онѣ вышли изъ лужи и улеглись. Наконецъ всѣ устали и насытились, но что это онѣ: спать или только отдыхаютъ? Глаза прищурены болѣе обыкновеннаго, но не совсѣмъ закрыты. Нѣкоторыя изъ нихъ тихо хрюкаютъ, другія во снѣ ссорятся изъ-за корма, третьи что-то жуютъ.

Видно и во снѣ имъ больше нечего видѣть, какъ ссору

и ѣду; вѣдь въпродолженіе цѣлаго дня онѣ только это и дѣлаютъ. Зла свинья тоже не помнитъ: ударилъ ее палкой со всего размаху,—немного подалась назадъ, минута прошла, и она опять туда же лѣзетъ.

Наступаетъ вечеръ, и свиней гонять домой: свернетъ одна изъ нихъ съ дороги,—и все стадо за ней, наконецъ ихъ загоняютъ въ хлѣва, но, прежде чѣмъ туда войти, онѣ ну чесаться объ углы и стѣны; пастуху только послѣ многихъ ударовъ удастся наконецъ загнать ихъ.

Свиньи и поросята.

Много бился Василій Ивановичъ прошедшій годъ со скотиною. Зимой были такіе жестокіе морозы, что люди даже замерзали, а у него къ тому же и хлѣва не было теплаго, да и травы были такъ плохи, что погибъ весь скоть. Вотъ онъ и рѣшился держать побольше свиней. Животныя эти хотя и прожорливы, но во время голода могутъ прожить дольше другихъ, да и холоду свинья меньше боится. Посовѣтовавшись съ женой, онъ на другой день отправился въ село и купилъ *борова* (самца) и свинью самой лучшей породы. Свинья хорошей породы больше ростомъ, съ болѣе длиннымъ, чѣмъ у другихъ, туловищемъ, часто поросится и каждый разъ приносить по многу дѣтей, а главное не истощается во время ихъ кормленія. Вотъ такую-то пару и добылъ Василій Ивановичъ.

Для присмотра за свиньями онъ нанялъ 15-ти лѣтнюю дѣвочку Настю, которая въ своей мѣстности славилась своимъ уходомъ за домашнею птицею: куры, гуси, утки, индѣйки были на ея рукахъ съ ранняго дѣтства. Но возиться съ свиньями ей еще никогда не приходилось. Ужъ какъ ей было не по сердцу это новое занятіе.— «Не любовное такое животное эта свинья...», думала Настя.

«Какъ ни ухаживай за ней, какъ ни жалѣй ее, а она все такая же грязная, не привязчивая... Хуже всего то, что никакой-то у нея благодарности нѣтъ къ человѣку за всѣ его хлопоты. Но, можетъ быть, онѣ такія дурныя и глупыя потому, что за ними плохо смотрять, ни къ чему не приучаютъ?»

Купленная свинья принесла 14 поросятъ. Это были миленькіе звѣрьки: они презабавно играли между собою и теребили мать. Настя прежде всего, начала отучать ихъ отъ самаго главнаго порока—неопрятности. Вотъ пригнала она все стадо съ поля, но, прежде чѣмъ запирачь его въ хлѣвъ, загнала въ старую избу, вытащила огромное корыто и налила туда щелоку. Потомъ поймала одного поросенка, повалила его на полъ, сама стала на колѣни, одной рукой придерживала, а другой скребла изо всей мочи его тѣло и поливала водой. Такимъ образомъ вымоетъ она поросенка и оботретъ его сухой ветошкой. Не смотря на то, что въ то время, пока она мыла, и особенно, когда она ловила, происходилъ оглушительный, дикій визгъ всего стада, она съ величайшимъ терпѣніемъ перемывала всѣхъ и гнала въ хлѣвъ. Но, прежде чѣмъ ихъ туда загнать, она убирала ихъ спальню и приготовляла имъ постель. Хлѣвъ былъ вывѣтренъ, а на полу настлана сухая, чистая солома. Однако всякій разъ, когда Настя входила къ нимъ на другой день, тамъ было грязно по старому: свиньи вырывали изъ подъ сухой соломы ту, которая прежде уже была превращена ими въ навозъ, и были совершенно перепачканы. Она выпуститъ ихъ изъ хлѣва, и свиньи прямо зашлепають къ лужѣ. Дѣвушка все отгоняла ихъ, но лишь только оставляла однѣхъ, онѣ принимались валяться въ грязи и дѣлались отвратительно грязными. И такъ, несмотря на всѣ старанія Насти, ея свиньи были на видъ такими же неопрятными, какъ и у другихъ; однако ея присмотръ не пропалъ даромъ. Къ концу втораго года,

послѣ покупки первой пары свиней, у Василя Ивановича было ихъ уже до 50 штукъ, такъ какъ онѣ поросились по два раза въ годъ и каждый разъ приносили отъ 9 до 14-ти поросятъ, а эти въ свою очередь могли сами имѣть дѣтей уже на 8-мъ мѣсяцѣ своей жизни, такъ что ихъ могло бы быть и больше, но Василій Ивановичъ въ праздникъ любилъ иногда къ обѣду заколотъ жирнаго поросенка.

Между тѣмъ у сосѣдей свиньи размножались медленно: часто пропадали, околѣвали, да и живыя-то съ виду были плохи. Сосѣди Василя Ивановича не мыли поросятъ, рѣдко мѣняли подстилку, имѣли дурные хлѣва; вотъ потому-то кожа ихъ свиней была покрыта гнойными болячками, уши гнили и мокли и множество различныхъ насѣкомыхъ жестоко мучили ихъ, особенно въ жаркое время. Когда сосѣдямъ нужно было продавать свиней, они разомъ запирали ихъ въ хлѣва, чтобы давать имъ какъ можно менѣе возможности двигаться. Отъ этого свиньи быстро тучнѣли и дѣлались до того нечувствительными, что мыши иногда проѣдали у нихъ дырки на кожѣ. Могло ли быть такое животное сильнымъ и здоровымъ? Могло ли мясо его быть вкуснымъ и полезнымъ для тѣхъ, кто его употреблялъ?

Такъ какъ свиньи Василя Ивановича были всегда лучше, чѣмъ у другихъ, онъ приобрѣлъ извѣстность, т. е. всѣ, кому нужна была этого рода провизія, старались покупать ее у Василя Ивановича и платили ему дороже другихъ. А всѣмъ этимъ онъ обязанъ былъ Настѣ, которая такъ чистоплотно вела ихъ, такъ старательно за ними ухаживала. За то каждый разъ, выручивши деньги отъ продажи свиней, Василій Ивановичъ привозилъ ей изъ города въ подарокъ то шелковую ленту въ косу, то красного кумачу на сарафанъ, то кисейный передникъ, расшитый разноцвѣтными шерстями. Настя любитъ наряжаться, и ее очень радуешь то, что хозяинъ цѣнитъ ея труды, по самое занятіе далеко не доставляетъ ей такого

удовольствія, какъ уходъ за домашнею птицею: куры, цыплята, голуби, индѣйки, даже гуси и утки бѣжали и летѣли къ ней со всѣхъ сторонъ, какъ только она появлялась во дворѣ, а свинья такое глупое животное,—ни привязанности, ни любви къ себѣ нечего ждать отъ нея человѣку. Все же Настя вонъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы приручить къ себѣ поросятъ. Пригонить все стадо къ дубу, сама влѣзетъ на дерево и ну стряхивать имъ желуди. Свиньи съ жадностію пожираютъ свое любимое кушанье. Но вотъ она перестала трясти дерево, и свиньи безропотно начинаютъ рыть землю. «Экія глупыя твари», думаетъ она: «вѣдь какъ любятъ желуди, а не оглянутся, откуда они берутся».

Свинья не только глупое, несообразительное животное, но злое и постоянно озлобляющееся и при томъ безъ малѣйшаго для этого повода.

Въ воздухѣ сырость, подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, разомъ какъ-то потемнѣло, тучи заволокли небо, и вдругъ, безъ всякой видимой причины, подымается неистовый визгъ свиней. Поросята не отстаютъ отъ родителей и тоже визжатъ. Глядь, одна свинья бросилась на своего поросенка и ростерзала его; визгъ и ожесточенная драка усиливаются, тоже сдѣлала другая, третья, и только жестокими ударами можно тогда заставить ихъ идти въ хлѣвъ.

— Ну, ужъ если онѣ своихъ дѣтей не жалѣютъ, чего имъ смотрѣть на меня,—думала Настя. Тѣмъ не менѣе иногда онѣ выказывали ей нѣкоторую дружбу: когда она выходила изъ избы, пять шесть свиней бросались къ ней и шли сзади. И этому уже удивлялась вся деревня.

Да можно-ли ждать отъ свиньи большого ума? Въ ея головѣ не можетъ помѣститься много мозгу, а ея зрѣніе весьма слабо и не позволяетъ ей хорошо различать предметы,—оттого у нея и нѣтъ ни понятливости ни

сметки, способностей, которыми отъ природы такъ щедро надѣлены собаки. Тѣмъ не менѣе если обоняніе у нихъ и не развито въ такой степени, какъ у собаки, все же оно очень тонко. Копая землю, свиньи иногда по-долгу останавливаются на одномъ мѣстѣ и упрямо роютъ все глубже: это значить, — онѣ почуяли какіе нибудь съѣдомые корни.

Посмотримъ теперь, какую пользу приносили Василию Ивановичу его свиньи.

Каждый разъ осенью онъ убивалъ до сорока свиней. Убивъ свинью, онъ клалъ ее въ чистое корыто, чтобы туда стекала кровь. Потомъ бралъ деревянные палочки, заостренные къ низу, съ маленькими шариками на концѣ. Такую палочку запускаютъ въ щетину, закручиваютъ около нея пучекъ и вытягиваютъ его. Выдергивалъ онъ щетину палочкой, а не руками потому, что такъ дѣло шло гораздо скорѣе. Когда щетина вся выдернута, свиней по 4, по 5-ти штукъ заразъ кладутъ на землю, на сухое, выметенное мѣсто, насыпаютъ на нихъ солому и зажигаютъ ее; потомъ переворачиваютъ свиней на другой бокъ и повторяютъ то-же самое: такимъ образомъ ихъ опаливаютъ. Опаливъ, ихъ начинаютъ потрошить, а затѣмъ разрубаютъ на части. Мясо на переднихъ и заднихъ ногахъ коптятъ, и свиные окорока распродаются въ громадномъ количествѣ, особенно къ празднику Пасхи. Щетину закупаютъ различные мастера, которымъ она нужна для половыхъ щетокъ и вистей. Кишки идутъ на сосиски и колбасы; однѣ изъ нихъ начиняютъ кашей, другія мясомъ, а часто и свиною кровью съ маленькими кусочками сала. Остальное мясо разрубаютъ на большіе куски, складываютъ ихъ въ огромныя кадки и солятъ солью. Куски сала продаютъ для смазки колесъ въ экипажахъ, а также кладутъ за недостаткомъ говядины въ варево. Иногда Василий Ивановичъ собиралъ столько сала, что отвозилъ его въ городъ

на стеариновый заводъ. Кости свиной тоже идутъ въ дѣло: ихъ обугливаютъ и употребляютъ на сахарныхъ фабрикахъ. Кромѣ того, чистое свпное сало помогаетъ и въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Ребеногъ сильно закашлялъ отъ простуды, тѣло его дѣлается сухимъ, въ немъ чувствуется жаръ; въ такихъ случаяхъ его натираютъ саломъ, оно успокоиваетъ кожу и дѣлаетъ жаръ менѣе чувствительнымъ.

Про крестьянскихъ ребятъ.

У крестьянина Пахома огромная семья; чтобы ее прокормить, ему необходимо вставать на работу съ пѣтухами и ложиться позднѣе другихъ. Да не только ему, взрослому человѣку, приходилось такъ работать, но никто въ его семьѣ, отъ мала до велика, никогда не сидѣлъ сложа руки. Жена стряпала, прjala, ткала холстъ, кормила, поила скотину, а лѣтомъ жала, полола огородъ, иногда даже помогала мужу косить. У каждаго изъ дѣтей было на рукахъ какое нибудь особое занятіе. Семилѣтняя Маша няньчитъ двухлѣтняго брата, носитъ его, одѣваетъ, кормитъ, убаюкиваетъ. Восьмилѣтній Вася, самый старшій, водить поить Савраску, задаетъ кормъ скоту, вывозитъ навозъ и во всемъ уже помогаетъ матери при домѣ. Вотъ, маленькіе дѣти собрались подлѣ того самого лужка, на которомъ Вася сгребаетъ сѣно: они весело играютъ въ бабки, борятся, хохочутъ, стрѣляютъ изъ лука, качаются. Громко и часто застучало сердечко у Васютки, когда онъ посмотрѣлъ въ ихъ сторону, Конечно, онъ старше ихъ всѣхъ, но какъ-бы хотѣлось ему поиграть съ ними!

— Что по сторонамъ-то зѣваешь? — строго говоритъ ему отецъ. — Живѣй сгребай сѣно, — тучи собираются, того и смотри дождь пойдетъ. — Вася вдругъ вспомнилъ, какъ прошлый годъ дожди перемочили сѣно и солому, какъ

падала зимою скотина отъ недостатка корма, какъ уби-
вались родители, и онъ еще съ большею силою сжимаетъ
грабли въ своихъ рученкахъ, захватываетъ огромныя
охалки сѣна, чтобы метать его въ копны. А Машутка
меньше: ей особенно трудно усидѣть на мѣстѣ, до смерти
она любитъ смотрѣть, какъ дѣвушки хороводы водятъ,
пляшутъ, поютъ. Она бѣгаетъ, суетится вокругъ собрав-
шихся, а то сядетъ куда-нибудь подъ дерево и подтяги-
ваетъ взрослымъ своимъ дѣтскимъ голоскомъ; но, такая
досада, этому постоянно мѣшаетъ братишка.

Праздничный день послѣ полудня. Видитъ Маша, со-
бирается народъ, парни съ балалайками, съ гармониками,
съ гудочками да съ дудочками, а кто и такъ. Дѣвушки,
помахивая бѣлыми платками, съ алыми лентами въ ко-
сахъ, чинно выплываютъ изъ своихъ домовъ. Вонъ уже
и пѣсни затягиваютъ. А тутъ братишка зарюмзалъ...
«Ну тебя, надоѣлъ!» Маша хватъ и посадила его на
лавку, сунула ему щепку да прутикъ и вонъ изъ избы.

— «Маша, гдѣ ты?» кричитъ мать изъ окна, «иди-ка
сюда». — Поищи, дѣвонька, мою дочку, — обращается она къ
проходящей дѣвушкѣ.

Нечего дѣлать, надо выходить, а то хуже достанется,
и Маша, горько рыдая, входитъ въ свою избу. «Батюшки!
ужаснулась она при видѣ брата, — «да у него никакъ
пишка на лбу, руки о лучину разцарапаны, а на мать-
то и глаза страшно поднять!» — мелькнуло у нея. «Вотъ,
погоди, я тебя!» — и мать, поднявъ руку, подбѣгаетъ къ
ней, чтобы ее приколотить. Въ это время пѣсни разомъ
раздаются подъ окнами, — у матери такъ и упали руки.
— Ну, зачѣмъ ты его посадила? начала она уже измѣ-
нившимся голосомъ. — На лавку-то зачѣмъ посадила? Не
смыслишь, что-ли, что безъ присмотра съ высокаго упасть
можетъ? — Дѣвочка стала сильнѣе всхлипывать. — Чего раз-
хныкалась? Иди... играй... съ тебя взятки гладки! — «Тутъ

— На что тебѣ мѣшочекъ?

— Соли купить.

— На что тебѣ соли?

— Сорить-золить.

— Что сорить-золить?

— Глаза сорить,

Глаза золить,

Твоимъ дѣтушкамъ.

Съ этими словами коршунъ бросается на цыплятъ, чтобы поймать или оторвать ихъ отъ вереницы. Мать загоразиваетъ дѣтей, прячетъ ихъ, сама бросается на коршуна. Пойманныхъ Маша отводила въ сторону и дѣлала новое нападеніе на цыплятъ. Такимъ образомъ она всѣхъ уже переловила, остались только насѣдка Фрося и одинъ ея цыпленокъ. Онѣ храбро защищались, сами стали сильно обижать коршуна, бѣгали, падали, всѣ смѣялись, и эхо въ ближайшемъ лѣсу каждый разъ повторяло ихъ звонкій, дружный смѣхъ.

«Теперь давайте кольцо хоронить», придумалъ кто-то. Мальчикъ лѣтъ 9-ти подалъ свое мѣдное кольцо, оно было новенькое и блестяло. «Ишь ты, какой богачъ»,— замѣтила Маша съ завистью, продѣла въ него веревку, всѣ стали въ кружокъ и взяли за нее руками. Одинъ изъ игравшихъ вошелъ въ кругъ и долженъ былъ угадать, кто накрылъ кольцо. Между тѣмъ всѣ прыгали, вертѣлись и, лишь только замѣчали, что тотъ, кто искалъ кольцо, обращается въ ту сторону, гдѣ оно находится, его тотчасъ незамѣтно передавали другому. Но вотъ, наконецъ, ищущій, угадавъ, у кого оно было, становится въ кругъ съ другими и беретъ за веревку, а тотъ, кто оплошалъ,—т. е. у кого нашли кольцо, долженъ стать въ середину и отгадывать. Но дѣтямъ эта игра скоро наскучила.

«Въ войну! въ войну теперь!»—раздалось со всѣхъ

сторонѣ. Это была ихъ любимая игра: она вдругъ всѣмъ припомнилась потому, что къ нимъ подходилъ безрукій старичекъ—дядюшка Егоръ. Это былъ отставной солдатъ: онъ давно жилъ въ деревнѣ, потому что на войнѣ былъ контуженъ въ правую руку, и она у него была отнята. Дядя Егоръ очень любилъ дѣтей и часто рассказывалъ имъ про войну.

— Да кто противъ кого воевать-то будемъ?—спросилъ онъ, подходя къ дѣтямъ.—Дѣвочки противъ мальчиковъ,—закричала Маша. Теперь она совсѣмъ развеселилась; ея гладко причесанные волосы растрепались, глазенки бѣгали во всѣ стороны, все лицо, по самыя уши, было красно.

— Мальчики, — заговорила она, — всегда обижаютъ дѣвочекъ, такъ вотъ мы войной противъ нихъ и пойдемъ. Скажи, дядинька Егоръ, развѣ дѣвочки хуже мальчиковъ?

— Ишь ты, воструха, чего захотѣла. Извѣстно, одинъ мальчикъ двухъ дѣвочекъ стоитъ...

Мальчики расхохотались и начали дразнить дѣвочекъ.— Вотъ ты какой, дядя Егоръ... несправедливый...—закричали дѣвочки въ одинъ голосъ.—Чего, чего вы расходились... вотъ я вамъ покажу, какъ врага въ полонъ брать. Только... чуръ, безъ каменьевъ и дреколя...

— Маша будетъ королевой! Пусть она распоряжается,—заговорили дѣвочки.

— Значить, командиромъ, ее выбираете? Вонъ глядите, мальчики ужъ готовы.

Маша побѣжала ставить всѣхъ въ ряды и сейчасъ же крикнула: «пора». При этомъ мальчикъ-предводитель вышелъ впередъ, тоже сдѣлала и Маша; оба молча поклонились другъ другу въ поясъ,—Маша заговорила первая.

— Такъ какъ вашъ король не жалѣетъ своихъ вѣрныхъ слугъ, и такъ какъ эти слуги со злости больно

моихъ дѣвочекъ колотятъ, я хочу отнять у вашего короля его слугъ и отдать ихъ подъ власть моимъ подружкамъ. И хотя они дѣвочекъ всегда обижали, онѣ не будутъ имъ мстить за это. И пойдетъ по моему царству, по моему государству миръ и тишина... никто драться не будетъ... всякія обиды кончатся и никто никогда даже не заплачетъ...

— Больно ужъ ты зарапоровалась, королева Мелектриса...—сказалъ мальчикъ,—посмотримъ, подходящее-ли дѣло войску, состоящему изъ однихъ дѣвчонокъ справиться съ мужскимъ.

У дѣтей не положено, что именно говорить въ такихъ случаяхъ, и всякій говорить, что кому придется въ голову.

Предводители двухъ враждебныхъ лагерей торжественно поклонились другъ другу и разошлись. Маша забѣгала передъ своимъ войскомъ и давала наставленія. Наконецъ сигналъ поданъ, и оба войска двинулись другъ на друга. Маша съ своими стала продираться въ средину непріятельской арміи, чтобы раздѣлить ее на двѣ части. Когда ей это, наконецъ, удалось, тутъ пошла такая потасовка, что ничего нельзя было разобрать. Дядя Егоръ сталъ разнимать. Ни мальчики, ни дѣвочки не признавали себя побѣжденными. Крикъ, гамъ, горячій споръ и уже кое гдѣ завязавшаяся потасовка продолжались бы очень долго, если бы дядя Егоръ во время не выхватилъ изъ общей свалки нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ и не толкнулъ бы ихъ по направленію къ избами; другихъ матери позвали нянчить малютокъ, еще болѣе малыхъ, чѣмъ онѣ сами. Оставшіеся мальчики и двѣ три дѣвочки постарше скоро притихли, сразу почувствовали сильную усталость и, какъ по мановенію волшебнаго жезла, опустились на землю, еле дыша отъ усталости.

Какъ дѣти землянику собирали.

Лѣто. На дворѣ чуть начинается свѣтать, но еще всѣ спятъ даже въ деревнѣ. Вдругъ, въ одной изъ избъ тихо скрипнула дверь, и на порогѣ показалась босая, въ рубашкѣ, лѣтъ 12-ти дѣвочка. Она зѣвнула, перекрестила нѣсколько разъ ротъ, подняла голову вверхъ и стала смотрѣть на небо. Затѣмъ она вошла въ свою избу, накинула синій, холщевой, набойчатый сарафанъ и начала забѣгать то въ одну, то въ другую хату. Черезъ нѣсколько минутъ на улицу высыпала, съ лукошками въ рукахъ, толпа босоногихъ ребяташекъ. Громко разговаривая между собою, они побрели по большой дорогѣ, но вскорѣ свернули въ сторону и пошли по тропинкѣ.

— Ай-да Марфутка, молодецъ! — сказалъ мальчикъ лѣтъ девяти. — Какъ рано разбудила! Чего добраго, старики и встать еще не успѣютъ, а мы ужъ и вернемся!

— Теперь, поди, на Ванищенскомъ косогорѣ сколько земляники! Да сегодня и обобратъ-то еще никто не успѣлъ.

— Какіе кусты я надысь запримѣтила! — сказала вдругъ 9-ти лѣтняя дѣвочка и стала по секрету передавать подругѣ, гдѣ они находились.

— Это совсѣмъ не дѣло! — закричали многіе. — Сговоръ былъ вмѣстѣ по ягоды идти, такъ и кусты, какіе кто знаетъ, всѣмъ открывать...

— Вѣстимо, никто не долженъ утаивать! — Что и говорить... Лучше потюкуемъ какъ съ выручкой быть... заболтала Катя, дѣвочка лѣтъ 10-ти. — Я вотъ какъ устрою: на три копѣйки восковую свѣчку въ Троицу поставлю, на гривну желтую или красную ленту въ косы къ празднику куплю... Ахъ, бусы какъ хочется!... Ну, на нихъ хоть пятакъ...

— Такъ ты и купила бусы за пятакъ! — замѣтила ей другая дѣвочка.

— Ну, гривну на нихъ потрачу... А вотъ, что мнѣ еще надо, такъ это красныя ластовицы въ рубашку, хорошо бы тоже красной бумаги: полотенце къ образу расшить... Ну, ужъ кисейный фартукъ я непременно себѣ справлю! А больше и ничего... Что останется — матушкѣ на мельницу да Петрушѣ калѣкѣ на калачъ: такой горе-горькой мальченка.

— Нечего сказать, помощница! — сказалъ съ насмѣшкой одинъ изъ мальчиковъ. — Родителей и сродственниковъ всѣхъ напоила, накормила, только себя забыла.

— Да, когда бы на хорошія мѣста набрести! — сказала со вздохомъ Марѳуша, та самая дѣвочка, которая всѣхъ разбудила; она хотѣла еще что-то прибавить, вѣрно открыть свои планы на счетъ будущей выручки, но грустно опустила голову.

Въ настоящее время у Марѳуши было въ семьѣ большое горе: послѣднее жаркое лѣто выжгло на землѣ ея родителей всю траву и зерновой хлѣбъ.

Отецъ ея, работающій и заботливый крестьянинъ, во время зимы изворачивался на всѣ лады: ходилъ въ городъ на заработки и, такъ какъ онъ смыслилъ кое-что въ столярномъ ремеслѣ, дѣлалъ аляповатыя игрушки, салазки, продавалъ ихъ по дешевымъ цѣнамъ въ городѣ и, такимъ образомъ, не только не довелъ семью до сумы, чего онъ больше всего опасался, но даже и не далъ ей испытать той страшной нужды, какая была почти вездѣ вокругъ нихъ. За то мать Марѳуши совсѣмъ надорвалась надъ работой и къ тому же еще недавно простудилась, такъ что лежала теперь съ распухшими ногами и ревматизмомъ. Между тѣмъ отецъ, хотя и прокормилъ зимой свою семью, но уже никакъ не могъ заплатить податей и долженъ былъ продать почти весь свой скотъ. Оттого-то двѣнадцати-лѣтней Марѳушѣ пришлось не только ухаживать за больною матерью, но и быть полной хозяй-

кой въ домѣ и нянькой младшихъ братьевъ и сестеръ, и кромѣ всего этого думать о заработкѣ. Отецъ въ настоящее время занимался полевою работою: косилъ и пахалъ. Вотъ Мароуша встаетъ теперь чуть свѣтъ, собираетъ щавель, молодую крапиву, грибы, ягоды и носить все это продавать въ городъ.

Дѣти идутъ и болтаютъ между собой.

— Гляди, гляди,—закричалъ одинъ изъ нихъ: — Что это за птица? Я этакой не видывалъ! Смотри! Вонъ на томъ деревѣ въ припрыжку скачетъ и чирикаетъ! — Всѣ остановились у дерева.

— Ну нѣтъ! съ вами стоять я не буду!

— Чай, мои ребятишки давно проснулись, ихъ некому и накормить... Да и матери докучаютъ.—Дѣти немедленно двинулись безпрекословно. Но черезъ минуту одинъ изъ нихъ опять закричалъ.

— Чу! Смотри, смотри, ребята! Заяцъ вонъ туда поскакалъ!

— Непремѣнно надо словить. Ты, Алексаша, стань сюда, они пусть здѣсь остаются и припадутъ къ землѣ, а я буду туда его гнать.

— Батюшки!—въ отчаяніи всплеснула руками Мароуша.—Мать-то не дождется, сама печку истопить, еще пуще измается... Забавляться хотите, такъ я вамъ не пара!

— Вѣстимо,—закричалъ Ваня,—за ягодами собирались, такъ за ними и идти нужно, а зайца не дѣло ловить.

Дѣти однако же не слушали этихъ словъ и гонялись за зайцемъ. Мароуша съ Ванею пошли дальше, но вскорѣ ихъ нагнали и остальные, такъ какъ заяцъ успѣлъ ускользнуть.

— Мы теперь пойдѣмъ одни съ Мароушей,—сказалъ мальчикъ подходившимъ ребятамъ,—и никому про свои мѣста сказывать не будемъ.

— Ну, Ваня,—закричали они въ голосъ,—не мсти, мы тебя всей компаніей слушать будемъ.

— Ладно,—тогда съ вами другой разговоръ будетъ. Вотъ я теперь какое сдѣлаю постановленіе. Кто хочетъ оставаться вмѣстѣ съ другими, долженъ выполнять приказъ, а не послушаетъ, такъ милости просимъ вонъ изъ компаніи.

— Говори, не бойся, сдѣлаемъ,—отвѣчали многіе.

— А вотъ что:—сказалъ Ваня,—всякій, кто сколько бы ни нарвалъ ягодъ, долженъ пригоршню дать Марѳушѣ, потому въ ея дворѣ больше нужды теперь, чѣмъ у всѣхъ насъ.—Всѣ согласились на это, кромѣ Кати.

— Марѳуша — какъ надо быть человѣкъ, — сказала она,—а Петруша калѣка, значить Божій человѣкъ, ему помочь скорѣе надо, такъ я ему.

— Много ты на Петрушу расщедрилась, когда чуть не всю ярмарку закупить собираешься. Да не хочетъ въ сговорѣ быть, такъ и Богъ съ тобой, ступай одна, куда глаза глядятъ.

— Что ты, съ ума спятилъ, Ваня!—закричала на него Марѳуша,—зачѣмъ ее обижаешь, силкомъ или изъ милости ни у кого ничего не возьму... Иди, Катя, сюда, никто тебя не тронетъ.

Тутъ дѣти подошли къ косогору. На немъ такъ и краснѣла на солнцѣ земляника, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелькали еще ея вѣжные, бѣлые цвѣточки. Дѣти разомъ смогли и разсыпались по горѣ. А солнышко такъ и пекло!

— Что, много набралъ?—кликнулъ одинъ мальчикъ другаго послѣ долгаго молчанія.

— Донце-то давно закрылъ. Бѣда какъ жара томить, такъ бы самъ всю ягоду и поѣлъ.

— Да что ты Катерина, что-ли? Та и накупить думаетъ, да и теперь чай уписываетъ.

Мальчики обернулись къ Катѣ, а та, дѣйствительно, присѣла къ травѣ, изъ подлѣбья на всѣхъ поглядываетъ, не смотря ли на нее, а сама горсть за горстью такъ и уплетаетъ.

— Ай да Катя! Поди на цѣлый сарафанъ ужъ заработала?—Обернулись и другіе; всѣ захохотали.

— Чего же ты таишься?—закричала ей Марѳуша.— Не краденое,—свое ѣшь. Не мудреное дѣло намъ все уберечь: слава Богу, не малые дѣти, а она еще намъ и по плечо не доросла.

Въ это время подлѣ ближайшаго обрыва послышался крикъ и шумъ; всѣ бросились туда и увидѣли скатившуюся восьмилѣтнюю Настю. Она такъ прилежно набирала ягоды, срывала даже листики земляники и все шла впередъ и впередъ, наконецъ, вползла на крутой обрывъ, оступилась и полетѣла внизъ, но по дорогѣ зацѣпилась за дерево. Она тотчасъ вскарабкалась вверхъ, такъ какъ обрывъ былъ не очень высокъ, разцарапала до крови лицо, руки и ноги и стала громко рыдать.

— Батюшки, вотъ такъ горемычная! — вскричалъ Ваня и съ ужасомъ всплеснулъ руками. — Гляди, гляди, ребятки, и лукошко то внизу, и ягода вся рассыпана, вонъ и листики, валяются, что бабкѣ на чай набирала. Поди, пуще всего отъ этого и убивается.

— Еще-бы,—всхлиывая проговорила дѣвочка,—не по царапинамъ-же тужить.

— Ну, ребята, ягоды Настины маршъ сейчасъ подбирать,—командовалъ Ваня,—а тамъ кто горсть другую отъ себя еще ей прибавить, такъ Богъ намъ за это пошлетъ...

На этотъ разъ никто ничего не возразилъ; всѣ стали осторожно спускаться съ обрыва и подбирать ягоды. Это сдѣлали они очень живо, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ она уронила корзинку, было сразу просыпано много

ягодъ. Но когда ихъ собрали, рассыпанная корзинка не была еще такъ полна, какъ у другихъ. Ваня съ Мареушей первые бросили въ нее полныя пригоршни своихъ ягодъ, такъ что другимъ не было и мѣста.

— И мы хотимъ... и я дамъ... — кричали остальные ребята.

— Не за чѣмъ, — сказала Мареуша, — у нея теперь столько, сколько у всѣхъ.

— Такъ мы тебѣ, Мареуша.

— И мнѣ не надо. Моя корзинка и больше всѣхъ, и полнѣе, а эту горсть я сейчасъ доберу... Вонъ сколько тамъ еще ягодъ.

Когда Ваня принесъ Настѣ полную корзинку съ ягодами, она сперва захохотала и отвернулась, а потомъ снова заплакала.

— Ишь ты, — сказалъ одинъ мальчикъ. — Смотри, какъ отъ радости заливается... Хорошо это Ваня придумалъ, недаромъ его на деревнѣ смышленнымъ прозываютъ.

Дѣти скоро отправились домой.

— Мареуша, — сказала вдругъ Катя рѣшительно: — ты мою носи корзинку, а я твою.

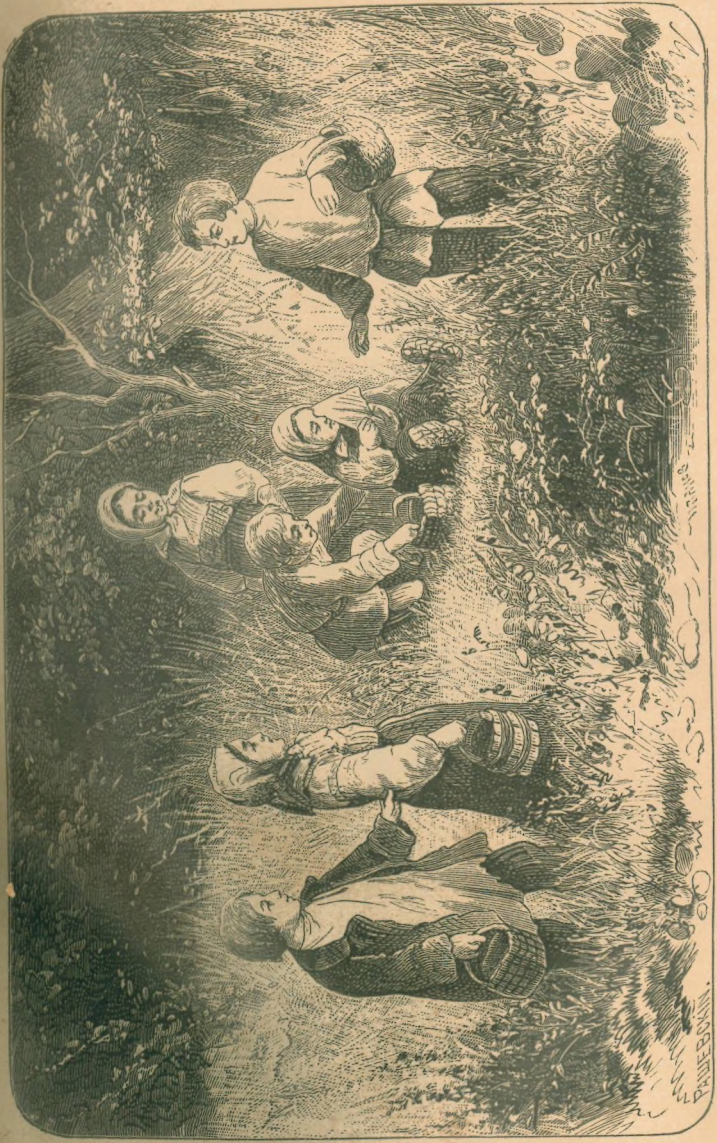
— Что такъ?

— Твоихъ-то ягодъ я не посмѣю взять, а своихъ никакъ стерпѣть не могу.

Жаръ такъ донималъ всѣхъ, что никто не только не посмѣялся надъ этимъ предложеніемъ, а, напротивъ, многіе, точно также во избѣжаніе соблазна, послѣдовали Катиному примѣру и перемѣнились корзинками.

Миша у сапожника.

Миша обѣда какъ скоро носить сапоги. Недѣли двѣ тому назадъ купили ему новенькую пару, а сегодня вонъ уже большой палецъ торчитъ.

TH. 34. FONNE.

— Какой ты не бережливый, Миша,—говорить ему мамá.

— Сами износились, чѣмъ же я тутъ виновать...

— Смотри, какіе рубцы отъ ножа: тутъ и продралось. А зачѣмъ же это ты общипываешь черную, сафьянную обшивку сапога? Ну да и то надо сказать,—въ рынокѣ пьютъ на живую витку, только бы съ рукъ сбыть... Поди-ка лучше къ сапожнику Ивану, я когда-то у него много заказывала, и попроси мѣрку снять.

Миша радъ случаю познакомиться съ мастерскою сапожника и, не медля ни минуты, уходитъ изъ дому.

Черезъ полчаса Миша уже входилъ въ низенькую компату съ однимъ окномъ. Сапожникъ, еще не старый человѣкъ, сидѣлъ на табуреткѣ, положивъ нога на ногу, и притачивалъ голенище къ подошвѣ. Шилъ онъ не иглой, а шиломъ: проколетъ шиломъ дырочку, возьметъ дратву, привяжетъ къ концу щетину и продѣнетъ эту дратву въ дырочку.

Входя въ комнату, Миша поклонился, сказалъ, что ему нужно, но хозяинъ возился съ кожами за перегородкой и просилъ его подождать. Миша сѣлъ на лавку подлѣ сапожника и началъ его спрашивать.

— Зачѣмъ это ты щетину привязываешь? Въдъ дратва и безъ того прошла бы въ дырочку?

— Такъ-то такъ, — отвѣчалъ сапожникъ, — только иначе долго бы пришлось возиться, продѣвать,—вишь безъ щетины дратва какъ гнется.

— А изъ чего дратва дѣлается?

— А вотъ возьмутъ здоровыя, несученыя нитки, крѣпко натрутъ смолой, а то и проварятъ ихъ въ ней, вотъ тебѣ и дратва готова.

Тутъ къ Мишѣ подошелъ хозяинъ, сапожникъ Иванъ, человѣкъ лѣтъ 35-ти, съ длиннымъ, желтымъ, но очень оживленнымъ лицомъ. Бумажной полоской онъ снялъ мѣрку

съ ноги, отошелъ въ сторону, разостлалъ на полъ тонкую кожу, выкроилъ изъ нея голенище, а изъ грубой кожи подошву; голенище размочилъ въ водѣ, растянулъ со всѣхъ сторонъ и маленькими гвоздиками аккуратно прибилъ на деревянную колодку.

— Когда кожа высохнетъ,—объяснилъ Иванъ,—на ней все обозначится: гдѣ головка, гдѣ голенище; потомъ я переверну ее на изнанку, лицомъ къ колодкѣ, и притачиваю къ ней подошву.

— А послѣ что?—спросилъ Миша, когда сапожникъ замолчалъ.

— Послѣ?—переспросилъ тотъ, улыбувшись.—Когда сапоги готовы? Тогда они мнѣ ужъ взмолятся: «пусти, скажетъ, дяденька Иванъ, на свѣтъ божій взглянуть, человѣку послужить». «Вотъ и видно», скажу, «глупая ты какъ есть вещь, безъ разсудка: хорошо ты сформирована, такъ не тебѣ кланяться, а всякій тебя же будетъ искать».

— А чай трудна ваша работа?—спросилъ Миша...—особенно когда ея много?

— Какъ такъ?—удивился сапожникъ,—чѣмъ больше работы, тѣмъ веселѣе. Самъ заработаешь, самъ и деньги изведешь. Захочешь о масляницѣ на балаганы сходить, или на какого нибудь диковиннаго звѣря взглянуть, вотъ и приколи деньгу. Не стало твоей моченьки копить, въ театръ потянуло, либо съ компанією погулять захотѣлось, ухнулъ все сразу, и въ этомъ ни передъ кѣмъ тебѣ отвѣта не держать,—потому все своимъ пѣтомъ нажито.

— А зачѣмъ это, дядя Иванъ, у всѣхъ сапожниковъ ремешки на головѣ?

— Да безъ ремешка-то наклонишься къ работѣ, а волосы и лѣзутъ тебѣ въ глаза... Есть-ли тутъ время съ ними возиться, когда каждая минута дорога.

E. MANCINI

Весна въ городѣ и деревнѣ.

Наконецъ становится теплѣй. Вызолотимъ мѣховую одежду и уберемъ въ сундукъ, чтобы пыль и моль не переѣдала ее. Теперь дѣло къ теплу, и хоть не обойтись безъ холодковъ, но ужъ не зачѣмъ шубу держать на готовѣ: не даромъ снѣгъ вездѣ такъ и таетъ. Въ той улицѣ только и осталось снѣгу, что кое-гдѣ въ канавахъ и глубокихъ ямахъ. Смотри, уже здѣсь и тамъ пробивается зелень! А рѣка-то какъ разлилась, и внизъ по теченію несутся большія и малыя льдины! Не будь ихъ, и мы славно могли бы покататься въ лодкѣ, а теперь, того и гляди, попадешь между двумя такими глыбами, что и не выберешься. Но деревья до сихъ поръ остаются еще голыми. Ну нѣтъ, это только такъ кажется съ перваго взгляда: деревья тоже нѣсколько ожили и позеленѣли. Вотъ одна, двѣ, три почки. Сдерни съ нихъ осторожно ихъ коричневую одежду; что ты увидишь? Нѣсколько смятыхъ зеленыхъ листиковъ сбито въ комокъ... Пройдетъ еще нѣсколько времени, солнце еще теплѣе станетъ согрѣвать землю, всѣ почки распустятся, и все дерево мало по малу покроется зелеными листиками.

Въ городѣ весною съ каждымъ днемъ становится все невыносимѣе: перестраиваютъ дома, поправляютъ тротуары, перемасиваютъ улицы, и отъ всего этого летитъ страшная пыль. Чѣмъ теплѣе день, тѣмъ душнѣе.

А что дѣлается въ деревнѣ? Съ каждымъ теплымъ днемъ въ деревнѣ замѣтно болѣе движенія среди деревенскаго населенія, болѣе жизни и оживленія въ природѣ. Птички, улетавшія на зиму въ теплыя страны, возвращаются мало по малу: вонъ жаворонокъ звонкой пѣснею усердно скликаетъ бѣглянокъ. Женщины въ это время пекутъ изъ тѣста жаворонковъ, обмазываютъ ихъ медомъ, золотятъ имъ крылья и головы сусальнымъ золотомъ.

Вскорѣ раздаются и трели соловья. Ночью, послѣ цѣлаго дня труда и заботъ, когда одни бѣгущіе ручейки нарушаютъ глубокій покой природы, вы можете наслаждаться чуднымъ пѣніемъ... Соловей то весело насвистываетъ, то переливается на тысячу ладовъ и поетъ чуднымъ, прелестнымъ, полнымъ, звучнымъ голосомъ.

Крестьяне возятся цѣлый день на дворѣ, приготовляясь къ лѣтнимъ работамъ: кто поправляетъ телѣжку, кто ладитъ соху или борону, кто чинитъ сбрую. Скоро и работникамъ, и хозяевамъ придется много трудиться, такъ нужно все заранѣе заготовить.

Въ праздникъ весною, въ теплый и ясный день, въ концѣ деревни, на сухомъ мѣстѣ, собираются крестьянскія дѣвушки, разряженныя въ бѣлыя рубахи, расшитыя красной бумагой, съ алыми лентами въ косахъ. Когда дѣвушки собрались, онѣ запѣли:

„Весна красна.
На чемъ пришла?
На чемъ пришла,
Пришла, пріѣхала?“
— „На кобылѣ вороной
Съ сохою, съ бороной!“

Затѣмъ всѣ разошлись по домамъ, а дома ужъ обѣдъ собираютъ: накрыли столъ чистымъ настольникомъ, положили красныя деревянныя ложки и ковригу чернаго хлѣба, помолились на иконы, и семья сѣла за столъ.

Огородъ.

Какая благодать имѣть лѣтомъ свой огородъ! Въ городѣ купи и салату къ жаркому, и моркови въ супъ, и капуста для щей, значить, на всякую малость готовь деньги,—вотъ, и придумывай, какъ и чѣмъ ихъ добыть.

Но безъ заботы и работы нигдѣ не проживешь, вездѣ останешься съ пустыми руками. Возьмемъ хоть тотъ-же огородъ: хочется, чтобы зелень поднялась, ягоды выросли сочные, — необходимо хорошенько унавозить землю, разбить ее на грядки, въ время посѣять и посадить огородныя овощи. Когда зелень и овощи начинаютъ показываться изъ земли, не слѣдуетъ забывать выдергивать дурную траву, чтобы она не заглушала молодыхъ всходовъ; земля суха — поливай ее, а то растенія завянутъ.

Было-бы только мѣсто, гдѣ разбить огородъ, а то самому въ немъ работать не только весело, но и очень здорово, а что это правда, ты сейчасъ самъ можешь замѣтить. Попробуй прилежно порыться въ землѣ: разбивать грядки или обносить колышками мѣсто, что ты назначилъ для огорода, — тебѣ просто не въ силу будетъ дожидаться обѣда и завтрака: покажется, что и кушанья вкуснѣе и что ѣдою на этотъ разъ опоздали. Между тѣмъ все осталось, какъ было, — только отъ работы аппетитъ лучше сталъ.

Такъ что же и какъ устроимъ мы въ своемъ огородѣ? Прежде всего будемъ стараться, чтобы у насъ не пропало даромъ ни клочка земли. У самой загородки разведемъ хмѣль: онъ и мѣсто займетъ, непригодное ни для чего другаго, и такъ красиво, густо обовьетъ нашу изгородь. Въ углахъ посадимъ кусты малины, крыжовнику, красной и черной смородины. Эти грядки пустимъ подъ капусту, тамъ будутъ у насъ огурцы, картофель. Ахъ, да, еще нужно припасти мѣстечко для гороха и бобовъ! Какъ-бы только не забыть натывать колья на эти грядки, а то гороху и бобамъ не на что будетъ опираться, — они упадутъ на землю и засохнутъ.

Кто вредить огороду.

— Плотнo приширай калитку въ огородѣ, Машута, — говорила мать своей восьмилѣтней дочкѣ, — а то свиньи залѣзутъ въ него и все перероютъ, гряды попортятъ, овощи съ корнями повыврутъ. Впрочемъ отъ свиньи еще легко уберечься, а вотъ противъ куръ ужъ ничего не подѣлаешь: онѣ постоянно ищутъ себѣ червяковъ и выклеываютъ сѣмена.

— И отъ нихъ можно огородъ уберечь, — сказала дѣвочка. — Поставимъ пугало, большую пребольшую куклу съ палкою въ рукѣ, лице ей пострашнѣй раскрасимъ... Куры будутъ думать, что это человѣкъ съ дубинкой, и ни за что въ огородъ не заберутся.

— Да это поможетъ избавиться не отъ однихъ куръ! Воробьямъ, галкамъ, воронамъ пугало то-же будетъ задавать страху. Всѣ эти птицы, какъ и куры, вредятъ огороду: выкапываютъ ножками сѣмена, долбятъ огурцы, ягоды... Только пугало имъ не надолго: они скоро привыкаютъ къ нему и потомъ преспокойно даже садятся ему на голову.

— А тогда мы пугаломъ поставимъ чучелу коршуна. Къ ней приглядятся, — опять куклу, такъ и будемъ мѣнять.

— Хорошо, пусть будетъ по твоему, — отвѣчала мать, — авось мы сохранимъ наши овощи.

Однажды дѣвочка ходила между грядокъ и считала круглые, блѣдно-зеленые кочаны капусты. Вдругъ она наклонилась къ одному изъ нихъ, потомъ присѣла на корточки, стала очень внимательно что-то разсматривать, наконецъ, оторвала нижній капустный листъ и побѣжала къ матери.

— Мама, мама, заговорила она въ попыхахъ, — смотри, какого червячка я нашла на капустѣ. И отчего этотъ листъ, точно рѣшето, весь въ дырочкахъ?

— Это такъ его источилъ вотъ этотъ червячокъ... Ну, теперь бѣда нашей капуста!

— Такъ этакъ онъ, пожалуй, всю нашу капусту поѣсть, и шенковать *) нечего будетъ, зимой и щей ѣсть не придется,—заговорила дѣвочка, собираясь раздавить червяка.

— Очень можетъ быть; только капуста ты ничѣмъ не поможешь, раздавивши одного червяка, а лучше вотъ что сдѣлаемъ: вездѣ, гдѣ замѣтишь попорченный листъ, обрывай его, чтобъ червякъ и на другіе не перебрался, а вотъ этого червячка мы возьмемъ съ собой.

Мать взяла коробочку съ крышкой, положила туда капустный листикъ, а на него червячка.

— Ну, посмотри на него въ послѣдній разъ. Видишь, какой онъ волосатый, съ черными пятнышками... Теперь мы его закроемъ и въ крышкѣ коробки проколемъ дырочки, а то ему трудно будетъ дышать, и онъ умретъ.

На другой день дѣвочка открыла крышку и увидала, что въ коробкѣ уже лежали однѣ капустныя жилки,—червячекъ съѣлъ весь листъ.

— Э, да ты ужъ очень много ѣшь. Такой маленькій, а цѣлый листъ,—говорила удивленная дѣвочка, однако побѣжала въ огородъ и принесла червяку свѣжій листъ.

Однажды когда дѣвочка, по обыкновенію, открыла коробку, положенный ею листъ былъ не тронутъ: онъ былъ обтянутъ какими-то ниточками; самъ червячекъ очень перемѣнился и не двигался.

— Вотъ онъ и умеръ, — проговорила дѣвочка съ грустью.

— Успокойся, онъ только превратился въ *куколку*, и хоть ничего не будетъ ни ѣсть, ни пить, но долго можетъ пролежать безъ пищи: не даромъ же онъ такъ много ѣлъ и пилъ, когда былъ червячкомъ.

---

*) Рубить сѣчками.

Закрываетъ дѣвочка коробку, и долго ей приходилось по утрамъ находить куколку въ томъ же положеніи. Наконецъ, ей надоѣло видѣть все одно и то же, и она совсѣмъ перестала заглядывать въ коробку.

Разъ она стояла у окна. Вдругъ что-то легонько стукнуло въ коробкѣ, и она покачнулася. Дѣвочка тотчасъ открыла ее, и изъ коробки вылетѣла красивая бѣлая бабочка съ черными пятнышками на крылышкахъ.

К р а п и в а.

Кто только не бранить крапиву? На ближайшей грядкѣ вы примѣтили нѣсколько кустиковъ крупной, сочной клубники; вы быстро нагибаетесь, чтобы ее сорвать, а крапива преобильно жжетъ вамъ лицо. Въ другой разъ васъ прельстилъ горохъ, развѣсившійся на колышкахъ,—вы протягиваете руки и тотчасъ ихъ отдергиваете: опять наткнулись на крапиву. А какъ досажаетъ она ребятишкамъ, которые прибѣгаютъ въ огородъ то за лукомъ, то чтобы полоть гряды! Тутъ крапивѣ раздолье! Она кусаетъ ихъ босыя ноги, почти обнаженное тѣло и руки, такъ какъ въ лѣтнюю пору на деревенскихъ ребятахъ рѣдко когда что одѣто, кромѣ рубахи. Не любятъ дѣти крапиву, часто бранятъ ее, но не унываютъ: когда зудъ и опухоль начинаютъ имъ уже сильно досажать, они хватаютъ горсть сырой земли и прикладываютъ къ тому мѣсту, гдѣ выступили бѣлыя, припухшія пятна: отъ этого зудъ сейчасъ унимается. Хозяйки огородовъ тоже не жалуютъ крапивы: она быстро разрастается и мѣшаетъ имъ проходить къ грядкамъ; потому-то ее то и дѣло выдергиваютъ съ корнемъ. Неблагодарныя! Онѣ уже забыли, что нѣсколько недѣль тому назадъ, когда еще не было никакихъ овощей, а запасы хлѣба

пришли къ концу, многія семьи въ деревняхъ только ею и питались, собирая на щи ея молоденькія листики. Крапива идетъ въ кормъ и домашней птицѣ: хозяйки набираютъ весною полныя корзины ея молоденькихъ листьевъ, и, мелко изрубивъ ихъ, обвариваютъ кипяткомъ, перемѣшиваютъ съ отрубями, обливаютъ сывороткой и кормятъ этою смѣсью домашнихъ птицъ, а иногда и скотъ. Почему же такъ скоро забыты всѣ эти заслуги? Вѣроятно, потому, что листья крапивы лѣтомъ дѣлаются уже старыми и негодны ни на щи людямъ, ни на кормъ животнымъ.

Самое растеніе далеко не привлекательно. Большая часть растеній прельщаетъ васъ или красивыми цвѣтами, или пріятнымъ запахомъ,—на крапивѣ же, точно лохмотья, кистями висятъ мелкіе зеленые цвѣточки, безъ всякой красоты и запаха. Хотя иное растеніе и отцвѣтаетъ, но человекъ любитъ и бережетъ его, потому что ждетъ отъ него или ягодъ, или зеренъ. Ничего этого не даетъ крапива: она только продолжаетъ больно кусать всѣхъ, кто до нея нечаянно дотронется. Но какъ и отчего она такъ больно жжетъ и кусаетъ?

Темно-зеленые листья крапивы усажены тонкими волосками, которые впиваются въ тѣло, точно обжигаютъ васъ, когда вы нечаянно чуть-чуть дотрогиваетесь до листика. Конечно, сами по себѣ волоски развѣ только слегка кололи бы, не оставляя ни опухоли, ни зуда. Но дѣло въ томъ, что каждый волосокъ крапивнаго листа наполненъ ѣдкимъ, ядовитымъ сокомъ и оканчивается тонкимъ, хрупкимъ крючкомъ. Лишь только волосокъ впился вамъ въ кожу, его хрупкій крючокъ отламывается, а ѣдкій сокъ попадаетъ въ крошечную, едва замѣтную ранку и производитъ зудъ и боль. Впрочемъ, и этотъ ядовитый сокъ можно иногда употреблять съ пользою для человека: люди, страдающіе ревматизмомъ и ломотою,

онъ остановился передъ небольшимъ двухъ-этажнымъ каменнымъ строеніемъ: это была кузница. Подлѣ стояло нѣсколько экипажей, лежало много колесъ. Дверь въ кузницу была настезь открыта, и оттуда такъ и неслись густыя, черныя тучи дыма съ удушливымъ запахомъ гари.

Миша нерѣшительно вошелъ въ кузницу, вглядываясь въ людей и во все, что вокругъ него дѣлалось; но никто не обращалъ на него никакого вниманія. Скоро, однако, извощикъ, входя въ дверь, закричалъ: «Когда-же будетъ готова моя шина?» При этомъ хозяинъ поднялъ голову и замѣтилъ Мишу.

— А вы зачѣмъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Мнѣ хочется кузницу посмотреть.

— Кузницу?—переспросилъ онъ съ недоумѣніемъ, — да что въ ней смотреть то, въ этой кузницѣ.

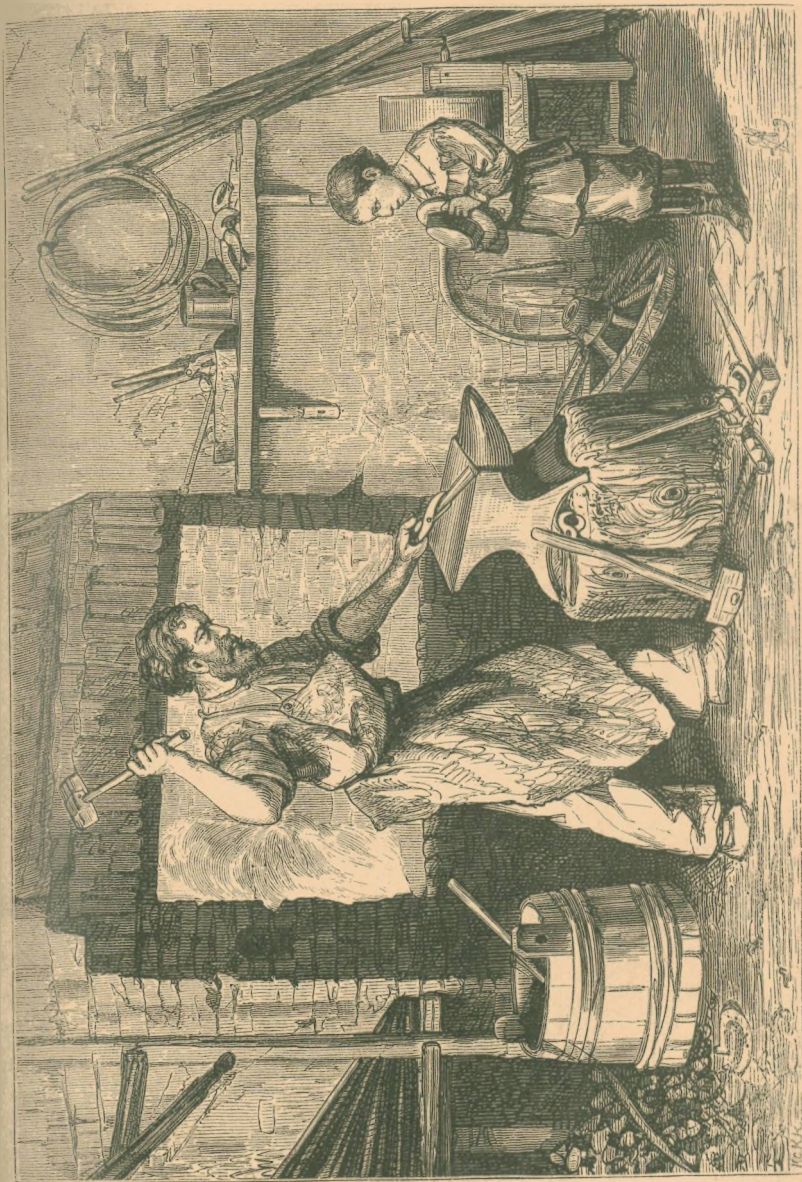
— Я только работы посмотрю, инструменты, нисколько не помѣшаю и ничего не сдѣлаю, — говорилъ нѣсколько оторопѣлый и сконфуженный мальчикъ.

— Знамо, ничего не сдѣлаешь... Что ты можешь супротивъ каленаго желѣза да полупудовыхъ молотовъ... только чудно, какія такія картины ты пришелъ сюда разсматривать!

— Я оттого и пришелъ смотреть, что картину кузницы я видалъ, а самой кузницы никогда не приходилось видѣть.

— Ну, ладно, — сказалъ дружелюбно кузнецъ, трепля Мишу по плечу. — Смотри нашу работу...

Прежде всего Мишѣ бросилсь въ глаза съ правой стороны двѣ огромныя печи, которыя собственно и занимали всю правую сторону кузницы. Такая печка называется *горномъ*. По обѣ стороны каждой изъ нихъ, на деревянныхъ столбахъ, лежатъ по два *раздувательныхъ мѣха*. Въ самыхъ стѣнкахъ печей пробито отверстіе. Раздувательные мѣхи оканчиваются желѣзною трубкою:

вотъ, трубка эта и вложена въ отверстіе печки. Съ перваго разу не поймешь, въ чемъ дѣло. Вы видите, что мѣха лежатъ снаружи у стѣнокъ, а лишь только ихъ начнутъ поднимать и опускать, уголья въ печкѣ быстро разгораются. Но когда всмотритесь повнимательнѣе въ самую печку, вы увидите отверстіе, о которомъ сказано выше.

Около столбовъ и вездѣ въ углахъ насыпаны кучи мелкаго угля. Рабочій броситъ пригоршню углей къ правой или лѣвой сторонѣ горна (тутъ уже всегда лежитъ нѣсколько тлѣющихъ углей); мальчикъ, который присматривается къ кузнечному дѣлу и не можетъ еще исполнять настоящей работы, начинаетъ раздувать уголья раздувальнымъ мѣхомъ. Когда мѣхъ расширяется, воздухъ входитъ въ него; когда-же онъ сжимается, воздухъ сдавливается, быстро идетъ чрезъ трубку въ горнъ и раздуваетъ угли. Въ это самое время работникъ живо хватаетъ палку, на концѣ которой привязана тряпка, опускаетъ ее въ воду, стоящую тутъ-же, въ котелкѣ въ самомъ горнѣ, и брызгаетъ на угли. Тогда они разгораются до бѣла, и работникъ кладетъ туда конецъ желѣзной полосы, которую ему нужно ковать.

Посреди кузницы — нѣсколько *наковаленъ*. Наковальня — деревянный чурбанъ, обтянутый желѣзными обручами, а сверху него желѣзная площадка, покрытая сталью.

Когда желѣзная полоса раскалилась до бѣла, работникъ выхватываетъ ее щипцами изъ горна, кладетъ на наковальню и начинаетъ ковать. А куютъ обыкновенно такъ: два кузнеца стоятъ у наковальни, другъ противъ друга; одинъ ударитъ тяжелымъ молотомъ по желѣзу, а за нимъ тотчасъ другой. Двое сразу куютъ, чтобы не дать ни капли остыть желѣзу. Не даромъ же сложилась русская пословица: «Куй желѣзо, пока горячо».

Такую желѣзную полосу, если она остынетъ, можно

опять бросить въ горнъ и нагрѣть, но нѣсколько разъ нагрѣтое желѣзо не такъ прочно.

Близь горна фонтаномъ сыпались красныя искры, и дыханіе захватывало горѣлымъ, жаркимъ воздухомъ. Миша отошелъ назадъ на нѣсколько шаговъ, и прямо въ спину ему дулъ холодный, сквозной вѣтеръ.

Миша положилъ на свободную наковальню деньги и повернулся, чтобы идти.

— Это за что?—спросилъ старый кузнецъ, который въ это время копался въ кучѣ старыхъ подковъ.

— Я отнял у васъ время, значить, я у васъ въ долгу.

— И, что ты, батюшка, купи баранка или какую сласть, себя потѣшить.

Но Миша уже бѣжалъ по тротуару, а въ ушахъ его еще раздавался стукъ молотовъ о наковальню.

Раки.

— Раки живые! Раки!...—кричалъ разнощикъ съ корзинкою на головѣ и заглядывалъ въ окна каждой дачи.

— Мы купимъ... къ намъ... раки...—зазывали его дѣти. Но разнощикъ не обратилъ никакого вниманія на дѣтскій крикъ и шелъ дальше, извѣщая всѣхъ о своемъ товарѣ.

— Что же ты не слушаешь?—говорилъ мальчигъ, подбѣгая къ нему и дергая его за рукавъ.—Вѣдь тебя же зовутъ.

— Да по вашему-то приказу зайдешь, а маменька скажетъ: не надо, зачѣмъ ходишь, когда дѣти зазываютъ.

— Да нѣтъ же, говорятъ, возьмемъ...

— Ну, ладно, а если прогонять, такъ сниму за это вашъ

красненькій поясокъ, кстати у меня такой же парнишка... — шутилъ разнощикъ, и вмѣстѣ съ мальчикомъ взошелъ на балконъ одной дачи.

— Раки... раки... — весело кричали дѣти, гурьбой высыпали на балконъ и подсѣли на корточкахъ къ корзинкѣ. Множество зеленовато-бурыхъ раковъ копошилось въ травѣ, то закидывая на спинку свои длинные усики и пятясь назадъ, то распуская ихъ въ сторону и подвигаясь впередъ.

— А у насъ, — сказалъ одинъ мальчикъ разнощику, — послѣдній разъ за столомъ были совсѣмъ другіе раки, — такіе красные...

— И эти будутъ красные, какъ сварятся, — отвѣчалъ тотъ, — отъ горячей воды они станутъ такіе чистенькіе, красивенькіе; ужъ не даромъ и пословица объ нихъ сложилась: «рака горе красить»...

— Какъ ты ихъ ловишь? — спрашивали другіе...

— А просто сачкомъ. Вчера пришли мы ихъ ловить, въ сачки-то набросали мяса, да фонари захватили, такъ они такъ и лѣзли на свѣтъ. А потомъ изъ моего-то сачка говядина какъ-то вывалилась, — я думаю, дай попробую опустить и безъ говядины; только свѣту въ фонарѣ больше пустилъ, — такъ ихъ и безъ говядины пропасть нашло.

Дѣти возились около раковъ, просовывали руки въ корзину, но быстро ихъ отдергивали, вскрикивали и лѣзли къ нимъ опять.

— Смотри, смотри, мама... — кричала одна дѣвочка, — отчего это у нѣкоторыхъ раковъ одна клешня больше другой?

— Когда они задерутся изъ за какой нибудь рыбки, тогда и ломаютъ свои клешни, а иному вывернуть и всю ногу. Хотя отломанные ноги потомъ и вырастаютъ, но сначала бываютъ меньше старыхъ.

— Ахъ, ты, забіяка... жадный... съ кѣмъ нибудь

дрался изъ за рыбки...—повторила дѣвочка и вдругъ страшно вскрикнула и пустилась бѣжать, куда глаза глядятъ: ракъ сжалъ ей клешнями палецъ и повисъ на немъ. Дѣти со страхомъ попятились отъ корзинки.

— Э, какіе вы труссы,—сказала имъ мать, высвободивъ изъ клешней руку дочки.—Не успѣли хорошенько рассмотреть и ужъ бросили. Волка бояться, и въ лѣсъ не ходить... А вы лучше научитесь, какъ ихъ брать такъ, чтобы они не хватали васъ своими клешнями... Вотъ смотрите,—и она ловко брала ихъ за спинку и перебрасывала въ другую корзинку.

— Я больше не боюсь,—объявила маленькая дѣвочка, схватила одного рака и бросила въ глубокую тарелку. Черезъ минуту она уже наливала ему воды и бросала кусочки говядины. Ракъ все карабкался на край, чтобы выползти, ни до чего не дотрогивался, и не прошло получаса, какъ онъ уже лежалъ мертвый, вверхъ ногами. Между тѣмъ тѣ раки, которые остались въ травѣ, всѣ были живы и копошились по прежнему.

— Да онъ видно оттого уснулъ (околѣлъ),—объясняла мать,—что ты налила ему воды изъ той кадки, а тамъ была вода изъ канавы. Раки живутъ только въ рѣкахъ и озерахъ, а въ канавахъ и прудахъ съ стоячею водою никогда не водятся. Впрочемъ, если бы ему налить и рѣчной воды, онъ, можетъ быть, нѣсколько дольше пожилъ бы, но все-таки не долго... ему нужна вода именно той рѣчки или озера, въ которой онъ жилъ. Вотъ потому раковъ и держатъ въ травѣ. Пора однако ихъ варить, а то они пожалуй всѣ переколѣютъ. Мы получше ихъ рассмотримъ, когда ихъ подадутъ намъ къ завтраку.

И вслѣдъ за ней всѣ дѣти побѣжали въ кухню. Тамъ кухарка вынимала раковъ большой ложкой изъ корзинки, бросала въ кипятокъ и посыпала солью.

— Ты лучше оставила бы ихъ жить, — замѣтилъ

мальчикъ,—а когда они сами уснутъ, тогда и сварила бы ихъ.

— Ну нѣтъ, тогда они будутъ такъ не вкусны, что вы ихъ и кушать не станете.

— У рака вѣдь только и можно ѣсть одинъ хвостъ,— замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ, накладывая себѣ въ тарелку вареныхъ раковъ.

— Это совсѣмъ не хвостъ,—поправила его мать.— Теперь они никого не ущипнутъ, возьмите-ка по раку да слушайте, что я расскажу.

Сколько вы разсматривали насѣкомыхъ,—ни одно не было покрыто такой твердой кожей, какъ ракъ. Это въ родѣ скорлупы куринаго яйца, только еще ~~д~~отверже. А вотъ, точно на короткихъ ниточкахъ, высунувшись, торчатъ маленькіе, круглые глазенки рака. Передъ глазами длинные усики, а передъ ними—еще пара усиковъ, только короткихъ. Вся часть тѣла до бороздки—его *голова*. За бороздкой, или, лучше сказать, за этой маленькой выемкой, *грудь* рака. Перевернемъ его нижней стороной. Тутъ прежде всего мы увидимъ, на нижней части головы, длинную щелку: это его ротъ. Къ груди же прикрѣплено 5 паръ ногъ. Передняя пара ногъ и больше, и толще, и кончается клешнями, которыми ракъ щиплетъ неумѣлыхъ дѣтей и схватываетъ добычу. А вотъ сзади эти колечки, нѣсколько надвинутыя другъ на друга, называются *брюшко*мъ. На послѣднемъ колечкѣ мы видимъ пять широкихъ пластинокъ, которыя сидятъ въ рядъ, одна около другой: это *плавники*. Вотъ какъ плаваетъ ракъ: то подогнетъ подъ себя брюшко, то опять разведетъ. Плаваютъ раки проворно, задомъ впередъ, за то когда пойдутъ ногами, еле карабкаются. Такъ теперь не называйте брюшко рака его шейкой. Помните, что и у людей, и у всѣхъ животныхъ, у которыхъ есть шея, она сидитъ за головой, такъ и у

рака нельзя назвать шеей ту часть тѣла, что сидитъ назади, за грудью. А что это не хвостъ, я вамъ сейчасъ покажу. Она оторвала скорлупу, вынула бѣлый длинный кусокъ мяса и разрѣзала его вдоль. Видите эту синюю жилку: это кишка, а кишки бываютъ только въ брюхѣ.

Л я г у ш к а.

Зачѣмъ вы, дѣти, съ такимъ ужасомъ и отвращеніемъ бѣжите прочь отъ лягушки, когда она послѣ дождика выскакиваетъ изъ пруда попрыгать по мокрой травѣ и подышать чистымъ, прохладнымъ воздухомъ? Я, напротивъ, совѣтовала бы вамъ прислониться къ дереву и смирно, тихо поджидать ее. Чуть-чуть зашевелитесь, и она или совсѣмъ скроется, или, если и появится, то, заслыша шумъ, большими скачками, упрыгнетъ куда нибудь въ канаву или прудъ.

Во время дождя все стихло, всѣ ушли въ свои жилища, и человѣкъ, и животныя; насѣкомыя—и тѣ залѣзли въ дупла деревьевъ. Но теперь уже выглянуло солнышко, сейчасъ прилетитъ на дерево дятель и своимъ крѣпкимъ длиннымъ клювомъ выбьетъ изъ дупла всѣхъ мошекъ и комаровъ, которые туда запрятались во время дождя. А вотъ, между листьевъ подорожника сидитъ лягушка. Вы ее не тотчасъ замѣтили, потому что она въ такой же зеленой одеждѣ, какъ и все въ природѣ. Къ осени листики на деревьяхъ пожелтѣютъ, она сброситъ свое зеленое платье и, чтобы никому не доставался красивый нарядъ, сама съѣстъ тонкую, зеленую шкурку и нарядится уже въ рыжеватую. Вотъ прыгнула она за бабочкой, но та легко порхнула отъ нея, высоко поднялась въ воздухъ, точно показывая лягушкѣ свое искусство, и затѣмъ только промелькнули вдали черныя кра-

пинки ея прозрачныхъ крыльевъ. Чу! Съ дерева упалъ червячокъ: у лягушки, какъ палки, выпрямились заднія лапы, она сразу прыгнула на червячка, высунула языкъ и проглотила добычу. Но такъ вы ея никогда не разглядите! Лучше поймите ея и, увѣряю васъ, вы тотчасъ сами убѣдитесь, что ея нечего бояться. Видите ли, какъ громко стучить отъ страха ея бѣдное маленькое сердчишко! На лапахъ у нея нѣтъ когтей, какъ у кошки, которыми она могла бы оцарапать; зубы лягушки далеко не такъ остры и крѣпки, какъ у нашего двороваго пса, который перегрызаетъ кости и въ дурномъ расположеніи можетъ пребольно васъ искушать; напротивъ, своими крошечными зубами лягушка только хватаетъ пищу, но никогда не жуеетъ ея.

У птицы тѣло покрыто перьями и пухомъ, у животныхъ—шерстью, волосами, щетиной, у рыбъ—чешуею, а у лягушки оно покрыто голой, слизкой кожею. Вотъ эта-то нагота, постоянно вздрагивающее, холодное, скользкое тѣло и кажутся намъ отвратительными. Но зачѣмъ же клеветать на лягушку? Вреда человѣку она не дѣлаетъ никакого, а скорѣе еще приноситъ пользу, истребляя вредныхъ червяковъ и насѣкомыхъ. Разъ вы уже взяли ея въ руки, разглядите ея повнимательнѣе.

Прежде всего вы невольно обращаете вниманіе на ея глаза, которые торчатъ у нея поверхъ плоской головы. Сама она, по правдѣ сказать, порядочно безобразна, но глаза у нея умные, блестящіе, чуднаго, желтовато-золотистаго цвѣта. Ротъ безобразно широкій, уши—вотъ эти самыя ямочки за глазами, затянутыя кожицею, ноздри только намѣчены. У лягушки, какъ у рыбы, нѣтъ шеи; куда она повернетъ голову, туда и все туловище. А туловище у нея толстое и съ такимъ огромнымъ животомъ, что онъ, особенно когда раздуется, такъ и волочитъ по землѣ. Замѣьте на ея спинѣ желтыя полосы

и темныя пятнышки; снизу тѣло ея гораздо свѣтлѣе; заднія лапы лягушки длиннѣе переднихъ, и пальцы соединены перепонкой, какъ у всѣхъ животныхъ и птицъ, которыя могутъ плавать.

Лишь только наступаютъ холодные, осенніе дни, лягушка начинаетъ все меньше и меньше ѣсть, перестаетъ прыгать и забирается куда нибудь въ тину. Но вотъ замерзнетъ вода, и она перестаетъ дышать и коченѣетъ на всю зиму.

Когда весною пригрѣетъ солнышко, разбудить природу отъ холоднаго, долгаго сна, оживетъ и лягушка. Медленно расправитъ она свои лапки, высунетъ свою некрасивую, тупую морду и квакнетъ... За ней квакнула другая, третья лягушка, и вдругъ раздался огромный, нестройный хоръ. Раздирающій душу, оглушительный, непріятный концертъ далеко раздается по окрестности, но люди не только не прислушиваются къ нему, какъ это бываетъ при пѣніи голосистыхъ птицъ, а бѣгутъ отъ него подальше.

Дождёвой червякъ.

На этотъ разъ я хочу рассказать о червячкахъ, только не о тѣхъ мохнатыхъ, разноцвѣтныхъ червячкахъ, съ головою и хвостомъ, съ мясистыми ногами на брюшкѣ, которыхъ ты такъ часто собираешь весною съ древесныхъ вѣтокъ и съ травы, запираешь въ коробку и кладешь имъ свѣжіе листочки. Эти красивые червячки вначалѣ съ большимъ аппетитомъ ѣдятъ зелень, которую имъ приносятъ, потомъ вовсе перестаютъ ѣсть и начинаютъ прилежно устраивать себѣ домикъ: обматываютъ себя нитями, которыя выпускаютъ изъ себя, и потомъ долго остаются безъ всякой работы, безъ пищи, даже безъ движенія. Просыпаются они послѣ крѣпкаго сна уже совсѣмъ

другими. Червячокъ, который только ползалъ по землѣ, сталъ теперь красивой, стройной бабочкой, съ легкими, разноцвѣтными крылышками. Вотъ она красиво порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, но не прельщайтесь ея красотой, не трогайте ея нѣжныхъ крылышекъ, — вы сотрете ихъ затѣйливый рисунокъ.

Сегодня я хочу рассказать вамъ о дождевомъ червякѣ, который никогда не бываетъ бабочкой. Онъ тоже, какъ и другіе червячки, появляется на свѣтъ Божій изъ крошечнаго яичка, но какимъ родится некрасивымъ, такимъ же и умираетъ. Никогда онъ ни во что не превращается, никого не плѣняетъ своей красотой, не смотря на это очень многіе жестоко преслѣдуютъ его.

Рыбакъ сворачиваетъ каждый попавшійся камень, разрыываетъ землю, чтобы набрать какъ можно больше дождевыхъ червей въ свою черепицу. Ни одна рыба не пойдетъ на голый крючекъ, и червякъ для нихъ лучшая приманка. Воробы, сороки, ласточки, вороны, кроты, полевые мыши и множество другихъ животныхъ тоже очень любятъ его жирное тѣло. Мухи и другія насѣкомыя иначе досаждаютъ дождевому червяку: онѣ кладутъ въ его тѣло свои яички, изъ которыхъ потомъ выходятъ личинки.

Однажды лѣтомъ, рано по утру, я вошла въ свой палисадникъ и увидала, что разныя соломенки, листочки, лоскутки разноцвѣтной бумаги, которую я накануне изрѣзала и побросала, гдѣ попало, теперь торчкомъ торчали изъ земли, точно кто ихъ нарочно такъ воткнулъ. Я очень хорошо знала, что до меня еще никто не былъ въ саду; я стала вырывать этотъ мусоръ и внимательно осматривать землю. Здѣсь и тамъ я замѣтила дырочки, разрыла землю палочкой и увидѣла множество дождевыхъ червей. Они-то, заползая въ землю, вѣроятно и втянули эти соломенки и бумажки. Теперь черви лежали, свернувшись клубочками; нѣкоторые успѣшно опять скрывались подъ

камни и валявшіеся обрубки дерева. Но я палочкой счищала съ нихъ землю, и предо мной то въ ту, то въ другую сторону, извиваясь всѣмъ тѣломъ, задвигалась вся масса червей. Я нагнулась, чтобы внимательно ихъ рассмотреть... Боже! какіе они противные: голые, красные, какіе-то влажные, и въ добавокъ у нихъ нѣтъ ни глазъ, ни носа, ни ушей, ни ногъ и, представьте, нѣтъ даже головы!

Понятно, что животное, у котораго нѣтъ ни головы, ни глазъ, не видитъ ничего, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Оно не знаетъ, какъ зеленѣютъ луга, какъ порхаютъ птицы, какъ яркое, теплое солнышко даетъ жизнь нѣжнымъ цвѣтамъ, весело блестя на голубомъ небѣ. Оно безъ ушей, — слѣдовательно никогда не слыхало, какъ другія животныя крикомъ, ревомъ, свистомъ подаютъ другъ другу вѣсть объ опасности или выражаютъ свое горе и радость, какъ заливается въ роцѣ соловей, какъ охотничьи выстрѣлы и лай собакъ пугаютъ звѣрей въ лѣсной чащѣ. Безъ глазъ, безъ ушей, безъ ногъ, безъ головы дождевой червь, казалось, не могъ бы и находить себѣ пищи. Какое жалкое животное! скажете вы. Какъ же онъ ѣсть? Какъ двигается? Не думайте, однако, что онъ такъ уже беззащитенъ и беспомощенъ! Дождевой червякъ тоже знаетъ, что ему нужно; его выгода передъ другими животными въ томъ, что ему нужно очень немного. У него все-таки есть ротъ и желудокъ, его тѣло также чувствуетъ тепло и холодъ, сырость и сухость; а видѣть и слышать ему нечего, такъ какъ онъ живетъ подъ землею. Онъ все-таки умѣетъ выбрать любимую имъ землю: раскроетъ ротъ и вбираетъ ее себѣ въ желудокъ, который извлекаетъ изъ нея всѣ питательныя частицы. Двигаться онъ можетъ и безъ ногъ.

Тѣло дождевыхъ червей, толщиной въ гусиное перо, состоитъ изъ множества подвижныхъ колець (взрослые

черви отличаются отъ маленькихъ только мясистымъ наростомъ на срединѣ). Первое кольцо и образуетъ верхнюю губу; второе, вытянутое хоботкомъ,—нижняя губа. Въмѣсто ногъ у червяка щетинки. Съ помощью своихъ подвижныхъ колець, которыя позволяютъ ему сжимать и разжимать тѣло, и этихъ щетинокъ дождевой червякъ двигается довольно скоро: при этомъ онъ сначала прикрѣпляется нѣсколькими щетинками и вытягиваетъ впередъ свободныя колечки, потомъ опять прикрѣпляетъ и перемѣщаетъ другія колечки. Троньте его палкой или чѣмъ нибудь другимъ, онъ тотчасъ съжмется на половину.

Дышитъ червякъ очень медленно всей поверхностью своего тѣла, изъ котораго постоянно выдѣляется слизь,— вотъ почему онъ такой влажный. Но случится засуха, или попадетъ онъ въ сухой песокъ, тѣло его скоро высыхаетъ, и онъ умираетъ.

Наша рѣчка.

Нашъ деревенскій домикъ стоитъ на верху довольно большой горы. По одну сторону раскинуть фруктовый садъ, а по другую—крутой спускъ, къ рѣчкѣ, которая вьется по оврагу, между ольхою и кустами лозняка.

Пойдемъ къ рѣчкѣ. Слышите, какъ журчитъ она между камешками? Посмотрите, какое множество маленькихъ рыбокъ плаваетъ въ свѣтлой водѣ! Водяные пауки смѣло шагаютъ по водѣ, не боясь, какъ мы, утонуть. А что это выглядываетъ тамъ изъ-подъ камня? Да это раки! Давайте-ка ихъ ловить. Нѣтъ, лучше придемъ сюда, когда стемнѣетъ, и они десятками ползутъ къ свѣту нашего фонаря. А теперь пройдемся по берегу рѣчки вверхъ по теченію. Какъ извивается она то въ одну, то въ другую сторону!

Мы далеко забрели, а все небо кругомъ заволокло тучами.. Ну, дождь накрапываетъ! Нечего дѣлать! усядемся подъ эту развѣсистую елку и переждемъ. Ой, ой! да дождь-то полилъ какъ изъ ведра. Смотрите, какія ручьи потекли съ горы въ нашу рѣчку. И отчего это вдругъ сразу помутилась въ ней вода? А вотъ глядите: ручьи текутъ по скату, уже прежде размытому дождями, и, быстро по нимъ стекая, сносятъ въ рѣчку много песку и грязной земли. Когда идетъ небольшой дождь, вода бываетъ почище. Весной, солнышко пригрѣетъ землю, и снѣгъ разомъ начнетъ таять; тогда наша рѣчка заливаетъ весь оврагъ и даже совсѣмъ сноситъ вонъ тотъ мостъ. Наша рѣчка и сама не велика, да оврагъ ей мѣшаетъ, вотъ она и не можетъ слишкомъ разлиться. Но большія рѣчки иногда такъ разливаются, что прежній берегъ узнаешь лишь по деревьямъ, которыя торчатъ изъ воды. Тутъ сносить только небольшой мостикъ, а есть страны, гдѣ рѣчки выступаютъ изъ береговъ и отъ сильныхъ дождей наводненіемъ сносить не только цѣлыя деревни, но даже города. Въ горахъ и небольшіе ручьи сносятъ внизъ по теченію камни до 30-ти пудовъ вѣсомъ. Вотъ сколько горя человѣку отъ воды! Но если съумѣешь воспользоваться ея силою, то она окажетъ и много услугъ. Стоитъ только пройти по нашей рѣчкѣ въ другую сторону, внизъ по теченію, чтобы въ этомъ убѣдиться. Тамъ стоитъ *водяная мельница*. Еще издали мы слышимъ шумъ отъ паденія воды и движенія колесъ. Подойдемъ ближе: тутъ нашей рѣчки и узнать нельзя. Вода, задержанная плотиною, разлилась въ цѣлое небольшое озерко; она очень мало протекаетъ прямо за плотину, за то сильною струею проходитъ по желобу и падаетъ на большое колесо; отъ этого оно вертится и приводитъ въ движеніе всѣ другія колеса.

Чему научило меня озеро лѣтомъ.

Люди, которые весь вѣкъ свой живутъ въ большихъ шумныхъ городахъ, никогда не поймутъ, какъ дорожить деревенскій житель близостью озера или рѣки. Первые годы своего дѣтства я провела въ глухомъ захолустьѣ и не только не видѣла никакого уѣзднаго городишка, но не имѣла понятія даже о какомънибудь фабричномъ или промышленномъ селѣ.

Всѣ удовольствія, радости и печали, и зимою и лѣтомъ, доставляло мнѣ наше небольшое озеро. Оно не только научило меня слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось вокругъ меня въ природѣ, но сблизило со многими людьми, которымъ тутъ приходилось работать, заставило меня уважать смѣльчаковъ, которыхъ прежде я считала только безразсудными.

Когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, мать стала позволять мнѣ ходить гулять одной, запретивъ разъ навсегда далеко отходить отъ дома.

Озеро было ближе всего, и съ этихъ поръ оно стало для меня мѣстомъ всѣхъ моихъ прогулокъ. Лѣтомъ, чуть забрежжится свѣтъ, я обыкновенно наскоро хватала свою шляпку и удочку и бѣжала къ озеру. Тутъ я въ минуту раздѣвалась, удочку ставила у березы, а свою одежду развѣшивала на густыя вѣтви дерева и начинала купаться: плескалась въ водѣ, взбивала ногами огромную, бѣлую пѣну, ныряла, плавала, какъ утка. О! какъ въ первый разъ я была рада, что не было со мной моей ворчливой старой няни, что никто не принуждалъ меня скорѣе выйти изъ воды, никто не журилъ за смѣлость. Само прозрачное, голубое небо, казалось, оберегало меня, а я, благодарная матери за свободу, твердо рѣшила выполнять всѣ ея малѣйшія требованія. Какъ мнѣ было весело! Птички напѣвали мнѣ такія веселыя пѣсенки, — я

вслушивалась и подтягивала... За мое вниманіе къ нимъ онѣ точно заигрывали со мной, особенно ласточки и чайки чуть не затрогивали меня своими легкими крыльями,— такъ близко онѣ летали надъ озеромъ и моей головой. Въ свѣтлой, прозрачной водѣ я могла разглядѣть играющихъ рыбокъ. И имъ, думала я, какъ мнѣ, весело на свободѣ.

Въ воздухѣ начинался томительный жаръ, а всѣ мои члены пробирала такая пріятная, освѣжающая дрожь и прохлада. Наскоро одѣвшись, я садилась на пенъ и закидывала свою удочку. Ага! поплавокъ уже зашевелился! Значить рыба видитъ въ водѣ червячка и чуть дотрогивается до него. Ну! соблазнилась-таки, поплавокъ опустился, значить рыбка поймана. Иди-ка сюда, глупенькая! Бѣдная, какъ легко тебя провести!

Но вмѣсто того, чтобы снять съ крючка, я оборвала челюсть рыбы, и она безпомощная падаетъ къ моимъ ногамъ. Боже! Какая жалость! Какъ ей должно быть больно... и я горячо прижала бѣдную рыбку къ своимъ губамъ и опять бросила ее въ воду къ подругамъ.

Хотя я и пустила эту рыбку на волю, но я все-таки сдѣлала ей большое зло, раздумывала я. Непремѣнно нужно, чтобы она не поминала меня лихомъ. Въ ту же минуту я выбросила въ воду всѣхъ червячковъ, которыхъ за часъ предъ этимъ я приготовила для ужения. Сколько рыбокъ бросилось на лакомую для нихъ добычу! Я ясно разсмотрѣла плотву, пискарей, прожорливыхъ ершей, маленькихъ, широкихъ лещиковъ. Я скоро свела дружбу съ маленькими рыбками, и онѣ такъ весело плыли къ берегу каждое утро, когда я имъ чтонибудь бросала. При этомъ мнѣ всегда хотѣлось знать, сколько ихъ собралось; я близко подходила къ водѣ и вспоминала объ этомъ тогда, когда уже чувствовала, что мои башмаки до краевъ зачерпнули воду. Я сбрасывала башмаки и чулки и наса-

живала все это по одиночкѣ на колышки, на которыхъ, обыкновенно, сушился неводъ нашихъ рыбаковъ.

Однажды малиновка на моихъ глазахъ подняла червячка, котораго я только-что обронила. Я видѣла, какъ она неподалеку сѣла въ кусты. По ея щебетанью я скоро напала на ея слѣдъ, раздвинула кусты и въ ихъ вѣтвяхъ нашла маленькое гнѣздышко, изъ котораго высовывались и покачивались изъ стороны въ сторону три голенькихъ головки. Малютки пищали, широко открывали ротики, тѣснились къ матери, которая каждому по очереди надѣляла червячкомъ.

Не далеко отъ гнѣзда я устроила дощечку, на которую клала каждый день хлѣбъ, зерна, мухъ, червяковъ, ягодъ. Каждый разъ, когда при этомъ мнѣ хотѣлось что нибудь увидѣть, я, тихонько притаившись, высматривала изъ-за дерева. Но впослѣдствіи птички боялись меня гораздо меньше, и ихъ мать, даже въ моемъ присутствіи, учила маленькихъ птенчиковъ скакать съ вѣтки на вѣтку.

Помню, какъ меня однажды поразило слѣдующее: Когда всѣ птенчики уже хорошо перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку, малиновка-мать начала предпринимать съ ними болѣе трудныя экскурсіи: поддерживая одного изъ нихъ то своимъ клювомъ, то ножками, иногда удаляясь отъ него, то снова приближаясь и помогая ему, она перелетала такимъ образомъ съ своимъ птенчкомъ на противоположный кустъ. Одному малюткѣ наука не давалась,—онъ часто падалъ внизъ: растопыривъ крылышки и тяжело дыша, неподвижно сидѣлъ онъ на землѣ. Мать щебетала, увивалась надъ нимъ, но лишь только онъ начиналъ бодрѣе смотрѣть по сторонамъ и подбиралъ крылышки, она помогала ему подняться на первую вѣтку. Но она не оставляла его въ покоѣ: то долбонетъ его въ спинку, то потянетъ за крылышки, то рѣзко защебечетъ, видимо, настоятельно заставляя его

подняться вмѣстѣ съ нею, — и вотъ наконецъ они летятъ къ злополучному кусту. Боже! даже умѣнье летать дается птичкѣ, повидимому только для этого и созданной, не безъ тяжкихъ усилій и труда!

У берега всегда стояла привязанная къ дереву лодка. Я и прежде часто садилась въ нее, чтобы быть ближе къ тростнику, который я такъ любила вырывать, чтобы дѣлать тросточки для моего маленькаго брата, или выдергивать красивые желтые кувшинчики. Но на этотъ разъ мнѣ вздумалось прокатиться. Я смѣло принялась грести и уже отъѣхала довольно далеко отъ берега. Но рука скоро отекала отъ непривычнаго труда, и весло упало въ воду. Въ первую минуту я было оторопѣла, тѣмъ болѣе, что небо было нѣсколько пасмурно. Но гладкая поверхность озера и тишина кругомъ скоро успокоили меня; я подняла вверхъ голову и стала смотрѣть на небо. Сколько толпилось на немъ облаковъ! Они принимали такія причудливо-грозная формы, что я совсѣмъ засмотрѣлась. Вотъ одно облачко сдвинулось съ другимъ, и, о чудо, — я ясно различила не только своего стараго, престараго дѣдушку, но и его длинную, сѣдую бороду. И дѣдушка, котораго всѣ у насъ почитали, былъ въ овечьей шкурѣ на изнанку, — въ святочномъ шутовскомъ нарядѣ. Вдругъ онъ начинаетъ мнѣ грозить пальцемъ, и черезъ минуту, вмѣсто стараго дѣдушки, является какое-то ужасное чудовище на длинныхъ ногахъ, съ громадной головой. Это вѣрно и есть то страшилище, которымъ пугалъ меня прежде дѣдушка: не даромъ же оно явилось послѣ него. Лишь только успѣла я это подумать, передо мною была уже прелестная маленькая овечка.

Вдругъ откуда-то подулъ вѣтеръ, издали слышались раскаты грома, небо сразу потемнѣло, поднялись небольшія волны, пошелъ дождь, и меня понесло хотя и близко отъ берега, но лодка страшно качалась то въ

ту, то въ другую сторону. Отъ ужаса у меня запестрѣло въ глазахъ, но я собралась съ послѣдними силами и пронзительно вскрикнула.

Я была почти безъ сознанія и совершенно очнулась только тогда, когда разслышала около себя чей-то знакомый голосъ. Въ ту же минуту я разсмотрѣла знакомаго рыбака Максима, который стоялъ по горло въ водѣ и старался багромъ зацѣпить мою лодку. Но вѣтеръ и волны отбрасывали то лодку назадъ, то его отъ лодки. Нѣсколько разъ, чтобы спасти меня, онъ пускался вплавь; онъ былъ у самой лодки, но никакъ не могъ подвинуть ее руками,—такъ вѣтеръ рвалъ ее въ противоположную сторону. Онъ опять всталъ на ноги въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода доходила ему по уши, и тутъ ему уже удалось зацѣпить мою лодку.

Прежде всего у меня явилась мысль, что вотъ всему конецъ: мать никуда не будетъ пускать меня теперь одну. Мысль потерять свободу защемила мнѣ сердце...

— Мама знаетъ? Ова тебя ко мнѣ послала?—забрасывала я его вопросами, когда онъ подалъ мнѣ руку, чтобы помочь выйти изъ лодки.

— Нѣтъ... я тутъ неводъ снималъ... такъ услышалъ... Ну слава тѣ, что ничего не приключилось...

— Пожалуйста, не пугай маму, не говори...

— Вѣстимо, прошлаго не воротишь, только страху нагонишь... У меня тоже дочка,—заговорилъ онъ помолчавъ,—поменьше будетъ; только, кажется, что съ ней ни случись, изъ всякой-то бѣды она сама вывернется. Вотъ, наемни, поди еще безпокойнѣй озеро было... Ну, а мнѣ заказъ былъ тамошнему барину живьемъ щукъ доставить; мѣшкать тутъ не приходится, рыба заснетъ, а отлучиться самому никакъ нельзя. Вотъ она за меня и справила дѣло въ лучшемъ видѣ. Вѣстимо, тебѣ рыбы не возить,—добродушно добавилъ онъ, глядя мнѣ въ глаза, ну а пришла

охота одной въ лодкѣ кататься, не мѣшало-бы у моей дочки поучиться, какъ рулемъ править... Вотъ и не пришлось бы, какъ надѣсь, щенкомъ пищать... Ей, ей... ты кричишь, а я думаю не щенка ли тутъ кто въ озеро ки- нулъ.—И онъ разсмѣялся.

Въ эту минуту мнѣ вдругъ бросилась въ глаза рука Максима: обмотанная тряпкой повязка намокла, развяза- лась и изъ подъ нея виднѣлась рана.

Вчера этотъ самый человѣкъ, поранивъ себѣ руку, пришелъ къ намъ за пластыремъ. Моя мать дала мнѣ пластырь и велѣла перевязать ему руку; но когда я на-гнулась и увидала въ сгибахъ пальцевъ грязь и кровь, меня покорило отъ брезгливости, и я отговорила не- умѣньемъ.

Этотъ самый человѣкъ, которому я вчера не могла оказать пустячной услуги, не отвернулся отъ меня даже и тогда, когда, чтобы помочь мнѣ, ему пришлось потерять много времени, дрогнуть въ холодной водѣ. Я погнушалась руки человѣка, который своимъ трудомъ прокармливаетъ семью и въ своей грязной, тяжелой работѣ не оставляетъ для себя свободной минуты, а онъ, не раздумывая, бро- сился на помощь ко мнѣ, хотя, вѣроятно, отлично зналъ, что онъ теряетъ дорогое для него время для празднаго, избалованнаго жизнью ребенка, какимъ я была тогда.

Чему научило меня наше озеро зимой.

Зимою наше озеро доставляло мнѣ другія удовольствія. У меня было много знакомыхъ подругъ на другомъ берегу. Часто посѣщать ихъ лѣтомъ было невозможно: когда под- нимутся волны, ѣхать на лодкѣ опасно, а объѣзжать кругомъ далеко; въ хорошую же погоду у насъ не было гребцовъ, такъ какъ всѣ люди были заняты полевыми работами.

Лишь только наступали холода и озеро покрывалось толстымъ льдомъ, я каждую недѣлю отправлялась къ кому нибудь изъ знакомыхъ дѣтей. Попросимъ запретъ парюу легонькія саночки, привѣсимъ къ лошадямъ бубенцы и летимъ во весь духъ по гладкой, ровной поверхности. По дорогѣ кое гдѣ мелькаютъ только ели, воткнутыя во кругъ прорубей, чтобы ночью кто нибудь въ нихъ не упалъ. Кругомъ ни домовъ, ни заборовъ, лишь безконечная, снѣжная, совершенно гладкая поляна. Мчишься во весь духъ и чувствуешь только, что сердце сильно бьется отъ быстрой ѣзды, и хотѣлось бы мчаться еще и еще скорѣе. Кучеръ затягиваетъ заунывную пѣсню, и вамъ взгрустнется; но онъ, приударивъ коней, перемѣняетъ ее на удалую,—и на душѣ опять повеселѣло.

Когда собиралось насъ много, мы отправлялись на то-же озеро бѣгать на конькахъ или смотрѣть на рыбную ловлю. При этомъ меня многое удивляло: отчего это, думала я, у насъ теперь такіе морозы, а вода въ озерѣ не промерзаетъ до дна? И какъ это рыбки не засыпаютъ во время морозовъ?

Въ праздникъ Рождества пріѣхалъ мой старшій братъ, и вотъ что онъ разсказалъ мнѣ по этому поводу.

Холода и морозы прежде всего прохватываютъ все, что сверху. Поэтому на озерѣ прежде всего замерзаетъ поверхность воды. Конечно, верхній ледяной слой могъ бы сейчасъ опуститься внизъ, на дно, и тогда погибли бы всѣ рыбы; но это не можетъ случиться, потому что ледъ гораздо легче воды...

— Не правда, не правда,—первала я брата,—это даже представить себѣ трудно...

Смотри.—И братъ взялъ двѣ стеклянныя бутылки, налилъ обѣ до краевъ водою, а одну изъ нихъ крѣпко заткнулъ пробкой и выставилъ ихъ за окно. Скоро я услышала сильный трескъ и подбѣжала къ огню: это трес-

нула та бутылка, которая была закупорена; въ то-же время изъ нея выскочила пробка и вытекло нѣсколько воды. Изъ той бутылки, которая не была закупорена, тоже вытекала вода, только она не треснула на морозѣ.

— Видишь-ли,—сказалъ мнѣ братъ:—вода въ бутылкахъ стала замерзать, а когда вода замерзаетъ, ей нужно больше мѣста, она становится шире, *расширяется*. Вотъ, поэтому она и вытекла черезъ край бутылки. Изъ той же бутылки, которая была закупорена, вода не могла тотчасъ вытечь; бутылка лопнула, какъ лопнетъ лификъ твоего платьица, если ты вздумаешь его одѣть года черезъ два, когда выростешь и пополнишь. Часть воды вытекла, слѣдовательно остальная вѣситъ меньше, значитъ бутылка льду вѣситъ меньше, чѣмъ бутылка воды; вотъ и выходитъ, что *ледъ легче воды*. А всѣ вещи, которыя легче воды, плаваютъ на ней, поэтому ледъ плаваетъ на водѣ. Когда на озерѣ покажутся льдины, онѣ мало по малу смерзаются вмѣстѣ, и наконецъ вся поверхность воды покрывается ледянымъ покровомъ, который не пропускаетъ сильнаго холода въ глубь воды. Вотъ потому и при сильныхъ морозахъ рыбы могутъ преспокойно жить въ водѣ.

П а с т у х ь.

Лѣтомъ, чуть начинается свѣтать, пастухъ трубить въ рожокъ. Весь скотъ тотчасъ отзывается на его призывъ: со всѣхъ сторонъ слышится мычанье, блеянье, хрюканье, стукъ роговъ и копытъ въ ворота: скотъ не можетъ дождаться, пока ему отпрутъ. Хозяйки вскакиваютъ съ постелей и бѣгутъ въ хлѣва выпустить скотину! Пастухъ засовываетъ за пазуху краюху чернаго хлѣба съ солью, забрасываетъ на плечи ланги, перевязанныя бичевкой, бьетъ хлыстомъ по землѣ и скотъ отправляется въ поле.

Пастуху не сразу удалось сѣсть на камешекъ доканчивать свои лапти; долго скоть не могъ придти въ себя отъ радости: коровы бодались, разбѣгаясь въ разные стороны. Только когда солнце поднялось выше, онѣ стали смириѣе, нѣкоторыя даже полегли. Тутъ пастуху на нѣсколько минутъ свободнѣе. Онъ зачерпнулъ шапкой воды и, пожеывая хлѣбъ, запивалъ его водою. Послѣ завтрака онъ опять принялся было ковырять лапотки.

— Да что я усѣлся? своя работа потерпѣть, а скотина чужая: упаси Богъ, если что дурное съ ней приключится! Вотъ и теперь не ѣсть, полегла, — можетъ оттого, что жара томить, а все думается, что въ этомъ мѣстѣ травы не хватаетъ. Домой пригонишь, — молока мало дастъ, хозяйки хлѣбомъ солью корить стануть, — дескать ѣсть-то ты не лѣнишься, а скотину съ мѣста сдвинуть трудно было, и пойдутъ грозить, что отнимутъ стадо, да и въ заправду безъ хлѣба оставятъ.

И мальчижь забираетъ пожитки, натягиваетъ суконную шапку и перегоняетъ скоть на другой лугъ.

— Что это ты въ такой жаръ суконную шапку натягиваешь? спрашиваютъ пастуха.

— Безъ шапки-то темя больно солнцемъ жжетъ. А гдѣ ихъ разныхъ про всякое время напасешься! Спасибо еще, — эта нашлась, а то и зимой безъ шапки приходилось зябнуть. Оно не совѣмъ-то ладно въ жаркую пору ее носить, да за то зимой хорошо будетъ. Пуще всего радуется, что самъ ее заработалъ.

Какъ Миша съ Васей проводили лѣто на дачѣ.

У Кондратьевыхъ двое дѣтей: Миша и Вася. Мишѣ 9-ть лѣтъ, Васѣ 6-ть, — ну, какіе же они товарищи? Миша любитъ читать вслухъ длинные рассказы; Васѣ

трудно не только долго слушать, но и сидѣть на одномъ мѣстѣ. Миша умѣетъ ѣздить верхомъ, и мама иногда нанимаетъ ему лошадь кататься; Вася катается еще на деревянной лошаdkѣ да бѣгаетъ верхомъ на палочкѣ.

Наступило лѣто. Г-жа Кондратьева привезла сыновей на дачу и купила имъ разныхъ игрушекъ для лѣтнихъ занятій: тачки, лопатки, совочки, грабли, топоръ, пилу и по большому ножу.

Миша подставить табуретъ, наклонить вѣтку дерева, нарѣжетъ себѣ прутьевъ, надѣлаетъ тросточекъ для гулянья, приготовить лукъ изъ тростника, устроить дудку и играетъ себѣ на ней. Вася непременно хочетъ дѣлать то-же самое: лѣзетъ къ дереву сучья ломать и при этомъ или съ табурета свалится, или руку занозитъ, или изрѣжетъ пруть на маленькіе кусочки, а дудочки у него все-таки не выйдетъ. Расплачется Вася и опять тянется къ дереву, опять хочется ему попытать счастья... И такъ до тѣхъ поръ, пока отъ слезъ, усталости и боли онъ совсѣмъ не выбьется изъ силъ.

— Ты не можешь, Вася, это дѣлать, — говоритъ ему мама. — Потерпи годика два, и ты на деревья будешь лазить, и стругать, и пилить, какъ Миша, а теперь тебѣ еще рано.

— Нѣтъ, сейчасъ хочу, — отвѣчаетъ Вася, и не понять ему, что не равныя у него съ Мишею силы, иная ловкость, и что не можетъ онъ во всемъ подражать брату.

И сталъ Вася скучать гораздо чаще, чѣмъ это было съ нимъ въ городѣ. Отчего бы ему не играть съ дѣтьми его лѣтъ? Выбирай любаго! Вѣдь въ паркѣ гуляютъ ихъ такъ много. Пойдетъ Вася съ нянею въ паркъ, передъ нимъ такъ и мелькаютъ все новые и новые люди, пышные наряды, невиданной породы моськи, дѣти съ разными игрушками.

Первое время Васю удивить то или другое, и онъ спросить о томъ, что видѣлъ, но вскорѣ онъ приглядѣлся къ этой пестротѣ, и въ толпѣ разодѣтыхъ дѣтей, въ которой ни одинъ не заговорить съ нимъ, ему становилось еще грустнѣе.

— Поѣдемъ, мама, въ городъ, — говорилъ разъ Вася, со слезами прижимаясь къ матери. — Тамъ ко мнѣ Володя, Петя приходили, мы вмѣстѣ придумывали разныя игры, а тутъ я все одинъ.

— Да вѣдь въ городѣ теперь пыль, духота, — скажетъ ему мама, — тамъ теперь нездорово.

— Ну, такъ ты цѣлый день будь сама со мной... Няня хотя и добрая, да ничего не умѣетъ мнѣ рассказывать о томъ, что я ее спрашиваю.

Но Васина мама не могла постоянно сидѣть съ нимъ, такъ какъ, кромѣ занятій съ обоими сыновьями, у нея было много и другой работы.

— Хорошо, Васюта, — утѣшала она его, — я постараюсь непременно что-нибудь придумать, чтобы ты не скучалъ.

На другой день утромъ г-жа Кондратьева кликнула Васю, и они вмѣстѣ отправились на сосѣднюю дачу, чтобы познакомиться съ жившимъ здѣсь семействомъ, гдѣ было много дѣтей. Вася побѣждалъ впередъ.

— А гдѣ вашъ самокатъ? — вдругъ закричалъ онъ игравшимъ въ саду дѣтямъ, прежде, чѣмъ успѣлъ съ ними поздороваться и познакомиться.

— Дома... А мы знаемъ, — торопливо заговорили дѣти, — ты вчера сломалъ свою лошадку, намъ твой братъ показывалъ... Такъ высоко, высоко поднималъ вверхъ ногу лошадки... Мы увидали это изъ своего сада и поняли, что онъ этимъ хочетъ намъ сказать.

Матери переговорили между собой и вмѣстѣ вышли къ дѣтямъ въ садъ. Онѣ были сильно удивлены, что

дѣти ихъ не только уже знакомы, но и знали, что дѣлалось у каждаго въ домѣ. А дѣло было такъ: вздумаютъ куда идти и увидятъ дѣтей въ сосѣднемъ саду, сейчасъ стануть къ забору на цыпочки, а то и подставятъ скамеечку и дѣлаютъ другъ другу разные знаки и глазами, и руками. Каждую новую или сломанную игрушку они тоже сейчасъ показывали другъ другу.

Матери условились, чтобы одна изъ нихъ каждый день занималась со всѣми дѣтьми вмѣстѣ. Такъ и дѣтямъ было веселѣе въ большой компаніи, и у матерей могло оставаться болѣе свободнаго времени.

На другой день, большой гурьбой, они отправились въ паркъ съ г-жой Кондратьевой, которую всѣ дѣти согласились называть тетей Олею.

— Съ чего мы начнемъ, дѣтки?—спросила она ихъ.

— А вотъ что я придумала, — сказала одна дѣвочка. — Посмотри, тетя, у насъ, у дѣвочекъ, есть цвѣты на шляпахъ, а у мальчиковъ нѣтъ... Нарвемъ на лугу цвѣтовъ и уберемъ гирляндами шляпки мальчиковъ.

— Чудесно, — сказала тетя Оля, — и всѣ должны знать, какъ называется каждый цвѣтокъ, которымъ будетъ украшена шляпа.

Дѣти разсыпались по лугу, рвали цвѣты и при этомъ спрашивали одинъ у другаго, какъ называется тотъ или другой цвѣтокъ, а если никто не зналъ, обращались съ вопросомъ къ тетѣ Олѣ. Когда цвѣты были собраны, всѣ усѣлись на лужку вѣнки плести и связывать букеты. Тетя Оля запѣла:

Какъ у насъ-то козелъ
То-то умный былъ:
Самъ и по воду ходилъ,
Самъ и кашу варилъ,
Дѣда съ бабкой кормилъ.

Дѣти внимательно слушали и, когда тетя Оля запѣла во второй разъ, всѣ стали ей подтягивать.

— Ну, довольно вам сидеть... Сыграемъ въ «кошку и мышку». Возьмитесь за руки и станьте въ кружокъ.

Вася пожелалъ быть *мышкой* и сталъ въ кругу. Мышка слабѣе кошки, на нее нападаютъ, вотъ ее и будутъ защищать дѣти и пропустятъ къ себѣ, когда кошка станетъ ее преслѣдовать. Миша представлялъ *кошку* и былъ внѣ круга. Когда всѣ размѣстились, *мышка* (Вася) залѣлъ:

Скучно, скучно намъ въ подпольѣ,
Въ темной норкѣ все сидѣть,
А на солнцѣ—вотъ приволье,
Любо, весело смотрѣть!..
Какъ свѣтло здѣсь, какъ просторно,—
Погулять бы на лугу!

Вслѣдъ за бабочкой проворно
Я по травкѣ побѣгу.

Буду прыгать, сколько силы,
Не видала-бъ только мать:
Строго, строго запретила
Мнѣ изъ норки выбѣгать.

Всѣ. Мышка, мышка! Матка знала:
Здѣсь бѣда тебѣ, дружокъ!
Эй, смотри, чтобъ не попала
Котофею на зубокъ.

Коть. Я мурлыка, погляди-ка:
Гладкій, бѣленькій какой!
Мышка-норышка, приди-ка,
Поиграемъ мы съ тобой!
Славно прыгать я умѣю,
Помурлычу для тебя.
Мягкой лапкою своею
Приласкаю, полюбя.
Посмотри: хвостомъ пушистымъ
Я такъ тихо шевелю;
Ну, пойдемъ же,—въ полѣ чистомъ
Птичку я тебѣ словлю.“

Всѣ. Мышка, нѣтъ, не слушай, мышка,
Берегись ты этихъ лапъ:
Когти выпустить котишко,
Прыгъ—и мигомъ цалъ-царапъ.

Допѣли дѣти и стали быстро кружиться. Миша очень удачно представлялъ кошку: онъ мяукалъ, прыгалъ около

круга, стараясь найти проходъ; но съ какой стороны онъ ни подойдетъ, чтобы пробраться въ кругъ и броситься на *мышку*, — дѣти тотчасъ опускаютъ руки. Но вотъ *кошка* ломится съ одной стороны и показываетъ видъ, будто, во что бы ни стало, хочетъ прорвать кругъ; дѣти противоположной стороны, не опасаясь нападенія, зазѣвались на минуточку... А *кошка* тутъ-какъ-тутъ, быстро повернулась къ нимъ, продралась въ кругъ и бросилась на *мышку*.

— А теперь домой! Ну, кто кого перегонить, — закричала тетя Оля и пустилась бѣжать, а за ней и всѣ дѣти побѣжали домой съ раскраснѣвшимися щечками, съ блестящими глазками.

— Дѣти, — сказала тетя Оля, когда послѣ завтрака всѣ опять собрались къ ней. — Теперь слишкомъ жарко идти въ паркъ; сядемъ здѣсь и чтонибудь поработаемъ. — Она отворила свой шкапъ и черезъ минуточку вынесла дѣтямъ пачку разноцвѣтной бумаги. Она дала каждому ножницы и по куску бумаги. — Пусть каждый изъ васъ, — сказала она имъ, — совсѣмъ прямо загнетъ косыночкой уголокъ бумаги. Теперь обрѣзайте, — видите вышелъ правильный квадратикъ. Но и тутъ нужно провѣрить, прямой-ли онъ: согните бумагу и съ противоположной стороны такъ, чтобы уголокъ приходился къ уголку... тутъ нѣсколько неровно, — срѣжьте. Наша бумага теперь сложена вчетверо, а мы еще перегнемъ ее, у насъ опять косыночка, и бумага согнута на 8 частей. Будемъ же вырѣзывать ее, держа за уголокъ.

Дѣти взяли пальцами за уголокъ и стали вырѣзывать ножницами по краямъ и въ серединѣ. Когда потомъ развернули бумажки, у одного вышла хорошенькая прозрачная звѣздочка, у другаго крестикъ, окаймленный правильными, красивыми зубчиками. Каждый показывалъ остальнымъ дѣтямъ свою работу; нѣкоторымъ работа товарища нравилась больше своей, и ей старались подра-

жать. Нашлись и такіе, что захотѣли вырѣзать что-нибудь изъ того, что было въ комнатѣ. Миша даже снялъ съ себя сапогъ, поставилъ его на столъ, долго осматривалъ его, потомъ сталъ вырѣзать. Дѣти съ удивленіемъ слѣдили за нимъ. Но когда онъ кончилъ работу, всѣ вдругъ звонко расхохотались.

— Что же это у тебя вышло?—спрашивали со всѣхъ сторонъ.—Не то старая баба въ платкѣ, не то сапогъ, а можетъ быть и невиданный звѣрь...

Миша ничего имъ не отвѣтилъ, только до ушей покраснѣлъ, бросилъ бумажку подъ столъ и опять долго, долго смотрѣлъ на сапогъ.

— Смотрите, смотрите... вѣдь настоящей сапогъ!—закричали въ голосъ всѣ дѣти, когда Миша вырѣзалъ во второй разъ. Это такъ понравилось всѣмъ дѣтямъ, что каждый изъ нихъ пытался вырѣзать изъ бумаги какую-нибудь попавшуюся на глаза вещицу. Одинъ положилъ передъ собой полѣно и воткнулъ въ него топоръ; нѣкоторые притащили изъ кухни кофейникъ, мельницу и другую кухонную посуду; другіе вырѣзали диваны, стулья и различную мебель. Тѣ, у кого что нибудь выходило, желали сберечь свою работу. Но такой маленькій клочекъ бумаги, да еще вырѣзанный, или затеряется тотчасъ, или разорвется.

— Придумайте сами, что сдѣлать,—сказала дѣтямъ тетя Оля.

— Шить тетрадки и наклеивать туда вырѣзанныя фигурки,—придумалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Хорошо, только послѣ,—возразила тетя Оля.—Теперь побѣжимъ въ садъ. Бѣгать скоро надоѣстъ,—возразилъ одинъ мальчикъ,—лучше возьмемъ тачки, да будемъ въ нихъ сбрасывать крупный соръ съ дорожекъ.—Сказано, сдѣлано. Подняли прутья, палочки, сухіе листья, бумажки, набросали въ тачки и все свозили въ одну

кучку; потомъ вмѣстѣ вырыли въ углу яму, все бросили въ нее и опять зарыли. Потомъ старшіе изъ дѣтей нарѣзали прутьевъ съ зеленью, а младшіе навязали ихъ на палку. Когда метелки были готовы, они принялись садъ подметать.

— Теперь можно и наклеивать?—предложила тетя Оля, когда садъ былъ убранъ.

— Да, это было-бы хорошо, — сказали нѣкоторые, — да вѣдь у насъ клею нѣтъ.

— А я знаю, чѣмъ клеить вмѣсто клея: нужно взять муки и развести холодной водой, — придумалъ Вася.

На этотъ разъ всѣ особенно обрадовались Васиной находчивости и побѣжали въ комнату за бумагой. Въ глубокомъ молчаніи наклеивали дѣти вырѣзанные ими изъ бумаги кофейники, стаканы, чайники.. Вдругъ двое изъ нихъ въ неописанномъ восторгѣ вскочили съ своихъ мѣсть.

— А у насъ-то что... а у насъ-то что!—кричали они, показывая товарищамъ свои тетради.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Одинъ мальчикъ наклеилъ свои фигурки и взялъ шляпу, чтобы бѣжать въ садъ; вдругъ цвѣточки и листики, которыми была убрана его шляпа, упали на столъ, онъ схватилъ ихъ и началъ наклеивать въ тетради. Эта работа такъ понравилась дѣтямъ, что всѣ изъявили желаніе дѣлать тоже.

— Только клестеромъ не хорошо наклеивать листики, — сказала тетя Оля, — видите, какъ вышло грязно: уголки листиковъ загибаются, дурно приклеились. Подожди-те, мы достанемъ въ лавкѣ вишневаго клею.

Такъ дѣти незамѣтно провели на дачѣ три мѣсяца, и ни одинъ изъ нихъ ни разу не сказалъ во все это время: «скучно».

Булыжникъ.

Кто живетъ или жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, какъ грязны деревенскія улицы: по нимъ и часто ѣздятъ, и скотъ проходитъ по нѣскольку разъ въ день, зачастую на нихъ и помои выливаютъ изъ оконъ,—вотъ почему въ дождливое время здѣсь такая непроходимая слякоть! Тогда ребяташки, то и дѣло, бросаютъ на дорогу хворостъ, драпки и жерди, чтобы перебираться изъ одной избы въ другую. Въ такое время свиньи забираются въ лужи и съ удовольствіемъ валяются въ нихъ, здѣсь и тамъ плескаются утки; но то, что на руку животнымъ, не особенно пріятно людямъ. Въ особенности грязь была бы непріятна въ городахъ, гдѣ живетъ много людей, а потому тамъ и устраиваютъ мостовую. Мостовая отъ большой ѣзды часто портится, и ее приходится поправлять. Каждый хозяинъ заботится о мостовой около своего дома: онъ нанимаетъ рабочихъ перестилать ее, и вотъ вы видите, какъ въ жаркій лѣтній день рабочіе, скинувъ кафтаны, вынимаютъ камни изъ попортившейся мостовой и снова ровненько вбиваютъ ихъ въ землю молоткомъ, потомъ еще уравниваютъ ихъ тяжелой колодой и посыпаютъ мелкими камешками. Этою работою они заняты цѣлые дни: тутъ они ѣдятъ, тутъ же иной разъ въ самый полдень, когда мочи нѣтъ работать, снать, положивъ кафтанъ подъ голову; иногда работаютъ и ночью, чтобы избѣжать томительной жары. Труда, какъ видите, не мало; за то, благодаря каменщикамъ, въ городѣ никто не вязнетъ.

Но не однѣ улицы въ городахъ мостятъ камнемъ; наиболѣе проѣзжія дороги, между большими городами, также покрыты камнемъ, только уже не крупнымъ, а мелкимъ—*шебнемъ*: это, такъ называемыя, *шоссейныя дороги*. По сторонамъ дороги обыкновенно можно видѣть груды

почтальонъ подалъ письмо. Мама быстро разорвала конвертъ, и съ каждой строкой письма выраженіе ея лица становилось все печальнѣе и печальнѣе. Вдругъ крупныя слезы покатались изъ ея глазъ, и она судорожно зарыдала.

— Тетя умерла, тетя умерла!—проговорила она, когда я испуганная бросилась ее обнимать, умоляя сказать, почему она плачетъ. Когда она нѣсколько успокоилась, она сообщила мнѣ, что Лиза, ея племянница, а моя двоюродная сестра, осталась круглой сиротой, что мы скоро отправимся за нею въ Москву, что затѣмъ она постоянно будетъ жить вмѣстѣ съ нами. Въ эту минуту Лиза гостила у нашихъ родственниковъ, которые сообщили, какъ она страшно тоскуетъ о своей матери, какъ постоянно повторяетъ, что ее никто, никто на свѣтѣ не будетъ уже такъ любить, какъ ея мама.

На этотъ разъ, ложась въ постель, мама не убаюкивала меня своими пѣснями; я не переставала думать о томъ, что у меня будетъ теперь подруга, что вмѣстѣ съ нею мы будемъ играть, слушать пѣніе мамы.

Чу! Гдѣ это я? Какъ попала сюда? Я начала всматриваться въ окружающее все съ большимъ вниманіемъ и была поражена, увидѣвъ себя на маленькомъ роскошномъ островѣ, который, точно чудная, громадная корзина, убранная разнообразною зеленью и цвѣтамъ, плавалъ среди прозрачной воды. Посреди, на высокомъ холму, сидѣла Лиза въ прелестномъ бѣломъ платьѣ, опоясанная цвѣтной гирляндой, сплетенной изъ незабудокъ и васильковъ. На ея колѣняхъ былъ цѣлый ворохъ красныхъ георгинъ и чайныхъ розъ; она быстро перебирала цвѣты и связывала ихъ въ большой букетъ. Но вдругъ она затянула пѣсню. Боже мой, что это была за пѣсня! Все на минуту вдругъ замерло, прислушиваясь къ жалобнымъ, хватающимъ за душу звукамъ ея пѣсни. Стая бѣлыхъ лебедей, разсѣкая воздухъ крыльями, опустилась у камышей, недалеко отъ ея

ногъ, и притихла, высунувъ свои длинныя бѣлоснѣжыя шейки. Ласточки, голуби, чижики, жаворонки,—всѣ услились на вѣтвяхъ дерева, къ которому она прислонилась, и вмигъ смолкли, внимательно вслушиваясь въ дивные звуки. Даже бѣлка прекратила свою суетливую бѣготню и, опустивъ пушистый хвостъ, точно окаменѣла на мѣстѣ. Я посмотрѣла на озеро, гладкая поверхность котораго, точно въ зеркалѣ, отражала и чистое голубое небо, и окружающую зелень и цвѣты, а здѣсь и тамъ на его гладкой поверхности торчали головы лещей, ершей, налимовъ, щукъ,—однимъ словомъ всевозможныхъ рыбъ, которыя высунули теперь изъ воды свои головы и внимательно слушали маленькую пѣвицу; она же ничего не видѣла вокругъ, ни на что не обращала вниманія и, вся отдавшись своему пѣнію, казалось, чувствовала и понимала лишь свое горе, свою тяжкую утрату.

— О, приди, приди ко мнѣ, моя мама, приди хотя на минуту обнять твою маленькую Лизу, — пѣла она, поднявъ къ небу свои прелестныя голубыя глазки, изъ которыхъ катились слезы по грустному личику дѣвочки.— Кто приласкаетъ меня теперь? Кто скажетъ «бѣги скорѣе сюда, моя крошка!» Кто прикроетъ мои ножки, когда онѣ озябнутъ? Кто засвѣтитъ ночью свѣчку, когда мнѣ сдѣлается страшно? Кто прижметъ меня къ себѣ такъ крѣпко, когда меня понесетъ бѣшенная лошадь? Кто схватитъ меня на руки, когда на меня бросится злая собака? Мама, мама! Зачѣмъ ты покинула свою дѣвочку, — вѣдь она всего еще боится и не можетъ жить безъ тебя? Зачѣмъ ты не взяла ея съ собой? Зачѣмъ оставила ее одну, одну на бѣломъ свѣтѣ? О, приди, приди ко мнѣ, покажи хотя на минуту, свое доброе, милое лицо! Я узнаю тебя всюду, гдѣ бы ты ни появилась! Можетъ быть ты загостилась у молодого мѣсяца? Я не буду спать всю ночь и, какъ только серебряный свѣтъ заблеститъ въ водѣ нашего озера,

я и тамъ узнаю тебя, какъ бы ты ни похудѣла... Расхаживаешь ли ты съ другими среди облаковъ, я различу тебя между всѣми по тихой, ровной походкѣ, по густой черной косѣ до пояса.

— Лиза, Лиза! Не тоскуй!—закричала я вдругъ, рыдая.—Моя мама—будетъ твоею мамой, я буду тебѣ настоящей сестрой!—Я рванулась къ ней и проснулась.

— Мамочка, поѣдемъ къ Лизѣ, она плачетъ, она тоскуетъ,—говорила я своей матери, когда увидѣла ее около своей постели. Съ тѣхъ поръ я не знала покоя, пока наконецъ мы не уѣхали въ Москву за Лизою.

Она и теперь все также помнить и любить свою маму, но никогда уже не говорить, что она одна, одна на бѣломъ свѣтѣ.

Журка.

Однажды охотникъ, продавая дичь въ нашемъ домѣ и увидавъ меня, тогда еще десятилѣтнюю дѣвочку, спросилъ мою мать, не пожелаетъ-ли она купить маленькаго журавля. Онъ только поутру вынулъ его изъ гнѣзда, на которое наткнулся, гоняясь за дичью. Я не дала ему кончить его рассказъ, какъ уже пристала къ матери съ просьбою позволить мнѣ держать у себя журавля, котораго, какъ я не разъ слыхала, такъ легко было приручить.

Но какъ поразилъ онъ меня, когда охотникъ вынулъ его изъ корзинки! Это былъ нескладный, еще не оперившійся, большаго роста птенецъ, на неуклюже высокихъ ногахъ, съ безобразно-длинной шеей, съ очень маленькой головкой, весь покрытый некрасивымъ, сизымъ пухомъ. Если бы онъ не началъ тотчасъ жалобно пищать и какъ то беспомощно вытягивать свою длинную, дрожащую отъ холода шею, я бы не ахти какъ обрадовалась его приобрѣ-

тенію. Но мысль, что я должна теперь замѣнить ему мать, что, накормивъ его и устроивъ въ тепломъ гнѣздышкѣ, я его успокою и согрѣю, заставила меня въ ту же минуту забыть о его безобразіи. Я размочила въ молокѣ бѣлый хлѣбъ, и онъ началъ смѣло хватать его изъ моихъ рукъ. Затѣмъ я взяла большую круглую корзину, наложила туда сѣна и посадила его въ нее, нѣсколько прикрывъ его сверху ватой. Онъ успокоился довольно скоро, но не надолго: черезъ часа два снова раздался его жалобный пискъ. Днемъ такъ какъ я его часто кормила, онъ никого не беспокоилъ въ домѣ, но ночью—вотъ когда наступало мое мученье! Еще во время темноты онъ былъ покоенъ и безъ пищи, но чуть забрежжитъ свѣтъ, онъ подымалъ провзительный пискъ, который съ каждою минутою становился все назойливѣе и громче, и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ вскочить поскорѣе съ постели и накормить его до сыта.

Черезъ недѣли двѣ я отнесла его на скотный дворъ, гдѣ расхаживали куры. Въ первую минуту курица, мать огромнаго семейства цыплятъ, окружавшихъ ее, отнеслась къ новому гостю совсѣмъ неблагосклонно: растопыривъ крылья, она уже подбѣжала къ моему журавлику, чтобы его клюнуть, но я зорко слѣдила за нею и отогнала ее въ время. Но когда она замѣтила, что мой питомецъ и не думаетъ отнимать кормъ у ея птенчиковъ, она совершенно успокоилась, а нѣсколько дней спустя, заботливо кудахтая, даже подбѣгала къ нему, дробила передъ нимъ большіе куски зачерствѣлаго корма и долбила по доскѣ клювомъ, точно говоря: «вотъ такъ, вотъ такъ надо ѣсть». Однако журавликъ еще не умѣлъ клевать и, ни къ чему не прикасаясь, какъ то разсѣянно поглядывалъ во всѣ стороны.

Отчасти желая приучить его не только ѣсть изъ моихъ рукъ, но и клевать, какъ всѣ птицы, отчасти чтобы

доставить ему необходимое, какъ мнѣ казалось тогда, развлеченіе, я по нѣсколько разъ въ день носила его то къ цыплятамъ, то къ маленькимъ индѣйкамъ, и онъ въ послѣдствіи нисколько не стѣснялся въ обществѣ этихъ птицъ и скоро привыкъ клевать вмѣстѣ съ ними различный кормъ. Мало того: мѣсяца черезъ полтора онъ уже дружелюбно гулялъ по двору съ домашними птицами, и тѣ совершенно освоились съ нимъ.

Журавликъ съ каждымъ днемъ замѣтно выросталъ. Я не съумѣю достаточно краснорѣчиво описать вамъ, какимъ онъ скоро сдѣлался понятливымъ, умнымъ и красивымъ. Теперь это уже была огромнаго роста птица, прекраснаго пепельно-сѣраго цвѣта; лишь черная полоса на шеѣ, точно ошейникъ, и передняя часть головы были покрыты черными перышками. Правда, мой журавль казался бы несравненно величественнѣе, если бы хвостъ его былъ подлиннѣе, но за то изъ него торчали вверхъ такія пушистыя, мягкія, курчавыя, красиво загибающіяся перья! Его высокія ноги были покрыты истрескавшеюся черноватою кожею. Онъ скоро такъ привыкъ ко мнѣ, такъ любилъ меня, что рѣшительно ни на шагъ не отходилъ отъ меня, когда я сидѣла дома, а на прогулкахъ слѣдомъ бѣжалъ за мной, какъ самая вѣрная собака.

— Журка, Журочка,— будила я его, когда онъ бывало днемъ начиналъ дремать, стоя посреди комнаты и заложивъ голову подъ крыло. Онъ вздрагивалъ, вытягивалъ ко мнѣ свою шею, смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и, замѣтивъ, что я иду къ двери, обыкновенно слѣдовалъ за мною.

По дорогѣ къ одной изъ моихъ подругъ, я нерѣдко, соскучившись его благоразуміемъ, начинала заигрывать съ нимъ, гладить его по спинѣ, обнимать его шею, цѣловать. — Да полно же тебѣ важничать, Журка! — безъ умолку болтала я, обращаясь къ нему, и пускалась бѣ-

жать. Онъ не отставалъ отъ меня и при этомъ нерѣдко выкидывалъ преуморительныя штуки: то вдругъ начиналъ бѣгать какъ-то въ прискокку, то какъ-то игриво дергалъ меня за платье, или схватить валявшійся по дорогѣ камешекъ и ну подбрасывать его вверхъ, то дѣлаетъ уморительныя прыжки, а чаще всего отбѣжить отъ меня на довольно далекое разстояніе и, распутивъ крылья, бросается ко мнѣ, точно желая свалить меня съ ногъ. Иногда онъ добѣжитъ до меня и, представьте, начинаетъ дѣлать передо мной книксены, право, настоящіе книксены, иначе нельзя назвать его движеніе, когда онъ, оставивъ одну ногу назадъ, пригибался грудью къ землѣ. А то подпрыгнетъ раза два-три и вдругъ поднимется вверхъ высоко, высоко надъ моей головой. Разсѣвая воздухъ ударами своихъ сильныхъ крыльевъ, онъ нѣсколько минутъ летитъ, вытянувъ шею и ноги, наконецъ опускается на землю и тогда уже начинаетъ чинно выступать или впереди, или позади меня.

Всѣ въ домѣ моей подруги чрезвычайно любили моего Журку, но сама хозяйка, добрая старушка, просто души въ немъ не чаяла. Какъ только завидитъ она его на своемъ дворѣ, такъ и идетъ ему на встрѣчу съ корзиною его любимыхъ лакомствъ: яблоки, груши, горохъ, все, что было у нея подъ руками, несетъ она своему любимцу. Журка всегда помнилъ ласку: если старушка при его посѣщеніи не тотчасъ выходила къ нему на встрѣчу, онъ прямо шелъ въ ея комнату. Если дверь была заперта, онъ давалъ о себѣ знать особеннымъ пронзительнымъ крикомъ. Ему отворяли, и онъ, растопыривъ крылья, радостно вбѣгалъ въ комнату, не только не смущаясь ни собаками, ни кошками, которыхъ держали здѣсь въ огромномъ количествѣ, но нерѣдко отвѣдывая вмѣстѣ съ ними кушанье, стоявшее въ углу. Собака, съ которою Журка встрѣчался довольно часто, была чрезвычайно добродушнаго характера.

Приблизившись къ журавлю и обнюхавъ его съ головы до ногъ, она или продолжала спокойно ѣсть, или отходила въ сторону и растягивалась на полу. Но кошка обыкновенно враждебно встрѣчала своего гостя: какъ только онъ входилъ въ комнату, она начинала злобно ворчать и бросалась въ уголь, видимо желая сдѣлать на Журку внезапное нападеніе. Тотъ при этомъ уставить бывало на нее глаза и затѣмъ, не торопясь и не волнуясь, идетъ въ уголь, въ который забила кошка. Она бросается въ противоположную сторону, но Журка неумолимъ: онъ терпѣть не можетъ задора, дрызгъ и ссоръ и ударомъ клюва больно мститъ кошкѣ за недружелюбный пріемъ.

Второй свой визитъ онъ дѣлалъ обыкновенно кухаркѣ; если же не заставалъ ея въ кухнѣ, то терпѣливо ожидалъ ея возвращенія. Она щедро одѣлывала его всѣмъ, что у нея было подъ руками: нарѣзанной мелкими кусочками брюквой, морковью, рѣпой, капустою, картофелемъ, даже кусочками сыраго мяса. Не упустивъ случая и тутъ воспользоваться всѣмъ, чѣмъ было возможно, Журка отправлялся въ садъ разыскивать меня и мою подругу. По дорогѣ онъ подбиралъ червей и жуковъ, отщипывалъ и глоталъ различные листики съ невысокихъ кустовъ, ловилъ кузнечиковъ и нерѣдко являлся къ намъ съ мышью или лягушкою въ клювъ. Тутъ онъ выдѣлывалъ преуморительныя вещи съ своею жертвою: подбросить ее высоко вверхъ, затѣмъ опять подниметь, когда она упадетъ, и такъ возится съ нею до тѣхъ поръ, пока та не перестанетъ шевелиться; тогда онъ быстро проглатываетъ ее съ небольшими потугами. Сильно удивлялъ меня его необыкновенный аппетитъ: наѣстся онъ, бывало, въ гостяхъ до отвалу, зеленью, хлѣбомъ, фруктами, червями, насѣкомыми, даже мелкими звѣрьками, а возвращаясь домой, все таки не пропуститъ въ полѣ ни одного хлѣбнаго зернышка, выпавшаго изъ колоса во время жатвы.

Табл. 34. Голубе.

Всѣ въ домѣ чрезвычайно любили и дорожили моимъ Журкой, какъ въ высшей степени милою, полезною и умною птицею. Какъ-то околѣла наша собака, много лѣтъ сторожившая стада нашего домашняго скота. Пастухъ, замѣтивъ распорядительность журавля, упросилъ меня отпускать его со стадомъ, пока онъ не отыщетъ подходящей собаки. Хотя мнѣ было очень грустно на цѣлые дни разставаться съ милою птицей, но мысль, что она можетъ быть полезною въ домѣ, что ее еще болѣе полюбить всѣ домашніе, что она еще съ большимъ блескомъ выкажетъ свой умъ, заставила меня уступить просьбѣ. Пастухъ дѣйствительно вполне оцѣнилъ Журку и просилъ меня навсегда оставить его при стадѣ. Но на это я не согласилась: не говоря уже о привычкѣ быть всегда вмѣстѣ съ нимъ, я боялась, что ему полюбится поле болѣе, чѣмъ моя комната.

На другой день я отправилась посмотрѣть его въ полѣ. Его распорядительность здѣсь была дѣйствительно изумительна! Онъ не давалъ ни одной коровѣ далеко отойти отъ стада, тотчасъ бѣжалъ за ней и гналъ ее назадъ до тѣхъ поръ, пока она не присоединялась къ остальнымъ. Происходила ли драка между коровами, и онъ съ провозительнымъ крикомъ летѣлъ преобратить ее. Если его крикъ не пугалъ драчуновъ, онъ разгонялъ ихъ ударами своихъ сильныхъ крыльевъ, своимъ острымъ клювомъ. При этомъ у провинившихся не только шерсть летѣла блячьями, но нерѣдко и кровь текла изъ ранъ, полученныхъ ими отъ журавлика, выведеннаго изъ терпѣнья дурнымъ поведеніемъ животныхъ.

За то какъ онъ умѣлъ ладить съ животными миролюбиваго характера! Мухи, оводы и шмели сплошь оолѣпили маленькаго, тщедушнаго теленка, который совсѣмъ выбился изъ силъ отъ жары и несносныхъ насѣкомыхъ и еле дышитъ, забившись подъ кустъ. Журка то отма-

хиваетъ отъ него назойливыхъ насѣкомыхъ взмахами своихъ крыльевъ, то живо хватаетъ ихъ своимъ клювомъ и отправляетъ себѣ въ желудокъ, исправно переваривающій все, что въ него попадаетъ.

Медвѣдь.

По изумительной силѣ, отвагѣ и неустрашимости медвѣдю безспорно принадлежитъ первое мѣсто между всѣми нашими лѣсными звѣрями. Какихъ только прозвищъ не даетъ ему народъ: «Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ», «хозяинъ», «чертъ косматый», «Мишка косопалый» и т. п. Всѣ эти прозвища отчасти говорятъ объ ужасѣ, внушаемомъ его хищничествомъ, отчасти въ нихъ звучитъ насмѣшка, а то даже и презрѣнiе къ этому страшному звѣрю. И дѣйствительно, несмотря на страхъ, который онъ внушаетъ людямъ, нельзя смотрѣть безъ улыбки на этого смѣшнаго, неуклюжаго звѣря, нельзя подчасъ не удивляться недостатку въ немъ ума и сообразительности.

Лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ у насъ въ Россіи среди простонародья существовалъ особый классъ людей, для которыхъ медвѣди служили единственнымъ источникомъ заработка.

До сихъ поръ помню, какъ это неуклюжее, массивное животное, все обросшее густой, косматою шерстью, переваливаясь съ ноги на ногу, плетется, бывало, по проселочной дорогѣ. Его провожаютъ двое-трое людей: одинъ изъ нихъ тащитъ его за цѣпь, другой сзади идетъ съ барабаномъ, прикрѣпленнымъ къ ремню черезъ плечо, третій—со скрипкой въ рукѣ и со смычкомъ за пазухой. Лишь только медвѣдь приближается къ деревнѣ, множество народа окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, и вся толпа

отправляется къ свободной лужайкѣ подальше отъ построекъ, чтобы не пугать домашнихъ животныхъ.

— Ну-ка, Михаилъ Ивановичъ,—говоритъ одинъ изъ жожаковъ, обращаясь къ своему медвѣдю,—поклонись-ка честному люду да попляши. При этомъ жожакъ начинаетъ свистать и бить въ барабанъ, а его товарищъ играть на скрипкѣ. Этотъ грохотъ и шумъ барабана, громыханіе цѣпи, визгъ отчаянной скрипки, свистъ, крикъ и гвалтъ народа, остроты парней, слезы и вопли испуганныхъ дѣтей,—все это сливается въ одинъ общій адскій концертъ и далеко разносится по окрестностямъ.

Медвѣдь, услышавъ приказаніе кланяться и плясать, что ему повторяютъ много разъ, подергивая за цѣпь, прикрѣпленную къ продѣтому черезъ ноздри кольцу, поднимается на заднія ноги, кланяется, т. е. просто на просто мотаетъ головой то въ ту, то въ другую сторону и неуклюже подпрыгиваетъ своимъ грузнымъ туловищемъ.

— Ну, Мишенька, покажи-ка теперь, какъ деревенскіе ребята горохъ воруютъ?—Медвѣдь припадаетъ къ землѣ и медленно ползетъ на брюхѣ.

— Теперь покажи честному люду, какъ бабы на работу ходятъ.—Медвѣдь опускаетъ голову и еле подвигается впередъ.

— А какъ онѣ съ работы домой возвращаются?—Медвѣдь, оскаливъ зубы и озираясь по сторонамъ, премуморительно бѣжитъ трушкомъ.—По окончаніи представленія, хозяинъ подаетъ медвѣдю въ одну лапу палку, а въ другую шапку; тотъ становится на заднія лапы и обходитъ всѣхъ присутствующихъ, которые кидаютъ ему въ шапку мѣдныя деньги.

Всѣ эти «штуки» съ большимъ трудомъ достались медвѣдю. Чтобы обучить его имъ, его запирали въ клѣтку. Желѣзный полъ этой клѣтки нагрѣвали такъ, что онъ становился на заднія лапы, подскакивалъ. Этого только

и ждали его воспитатели. Какъ только медвѣдь поднимался, начинали бить въ барабанъ и свистать. Удары барабана и впослѣдствіи заставляли медвѣдя подниматься на дыбы и плясать: онъ думалъ, вѣроятно, что ужъ если въ барабанъ забили, такъ и полъ раскалять, — вотъ онъ и поднимаетъ ноги. Если во время представленія медвѣдь хотя на минуту забывалъ это дѣлать, хозяинъ немилосердно дергалъ его за цѣпь, а вѣдь цѣпь-то прикрѣплена къ кольцу, продѣтому прямо черезъ ноздри. Можно себѣ представить, какую мучительную боль испытывалъ медвѣдь каждый разъ, когда хозяинъ дергалъ его за цѣпь. Однако, несмотря на цѣпи и кольца, медвѣди очень часто вырывались на волю и наносили страшный вредъ людямъ, полямъ и домашнимъ животнымъ. Да и самыя эти представленія, хотя и вносили въ захоластную, однообразную жизнь народа нѣкоторое развлеченіе, но за то и причиняли много несчастій. Разсвирѣпѣвшій звѣрь иногда безъ приказанія вожака самъ поднимался на дыбы, оскаливалъ свои страшные бѣлые зубы, выпускалъ свои длинные когти и издавалъ такой ревъ, что у самыхъ храбрыхъ людей волосы поднимались дыбомъ, а дѣтей и женщинъ онъ доводилъ до нервныхъ припадковъ, истерикъ и смертельныхъ испуговъ.

Медвѣдя не даромъ называютъ косолапымъ; это дѣйствительно неуклюжее животное: грузное, толстое туловище его сидитъ на толстыхъ ногахъ, лапы съ очень длинными кривыми когтями, морда оканчивается тупымъ концомъ, маленькіе, хищные глаза съ круглыми зрачками; при этомъ у него небольшіе уши, короткій хвостъ и косматая шерсть. Запахъ отъ медвѣдя такъ силенъ, что собаки за нѣсколько десятковъ сажень слышатъ его, а на боязливой лошади трудно переѣхать черезъ свѣжій медвѣжій слѣдъ.

Удачная охота на медвѣдя приноситъ болѣе выгоды,

ТИП. ДА ГОНДЕ.

чѣмъ всякая другая. Его шкура стоитъ отъ 8 до 30 рублей, а жиръ такъ цѣнится, что его раскупаютъ на расхватъ. И дѣйствительно: онъ очень бѣлъ, никогда не твердѣетъ и не горкнетъ, если только держать его въ закрытой посудинѣ. Его употребляютъ противъ многихъ болѣзней, особенно у животныхъ: имъ мажутъ ссадины у лошадей, и отъ медвѣжьего жира онъ скоро заживаютъ и покрываются шерстью. Хотя простой народъ относится къ мясу медвѣдя съ полнымъ отвращеніемъ, но оно имѣетъ прекрасный вкусъ, а медвѣжьи окорока, какъ жареные, такъ и копченые, считаются самымъ тонкимъ блюдомъ.

Выгоды удачной охоты на медвѣдя заставляютъ преслѣдовать его всюду, гдѣ бы онъ ни появился. Хотя онъ выбираетъ для своего жительства самые пустынные и мрачные уголки лѣсной чащи, пещеры и углубленія самыхъ уединенныхъ овраговъ, тѣмъ не менѣе найти его весьма не трудно. Гдѣ-бы онъ ни прошелъ, онъ всюду оставляетъ слѣды своихъ ногъ, чрезвычайно сходные съ человѣческими, съ тою только разницею, что послѣ него видны еще на снѣгу или на грязи отпечатки его огромныхъ когтей. Къ тому же вездѣ по его пути трава совершенно измята и наклонена въ ту сторону, куда онъ отправился; справа и слѣва камни и пни перевернуты вверхъ дномъ, поломаны сучья упавшихъ деревьевъ, разрыты муравьиныя кучи, здѣсь и тамъ мечется рой дикихъ пчелъ, устроившихъ свое гнѣздо въ дуплѣ дерева и ограбленныхъ теперь до чиста Михаиломъ Ивановичемъ. При этомъ онъ выкидываетъ презабавныя штуки: разроетъ муравьиную кучу, и муравьи въ суматохѣ бросаются на его лапу. Медвѣдь не смущается, раскрываетъ свою пасть и отправляетъ въ нее лапу съ муравьями, а затѣмъ немедленно вынимаетъ ее оттуда, чтобы снова полакомиться новой арміей этихъ знаменитыхъ тружениковъ. Но онъ не довольствуется одними муравьями, а раз-

рываетъ муравейникъ до основанія, чтобы воспользоваться и куколками муравьевъ. Еще болѣе падохъ онъ до меду. Пчелы съ остервененіемъ бросаются на него, жалятъ его со всѣхъ сторонъ, но онъ не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія до тѣхъ поръ, пока онѣ цѣлымъ роємъ не опустятся на его носъ и не начнутъ вонзать въ него свое ядовитое жало; тогда онъ начинаетъ сердито ворчать и трясти головой. Однако муравьями, медомъ, орѣхами, ягодами, всходами хлѣбныхъ полей медвѣдь развѣ только лакомится, но этого ему мало: онъ ловко скрадываетъ овецъ, козъ и свиней, не упускаетъ случая поохотиться и на болѣе крупныхъ животныхъ — коровъ, быковъ и лошадей. На крупную добычу медвѣдь нападаетъ внезапно, сзади, зорко высмотрѣвъ ее изъ засады. Если возможно, онъ старается утомить ее долгимъ преслѣдованіемъ, загнать ее на край горы или рва и затѣмъ своимъ адскимъ ревомъ испугать ее до смерти. Испуганное и ошеломленное животное бросается внизъ. Своимъ ревомъ медвѣдь способенъ привести въ ужасъ не только животныхъ, но и людей. И дѣйствительно, медвѣжий ревъ производитъ невыразимо потрясающее впечатлѣніе, особенно когда онъ раздается ночью съ возвышенной мѣстности во время драки медвѣдей между собой. Эхо вторитъ этому ужасному реву и разноситъ страшные, дикіе звуки далеко, на нѣсколько верстъ кругомъ.

Когда животное, испуганное его ревомъ, полетитъ внизъ, онъ осторожно спускается съ крутизны и наѣдается свѣжимъ мясомъ до отвалу, нерѣдко пожирая всю корову сразу. Когда онъ приблизился къ своей жертвѣ, то расшилась-ли она до смерти, или еще жива, — онъ немедленно начинаетъ ожесточенно разрывать на части и пожирать ее.

Дерзость и наглость этого звѣря во время продолжительныхъ голодовокъ доходить до того, что онъ заби-

рается въ хлѣва, стоящіе особнякомъ. Въ такихъ случаяхъ онъ убиваетъ корову, отрываетъ ее отъ привязи, обхватываетъ одною изъ переднихъ лапъ, а другою беретъ за балку потолка и имѣетъ достаточно силы, чтобы въ отверстіе крыши протащить свою добычу. Какъ бы она ни была тяжела, онъ преодолеваетъ съ нею всѣ препятствія и проноситъ ее черезъ рвы, непроходимыя чащи и лѣсныя тропинки, заваленныя деревьями и камнями.

Медвѣдь не брезгаетъ даже и рыбой и въ своихъ странствованіяхъ нерѣдко слѣдуетъ по теченію рѣкъ. Вообще преслѣдованіе добычи у него очень разнообразно. Иногда, выходя изъ опушки лѣса, онъ вдругъ останавливается у какого нибудь обрыва, оглядывается и настораживаетъ уши. Вотъ онъ наконецъ примѣтилъ свинью съ поросятами, мирно пасущуюся внизу. Онъ хватаетъ камень или тяжелый обрубокъ, ловко бросаетъ его внизъ въ стадо и добываетъ себѣ если не настоящей сытный обѣдъ, то вкусную закуску. Медвѣдь не прочь, если нѣтъ ничего лучшаго, поохотиться и за глухарями, рябчиками, утками и другою птицею, но такая мелочь не можетъ удовлетворить его алчнаго аппетита.

Несмотря на то, что медвѣдь очень неуклюжъ, неповоротливъ и массивенъ, онъ ловко скрадываетъ не только всякаго звѣря, но и человѣка. Бѣда, если онъ замѣтитъ охотника въ такую минуту, когда тотъ не подозреваетъ его присутствія. Случалось, что медвѣдь такъ тихо подбирался къ охотнику, что тотъ не замѣчалъ его до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ на себѣ его тяжелыхъ лапъ. Въ такихъ случаяхъ медвѣдь старается прежде всего обезоружить охотника и выбиваетъ лапами все, что тотъ держитъ въ рукахъ. Тутъ борьба почти невозможна, если не подвернется какой нибудь счастливый случай. За то, если человѣкъ первый замѣтитъ медвѣдя, онъ легко мо-

жетъ застать его врасплохъ. Чуть онъ почувствуетъ присутствіе человѣка,—а нужно замѣтить, что изъ органовъ чувствъ, повидимому, лучше всего у него обоняніе,—онъ тотчасъ становится на дыбы и испускаетъ страшный ревъ. Если медвѣдь замѣчаетъ, что этимъ не испугалъ своего врага, онъ немедленно убѣгаетъ, а если при этомъ до слуха его долетитъ еще какой нибудь шумъ, онъ до того пугается, что съ нимъ дѣлается кровавый поносъ. Боже упаси въ минуту встрѣчи съ медвѣдемъ потерять присутствіе духа, отодвинуться назадъ или шарахнуться въ сторону. Медвѣдь это отлично понимаетъ и, если онъ голоденъ, смѣло выступаетъ на встрѣчу, а когда сытъ, всегда пугается человѣка и никогда не ищетъ встрѣчи съ нимъ.

Съ виду медвѣдь гораздо тяжеловѣснѣе, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Сытый и въ покойномъ настроеніи духа онъ плетется по тропинкѣ, переваливаясь съ боку на бокъ, но въ возбужденномъ состояніи быстро бѣжитъ и легко можетъ нагнать человѣка. Въ гору онъ бѣжитъ иногда еще скорѣе, чѣмъ по ровному мѣсту: въ этомъ ему помогаютъ его длинныя заднія ноги; за то спускаться съ горы ему гораздо тяжелѣе, такъ какъ онъ легко можетъ перекувырнуться черезъ голову. Медвѣдь проворно лазитъ по гладкимъ деревьямъ, но сучковатыхъ онъ боится и не охотно на нихъ взбирается, вѣроятно потому, что вѣтви и сучья часто ломаются подъ его страшной тяжестью. Спускается онъ съ дерева задомъ на передъ, придерживаясь когтями за бугры, чтобы не упасть. Его твердые когти помогаютъ ему легко взбираться на отвѣсныя обрывы и скалы, если только есть за что уцѣпиться. Воды медвѣдь не боится и, спасаясь отъ преслѣдованія, нерѣдко бросается въ рѣку и переплываетъ ее.

Медвѣдь, этотъ суровый грабитель и хищникъ, не прочь и отъ забавъ: онъ нерѣдко нарочно бросаетъ камни

съ крутыхъ горъ и зорко смотритъ, какъ они летятъ и подпрыгиваютъ. Надоѣла эта забава, и онъ отыскиваетъ сломанное бурею дерево, стволъ котораго расщепленъ внизу, становится задними лапами на конецъ одной расщепленной его части, а другую то поднимаетъ вверхъ передними лапами, то опускаетъ внизъ и такимъ образомъ производить дребезжащій, пронзительный звукъ.

Медвѣжата родятся ко времени наиболѣе сильныхъ холодовъ. Прежде, чѣмъ они появляются на свѣтъ Божій, медвѣдица приготовляетъ для нихъ покойную, мягкую постель. Новорожденные медвѣжата — беспомощные слѣпые звѣрки. Медвѣдица — нѣжнѣйшая изъ матерей: она кормитъ дѣтей своимъ молокомъ, и первыя недѣли, когда они еще слѣпы, ни на минуту не оставляетъ ихъ однихъ, даже и тогда, когда ее мучитъ голодъ и томить жажда. Она прикрываетъ ихъ своими лапами и мордой и такимъ образомъ постоянно согрѣваетъ ихъ. Когда они прозрѣютъ и окрѣпнуть, медвѣдица начинаетъ водить ихъ съ собой всюду, учитъ лазить, плавать и, несмотря на необыкновенную заботливость и нѣжность, очень часто наказываетъ ихъ: толкаетъ ногой, даетъ пощечины и кусаетъ тѣхъ изъ нихъ, кто оказывается лѣнивымъ или непослушнымъ. Медвѣдица нравомъ помирнѣе медвѣдя, но, если опасность угрожаетъ дѣтямъ, она не знаетъ страха и не дорожитъ жизнью.

Медвѣжата — милые, забавные звѣрки; когда они начинаютъ между собой играть и возиться, самый серьезный человѣкъ, глядя на нихъ, не можетъ не улыбнуться. Особенно забавно то, что ихъ неуклюжесть и мѣшковатость не мѣшаетъ ихъ живости и шаловливости. Они то борются другъ съ другомъ, то прыгаютъ въ воду, то карабкаются на деревья, то бѣгаютъ взапуски и продѣлываютъ множество другихъ проказъ.

Хотя медвѣдица не можетъ имѣть сразу болѣе двухъ-

трехъ дѣтенышей, но ее можно встрѣтить иногда окруженною четырьмя и даже пятью медвѣжатами. Кромѣ двухъ или трехъ маленькихъ, остальные дѣти—прошлогодніе, такъ называемые, пѣстуны: ихъ назначеніе—ухаживать за маленькими медвѣжатами, какъ нянька за дѣтьми. Когда это медвѣжье семейство куда нибудь отправляется, впереди выступаетъ обыкновенно медвѣдица, сзади ея бѣгутъ маленькія дѣти, а пѣстунъ (его легко отличить отъ его братьевъ и сестеръ по болѣе крупному росту) позади всѣхъ замыкаетъ шествіе. Приблизившись къ рѣкѣ, пѣстунъ хватаетъ одного изъ маленькихъ медвѣжатъ и переплываетъ съ нимъ на другой берегъ. Если мать замѣчаетъ, что пѣстунъ послѣ этого и не думаетъ отправляться за оставшимися, она даетъ ему нѣсколько тяжелыхъ ударовъ лапою, и тотъ немедленно исполняетъ свою обязанность.

Медвѣжата въ неволѣ такъ же рѣзвы, шаловливы и забавны, какъ и на свободѣ. Въ прежнія времена, когда многіе держали у себя медвѣжатъ, ихъ выучивали незамысловатыми штукамаъ,—между прочимъ вертѣтъ колесо, чтобы доставать воду изъ глубокаго колодца, таскать дрова и мѣшки въ опредѣленное мѣсто. Но подрастая медвѣжата начинаютъ ссориться между собой, бросаться и кусать домашнихъ животныхъ и людей, съ которыми до тѣхъ поръ жили въ большой дружбѣ; такимъ образомъ постепенно все болѣе проявляется ихъ дикая, неукротимая природа. Иногда ихъ свирѣпость сказывается сразу, и было не мало случаевъ, когда они внезапно нападали на своего хозяина, а затѣмъ бросались и на другихъ, умерщвляли ихъ или наносили смертельныя раны.

Передъ наступленіемъ зимы медвѣдь готовится себѣ берлогу, выкапывая огромную яму или устраивая родъ шалаша изъ прутьевъ и хвороста. Въ такой бер-

логъ онъ дѣлаетъ для себя постель изъ моха, ложится въ нее и чутко спитъ до наступленія теплаго времени. Зимній сонъ медвѣдя вовсе не похожъ на ту спячку, которой подвергаются другія животныя: онъ полудремлетъ въ своей берлогѣ, но въ тоже время прекрасно слышитъ приближеніе къ своему жилищу охотника и нерѣдко выскакиваетъ къ нему на встрѣчу. Такъ какъ лѣтомъ медвѣди отъѣдаются и уходятъ въ берлогу довольно жирными, то они и могутъ жить нѣкоторое время на счетъ своего запаса.

Л ъ с њ.

Хорошо лѣтомъ вечеркомъ побродить по лугу, полюбоваться цвѣтами, при румяномъ свѣтѣ заходящаго солнца. Но въ полдень, когда солнечные лучи невыносимо пекутъ, бѣгите подальше въ лѣсъ, туда, гдѣ деревья выше и гуще, гдѣ больше тѣни и прохлады.

Дерево живетъ не годъ, не два, а цѣлые десятки, иногда даже нѣсколько сотенъ лѣтъ. Вѣроятно, очень многія деревья въ вашемъ лѣсу, подъ развѣсистыми вѣтвями которыхъ вы такъ любите отдыхать въ жаркую пору, уже поднимались высоко, когда подъ ними въ дѣтствѣ играла ваша старенькая бабушка. Подумайте, какъ должно быть старо дерево у моего дома, когда моя прабабушка въ молодости завивала на немъ вѣнки и ей говорили, что тоже дѣлала съ этимъ деревомъ и ея бабушка.

Молодые деревья обыкновенно бываютъ не высокія, гораздо тоньше старыхъ; вѣтви у нихъ не длинныя, не успѣли еще разростись. На землѣ около старыхъ деревьевъ болѣе разныхъ растеній, чѣмъ около молодыхъ. Случается это отъ того, что на старыхъ деревьяхъ больше листьевъ, больше ихъ осенью и на

землю опадаетъ; мало по малу листья эти сгниваютъ и превращаются въ плодородную землю — черноземъ, на которомъ скорѣе вырастаетъ трава. Такъ различается старое дерево отъ молодаго, но по этимъ примѣтамъ вы еще не скажете, на сколько одно дерево старше другаго, сколько какому дереву лѣтъ. Узнать это можно такъ: перепилите дерево поперегъ и хорошенько выстругайте поперечную плоскость бревна. На наружной сторонѣ дерева—*кора*; за ней слѣдуетъ *лубъ*, потомъ *древесина*, а въ самой серединѣ *сердцевина*. Отъ сердцевины идутъ кружки, сосчитайте ихъ: сколько кружковъ, столько дерево и лѣтъ живетъ на свѣтѣ. Сердцевина можетъ высохнуть, выгнить, вмѣсто нея дѣлается дуло, между тѣмъ дерево продолжаетъ расти: значитъ, оно нарастаетъ снаружи изъ тѣхъ соковъ, что подъ корою. Кольца на деревѣ такъ и образуются: зимою земля замерзаетъ, не можетъ питать деревьевъ своими соками, на это время и слое древесины останавливаются въ ростѣ. Весною, когда дерево начинаетъ опять питаться, образуется новый слой древесины на старомъ, прошлогоднемъ слоѣ: онъ и отдѣляется отъ него такою черточкою, идущею вкругъ, и своимъ, болѣе нѣжнымъ, цвѣтомъ.

Какая польза человѣку отъ лѣса.

Всѣхъ выгодъ, что деревья даютъ человѣку, и не перечтешь. Выйдите на дворъ въ бурную, ненастную погоду: вѣтеръ захватываетъ ваше дыханіе, ливень мочить васъ до костей, холодъ пронизываетъ насквозь, и васъ трясетъ, какъ въ лихорадкѣ; вы вбѣгаете въ домъ, топите каминъ, покойно усаживаетесь въ мягкое кресло и, подчасъ даже сладко засыная, прислушиваетесь къ завыванію вѣтра и паденію дождевыхъ капель. Изъ чего построены

вашъ домъ, который укрылъ васъ въ ненастье, кресло, гдѣ вы такъ сладко отдохнули? чѣмъ топили вашъ каминъ, который согрѣлъ оконченншіе отъ холода члены? Всему этому помогли деревья.

Это еще не все. Лѣса сохраняютъ воду и очищаютъ воздухъ; густая зелень лѣса защищаетъ землю и отъ палящихъ лучей солнца, и отъ губительныхъ вѣтровъ, которые безъ лѣсовъ легче заносятъ всякія болѣзни. Въ душный, жаркій день вы спасаетесь въ лѣсу, потому что тамъ прохладно. Но почему же это? Сырость и вода задерживаются между корнями деревьевъ и во мху, и въ лѣтніе жары, когда все высыхаетъ, вездѣ пыль, духота, въ лѣсу прохладно и такъ хорошо, легко дышать. Задерживая воду, лѣсъ спасаетъ людей отъ наводненій и другихъ бѣдствій. Озера, рѣки, ручьи почти всегда обрастаютъ лѣсомъ или кустами. Весною, во время оттепелей, снѣгъ начинаетъ быстро таять; вода вдругъ наполняетъ ручьи и рѣки и, широко разливаясь, затопляетъ деревни, губитъ крестьянское добро, вредитъ нивамъ, подгнаивая озимый хлѣбъ, что былъ посѣянъ осенью, а то и совсѣмъ смываетъ пахатную землю или заноситъ ее пескомъ. Лѣсъ спасаетъ отъ такихъ опасныхъ наводненій тѣмъ, что не даетъ слишкомъ быстро таять, и излишняя вода всасывается лѣсною землею. Мало сказать, что лѣсъ даетъ намъ пріютъ: вся жизнь наша зависитъ отъ лѣса. Лѣсъ даетъ пріютъ и пищу различнымъ животнымъ, птицамъ, насѣкомымъ.

Множество бѣдныхъ семействъ тѣмъ только и живутъ, что зарабатываютъ себѣ хлѣбъ охотою. Есть у васъ мѣховая шуба и шапка, и вы смѣло можете отправиться въ дальнюю дорогу и въ крѣпкій морозъ; а мѣхъ доставляютъ намъ лѣсные звѣри. Лѣсъ нуженъ для жилища какъ намъ, такъ и домашнимъ животнымъ. Въ бурю и непогоду скотъ стоитъ по хлѣвамъ и сараямъ,

выстроеннымъ изъ дерева. Нѣтъ у васъ ни хлѣва, ни сарая, вы не можете держать скота, а скоть необходимъ, чтобъ питаться мясомъ, молокомъ, имѣть обувь, которая бы защищала ноги отъ сырости и мокроты; наконецъ, не будь у насъ домашняго скота, гораздо меньше было бы хлѣба: онъ даетъ навозъ для удобренія земли, а унавоженная земля лучше родить хлѣбъ. Птицы гнѣздятся въ лѣсу, мясо многихъ изъ нихъ служитъ вкусной пищею, изъ пуху ихъ дѣлаютъ мягкія подушки и перины, чудное пѣніе птицъ радуетъ человѣка, оживляетъ всю природу. Въ дуплахъ деревьевъ живутъ пчелы, которыя даютъ намъ возможность имѣть сладкій медъ и воскъ, и множество другихъ насѣкомыхъ, необходимыхъ для птицъ.

Подумайте же, какъ слѣдуетъ любить и беречь лѣсъ, отъ котораго людямъ столько пользы и удовольствія.

Лѣтнія работы въ деревнѣ.

Свѣтаетъ. Двери въ избахъ скрипятъ, то и дѣло. Народъ цѣлыми семьями выходитъ на улицу: одни съ граблями, другіе съ косами и серпами, третьи запрягаютъ телѣги. Сѣно косятъ въ деревняхъ раньше, чѣмъ начинается жнитво. Но этотъ годъ весна была чрезвычайно дождливая, и если бы крестьяне начали косить траву въ то время, какъ они всегда это дѣлали, она у нихъ вся погнила бы, а между тѣмъ, если не насытитъ вдоволь сѣна, скотинѣ придется зимой пропадать безъ корма. Такъ на этотъ разъ сѣнокосъ совпалъ съ жнитвомъ, народъ и торопится: кто на косьбу, кто на жнитво.

Пришли косари, дружно перекрестились, сбросили свои балахоны, и пошла коса то тамъ, то здѣсь мелькать въ бархатной зелени луга. Подростки деревенскіе и и самые малые ребята—все за работой. Смежный лугъ

FIG. 24. FEMME.

SCIENTIFIC PUBLICATIONS

уже скошенъ; трава успѣла высохнуть, и ребята стрѣбаютъ сѣно въ копны, а подростки углаживаютъ на возы. А вотъ мальчижь ничего не дѣлаетъ, только на возъ тянется. Да это еще очень маленькій ребенокъ, грабли выпадаютъ у него изъ рукъ; скоро и онъ станетъ помощникомъ, а теперь его посадятъ на возъ и, зарывшись по уши въ сѣно, онъ будетъ хворостиной понукать лошадь.

Какой славный запахъ отъ свѣжаго сѣна: такъ бы, кажется, и повалялся на лугу! Да больно стыдно лѣниться тамъ, гдѣ всѣ кругомъ, и люди и животныя, не смотря на знойный, томительный жаръ, такъ прилежно работаютъ. Цѣлыя толпы оводовъ и слѣпней кусаютъ лошадь и ни на минуту не даютъ ей покою; между тѣмъ она, то и дѣло, тащитъ возъ за возомъ.

На нивѣ идетъ еще болѣе трудная работа: уборка ржи во всемъ разгарѣ. Огромное поле сплошь усеяно связанными снопами, мужики подбрасываютъ ихъ на телѣги, а женщины, не разгибая спины, жнутъ каждая свою полосу. Здѣсь и тамъ, на сжатой нивѣ, разостлана пестрая женская юбка, и на ней въ тряпкахъ лежитъ малютка съ соскою во рту.

Нѣсколько дальше, въ сторонѣ, молодая женщина устроила для своего первенца настоящую люльку съ пологомъ, который хорошо защищаетъ его отъ солнца и непогоды. Теперь время отдохнуть: она прибѣжала къ своему малюткѣ, вынула его изъ люльки, положила на землю и начала играть съ нимъ, показывая ему цвѣтокъ, къ которому онъ такъ весело протягиваетъ ручки. Но еще чаще другая картина: ребенка томить жара, ему досаждаютъ всевозможныя насѣкомыя, онъ крикомъ жалуется на это матери. У крайней жницы задрожали въ рукахъ желтыя колосья. Она порывается подойти къ своему малюткѣ, но до цѣлаго снопа осталось чуточку нажать, а

кинуть несвязаннымъ—опять новая работа... «Милый, родной, потерпи», шепчетъ она, «вотъ ужъ, въ воскресенье, въ волю насидимся...» Руки пуще трясутся; ребенокъ не хочетъ знать, что матери тяжело слышать его крикъ, не понимаетъ ея обѣщаній и еще болѣе надрываетъ ей сердце.

И какая это тяжелая работа жнитво! Не разгибая спины, должна баба жать цѣлый день, между тѣмъ солнце такъ и жжетъ ей темя.

Л у г а.

Къ вечеру, когда солнечные лучи менѣе мучительны и глаза легче ихъ выносятъ, въ лѣсу уже свѣжо и темно: въ это время пріятно прогуляться по лугу. Тутъ и розовые, и малиновые, и голубые, и бѣлые, и желтые, и лиловые цвѣты самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ.

— Какъ тутъ хорошо играть въ горѣлки!—кричатъ дѣти, бѣгая по лугу. — Нѣтъ! лучше въ жмурки: въ комнатѣ безпрестанно на что нибудь наткнешься!

— Лучше въ мячикъ,—упрашиваютъ многія.

Дѣти дѣлятся на множество кучекъ. Въ одной изъ нихъ во всемя разгарѣ идетъ игра въ серсо, тамъ и лошадки, въ запуски, въ жмурки; одинъ мальчикъ гоняется за бабочками, другой преслѣдуетъ осу, жука. Маленькая дѣвочка разостлала платочекъ, сидитъ съ вѣнкомъ на головѣ и вяжетъ изъ цвѣтовъ букетъ. А для чего это мальчикъ такъ усердно щиплетъ траву? У него много кроликовъ, мать его собираетъ съ нихъ пухъ, вяжетъ на продажу косынки и шарфы, а сынъ заботится о маленькихъ, красивыхъ животныхъ, кормитъ ихъ. На эту картину залюбовался художникъ: онъ приготовилъ краски и палитру, чтобы срисовать этотъ роскошный видъ луга, чудно освѣщенный послѣдними лучами захо-

дящаго солнца. Но самый искусный живописецъ не съумѣетъ передать на картинѣ такихъ чудныхъ узоровъ: у него нѣтъ столько оттѣнковъ въ краскахъ! Да если бы и были, узоры на картинѣ вышли бы неподвижными, а здѣсь пронесется вѣтерокъ, и все задвигается, заколышется, тѣни бѣгутъ по лугу, бѣгутъ и переливаются. Ни кистью, ни перомъ не передать этой картины! Разноцвѣтныя бабочки качаются на цвѣткахъ и перелетаютъ съ одного на другой, жужжать пчелы, каростель тянетъ свою однообразную пѣсню, которая раздается точно скрипъ неподмазаннаго колеса, нѣсколько ниже журчитъ ручеекъ и прорѣзаетъ мураву тысячью игривыхъ изгибовъ. А какой чудный, здоровый запахъ несется отъ цвѣтовъ со скошенной полосы луга! Сильнѣй вдыхайте его въ себя, запасайтесь здоровьемъ на зиму. И жужжанье насѣкомыхъ, и пѣніе птицъ, которыя стаями проносятся надъ лугомъ, и звяканье натачиваемой косы, и пѣніе работниковъ, которые на лугу косятъ траву,—все это сливается въ чудный, стройный концертъ и придаетъ жизнь, движеніе и прелесть большому деревенскому лугу въ лѣтнюю пору года.

Особенно живую картину представляетъ лугъ во время сѣнокоса. Работники пришли сюда съ ранняго утра, потому что косить всего легче, когда трава еще влажная отъ росы. Къ полудню и самый сѣнокосъ оживляется; на подмогу къ мущинамъ приходятъ дѣти и женщины, окончившія свои хлопоты по хозяйству. Живо пошла работа; только желѣзное лезвіе косъ то и дѣло мелькаетъ въ густой зелени луга и красиво блеститъ на солнцѣ. Быстро падаетъ трава подъ бойкими взмахами косы: не успѣешь оглянуться,—большое пространство уже скошено и трава лежитъ на немъ ровными рядами; пройдетъ день, и лугъ покрывается копнами, а затѣмъ возвышается и огромный стогъ сѣна.

Во время сѣнокоса всѣ одѣты чисто, по праздничному, но работа эта не легкая: отъ быстрыхъ взмаховъ косы къ вечеру нестерпимо болятъ плечи у рабочихъ; праздничную же одежду они одѣваютъ потому, что работа эта чистая, и на лугу трудно испачкаться.

Луговые цвѣты и травы.

Не на всѣхъ лугахъ, даже не на всѣхъ частяхъ одного и того же луга растутъ одинаковыя травы и цвѣты. Вотъ лугъ не слишкомъ сырой и не слишкомъ сухой; тутъ хорошая черноземная почва: на немъ растутъ больше всего розовые и бѣлые цвѣты *трилистника*, того самаго растенія, которое называется *клеверомъ*, или по просту *дятловиною*; дѣти называютъ его еще *кашкою*. Растеніе это даетъ хорошій кормъ скоту, и хозяева любятъ, чтобы его росло побольше на лугахъ. Отъ него слышится сладкій, медовый запахъ. Тутъ-же не мало и *мышиннаго горошку* съ мелкими синеватыми цвѣтами. Здѣсь лиловые и синеватые *колокольчики* тихонько качаются и дрожать, наклонившись книзу на своихъ тонкихъ стебелькахъ; они растутъ кучками и иногда въ такомъ множествѣ, что сплошь покрываютъ большія пространства. Издали свѣтится звѣзда ромашки съ желтымъ полемъ по срединѣ. А сколько хорошенькихъ мелкихъ цвѣтковъ на низкихъ стебелькахъ, но ихъ не видать среди густой зелени. Вотъ мелькнула вѣточка съ темно-голубыми цвѣточками луговой вероники. Далѣе красивый пестрый цвѣтокъ *Иванъ-да-Марья* съ тремя темно-лиловыми и двумя бѣлыми или свѣтложелтыми лепестками. А тамъ, гдѣ по сырѣе, разрослись большими кустами блѣдно-голубыя *незабудки*. Вотъ сухая, высокая лужайка; тутъ трава рѣдкая и мелкая, но за то сколько пестрѣетъ здѣсь ярко-

красныхъ звѣздочекъ полевой *гвоздики*, разсыпанныхъ по одиночкѣ. На высокихъ, тонкихъ стебляхъ качаются *бѣлые пузырьники* или *хлопушки*, какъ называютъ еще иначе эти цвѣтки, потому что раздутая чашечка ихъ лопается съ трескомъ, если сжать ее между пальцами. Дѣти въ деревняхъ много забавляются этими хлопущками; бѣгая по лугу, они то и дѣло щелкаютъ ими то о какой нибудь твердый предметъ, то о свой лобъ или руку. Тутъ-же, по близости отъ *пузырника*, слышится сильный запахъ мяты. Поищите ее: она растетъ всего чаще около протоптанныхъ тропинокъ, а иногда и въ рассыпную на сухихъ и песчаныхъ мѣстахъ. Вотъ она: у нея низенькій, шерстистый, четырехгранный стебель, кругловатые, шерстистые же листочки и мелкіе лиловые цвѣтки. Это дикая *мята*. Въ деревняхъ ее собираютъ, сушатъ и потомъ пьютъ, какъ лекарство отъ простудныхъ болѣзней.

Какіе это чудные цвѣты садовые розы! Да за то сколько за ними ухода: холить ихъ приходится какъ малыхъ ребятъ. Чтобы быть здоровымъ и веселымъ, дитя должно спать въ теплой постелькѣ, подъ мягкимъ одѣяломъ, всегда въ одно время пить и ѣсть. Точно такъ и розѣ нужны и теплая постелька, и мягкое одѣяльце, и много чего другаго. Землю подъ садовые цвѣты старательно унавоживаютъ, разбиваютъ на грядки и куртинки; чтобы корень не промерзъ осенью, его обвязываютъ паклей, весной поливаютъ, полять дурную траву, и все это слѣдуетъ дѣлать во время. Чуть у тебя нѣтъ сноровки нянчиться съ ребенкомъ, глядь—ты перекормилъ, перепоилъ его, онъ опасно заболѣлъ, нерѣдко даже умираетъ. Такъ и садовый цвѣтокъ: много полилъ—сгниетъ, мало—высохнетъ или плохо распустится. Между тѣмъ есть цвѣты, которые не требуютъ людскаго ухода, а радости и пользы людямъ они даютъ нисколько не меньше садовыхъ: это *луговые цвѣты*. Всѣ цвѣты, которые вы ви-

дите на лугу, выросли сами собой. Никто ихъ тутъ не сажалъ: сѣмячко, изъ котораго они выросли, упало съ другаго такого же цвѣтка, что красовался здѣсь прошлымъ лѣтомъ, или его уронила тутъ птичка, или занесъ сюда вѣтеръ издалека. Цвѣтокъ росъ, никто его не поливалъ, никто не выпалывалъ дурной травы около него; его поили и обмывали дождь и роса; онъ цитался соками, которые собирались въ землѣ около его корня, и воздухомъ, который окружалъ его листочки. Когда появилась на немъ первая цвѣточная почка, никто не укрывалъ его на ночь отъ холода. Нѣжные лепестки молодаго цвѣтка въ первое время защищала отъ ненастья зеленая чашечка, которая тверже и плотнѣе лепестковъ и потому можетъ лучше переносить холодъ, не блѣднѣя и не съеживаясь, не теряя своей свѣжести. Пришла пора, засвѣтило красное солнышко, раскрылась чашечка, и цвѣтокъ разцвѣлъ: развернулись его сжатые лепестки и выпрямились тонкія нити, вырастающія внутри лепестковъ.

Садовые цвѣты украшаютъ садъ, распространяютъ чудный запахъ, а нѣкоторые изъ нихъ даютъ пчеламъ сладкій сокъ; луговые цвѣты, кромѣ всего этого, доставляютъ людямъ и много пользы. Многіе изъ нихъ, какъ на примѣръ *ромашка* (бѣленькій цвѣточекъ съ желтымъ полемъ по срединѣ), *мята*, *Иванъ-чай*, можно собирать, высушивать, заваривать какъ чай и пить, когда человекъ страдаетъ отъ простуды. Но вы, дѣти, тоже можете извлечь изъ полевыхъ цвѣтовъ немалую пользу. Отыщите какой нибудь цвѣтокъ; на одной страницѣ вашей тетради обрисуйте карандашемъ его листики и цвѣточки, на другой наклейте все растеніе съ его листиками, стебелькомъ и цвѣточками.

Сушить на зиму цвѣты можно еще и другимъ способомъ. Тѣ цвѣты, которые вамъ хочется засушить, собирайте въ самую сухую пору и въ теплые часы дня, чтобы

въ растеніи было поменьше сырости: тогда оно скорѣе засохнетъ. При сушкѣ растеній нужно кипу мягкой бумаги въ нѣсколько тетрадей нагрѣть на теплой печкѣ. Когда бумага хорошо нагрѣта, взять изъ нея листовъ пять и положить листъ въ листъ, чтобы она могла служить подстилкой, на нее положить растеніе, которое хочешь сушить, прикрыть его однимъ листомъ, тоже нагрѣтымъ, и прижать. Разумѣется, прежде всего надо растеніе приготовить: отряхнуть землю отъ корешка и ощипать нѣсколько цвѣтковъ и листочковъ, чтобы они не ложились одни на другіе. Если стебелекъ слишкомъ длиненъ, его можно загнуть или даже отрѣзать и положить подлѣ. Потомъ, покрывая растеніе листомъ бумаги, на него накладываютъ опять нагрѣтую пачку бумаги, опять растеніе, опять прикрываютъ листомъ и такъ далѣе. Кипа, которую накладываютъ поверхъ всѣхъ растеній, должна быть не толще ладони. Тогда на нее кладутъ прессъ или какуюнибудь тяжесть, напримѣръ доску, а сверху камень.

Въ холодные, длинные зимніе вечера пріятно будетъ пересматривать такую тетрадку, весело вспоминать теплое время, солнце и цвѣты.

О в ц ы .

Пастухъ гонить стадо овецъ,—сколько въ немъ крошечныхъ, маленькихъ ягнятъ! Что это онѣ всѣ бросились въ одну сторону, бѣгутъ безъ оглядки по тропинкѣ? Одна вскочила въ яму, и другая, и третья за ней... точно обойти ея не могутъ. Не могутъ, потому что не смотрятъ: одна кинулась въ сторону,—и все стадо, головы вверхъ и не переставая вилять своимъ маленькимъ хвостикомъ, бросилось за ней. Подскакнула передняя овца, на самомъ томъ мѣстѣ подскакнули и всѣ остальные. Зачѣмъ это

пастухъ загоняетъ по нѣсколько овецъ въ сѣни избы? Женщины связываютъ имъ ноги и чисто на чисто моютъ ихъ. Когда овцы высохнутъ, имъ будутъ стричь шерсть большими ножницами.

Овцы такія пугливыя, безпокойныя, что въ стадѣ никогда не удастся хорошенько рассмотретьъ ихъ. Близко овца не дастъ къ себѣ подойти, заблеетъ, бросится въ сторону. Такъ вотъ мы внимательно рассмотримъ ихъ теперь. Какія у нихъ тонкія ноги, а между тѣмъ должно быть очень крѣпкія и здоровыя, если носятъ такое крѣпкое тѣло! Уши, торчащія по бокамъ головы, очень маленькія, но очевидно хорошо слышатъ: чуть что-то зашуршало въ избѣ, овца уже готова броситься въ сторону, но при спутанныхъ ногахъ это ей не удается. Она ничего не разбираетъ, только бояться умѣетъ. Смотри, смотри: вотъ, она успокоилась, но хвостикъ и теперь не перестаетъ шевелиться, какъ и въ ту минуту, когда она съ такимъ страхомъ бѣжала по тропинкѣ. А какъ пріятно погладить рукою овечку: такая у нея мягкая, длинная, волнистая шерсть! Зимой мы придемъ посмотреть, какъ эту шерсть будутъ прясть, и я изъ нея свяжу тебѣ тепленькіе шерстяные чулочки, которые не дадутъ озябнуть твоимъ ножкамъ.

О к у н ь.

Лѣтомъ подъ вечеръ, когда спадетъ жара, пріятно поудить рыбу. Возьмемъ же удочки и черепокъ для червей. Кстати у берега нашей рѣчки много лежитъ большихъ, тяжелыхъ камней. Сдвинемъ-ка общими силами хоть самый маленькій изъ нихъ; смотрите, смотрите, какъ много червей: точно насъ ожидали! Живѣй собирайте да кладите ихъ въ черепокъ, только непременно съ землей, а то они сейчасъ же всѣ выползутъ.

K. Sadayama

Y. Kishida

Зачѣмъ это червячка надѣвають на крючекъ? Голый крючекъ рыбы не приманить, а до червячка она большая лакомка. Шшъ... молчи и не двигайся. Смотри, поплавокъ то опускается, то снова поднимается на зеркальной поверхности воды: значить, рыба клюетъ. Но вдругъ поплавокъ дернуло въ воду: рыба взялась. Смѣлѣе тащи! и вотъ въ травѣ, еще на крючкѣ, бьется *окунь*. Однако, какъ крючкомъ порвало ему челюсть. Но онъ не жалуется, не плачетъ, не кричитъ... Можетъ, ему и не больно? Нѣтъ, и онъ чувствуетъ, какъ и всякое другое животное, только у него нѣтъ голоса: онъ не скажетъ, чтобы его оставили въ покоѣ и пустили въ глубь рѣки играть съ товарищами и ловить червячковъ и насѣкомыхъ. Да чѣмъ же онъ будетъ ловить ихъ? Вѣдь у него нѣтъ ни ногъ, ни рукъ. Ему онѣ и не нужны. Достанемъ изъ лодки большой старый ковшъ, зачерпнемъ воды и пустимъ туда окуня; какъ онъ скоро поплылъ! Видишь, онъ совсѣмъ не бѣгаетъ и не ходитъ, а *плаваетъ*,—значить, можетъ жить только въ водѣ. Вотъ какъ онъ распустилъ *плавники*! Смотри: на спинѣ, по сторонамъ тѣла за головою, на животѣ, на хвостѣ—это у него все плавники. они ему и помогаютъ плавать. Но всего важнѣе въ этомъ отношеніи для окуня его хвостъ: плавая, онъ сгибаетъ его то направо, то налево и такъ подвигается впередъ. Однако некогда возиться съ нимъ,—вынимай его изъ воды. Э, да ты ужъ успѣлъ его уронить! знаешь почему? видишь, кабой онъ гладкій, холодный, скользкій,—вотъ и выскальзываетъ изъ рукъ. А все-ли у него есть, что у тебя? Нѣтъ, онъ совсѣмъ непохожъ ни на меня, ни на мою кошку, ни на собаку, ни на канарейку, что у меня въ клѣткѣ поетъ. Ахъ, нѣтъ, забыла! на птичку онъ похожъ тѣмъ, что ѣстъ, какъ она, червячковъ и мошекъ, а по виду онъ совсѣмъ другой. И у меня, и у кошки, и у собаки, и у канарейки есть шея, при помощи которой

мы поворачиваемъ голову во всѣ стороны не измѣняя положенія тѣла, а окунь куда повернетъ голову, туда и все туловище. Когда мы спимъ, мы закрываемъ глаза вѣками, окунь-же и днемъ, и ночью, и во время своего отдыха никогда не закрываетъ глазъ: у него нѣтъ вѣкъ, нѣтъ и ресницъ на глазахъ, нѣтъ бровей, не видать и ушей. Между тѣмъ онъ очень хорошо слышитъ: если ты будешь шумѣть во время ужения, тебѣ не удастся поймать его. Да вѣдь и мы слышимъ не тѣми изогнутыми хрящиками, что сидятъ у насъ по бокамъ головы и которые мы называемъ ушами: вы можете сгибать и разгибать эти хрящики, и это не помѣшаетъ вамъ слышать, что вокругъ васъ говорятъ. Если же вы заткнете ватой или пальцемъ углубленіе, что у васъ посреди уха, тогда вы перестанете слышать. У окуня совсѣмъ нѣтъ ушей снаружи, между тѣмъ онъ слышитъ,—значить, ухо у него внутри головы.

Пока мы осматривали окуня, вода на немъ обсохла, и онъ *уснулъ*. Про рыбу говорятъ, что она уснула, когда она перестала дышать и двигаться, т. е. умерла.

Какъ Терентичъ горшки продавалъ.

По проселочной дорогѣ, шагомъ, плелся возъ съ горшками, кувшинами, чашками и другой глиняной посудой. Подлѣ шелъ мужикъ средняго роста, сухой и съ морщинистымъ лицомъ. Одной рукой онъ поддерживалъ красную глиняную трубочку на коротенькомъ деревянномъ чубукѣ, другою отъ времени до времени срывалъ зеленую вѣтку со встрѣчныхъ по дорогѣ деревьевъ и понукалъ ею свою заморенную клячу со впалыми боками и выдавшимися ребрами.

Вотъ потянулся рядъ низенькихъ, на сторону покосившихся деревенскихъ избъ, крытыхъ соломой. Мужикъ

высыпаль пепель изъ трубки, запряталь ее за пазуху и, то поправляя упряжь, то понукая свою лошаденку, сталъ забѣгать подъ самыя окна избъ.

— Горшки глиняные!—выкрикивалъ онъ на разные голоса.—Посуда прочная! На морозѣ не лопнетъ, на огнѣ не осядетъ! Собирайтесь, красавицы, собирайтесь, молодки и радивыя хозяйки!

Онъ выѣхаль на самую середину деревни и остано-вился. Черезъ минуту возъ уже былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ старухами и молодухами, которыя брали горшки, постукивая по нимъ, чтобы слышать, звонко-ли горшокъ отдаетъ, значить, нѣтъ-ли въ немъ какой трещины; другія—поднимали ихъ и глядѣли на свѣтъ, чтобы не просмотрѣть какой дырочки.

Скоро возъ облѣпила и цѣлая куча ребятъ; одни изъ нихъ смотрѣли на старшихъ, другіе дергали за юбку матерей. «Глинянаго пѣтушка купи...» приставали они. Поднялся шумъ, говоръ.

— Во, смотри, Терентьичъ... Три большіе горшка, да эти мисочки, да пятокъ горлачей, ну на ребятъ тоже положи двѣ пары пѣтушковъ... Что-же ты молчишь? Оглохъ, что-ли? Осмину овса дамъ за все... и баба ткнула кулакомъ въ спину оторопѣлаго крестьянина, котораго такимъ образомъ окликали и толкали со всѣхъ сторонъ въ одно и то же время.

— Какъ не слышать!—отвѣчалъ тотъ,—только ты больно прытка: весь возъ ей выложи за осьмину овса. Хошь покупать,—неси осьмину ржи да рѣдины (самый рѣдкій холстъ, изъ котораго въ деревняхъ шьютъ мѣшки для муки и зеренъ) на два куля,—это тебѣ мое послѣднее слово.

— Уступи за насѣдку,—приставали уже съ другой стороны,—я въ придачу, пожалуй, по осени тепленькія рукавички тебѣ вывяжу.

— Нѣ,—съ вами каши не сварить,—говорилъ разсерженный крестьянинъ:—вы хоть и бабы, а все мозгами можете шевелить,—ну что, мнѣ эти горшки съ неба сыплются, что-ли?

— Вѣстимо Терентьичъ,—вторила старушка, которая пришла сюда не покупать, а народъ посмотреть и себя показать и стояла теперь, облокотившись на возъ.

Маленькіе счастливыцы, которымъ купили игрушку, надували щеки со всей силы, посвистывая въ пѣтушковъ; менѣе счастливые сверстники съ завистью бѣгали за товарищами, умоляя дать имъ тоже посвистать, а маленькая дѣвочка съ бѣлыми волосами, мать которой не могла сойтись въ цѣнѣ съ продавцемъ, показывала счастливымъ свой крошечный кулачекъ. Нѣкоторыя бабы рассчитывались за товаръ полотенцами, яйцами, творогомъ, пѣтухами и другими принадлежностями своего домашняго хозяйства.

— Ну ты, перештопаный красный платокъ... глязѣть что-ли пришла?

— Уступи, Терентьичъ,—отозвалась продавцу баба, повязанная ситцевымъ краснымъ платкомъ, заштопаннымъ лоскутьями разныхъ цвѣтовъ.

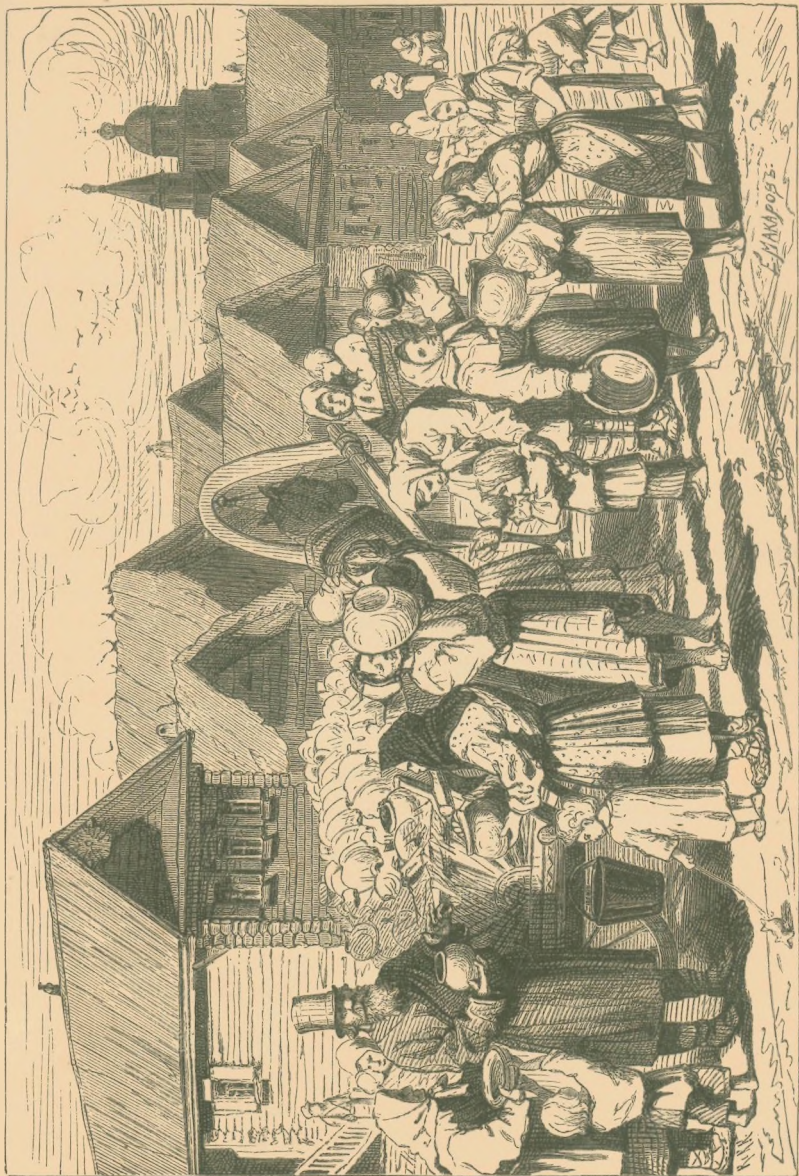
— Ни, ни, не могу... два фунта масла неси или прочь уходи... Сами этимъ живемъ.

— Бога ты не боишься... Масло мы завсегда въ городѣ на крупу ребятамъ мѣняемъ, много-ли съ одной коровенки наберешь... Пожалѣй ты нашего сиротства!

— Эка невидаль сиротство... У насъ у самихъ отъ эвтаго самаго сиротства животы подводить. — И онъ отвернулся отъ женщины и сталъ поправлять на лошади упряжь.

— Гляди, Мироновна, —слышалось въ толпѣ,—мой-то, кажется, совсѣмъ на богъ покосился. А это что за носокъ: просто лепешка какая-то!

— Ну, вы, молодки,—обратился онъ къ тѣмъ, кото-

Е. КАНДОРЪ

рыя все еще во всѣ стороны поворачивали горшки, стараясь найти въ нихъ какой нибудь изъянъ,—не сумлѣвайтесь: товаръ вамъ предоставленъ самый лучший и все какъ есть въ аккуратѣ, а этакъ-то глазѣвши, только сглазите попусту. Счастливо оставаться,—и крестьянинъ дернулъ возжей, надѣлъ свой колпакъ и поплелся съ возомъ дальше.

Какъ готовятъ глиняную посуду.

Проѣзжая по деревенскимъ дорогамъ, вы, вѣроятно, встрѣчали нѣсколько построекъ сряду, и одна изъ нихъ, съ крышею очень низенько надъ землею, стояла совершенно отдѣльно между полями или около лѣсу. Подъ этой низенькой крышей вырыта земля и устроена обжигательная печь. Такія строенія устраиваются на глинистой землѣ; это *кирпичный заводъ*: тутъ дѣлаютъ кирпичи, обжигаютъ и заготавливаютъ посуду. Для этого лѣтомъ, въ самое сухое время, вырываютъ глину изъ земли. Вырытые куски глины сваливаютъ въ обложенную досками яму и обливаютъ водой. Когда глина ею напиталась, ее вынимаютъ изъ ямы и кладутъ на гладкую площадку. Тутъ сходятся всѣ рабочіе и начинаютъ мять ее своими босыми ногами. Глина была неочищенная, и потому они, то и дѣло, сильно царапаютъ ноги о камни и разные сучья, которые они тотчасъ и выкидываютъ. Такъ мнутъ глину и мало по малу очищаютъ ее отъ ненужнаго мусора, а чтобы горшки были прочнѣе, въ размоченную и размятую глину еще подсыпаютъ песку. Наконецъ, разносятъ ее на доскахъ другимъ рабочимъ.

Подлѣ рабочаго, дѣлающаго горшки, стоитъ корыто съ водою, чтобы помачивать безпрестанно засыхающую глину. Онъ снова мнетъ и очищаетъ ее и дѣлаетъ простую

деревенскую посуду руками, только кой-гдѣ подравниваетъ ее палочками и ножичками различной формы да сглаживаетъ стекломъ. Если вещь съ ручкой, работникъ отдѣльно лѣпитъ ручку и потомъ прилѣпляетъ ее жидкою глиною къ посудинѣ. Такъ дѣлаютъ самые простые гладкіе горшки; но ту же деревенскую посуду, только съ нѣкоторыми украшеніями да немножко позамысловатѣе, уже готовятъ въ металлическихъ, а также и гипсовыхъ формахъ. Для этого глину раскатываютъ, какъ тѣсто, въ листъ, и обкладываютъ ею верхнюю сторону формы, потомъ срѣзаютъ по краямъ лишнюю глину и сдавливаютъ этотъ листъ другой формой.

Гипсъ втягиваетъ въ себя сырость изъ глины, и черезъ день посудину вынимаютъ изъ формы, оставляютъ нѣсколько посохнуть на воздухѣ и тогда уже несутъ въ обжигательную печь, гдѣ ставятъ ее рядами такъ, чтобы со всѣхъ сторонъ ее обхватывало пламенемъ.

Чайная и столовая посуда дѣлается не изъ простой глины, а изъ форфора и фаянса,—про это я расскажу вамъ когда нибудь послѣ. Теперь же я хочу дать вамъ вотъ какой совѣтъ: попробуйте сами изъ такой простой глины надѣлать себѣ разныхъ вещей. Прежде все у васъ будетъ выходить очень дурно; часто вы даже не мало посмѣетесь надъ тѣмъ, что начали спичечницу, а вышелъ треугольникъ съ выемкой; но это не бѣда: мало по малу привыкнете къ дѣлу. Инструменты для этой работы очень просты и не дороги. Прежде всего необходимо имѣть гладкую, ровную доску, на которой вы будете раскатывать глину; купите также нѣсколько деревянныхъ ножичковъ съ тупыми и острыми краями, маленькую лопаточку и, если съумѣете, возьмите кусокъ проволоки, согните петелькой и оба конца всадите въ деревянную палочку. Съ этими инструментами вы можете дѣлать и довольно сложныя фигурки, а вещи попроще сработаете и однѣми

руками. Помните только, что глину нужно смачивать. Оторвите кусокъ глины и скатайте шарикъ, надавите немного рукой, погладьте смоченнымъ въ водѣ пальцемъ, да еще, пожалуй, наткните булавочной головкой,— вотъ, у васъ и настоящая сайка. Сдѣлайте еще саечку и втисните въ нее пуговку, теперь вышло что-то въ родѣ мисочки. Также можете скатать длинную булку, кренделекъ, а потомъ сдѣлать и простенькую чернильницу. Возьмите сперва чернильницу съ маминаго стола и какъ можно внимательнѣе осмотрите ее со всѣхъ сторонъ. Углубленіе дѣлайте пальцемъ, а выравнивайте петлей. Сдѣлано,—осмотрите: тамъ, гдѣ выше, снимите глину ножикомъ. Вѣрьте, къ концу мѣсяца вы много надѣлаете вещей и себѣ, и маленькимъ сестрамъ, и тогда вполнѣ поймете поговорку, что «горшки не боги обжигаютъ».

Б у л к и.

Пекарня—просторная комната, большая часть которой занята огромной печью; тамъ и здѣсь стоятъ кадки и кули съ мукой, навалены дрова; около стѣнъ—столы, на которыхъ валяютъ булки; подъ потолкомъ устроены полати, гдѣ лежатъ еще неиспеченныя булки: ихъ раскладываютъ на доскахъ и провяливаютъ.

Многіе любятъ рано пить чай съ мягкими, теплыми булками, а чтобы онѣ были готовы къ этому времени, печку приходится растоплять уже ночью; но тѣсто заготавливаютъ еще днемъ. Пшеничную муку развели водой, положили дрожжей и такъ оставили въ квашнѣ, т. е. въ деревянной кадочкѣ. Къ двумъ, тремъ часамъ тѣсто начинаетъ бродить и подыматься. Если вы зайдете въ пекарню въ это время, когда только растапливаютъ печь, то увидите, что пекари лежатъ какъ попало: кто на го-

ломъ полу, подложивъ подъ голову мучной мѣшокъ, кто на столѣ, закинувъ подъ голову, вмѣсто подушки, собственныя руки. Спать пекарямъ приходится очень мало, да и то не во-время.

При пекарняхъ нѣтъ особаго помѣщенія для рабочихъ. Они цѣлый день около тѣста, а выпала днемъ или ночью свободная минута, ложатся тутъ-же, около столовъ, чтобы не прозѣвать, когда тѣсто начнетъ подниматься. Тогда они вскакиваютъ, подмѣшиваютъ муки и мѣсятъ тѣсто руками; послѣ этого тѣсто выкладываютъ на столъ, гдѣ уже посланъ холстъ.

Если бы вы видѣли, какъ пекаръ ловко рабстаеть! Онъ сразу отрываетъ кусокъ тѣста, минуту повертѣлъ, — глядишь, вышелъ хорошенькій крендель, а тѣсто, что осталось въ рукѣ, онъ ловко откинулъ въ сторону, перевернулъ, и изъ него вышла аккуратная, круглая булка. При этомъ пекаръ безпрестанно опускаетъ руки въ кадку съ водой, чтобы къ нимъ не приставало тѣсто. Когда надѣланы разныя булки, прежде чѣмъ сажать въ печь, ихъ раскладываютъ на длинныя доски и часа на полтора помѣщаютъ на полати. Въ это время пекари опять могутъ тутъ-же привалиться, отдохнуть: но, конечно, за ними зорко наблюдаютъ, чтобы они не проспали. Часовъ въ пять утра ихъ опять будятъ; они складываютъ булки на желѣзный листъ и ставятъ въ вытопленную печь, гдѣ нѣтъ уже ни огня, ни угольевъ.

К о р о в а.

Лѣтомъ, чуть забрежится свѣтъ, пастухъ уже выбѣгаетъ изъ избы и трубить въ рожокъ: онъ будить хозяекъ и зоветъ свое стадо въ поле. Ему въ отвѣтъ изъ хлѣвовъ разомъ слышались голоса разныхъ животныхъ:

скоть понялъ, что его зовутъ на чистый воздухъ, въ поле, и просится на волю. Хозяйка стала отворять хлѣва и выгонять скоть. Съ какою радостью выскакиваютъ оттуда коровы! Вотъ эта бурая непременно кого-нибудь ищетъ: медленно, съ ногъ до головы, осматриваетъ она каждую подругу, наконецъ, подошла къ такой-же бурой, какъ сама, и стала лизать ее, — точно, здороваётся съ ней, цѣлуется. Въ это самое время къ нимъ подходитъ рыжая корова; тѣ устали на нее рогами и замычали. Рыжая корова ничуть за это не разсердилась и отошла прочь: черезъ минуту она опять уже лѣзла къ бурымъ коровамъ, забывъ совсѣмъ, какъ тѣ сейчасъ дурно ее приняли. Наконецъ, пастухъ хлопнулъ бичемъ и погналъ коровъ въ поле. Какъ обрадовались онѣ зеленому лугу! Бѣгаютъ, мѣряются силами. Подойдутъ другъ къ другу, постоятъ потупившись въ землю и вдругъ сцѣпятся рогами. То одна потянетъ къ себѣ подругу, то другая окажется сильнѣе, и черезъ минуту разойдутся, какъ ни въ чемъ не бывало. Наигравшись, онѣ спокойно стали ѣсть траву. Пастухъ сѣлъ на камень, плететь лапти и напѣваетъ пѣсню. Отъ времени до времени онъ встаетъ и хлопаетъ бичемъ, чтобы не дать коровамъ далеко отходить другъ отъ друга. Но вотъ солнышко высоко поднялось, становится жарко, коровы полегли. Между тѣмъ и лежа онѣ что-то жуютъ, хотя уже перестали ѣсть, не щиплютъ больше траву. Что же онѣ жуютъ?

Корова не разомъ съѣдаетъ траву или сѣно: пожуетъ, проглотитъ, и послѣ того, какъ пища полежитъ уже нѣсколько въ желудкѣ, она опять *отрыгнетъ* ее и снова начинаетъ пережевывать и глотать.

Становится нестерпимая жара. Коровамъ тяжело и отъ полуденнаго зноя, и отъ докучливыхъ оводовъ, которыхъ онѣ безпрестанно отмахиваютъ своими хвостами. Пора гнать стадо домой. Надо подоить коровъ да и переждать

на прохладѣ, въ хлѣвахъ, жаркое время. Стадо потянулось къ селу, а тамъ, около скотнаго двора, уже собрались женщины со скамейками и подойниками: онѣ подходятъ къ коровамъ, обмываютъ вымя и начинаютъ доить. Теперь удобно поближе приглядѣться къ коровѣ. Видишь, спина у нея какая острая! Всѣ кости выдаются, а бока оттопырились; у заднихъ ногъ, подъ животомъ, вымя; спереди отвисла жожа: это *подгрудокъ*. Хвостъ виситъ какъ бичевка, только на концѣ пучекъ длинныхъ волосъ. Ноги толстыя, короткія и на каждой изъ нихъ по два копыта. Вообще корова не очень-то красива. Повернула наша буренушка голову, смотритъ ласково, да нѣтъ у ней смышлености въ глазахъ. Шея у нея короткая, не можетъ она поднять ее вверхъ, вотъ почему и ходитъ она большею частью съ опущенной головой. На лбу рога серпомъ, уши торчатъ врозь. А въ ротъ загляни, такъ не мало удивишься. Переднихъ зубовъ, которые называются *рыжцами*, у коровы сверху совсѣмъ нѣтъ; вмѣсто нихъ толстая кожа, а снизу насчитаете до 8-ми зубовъ. Этими нижними зубами коровы щиплютъ траву. Перетираетъ же она траву *коренными* зубами, которые сидятъ подалше къ глоткѣ, какъ сверху такъ и снизу.

Коровы — вялыя, лѣнныя и большею частью тупыя животныя. Правда, когда хозяйка — добрая женщина, ласково обходится съ ними, соблюдаетъ чистоту въ хлѣвахъ и сытно ихъ кормитъ и поитъ, коровы привыкають къ ней. Вотъ, показалась она съ подойникомъ въ рукѣ, и ея коровы выступаютъ изъ стада. Му, му... мычатъ онѣ и болѣе скорымъ шагомъ идутъ ей на встрѣчу. При хорошемъ уходѣ онѣ становятся смышленѣе и какъ-то умнѣе: такія коровы не тронуть на пастбищѣ вредныхъ растеній и безъ пастуха не полѣзутъ прямо въ колодезь. Но никогда человѣкъ не можетъ положиться на ихъ умъ, на ихъ привязанность къ себѣ. Та же хозяйка, которую

корова любить, одѣла красное платье, — и корова совсѣмъ одурѣла: устала на нее рога, не узнаетъ ее и не слушаетъ ея голоса. Корова не ѣла нѣсколько часовъ, мычить и просить ѣсть; въ уголь ей кладутъ кормъ, — она смотритъ на него и лѣнится подойти, пока хозяйка прутомъ не заставитъ ее сдвинуться съ мѣста.

Впрочемъ и корова иногда совершенно измѣняется на нѣкоторое время: это бываетъ тогда, когда она телится, т. е. когда дѣлается матерью. До тѣхъ поръ страшно пугливая и лѣнивая, она становится живѣе, смѣлѣе встрѣчаетъ врага. Она безпрестанно лижетъ своего теленка, заигрываетъ съ нимъ, то помахивая на него хвостомъ, то толкая его мордой. Когда отнимаютъ у нея теленка, она наведетъ грусть даже на человѣка: цѣлый день бѣгаетъ, засматриваетъ во всѣ углы, протяжно, жалобно мычить и ищетъ свое дитя. Но вотъ прошла недѣля, другая, и она, встрѣтивъ его въ стадѣ, проходитъ мимо, не обративъ на него никакого вниманія.

Быкъ и теленокъ.

Быка сейчасъ отличишь въ стадѣ: онъ гордо расхаживаетъ между коровами и сильно бьетъ себя хвостомъ по широкимъ бедрамъ. Быкъ гораздо красивѣе коровы. Онъ сильнѣе, храбрѣе, взглядъ его болѣе разумный.

Корова пуглива: при первой опасности, она мечется, куда попало; подниметъ хвостъ и задними ногами лягнетъ человѣка, изгородь, однимъ словомъ все, что ей встрѣтится на пути. Быкъ — постоянный защитникъ своего стада: при немъ и коровы смѣлѣй и безъ страха встрѣчаютъ врага своими крѣпкими рогами.

Къ стаду подбѣгаетъ волкъ; коровы стоятъ все на томъ же мѣстѣ и бессмысленно смотрятъ, не понимая

опасности, а иной разъ такъ пугаются, что начинаютъ безъ толку метаться изъ стороны въ сторону. Но быкъ безстрашно выходитъ впередъ, прямо подступаетъ къ врагу, сильно реветъ и часто однимъ взмахомъ роговъ перебрасываетъ его черезъ себя; при этомъ волкъ, конечно, скоро опомнится и опять бросится на стадо. Но тутъ быкъ уже успѣлъ собрать около себя всѣхъ коровъ, чуть не все стадо устало на него свои рога, и волкъ тотчасъ убѣгаетъ прочь.

Рѣшительно невозможно держать въ стадѣ двухъ быковъ: они постоянно затѣиваютъ между собой драки не на жизнь, а на смерть. Пастуху приходится при этомъ разгонять ихъ дубиной, но ему слѣдуетъ быть очень осторожнымъ: въ дракахъ между собой быки становятся страшно свирѣпы и въ припадкѣ бѣшенства могутъ броситься и на него. Быки нападаютъ на врага съ закрытыми глазами и съ опущенною внизъ головой; если они разсвирѣпѣютъ на человѣка, то ему можно посовѣтовать спрятаться при нападеніи за дерево: быкъ непременно ударится въ него головой. Ударъ оглушаетъ его на нѣсколько минутъ, а въ это время человѣкъ можетъ спастись.

Теленокъ послѣ своего рожденія еще очень слабъ и смотритъ совсѣмъ безсмысленно, но вскорѣ дѣлается рѣзвѣе и нѣсколько понятливѣе. Къ матери онъ сильно привикаетъ и начинаетъ жалобно мычать, лишь только она отойдетъ хотя на шагъ.

Одна женщина подарила своей маленькой дочкѣ теленка. Дѣвочку чрезвычайно радовалъ этотъ подарокъ: несетъ она ведро съ пойломъ и ногъ подъ собой не слышитъ отъ радости, что и у нея есть свое животное, которое будетъ ее любить, слушаться ея.

И, дѣйствительно, теленокъ привыкъ къ ней. Лишь только скотъ возвращался съ поля, онъ прямо подходилъ

къ крыльцу дѣвочки и мычалъ. Если его маленькая хозяйка не тотчасъ выходила на зовъ, теленокъ, не долго думая, всходилъ по ступенькамъ на крыльцо, а потомъ и прямо въ комнаты. Каждый разъ его хлыстомъ выгоняли вонъ, но онъ на это нисколько не обижался и опять шелъ прямо въ комнаты, если хозяйка его какъ-нибудь замѣшкается. Иногда эта привязанность становилась въ тягость: завидитъ, бывало, теленокъ свою хозяйку, бросится къ ней со всѣхъ ногъ и повалить ее навзничъ; а то идетъ она куда нибудь по дѣлу, а онъ бѣжитъ сзади. Въ такихъ случаяхъ дѣвочкѣ ничего болѣе не оставалось, какъ вернуться вмѣстѣ съ нимъ домой, запереть его въ хлѣвъ и тогда уже идти, куда вздумается.

Какая польза человѣку отъ коровы.

Не даромъ хозяева холятъ корову! «Береги коровушку пуще своего глаза»,—вотъ первое наставленіе матери-крестьянки, когда она выдаетъ замужъ свою дочь. И это будетъ понятно, если мы вспомнимъ, что въ коровѣ все идетъ въ дѣло, все приноситъ выгоду.

Коровы могли бы жить лѣтъ 35, но имъ не даютъ стариться и отводятъ на бойню. Шкуру коровы крестьяне продаютъ кожевникамъ на выдѣлку кожи и сапожники шьютъ изъ нея сапоги. Ту кожу, которая дальше колѣнъ по самыя копыта, крестьяне оставляютъ себѣ: она похуже, за нее мало дать кожевникъ, и потому крестьянинъ шьетъ себѣ изъ нея что-то въ родѣ калошъ и одѣваетъ ихъ, когда пашетъ землю. Мясо коровы и варятъ, и жарятъ, и солятъ. Въ деревняхъ нѣтъ мясныхъ лавокъ, гдѣ можно было бы каждый день купить свѣжую говядину, да и деньги тамъ рѣдко водятся. Въ большіе праздники крестьянинъ кладетъ солонину въ свою похлебку, и при этомъ для большой семьи такой

маленькій кусокъ, какой у насъ въ Петербургѣ часто съѣдаетъ одинъ человѣкъ. Такъ и тянется у него мясо отъ одной коровы круглый годъ, да и это бываетъ только у очень немногихъ крестьянъ.

Рога и копыта тоже идутъ въ дѣло. Рога употребляютъ для различныхъ мелкихъ вещей: гребни, табакерки, рожки, изъ которыхъ поятъ маленькихъ дѣтей, — все это сами крестьяне дѣлаютъ для себя, и иногда очень искусно. Изъ копытъ вывариваютъ клей; изъ сала дѣлаютъ свѣчи, варятъ мыло; волосами набиваютъ тюфяки, подушки; изъ кишекъ дѣлаютъ колбасы. Даже кости можно истереть въ муку и вмѣсто навоза удабривать землю. Все это даетъ корова, когда ее убьютъ, но и при жизни она доставляетъ нисколько не меньше выгоды. Какъ важно для младенца коровье молоко: у него нѣтъ еще зубовъ, твердую пищу онъ не можетъ пережевать, да и желудокъ его ея не приметъ... Въ деревняхъ, когда у матери пропадаетъ молоко, а въ домѣ только одинъ сухой черствый хлѣбъ, коровье молоко спасаетъ отъ смерти сотни дѣтей. Больнымъ и слабымъ для подкрѣпленія здоровья тоже прописываютъ пить парное молоко.

Изъ молока сбиваютъ *масло*, а безъ масла нельзя было бы приготовить большую часть кушаньевъ. На маслѣ жарятъ жаркое, пекутъ пироги, булки и проч. Да и не одно масло дѣлаютъ изъ молока. *Сметана*, которая придаетъ такой вкусъ шамъ, *простокваша*, такъ прохлаждающая насъ въ жаркое время, *сыворожка* (она остается, когда сбиваютъ масло), которую пьютъ какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней, *сливки*, *творогъ*, *сыръ* — все это даетъ молоко. Навозомъ, остающимся послѣ коровъ, удобряютъ поля, и чѣмъ его больше у крестьянина, тѣмъ лучше родится у него хлѣбъ. Корова такимъ образомъ не только кормитъ насъ своимъ мясомъ и молокомъ, но даетъ еще возможность получать хорошій урожай.

О д е ж д а.

Каждое животное имѣетъ какую нибудь одежду, которая прикрываетъ его отъ холода и непогоды: птицы покрыты перьями и пухомъ, медвѣди, лисицы, кошки—теплымъ мѣхомъ. Для многихъ животныхъ однако ихъ одежда оказывается недостаточно теплой, особенно въ суровые, зимніе морозы. Вотъ почему многіе изъ нихъ засыпаютъ на это время такимъ богатырскимъ сномъ, что не чувствуютъ ни холода, ни голода; птицы-же, лишь только подуютъ осенніе вѣтры, улетають далеко отъ насъ, въ теплыя страны. Не только животныя, но даже деревья отъ непогоды защищены корою. На зиму садовники бережно обвязываютъ паклею наиболѣе нѣжныя изъ нихъ. Такимъ образомъ всѣ чѣмъ нибудь да приодѣты: тѣмъ болѣе нужна одежда человѣку,—тѣло его покрыто голой, очень нѣжной и чувствительной кожей. Засыпать во время стужи онъ не можетъ, напротивъ, долженъ нерѣдко выходить и много работать на открытомъ воздухѣ. Человѣкъ и придумалъ одежду для всякой части своего тѣла и для каждаго времени года. На тѣло онъ одѣваетъ рубашку, на ноги сапоги, валенки или лапти, на голову шапку. Лѣтомъ одежда шьется изъ легкихъ матерій—льняныхъ, бумажныхъ и шелковыхъ тканей, и въ жаркое время скорѣе защищаетъ отъ палящихъ лучей солнца. Шерстяная, суконная и мѣховая одежда согрѣваетъ насъ во время стужи, морозовъ и вѣтра.

Чтобы добыть мѣхъ, охотники иногда проводятъ цѣлую жизнь на охотѣ за дикими звѣрями, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ. Убьютъ животное, обдерутъ съ него мѣхъ и продадутъ скорнякамъ и мѣховщикамъ, а тѣ перекраиваютъ ихъ на шубы и салопы.

Шерстяныя матеріи и сукна выдѣлываютъ изъ овечьей шерсти. Для этого стригутъ шерсть съ овецъ, прядутъ

нитки и изъ нихъ вяжутъ чулки, ткутъ шерстяныя матеріи, дѣлаютъ сукно. Но больше всего требуется холста изъ льна. Шерстяной и мѣховой одежды небогатые люди имѣютъ обыкновенно по одной, по двѣ вещи, одну же рубашку имѣть рѣшительно невозможно. Тутъ необходимо много льну, и имъ засѣваютъ огромныя поля.

Вы, вѣроятно, видали маленькія, черныя, блестящія, плоскія сѣмячки льна. Эти сѣмячки сѣютъ весною въ маѣ мѣсяцѣ. Черезъ нѣсколько недѣль сѣмячко пускаетъ въ землю корешокъ, а поверхъ земли показываются маленькіе, зелененькіе листики. Чуть между листиками льна поднимается другая трава, съ круглымъ стеблемъ, ее тотчасъ выпалываютъ, чтобы она не заглушила посѣва, да и не рѣзала-бы бабамъ рукъ, когда тѣ станутъ дергать уже поспѣвшій ленъ.

Лѣтомъ ленъ цвѣтетъ красивыми, голубыми цвѣточками, которые мало по малу вянутъ, опадаютъ и вмѣсто нихъ появляются зеленыя головки. Въ этихъ головкахъ такія-же сѣмена, какія были посѣяны весной. Когда головки уже созрѣли, стебель выдергиваютъ съ корнемъ, связываютъ въ снопы и оставляютъ сохнуть въ полѣ. Потомъ обколачиваютъ головки на сѣмя, а стебли бросаютъ на телѣги и скидываютъ въ озеро или рѣчку; чтобы они не всплыли, сверху на нихъ накладываютъ доски и бревна. Такъ мокнетъ ленъ недѣль шесть: верхняя кожица лопається (при этомъ нужно зорко смотрѣть, чтобы ленъ не загнилъ); тогда его вынимаютъ и рѣдко разстилаютъ по землѣ, чтобы онъ просохъ. Потомъ свозятъ въ овинъ, *мнутъ* и *треплютъ*, чтобы кострика *) легче отставала отъ стебля.

---

*) *Кострика*—верхняя кожица, лопнувшая во время мочевья и уже подсохшая.

Когда ленъ *мнутъ* и *треплютъ*, пыль несется стол, бомъ, засыпаетъ работницамъ глаза, но онѣ до смерти рады что у всей семьи въ этотъ годъ прибавится по рубахѣ, не смущаются и весело продолжаютъ свое дѣло.

Теперь стебель уже не круглый и гладкій, но мягкій и волокнистый. Однако, прежде чѣмъ прясть изъ него пряжу, его еще *расчесываютъ* гребнями и щетками.

Изъ того, что счешутъ сверху — спутанныя волокна льна съ остатками мелкой кострики — прядутъ нитки и ткуютъ *верховье*, т. е. простой, неровный и грубый холстъ, изъ котораго шьютъ мѣшки для муки и зеренъ. Тѣ окна которыя остались въ рукѣ, очень мягкія и ровныя; лихъ свертываютъ въ кудели, привязываютъ къ прялкѣ — прядутъ изъ нихъ тонкія, ровныя нитки.

Прясть нитки — самая любимая работа деревенскихъ дѣвушекъ. Въ длинныя, зимніе вечера онѣ приходятъ другъ къ другу на посидѣлки; одна другой тоньше выводятъ пряжу, пускаютъ какъ можно длиннѣе нитки, чтобы закрученное веретено долго само бѣгало, жужжало и кружилось. При этомъ часто затягиваютъ пѣсню про ленъ, который онѣ прядутъ.

„Ужь мы сѣяли, сѣяли ленъ,
Ужь мы сѣя приговаривали,
Чеботами приколачивали,
Съ боку на бокъ поворачивали:
Ты удайся, удайся нашъ ленъ,
Ты удайся нашъ бѣлый ленъ.“

Когда дѣвушки напрядутъ много нитокъ, въ избѣ разставляютъ кросна и начинаютъ ткать холстъ. Когда выткуютъ длинную, длинную холстину, изъ нея еще нельзя кроить себѣ бѣлья: она въ то время еще суровая, сѣрая и очень грубая. Вытканную холстину много разъ вымачиваютъ и разстилаютъ на травѣ для просушки и чтобы выбѣлить.

Льняное сѣмя приноситъ и другую пользу: изъ него выжимаютъ масло, которое чаще всего идетъ на приготовленіе лака. Выжимки, которыя остаются, служатъ скоту хорошимъ кормомъ. Кромѣ того льняное сѣмя употребляютъ даже и какъ лекарство; для этого его толкутъ въ порошокъ, обвариваютъ кипяткомъ и ставятъ припарки больнымъ.

Осень въ городѣ.

Для городского жителя осень самое дурное время года. Лѣтомъ онъ могъ хотя немного отдохнуть на дачѣ, на свѣжемъ воздухѣ. У него былъ свой клочекъ земли, засѣянный однолѣтними цвѣтами, покрытый, какъ и все въ природѣ, живымъ, зеленымъ ковромъ. Онъ обѣдалъ и завтракалъ съ своими дѣтишками на открытомъ воздухѣ, подъ вѣтвями кудрявой березки.

На дачѣ дѣти перезнакомились между собою, такъ весело играли вмѣстѣ въ мячикъ, качали другъ друга на качеляхъ. Какъ славно имъ было бѣгать въ лошадки и въ горѣлки на просторномъ лужку! Они такъ сдружились со всѣми торговцами ягодъ и вкусныхъ плодовъ.

Теперь всему конецъ! Холодный, суровый вѣтеръ съ такою злостью подулъ на землю, и мало по малу все въ природѣ измѣнилось, скинуло яркую, цвѣтную одежду и одѣло какую-то грязновато-сѣрую. Этотъ злой вѣтеръ прогналъ отъ насъ и нашихъ милыхъ пѣвчихъ гостей. Вмѣсто свѣтлыхъ, серебристыхъ облаковъ небо заволокло мрачною свинцовою пеленою. Вмѣсто длиннаго, свѣтлаго, теплаго дня наступили дни короткіе, холодные и мрачные.

Зеленая трава и листья на деревьяхъ опадаютъ и желтѣютъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Если осенью заглянуть въ лѣсъ, съ перваго разу подумаешь,

что въ немъ точно поубавилось деревьевъ; это кажется такъ потому, что съ осенними днями деревья потеряли свою роскошную зелень и торчатъ голыми прутьями, безъ всякой одежды. Только кое-гдѣ мелькають густыя кисти рябины и нѣсколько скрашиваютъ грустный видъ лѣса.

Птицы стаями тянутся по небу: онѣ почуяли близость холодныхъ, зимнихъ дней и торопятся улетѣть далеко отъ насъ, въ теплыя страны. Бабочки положили яички и совсѣмъ сгнули съ бѣлаго свѣта. Тамъ и здѣсь стоятъ лужи холодной, жидкой грязи.

«Прощайте, теплые свѣтлые дни», думаютъ дѣти, уѣзжая съ дачи, «и ты, насиженное гнѣздышко, изъ котораго мы, какъ вольныя пташки, вылетали играть и пѣть. Насъ, какъ и птичекъ, изъ нашихъ лѣтнихъ домовъ выгоняють холода и дожди».

Подлѣ дачъ уже стоятъ телѣги, нагроможденныя мебелью, чемоданами, матрасами, заколоченными деревянными ящиками. У одного воза суетятся дѣти. Одни изъ нихъ держатъ своихъ куколъ и лошадокъ, упрашивая уложить ихъ на возу, какъ можно осторожнѣе; другіе высоко подскакиваютъ, чтобы половчѣе прицѣпить за ножку стула свое серсо. Вотъ, уже возъ тронулся, но дѣвочка съ крикомъ и слезами умоляетъ кухарку, которая только-что усѣлась на самой верхушкѣ воза, между кадками и кордонками, остановиться. «Ваську забыли! Васька куда-то убѣжалъ», вопить ребенокъ. И старушка слѣзаетъ съ воза, начинается суматоха, всѣ бѣгаютъ, ищутъ кота.

Осень въ деревнѣ.

Осенью въ деревнѣ гораздо больше жизни, чѣмъ въ городѣ.

Крестьяне сняли съ полей зерновой хлѣбъ, и лица ихъ замѣтно просвѣтлѣли. Послѣ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ и скудной пищи осень единственное время года, когда крестьяне сыты. Тотъ, у кого лучше было умолоть, т. е. чья земля больше дала хлѣба, не забудетъ бѣдняка изъ своей братіи. Хотя онъ теперь и богаче другихъ, но остальное—то время года онъ самъ кое-какъ перебивался, самъ питался въ проголодь. Вотъ онъ и идетъ теперь къ тому, надъ кѣмъ стряслась какая нибудь бѣда: заболѣла или умерла хозяйка, пала скотина. Такому семейству нельзя было ни во время убрать хлѣбъ съ поля, ни скосить траву.

— «Всѣ мы подъ Богомъ», говоритъ при этомъ крестьянинъ и тащить въ хату несчастливца все, что можетъ. Женщины несутъ овсяной муки на кисель, краюху пирога съ творогомъ, крупы на кашу малымъ ребятамъ, гороху; ихъ мужья—осьмину ржи, овса... «Съ міру по нитки — бѣдному рубаха», говоритъ при этомъ каждый, входя въ избу съ низкимъ поклономъ.

— Не побрезгай, Петровичъ, не побрезгай, касатикъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Крестьянинъ осенью и праздникъ справить любить, и на свадьбѣ повеселиться; не думайте, однако, что въ это время ему совсѣмъ и дѣлать нечего.

Съ пяти часовъ утра съ гумна уже раздается стукъ цѣповъ *). Ударить крестьянинъ цѣпомъ по колосьямъ,— изъ нихъ вылетаютъ зерна. Но эти зерна еще нельзя прятать въ амбаръ: ихъ нужно прежде *протыать*, т. е. очистить отъ мелкихъ кусочковъ соломы и разнаго сора, который присталъ къ нимъ.

---

*) Цѣпъ, которымъ молотятъ хлѣбъ,—длинная деревянная палка, къ которой ремнемъ прикрѣплена другая палка, поменьше.

Одни крестьяне молотятъ, другіе копаютъ канавы. По утрамъ копать канавы особенно тяжело: уже начинаются заморозки; земля такая мерзлая, а имъ приходится стоять по колѣна въ землѣ. Тутъ-же по близости парни обносятъ поле новой изгородью или чинятъ старую.

На нѣкоторыхъ поляхъ и въ это время года идетъ горячая работа! Да вѣдь косьба кончена, что же дѣлаютъ? Прежде на этомъ лугу было болото, только недавно его высушили и начали сѣять траву; но еще нѣсколько лѣтъ придется уничтожать на немъ кочки и кустарники. Не мало крестьянъ занято поправкою осенью шоссеиныхъ дорогъ. «Тукъ... тукъ... тукъ...», раздаются цѣлый день удары тяжелого молота. Женщины осенью выкапываютъ картофель, дергаютъ и готовятъ ленъ, шинкуютъ на зиму вапусту, развѣшиваютъ на изгородяхъ кисти красной рябины, чтобъ утренники прохватили ихъ морозомъ и уничтожили горечь ягодъ. Зимой рябина будетъ вкуснымъ лакомствомъ для маленькихъ ребятъ.

Травы ужъ нѣтъ, но скоть бродить по полямъ, гдѣ убрали хлѣба; коровы даже что-то жуютъ: что же онѣ находятъ теперь? Бабы жали солому не отъ самаго корня,—вотъ скоть и ѣстъ эти остатки.

Что за чудо! Посмотрите: поле сплошь покрыто хоть и не высокой, но чудной зеленой травкой! Отчего же здѣсь растетъ трава, когда вокругъ все вянетъ и опадаетъ? Это *озимая* рожь: ее недавно только посѣяли; вотъ она и взошла. Но скоро и это поле, какъ и все въ природѣ, покроется толстымъ снѣжнымъ покровомъ; за то онъ будетъ хорошимъ одѣяломъ для корешковъ, убережетъ ихъ отъ сильныхъ морозовъ, и весною они выглянутъ на свѣтъ Божій уже зелеными стебельками.

М у х а.

Это маленькое, двукрылое насѣкомое сильно досаж-
даетъ людямъ въ теплое время года. Плотнo нужно при-
творять или завѣшивать окна въ спальнѣ, а то чуть
покажется свѣтъ хоть въ маленькой щелочкѣ, мухи
сейчасъ же зажужжать, начнутъ вездѣ летать, садятся
на спящихъ, залетаютъ имъ въ ротъ, въ носъ, прене-
сносно щекочатъ, такъ что рѣшительно нѣтъ возможности
спать. И странно право! Поймаешь муху, и, кажется,
она такая бесплнная, со слабыми крылышками, гладкими
ножками,—чѣмъ же можетъ она обидѣть такое большое,
сильное существо, какъ человѣкъ? Простыми глазами
всего въ ней не размотришь, а черезъ увеличительное
стекло вотъ какую она намъ представляется.

По обѣ стороны большой полукруглой головы ле-
жатъ 2 глаза красно-бураго цвѣта, занимающіе большую
часть головы. Эти два большіе глаза состоятъ изъ цѣлой
сотни маленькихъ глазковъ. Кромѣ того, у мухи на лбу
есть еще нѣсколько глазъ, но уже гораздо меньшихъ,
чѣмъ тѣ два, которые находятся по бокамъ головы.
Глаза свои муха не можетъ поворачивать въ сторону,
поднимать вверхъ, какъ это дѣлаемъ мы, но, имѣя такъ
много глазъ, она не такъ-то легко поддается людямъ,
когда имъ вздумается ее изловить. На лбу у нея между
глазами мы видимъ усики; во рту находится хоботокъ,
который каждый разъ вытягивается, когда муха видитъ
добычу. Она большая лакомка до всего: не откажется ни
отъ твердаго, ни отъ жидкаго, ни отъ сладкаго, ни отъ
кислаго. Вотъ сѣла она на кусокъ сахару, вытянула
хоботокъ, выпустила изъ него маленькую свѣтлую каплю,
размячила сахаръ и потомъ втянула хоботокъ, а вмѣстѣ съ
нимъ и сладкій сокъ. Когда попадается молоко и другія жид-
кости, ей не нужно выпускать этого сока: она прямо всасы-

ваецъ ихъ. Любопытнѣе всего смотрѣть на муху въ то время, когда она ѣсть; въ эту минуту лучше всего можно замѣтить, какое это опрятное насѣкомое. Окончивъ свой обѣдъ, она сейчасъ же начинаетъ приводить въ порядокъ свое маленькое тѣльце. Вотъ ловко забросила она свои ножки на крылышки и счищаетъ съ нихъ пыль, потомъ сдѣлала то же самое съ хоботкомъ и головкой. Ей очень удобно чиститься, такъ какъ ножки ея покрыты волосками, замѣтными только черезъ увеличительное стекло. Тоненькій, едва замѣтный стебелекъ прикрѣпляетъ какъ голову къ груди, такъ и грудь къ брюху. Тѣло мухи, какъ и ея ноги, тоже покрыто крошечными волосками. Часто мы удивляемся, какъ смѣло бѣгаютъ мухи по потолку, стѣнамъ, по зеркаламъ и окнамъ. Посадите вы птичку или какое нибудь животное на стекло, и оно тотчасъ поскользнется, — мухѣ же все равно, гдѣ бѣгать. Ловкость ея мы поймемъ, когда внимательнѣе разсмотримъ устройство ея ногъ. Маленькія подушечки, прикрѣпленные къ ихъ концу, выпускаютъ изъ себя липкую жидкость, которая и помогаетъ имъ такъ увѣренно держаться на гладкихъ поверхностяхъ, а крючковатыя зацѣпочки на ногахъ, которыми мухи ступаютъ, пренебрѣжно щекачуть тѣхъ, кто не успѣетъ ихъ отмахнуть отъ себя, но за то помогаютъ этимъ назойливымъ и несноснымъ существамъ не скользить по стеклу.

Всѣ птицы и всѣ животныя имѣютъ свой голосъ: борова мычитъ, соловей дивно поетъ, овца блеетъ, и всѣ они открываютъ ротъ, чтобы издавать звуки. А муха? Муха, открывая ротъ, вытягиваетъ хоботъ, но съ единственною цѣлью утолить голодъ или жажду. Но что-же это за звуки, которые мы явственно слышимъ всюду, гдѣ соберется большое общество мухъ? Когда они переговариваютъ другъ друга, то чѣмъ скорѣе они бѣгутъ, тѣмъ скорѣе пластиночки, которыя находятся у нихъ подѣ

крылышками, поднимаются и съ шумомъ упадаютъ на ихъ маленькое тѣло: оттого-то мы и слышимъ шумъ, который называется жужжаньемъ.

Мухи выходятъ изъ маленькихъ ячеекъ, блестящихъ, какъ перламутровыя пуговицы на дѣтскихъ рубашечкахъ. Если курица кладетъ по одному яйцу черезъ день, и то ее называютъ носкою, а муха-самка въ какія-нибудь четверть часа кладетъ 9 и 10 десятковъ крошечныхъ, съ булавочною головку ячеекъ и бросаетъ ихъ въ мусоръ и навозъ, а сама тотчасъ улетаетъ веселиться къ подругамъ или надоѣдать людямъ. Между тѣмъ черезъ день изъ этихъ ячеекъ выходятъ червячки или безногія личинки, а черезъ нѣсколько времени онѣ превращаются въ куколку, и уже куколка дѣлается мухою, какою мы ее видимъ въ комнатахъ. Во все время ихъ превращенія и тогда, когда мухи бываютъ еще крошечными дѣтьми, ихъ родители не только не заботятся о нихъ, но даже и не знаютъ ихъ.

Красавица.

Былъ жаркій лѣтній день. Солнышко высоко, высоко поднялось надъ головою и своимъ горячимъ, яркимъ свѣтомъ залило и небо, и поля, и луга, и деревья. Въ это время, въ одной деревнѣ, подъ тѣнью большаго дерева, сидѣли двѣ толстенькія, здоровенькія дѣвочки. Онѣ были очень похожи другъ на друга, — вся разница только въ волосахъ: у одной черные, густые, курчавые волосенки, у другой нѣсколько рѣже и русые.

— Посмотри, посмотри на «красавицу», — говорила черноволосая дѣвочка своей сестрѣ, указывая на кошку, спавшую на ея колѣняхъ.

— Ахъ, моя хорошая Красавица, какъ она крѣпко

спить, — и дѣвочка откинулась къ дереву, чтобы какъ нибудь не дотронуться до своей любимой кошечки и не помѣшать ей снѣ.

Кошка эта и на самомъ дѣлѣ заслуживала свое прозвище: длинная, густая, мягкая, какъ пухъ, шерсть сѣраго цвѣта съ темными полосками покрывала все ея гибкое тѣло, круглую голову, короткую морду, ея стоячія и заостренныя уши. Только на ноздряхъ не было шерсти. За то ея подвижный хвостъ былъ очень пушистъ. Свои большіе глаза она сжимала отъ солнца, и посрединѣ ихъ теперь замѣтна была только узенькая щелочка (но не такія бываютъ они ночью: вмѣсто щелочекъ являются продолговатые зрачки, которые блестятъ настоящими огоньками). Усы по бокамъ носа были длинны и толсты, надъ глазами густыя и тоже длинныя брови.

— Подумаешь, — замѣтила одна изъ дѣвочекъ, — что она никогда и не царапается... Ишь, какъ запрятала кривые, острые когти въ свои бархатныя, мягкія лапки! Дѣвочка долѣе не могла покойно любоваться своей кошечкой и стала ее гладить. И вотъ, кошка сначала потягивается, мурлычить свою пѣсенку, сперва тихо, потомъ все громче и громче, выгибаетъ спину дугою и нѣжно, нѣжно, какъ будто цѣлуя, облизываетъ руки, лицо и губы своей хозяйки. Дѣвочка чуть-чуть дотронулась до ушей, и въ ту же минуту кошка порестала мурлыкать, тряхнула головою, какъ бы показывая, что ей это непріятно. Та опять гладить, — кошка снова ласкается. Но вотъ дѣвочкѣ надоѣло долго сидѣть на одномъ мѣстѣ, она посадила кошку къ себѣ на плечо и побѣжала вмѣстѣ съ нею. На половинѣ дороги ей захотѣлось посмотрѣть, какъ кошка соскочить, и она стала наклоняться внизъ, прыгать, чтобы стряхнуть ее съ себя. Не тутъ-то было! Кошка выпущенными когтями впиалась въ платье такъ крѣпко, что, сколько дѣвочка ни дѣлала усилій, не могла сбросить ее

съ плечъ.—Хорошо-же, упрямая, скверная Красавица, — закричалъ ребенокъ съ сердцемъ, — ты не хочешь слушаться, я же тебѣ покажу!—и она оторвала кошку отъ своего лифика, взяла ее на руки, подняла вверхъ, какъ могла высоко надъ головою, и бросила на землю. Кошка упала разомъ на всѣ лапы, встряхнулась и пошла, какъ ни въ чемъ не бывало. — А, тебѣ не больно! Мнѣ все плечо исцарапала, платье изорвала своими противными когтями, мама бранить будетъ...—и дѣвочка опять схватила ее, высоко подняла, стала даже на цыпочки и, уже обернувъ спиною книзу, бросила на землю. — Ахъ, бѣдненькая!—вскричала она опомнившись. Но кошка, перевернувшись на лету и, безъ всякаго для себя вреда, упала на всѣ четыре ноги.

— Ну прости, Красавица, больше не буду... Кисъ, кисъ! Пойдемъ, молочкомъ накормлю...— Кошка побѣжала за дѣвочкой. Но тутъ, откуда ни возмись, изъ-за угла выскочили двѣ большія собаки. Красавица выгнула свою спину, начала фыркать, волосы у нея поднялись дыбомъ, глаза разгорѣлись, когти уже были на готовѣ... Собаки бросились было на нее, но, замѣтивъ, гнѣвное, бѣшеное настроеніе кошки, тотчасъ отбѣжали въ сторону... Разъяренная, готовая каждую минуту въ припадкѣ страшнаго бѣшенства сорваться съ своего мѣста и броситься на враговъ, Красавица, какъ вкопанная, стояла на мѣстѣ. Дѣвочка съ крыльца все это видѣла и, когда собаки ушли, поманила къ себѣ кошку. Та казалась теперь покойною, но не шла на зовъ хозяйки, а стала валяться и играть на солнышкѣ. Но вдругъ она замѣтила, что собаки заворачиваютъ за уголъ... Вскочить съ своего мѣста и очутиться на спинѣ самой большой изъ нихъ, было для нея дѣломъ одной минуты. Она съ остервененіемъ начала царапать собакѣ морду до крови и цапнула-было по глазамъ, да отецъ дѣвочки подоспѣлъ въ это время съ

плеткой. Кошка спрыгнула, но, боясь наказанія, стала быстро карабкаться на дерево, росшее у самага крыльца. Въ одну минуту взобралась она на самую верхушку. Долго дѣвочка звала ее къ себѣ, называя самыми ласковыми именами, но кошка не двигалась съ мѣста, злобно поглядывая внизъ. Дѣвочка ушла домой, но вскорѣ соскучилась безъ своей любимицы, принесла ей косточекъ, молока, мяса, поставила все на землю и стала опять звать ее. На этотъ разъ та жалобна замыкала, ловко перескочила на крышу, забѣгала по ней, нѣсколько разъ подходила къ самому краю, поглядывала внизъ на лакомства и, какъ будто давая знать, что боится спрыгнуть съ такой высоты, опять перескакивала на дерево, начинала слѣзать задомъ, снова взбиралась на дерево и все протяжно, жалобно мяукала. Вся семья сошлась звать кошку, а мальчикъ, старшій братъ дѣвочки, подбѣжалъ къ дереву и сталъ сильно трясти его. Но кошка крѣпко держалась когтями за его верхушку. Наконецъ ее оставили въ покоѣ. Порядкомъ проголодавшись, она начала, осторожно цѣпляясь за сучья, слѣзать внизъ задомъ. Когда она наконецъ соскочила на землю, то не тотчасъ принялась ѣсть, а стала обчищаться и все приводить въ порядокъ. Сначала она облизывала свои переднія лапки и стряхивала пыль, потомъ мылась и приглаживалась, не забыла даже лизнуть кончикъ своего хвоста. Очень долго она охорашивалась и потомъ уже принялась за ѣду. Передъ ней были разныя кушанья, но она не задумывалась, чему отдать предпочтеніе: то съ жадностью бросится на мясо, то возьмется за кости. Она сунула голову и въ молоко, стала быстро локать, высовывая языкъ и втягивая его въ ротъ, замочила свои усы и морду, живо отряхнула голову и смыла залачканное лапкой. Передъ кошечкой скоро ничего не осталось: мясо исчезло до послѣдняго кусочка, а тарелку она до чиста вылизала, точно вымыла и вытерла.

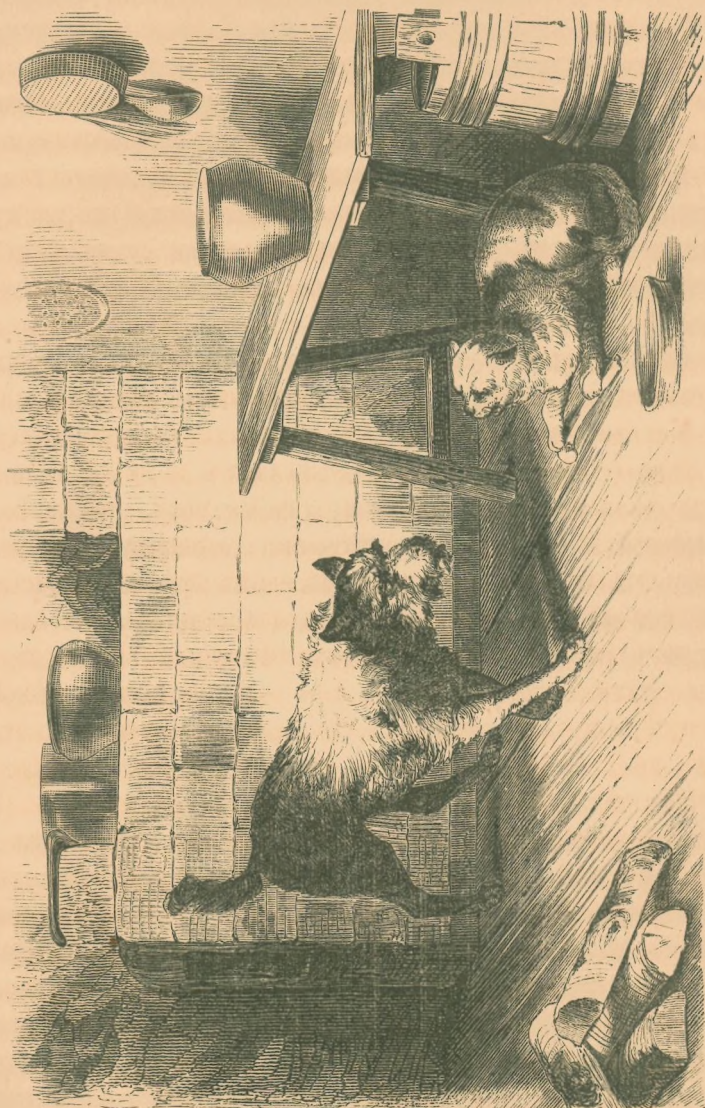
О томъ, какъ «Красавица» играла.

Знакомая намъ кошечка очень любила поиграть. Случалось это чаще всего тогда, когда она плотно поѣсть. Вотъ она кончила свой сытный завтракъ и растянулась на полу, на самомъ солнышкѣ, и, съ удовольствіемъ потягиваясь и перевертываясь съ боку на бокъ, замурлыкала свою пѣсенку. Вдругъ раздались со всѣхъ сторонъ дѣтскіе голоса. «Кись, кись, Красавица,.. ко мнѣ... сюда!»

Дѣти стали по угламъ, и каждый держалъ въ рукахъ веревочку, къ концу которой привязали: кто крылышко отъ птички, кто бумажку, и вызывали кошку на игру. Та лѣнливо встала и усѣлась, поджавъ подъ себя лапы. Когда дѣти бросали веревочку къ ея носу, кошка даже отворачивала голову; но вотъ они отошли подальше... Красавица вдругъ однимъ прыжкомъ скакнула черезъ всю комнату и бросилась на птичье крыло, которымъ ее дразнили. Тутъ вошла собака Мимишка, общая любимица дѣтей. Хотя Красавица и не больно жаловала собакъ, но къ этой она привыкла, потому что жила съ нею болѣе трехъ лѣтъ.

Мимишка подошла къ Красавицѣ и обнюхала ее. Та, какъ будто не обращая вниманія, сначала повалялась по полу, потомъ вдругъ прыгнула къ собагѣ и вскарабкалась къ ней на спину. Мимишка, съ кошкой на спинѣ, стала быстро бѣгать по комнатѣ: повернетъ морду къ кошкѣ съ одной стороны, та ударитъ ее лапкой, съ другой повернетъ, — и по этой шлепнетъ. Мимишка нѣсколько разъ сбрасывала Красавицу на полъ, но та опять быстро вскакивала, и игра продолжалась. Дѣти были въ восторгѣ: хлопали въ ладоши, смѣялись, прыгали вокругъ. Кошка первая оставила игру. Она отряхнулась отъ пыли, поднявшейся во время возни, пригладила свою шерсть и

побѣжала въ спальню. Тамъ она вскочила на кровать своей маленькой хозяйки, стала стаскивать когтями одѣяло и, когда вытянула его изъ подъ подушки, подлѣзла подъ него и вся зарылась въ перинѣ.

Кошка и котята.

У Александры, служившей кухаркою въ одномъ семействѣ, была любимая кошка, Машка. Какое бы кушанье кухарка ни приготовляла, она все давала отвѣдывать своей кошкѣ: дичь жареную и сырую, домашнихъ птицъ подъ сладкимъ соусомъ, рыбу во всѣхъ видахъ,—все ѣла кошка съ удовольствіемъ, только не терпѣла приправъ, которыя Александра клала въ супъ: моркови, петрушки и различныхъ травъ. Прежде, когда еще Машка была маленькимъ котенкомъ, этой женщинѣ приходилось изъ за нея выносить много неприятностей отъ хозяйки, у которой она служила. Машка то выпьетъ сливки, то разобьетъ посуду, то испачкаетъ комнату грязными лапами. Но понемногу Александра приучила ее къ порядку. На столѣ, уставленномъ посудой, кошка проходила такъ, что ея не было слышно, стащить же съѣстное развѣ ужъ совсѣмъ голодная.

Александра ушла со двора, не накормивъ кошки, и уходя забыла подалше припрятать кушанье. Запахъ жаркаго раздражаетъ Машку; она долго противится искушенію: закрываетъ глаза, отворачиваетъ голову. Но вдругъ слышнѣе послышался запахъ соблазнительнаго кушавья, и въ минуту она забыла все: и уроки своей хозяйки, и ея строгія наказанія за прежнія преступленія... Машка, какъ стрѣла, бросается на цыпленка, выпрыгиваетъ съ добычею въ окно, въ нѣсколько прыжковъ достигаетъ чердака и ѣсть украденное. Послѣ такихъ проказъ,

которыя, впрочемъ, случались очень рѣдко, она обыкновенно пропадала на нѣсколько дней и, возвращаясь домой, какъ ни въ чемъ не бывало, подходила къ кухаркѣ и начинала ласкаться. Та, однако, никогда не забывала ея вины. Каждый разъ советъ изъ платка толстый жгутъ и пребольно ее отколотить. Машка не была похожа на свою хозяйку и не долго помнила зло. Просидить, бывало, часъ-другой подъ кроватью, а вылѣзетъ оттуда, такъ прямо бѣжитъ къ хозяйкѣ, вскакиваетъ къ ней на колѣни, лижетъ ей руки, лицо.

Дѣйствительно Машка была чрезвычайно привязана къ Александрѣ. Идетъ она въ рынокъ покупать провизию, — та слѣдомъ за ней, остановится поболтать съ знакомыми кухарками и лавочниками, и Машка тутъ же ложится на землю, потягивается и, грѣясь на солнышкѣ, дожидается. Она и зимою всюду ее провожала, съ тою только разницею, что въ снѣгу она не любила валяться, а когда Александра останавливалась, кошка вспрыгивала къ ней на плечо.

Но вотъ Машка уже дѣтками обзавелась. Первые 9-ть дней котята были слѣпые, ничего не видѣли, и, когда мать уходила отъ нихъ, они начинали беспокоиться и мяукать. Вытягивая однажды свои головки и лапки, они всѣ повыпали изъ корзинки и расползлись по полу. Котята ничего не видали и ползли, куда попало. Александра нагнулась было подобрать ихъ, чтобы положить въ гнѣздо, но тутъ въ отворенное окно, съ сверкающими глазами, прыгнула Машка, злобно заворчала на хозяйку и бросилась сама подбирать своихъ дѣтей. Сначала протянула она свои губы къ одному изъ нихъ, нѣжно и осторожно взяла его за кожу на затылкѣ и перенесла въ корзинку, потомъ тоже сдѣлала и со всѣми остальными. Послѣ этого она вскочила къ нимъ въ корзинку, и котята стали ее сосать. Когда они насытились, matka вылизала

каждаго изъ нихъ своимъ языкомъ, гладила, ласкала ихъ, наконецъ легла на нихъ и запѣла имъ пѣсенку.

Какъ только у котятъ открылись глаза, они стали вездѣ ползать. И какіе они были забавные! Александра, бывало, глядячи на нихъ, просто не налюбуется. Вотъ, она сидитъ и вяжетъ чулокъ, клубокъ нитокъ упалъ на полъ, и котята тотчасъ бросаются, перевертываютъ его лапками; онъ катится дальше, они бѣгутъ за нимъ, возятся съ нимъ, прыгаютъ. Машка, мурлыча, созываетъ ихъ къ себѣ. Они бросаются къ ней, окружаютъ ее, а она растянется на полу и помахиваетъ своимъ хвостомъ. Самый маленькій, сѣренькій котенокъ, съ природнымъ ошейникомъ изъ черной шерсти вокругъ шеи и съ пушистымъ чернымъ хвостомъ, поймалъ хвостъ матери и держитъ его во рту; matka тихонько лапкою отталкиваетъ его, опять виляетъ хвостомъ, и тоже самое повторяется со всѣми.

Котята долго дичились кухарки. Принесетъ она молока и начнетъ ихъ созывать, а они разбѣгутся по угламъ, забьются подъ шкафы и пойдутъ къ тарелкѣ только тогда, когда ихъ позоветъ мать. Она высунетъ и покажетъ имъ языкъ, и они повторяютъ тоже; приложитъ языкъ къ молоку, они и въ этомъ ей подражаютъ; matka втянетъ окунутый языкъ въ ротъ, и дѣти тоже: такъ учпились они ѣсть. Вскорѣ котята уже одни выбѣгали на дворъ и являлись къ хозяйкѣ по первому ея зову.

Разъ Александра шла по улицѣ и увидала одну изъ своихъ молодыхъ кошекъ подлѣ какого-то разваливащагося строенія. Кошечка сидѣла такъ неподвижно, что даже вѣчно подвижный кончикъ ея хвоста не шевелился, голову свою она наклонила къ землѣ и чутко къ чему-то прислушивалась. Вдругъ изъ щели выбѣжала мышка; кошка быстро прыгнула, вонзила въ нее свои когти, взяла въ зубы, отбѣжала съ нею въ сторону и опять выну-

стила. Мышка обрадовалась и быстро побѣжала прочь; но кошка однимъ прыжкомъ уже была подлѣ нея и опять схватила ее въ зубы. Такъ возилась она съ нею до тѣхъ поръ, пока та не въ силахъ была двигаться; тогда только захрустѣли мышкнины косточки въ зубахъ у кошки.

З и м а:

Какимъ славнымъ, бѣлымъ, пушистымъ ковромъ одѣлись дороги, поля, крыши домовъ. Рѣка тоже замерзла. Долго, долго придется отдыхать твоей удочкѣ, не кататься тебѣ въ лодкѣ съ веселыми пѣснями; за то любо-дорого не только самому прокатиться на конькахъ, перегнать товарищей, а и со стороны посмотрѣть, какъ катаются.

Сколько валить ребятъ! Всякій тащитъ съ собой салазки съ горки кататься, а вонъ двое съ пустыми руками: должно быть, матери еще не успѣли приготовить. Но молодцы не горюютъ! Не хуже, чѣмъ въ салазкахъ или на конькахъ, бойко скользятъ они по замерзшимъ лужамъ на своихъ-на-двоихъ.

Что это птички не щебечутъ, не поютъ? Давно, давно, гораздо раньше, чѣмъ наступили холода, онѣ улетѣли въ далекія страны, гдѣ и теперь тепло. Если бы птички и не боялись холода, гдѣ бы онѣ могли вить топерь свои гнѣзда? На деревьяхъ остались одни голые, поломанные прутья, да и тѣ занесены снѣгомъ; крыши домовъ, подъ которыми многія изъ нихъ любили жить своимъ домкомъ, усыяны ледяными, блестящими сосулькамп.

Какой короткій день бываетъ зимою, какъ много приходится жечь свѣчей! Жутко въ это время бѣдняку: и ѣсть-то нужно больше, чтобы согрѣться, и теплой одежды нужно много припасти; чтобы добыть ее, приходится

больше работать, а и сидѣть то по ночамъ не по карману: свѣчи денегъ стоятъ, — вотъ и изворачивайся, какъ знаешь.

Что лѣтомъ дѣлается въ хвойномъ, что въ лиственномъ лѣсу.

Невыносимо тяжело бродить въ полдень, въ жаркій лѣтній день, по полямъ и лугамъ, ни чѣмъ не защищеннымъ отъ яркихъ, нестерпимо палящихъ солнечныхъ лучей. Отправимся въ лѣсъ, гдѣ несравненно прохладнѣе въ жаркое время, и побродимъ сначала въ *хвойномъ*, потомъ въ *лиственномъ* лѣсу, постараемся замѣтить, какіе въ каждомъ изъ нихъ цвѣты, трава, земля; послушаемъ, въ которомъ изъ нихъ больше любятъ распѣвать птички, узнаемъ, гдѣ больше живетъ звѣрей, насѣкомыхъ.

Въ сосновомъ лѣсу попадается и *ель*, и *сосна*, но лѣсъ зовется сосновымъ потому, что здѣсь больше сосны, чѣмъ ели. И *ель*, и *сосна*—*хвойныя деревья*.

Хвойныя деревья покрыты тонкими, острыми, какъ иглы, листочками—хвоями. *Лиственныя деревья*—береза, дубъ, липа, осина—одѣты настоящими листьями. Однако осенью этотъ прелестный лѣтній зеленый нарядъ лиственныхъ лѣсовъ, такъ успокоительно дѣйствующій на зрѣніе, сверкающій на солнцѣ послѣ дождя дивнымъ блескомъ изумрудовъ, совсѣмъ измѣняется: листья желтѣютъ, увядаютъ и наконецъ совершенно опадаютъ. Между тѣмъ острые, какъ иглы, листочки хвойныхъ деревьевъ, остаются и зимою.

Хвойный лѣсъ даетъ себя чувствовать прежде всего своимъ здоровымъ, смолистымъ запахомъ. Живымъ ковромъ для ели и сосны служитъ мохъ и кое-гдѣ кустики вереска. Подъ деревьями валяются шишки и сухія хвои;

это на руку муравьямъ: они подхватываютъ хвои и тащутъ къ своей кучѣ, и вотъ мало по малу образуется высокій муравейникъ, на который вы безпрестанно натапливаетесь. Чѣмъ дальше вы идете въ глубь лѣса, тѣмъ болѣе васъ поражаетъ его дикость и тишина. Голосистые пѣвцы не любятъ хвойнаго лѣса, и это понятно: имъ не такъ удобно вить гнѣзда, и они меньше находятъ здѣсь пищи для себя. Въ хвойномъ лѣсу только и услышишь чириканье *синички* да не особенно мелодичное пѣніе *королька*. Впрочемъ, самъ *королькъ* такая красивая птичка въ своей зеленой одеждѣ съ огненно-красной головкой, что и безъ пѣнія онъ служитъ большимъ украшеніемъ, живымъ цвѣткомъ хвойныхъ лѣсовъ. Изъ пѣвчихъ птицъ еще только *дроздъ* затягиваетъ свою вечернюю пѣсню. Такъ какъ онъ при этомъ садится на вершину деревьевъ, а хвойныя деревья очень высоки, то пѣсня его разносится далеко, далеко и оживляетъ пустынную мѣстность.

Однако и въ хвойномъ лѣсу можно кой-чѣмъ поживиться. Посмотрите, какіе красивенькіе грибы выглядываютъ изъ подъ ели: ярко-красная шапка ихъ, усѣянная крапинками, бодро сидитъ на тонкой бѣлой ножкѣ; исподъ гриба тоже бѣлый, гребенчатый. Мы его возьмемъ и сжаримъ дома въ сметанѣ, только не для себя, а на гибель мухамъ: это ядовитый грибъ — мухоморъ; скотъ, заходя въ лѣсъ, никогда его не тронетъ. Стоитъ только его зажарить, обсыпать сахаромъ и положить на огно, и завтра же по всей комнатѣ сотнями будутъ валяться мертвыя мухи. Неужели въ хвойномъ лѣсу только одни мухоморы? Нѣтъ: вотъ виднѣтся головка боровика (бѣлый грибъ), а подалѣе кустикъ съ маленькими, круглыми, красными ягодами *костяники*. Твердые, узенькіе и лоснящіеся листики брусники тоже мелькаютъ кое-гдѣ между мхомъ, но эта ягода созреетъ гораздо позже, осенью.

Между тѣмъ мы выходимъ къ опушкѣ, и тутъ, вмѣсто сухой почвы сосновой рощи, намъ встрѣчается довольно топкое мѣсто, покрытое кочками и густымъ мхомъ. Не заходите далеко въ эту *трясину*: подъ густымъ слоемъ мха скрыта жидкая грязь. Если стать на такую кочку, вы почувствуете, какъ земля качается подъ вашими ногами. Ходить по такимъ *трясинамъ* очень опасно: подъ ними иногда стоитъ глубокая вода, только сверху, на слое перегнившихъ растений, выросли кой-какія травы, а твердаго слоя земли на нихъ еще не образовалось. Уйдемъ скорѣе изъ этого однообразнаго, скучнаго мѣста туда, въ *лиственный лѣсъ*!

Лиственный лѣсъ покрываетъ и холмы, и равнины; тропинка, по которой вы идете, то ползетъ вверхъ, то спускается внизъ; вы проходите по узкой дорожкѣ между большими деревьями, точно по темному корридору, между тѣмъ сквозь деревья мелькаютъ поляны, облитыя солнечнымъ свѣтомъ. Въ лиственномъ лѣсу больше, чѣмъ въ хвойномъ, кустарниковъ, различныхъ цвѣтовъ, травы; самая зелень лиственныхъ лѣсовъ гораздо разнообразѣе. Васъ сразу поразило множество звуковъ. Вы ясно слышите трепеть осины, шелестъ кустовъ, шумъ дуба, шорохъ сухаго хворосту. Чу! А это что за жужжанье? Это пчелы увиваются около пахучихъ цвѣтовъ липы. Держитесь отъ нихъ подале, а то преобильно искусаютъ лицо и руки!

Колько тутъ земляники! Теперь она вездѣ отошла, а тутъ больше тѣни,—вотъ, она и созрѣла позже и гораздо крупнѣе той, которая растетъ на косогорахъ. Шелестъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, сливается съ пѣніемъ птицъ. Хотя разомъ поютъ нѣсколько различныхъ птицъ, но вы не услышите ни одного непріятнаго звука: каждый голосъ слышенъ такъ отчетливо, ясно. Извиваясь, пробѣгаетъ передъ вами черезъ тропинку красивая ящерица, а на вѣткѣ качается бѣлка. Она устала умныя

глазки, прислушивается. Но вот скакнула, — и нѣтъ ея... только зашумѣли листья да закачались вѣтки. Гдѣ-то по близости журчить ручеекъ и слышится запахъ цвѣтовъ.

Лѣтомъ дѣти часто прибѣгаютъ сюда за ягодами и грибами, которыхъ здѣсь такое множество. То тамъ, то здѣсь, между деревьями, мелькаютъ ихъ веселыя личики. «Ау, ау!», перекликаются они, чтобы какъ нибудь не разойтись.

— Сюда!... сюда! — слышится съ другой стороны, — какое я грибное мѣсто нашель!.. и всѣ съ крикомъ — и смѣхомъ бѣгутъ на зовъ товарища.

Посмотримъ, что они собрали: вотъ твердый грибъ съ красноватой шляпкой сверху, сѣроватой снизу — это *подосиновикъ*, а это *березовикъ* — шляпка коричневая сверху, бѣловатая снизу, а сколько *рыжиковъ*, *волнушекъ*! Нѣкоторые грибы жарятъ, другіе сушатъ, а то и маринуютъ въ уксусъ и подаютъ на закуску.

Сосна и ель.

Вы вѣроятно знаете наизусть много французскихъ басенъ и стиховъ, слышали множество рассказовъ о звѣряхъ и птицахъ другихъ странъ, а можете-ли вы безошибочно отличить *ель* отъ *сосны*? Маленькій деревенскій ребенокъ не умѣетъ ни читать, ни писать, а пристыдилъ-бы васъ, если бы вы стали хвастать передъ нимъ всѣмъ, что знаете, но смѣшали-бы ель съ сосною.

— Чудное дѣло! про какія ты только заморскія диковинки не слышался, а своего ты и не знаешь. Да что ты, съ закрытыми глазами что-ли ходишь?

Такъ какъ-же отличить *ель* отъ *сосны*? Если это *сосна*, то вотъ что вы увидите. Длинныя иглы сидятъ по двѣ вмѣстѣ, и каждая пара выходитъ какъ будто изъ

сухой, кожистой чешуйки. Кора ствола очень толста, изборождена глубокими трещинами и легко ломается кусками; внизу дерева она темно-сѣрая, посреди — красно-бурая, а выше становится все свѣтлѣе и наверху свѣтло-желтаго цвѣта. У сосны большею частію внизу ствола совсѣмъ нѣтъ сучьевъ, а сверху они такъ расположены, что, если вы взглянете на дерево, оно представляетъ видъ зонтика.

Совсѣмъ другой видъ имѣетъ *ель*. Все дерево, со всѣми вѣтвями, похоже на конусъ (сахарную голову). Самые длинные сучья покрываютъ стволъ снизу, а чѣмъ ближе къ верхушкѣ, тѣмъ они короче; они свѣшиваются книзу и только на самыхъ кончикахъ опять нѣсколько загигаются вверхъ. Когда вы сядете подъ елью, вы будете точно въ шалашѣ: такъ сучья этого дерева укроютъ васъ со всѣхъ сторонъ. Хвои ели гораздо короче сосновыхъ и сидятъ по одиночкѣ. Если разсматривать каждую сосновую иглу отдѣльно, мы увидимъ, что внутри онѣ какъ-бы нѣсколько выдолблены (вогнуты), а если вы сложите пару этихъ иглъ вмѣстѣ такъ, какъ онѣ сидятъ, то выйдетъ круглая палочка; иглы же ели на ощупь четырехстороннія. Кора ели, какъ сверху, такъ и снизу, сѣровато-бураго цвѣта. Шишки, которыя валяются подъ деревьями, образовались изъ цвѣтовъ. Сосновая шишка состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ чешуекъ, имѣющихъ съ наружной стороны маленькія возвышенія — горбикки; еловыя-же длиннѣе сосновыхъ, чешуйки ихъ не имѣютъ горба сосновой шишки, напротивъ, гладки, жестки и съ выемкой на кончикахъ. Въ этихъ шишкахъ находятся сѣмена, изъ которыхъ вырастаютъ другія ели и сосны.

Съ перваго разу кажется, что хвойныя деревья самыя безчувственные: они не теряютъ зелени и во время зимы, растутъ какъ въ теплой, такъ и въ холодной мѣстности и на плохой почвѣ. Все это такъ, но и они много терпятъ

отъ разныхъ враговъ и невзгодъ. Сильныя бури чаще всего бываютъ или очень раннею весною, или позднею осенью. Въ это время у липы, березы, дуба и у другихъ лиственныхъ деревьевъ листья еще не распустились или уже всѣ опали, такъ что вѣтки торчатъ совсѣмъ голыми прутьями. Понятно, что, когда поднимается буря, вѣтеръ свободно проходитъ между ихъ обнаженными вѣтвями безъ особеннаго вреда для нихъ. Между тѣмъ *ель* и *сосна*, густо покрытыя хвоею, задерживаютъ вѣтеръ; при сильной бурѣ вѣтви хвойныхъ деревьевъ такъ и ломаются; что же до ели, то буря зачастую и совсѣмъ выворачиваетъ ее изъ земли, потому что ея корни не уходятъ глубоко въ землю; къ тому же эти деревья ломаются и отъ снѣга. Лиственные и тутъ менѣе страдаютъ: между иглами, особенно на верхушкахъ деревьевъ, собираются большіе комья снѣга; когда начинаются оттепели, снѣгъ оттаиваетъ, скатывается, летитъ по сучьямъ, надламываетъ ихъ, а иногда и совершенно портитъ дерево.

Но ничего такъ не вредитъ соснѣ и ели, какъ цѣлыя сонмища вредныхъ насѣкомыхъ. Одни изъ нихъ подтачиваютъ только корни, другія кору, а нѣкоторыя — хвои, и такимъ образомъ обыкновенно безжалостно со всѣхъ сторонъ терзаютъ бѣдное дерево. Истребленіе хвой тѣмъ вреднѣе для дерева, что ихъ рѣдко замѣняютъ новыя, тогда какъ на лиственныхъ деревьяхъ, на мѣсто опавшихъ листьевъ, являются другіе не только въ слѣдующемъ году, но часто и въ то же самое лѣто.

Что даютъ человѣку хвойныя деревья.

Отъ хвойныхъ деревьевъ человѣку такъ много добра, удовольствія и выгоды, что ихъ не мѣшало бы больше разводить и лучше предохранять отъ враговъ.

Когда идетъ рубка хвойныхъ деревьевъ, много работниковъ толпится въ лѣсу. Уже нѣсколько кучъ этихъ деревьевъ свалено у опушки лѣса. Одинъ крестьянинъ разрубаетъ дерево на короткія бревна, складываетъ ихъ въ телѣгу и отсылаетъ продавать въ городъ для топки печей. Другіе работники кладутъ цѣлые стволы на двуколки и отправляютъ къ плотнику, который употребляетъ ихъ на разныя постройки или распиливаетъ на доски, а потомъ стругаетъ, чтобы сдѣлать гладкими, для обшивки деревянныхъ стѣнъ и домовъ. Зеленая хвоя идетъ туда, гдѣ нужно что нибудь предохранить отъ порчи. Несетъ ли торговка на рынокъ продавать дичь, она непременно, особенно если время жаркое, всунетъ въ клювъ рябчику и тетеркѣ цѣлый пучекъ зеленыхъ иголокъ; покойникъ-ли въ домѣ,—поль устилаютъ вѣтвями ели. Въ послѣднее время сосновые иглы стали употреблять для приготовленія особой, такъ-называемой, сосновой шерсти, изъ которой вяжутъ чулки, ткутъ матерію для кофтъ, фуфаяекъ и рубашекъ; доктора прописываютъ ихъ тѣмъ, кто страдаетъ устарѣлой простудой, колотьями, ревматизмомъ и другими болѣзнями. Вѣтви хвойныхъ деревьевъ служатъ также для скота вмѣсто соломы. Въ неурожайные годы часто не хватаетъ соломы на подстилку рогатому скоту уже къ концу зимы; тогда рѣжутъ концы вѣтвей вмѣстѣ съ зелеными хвоей и устилаютъ этимъ хлѣва и сараи. Но самая главная услуга, которую оказываютъ людямъ ель и сосна, состоитъ въ томъ, что оба дерева даютъ много смолы. Вы, вѣроятно, чувствовали въ хвойномъ лѣсу запахъ смолы, да она нерѣдко оставяла и слѣды на вашемъ платьѣ и рукахъ. Разсмотрите дерево поближе, и вы замѣтите, особенно тамъ, гдѣ есть трещина, густыя, бѣловато-золотистыя капли. Чтобы смола текла скорѣе, въ деревьяхъ дѣлаютъ отверстія и къ этому мѣсту подставляютъ какую нибудь посудину. Сосновую смолу

добываютъ не только изъ дерева, но и выкуриваютъ ее изъ корней и пней. Когда по бутылкамъ разливаютъ сиропъ, заготовленный изъ душистыхъ веществъ, то, чтобы онъ не потерялъ аромата, крѣпко его закупориваютъ, потомъ топятъ смолу въ черепкѣ и обливаютъ ею горлышки бутылей; тоже дѣлаютъ, когда приготавливаютъ пиво.

Вы проводите лѣто близъ озера или рѣки: плотникъ сколотилъ уже заказанную вами лодку, только не успѣлъ еще осмолить ее,—да это послѣ: сегодня такая чудная погода, можно и такъ прокатиться. Но лишь только вы нѣсколько отѣхали отъ берега, вода стало просачиваться въ скважины; отъ времени до времени вы останавливаетесь и вычерпываете воду изъ лодки. Но вотъ поднялся сильный вѣтеръ, а вы одни—и кормчій, и гребецъ; вамъ нельзя остановиться ни на минуту: вода все быстрѣе наполняетъ лодку, ваши ноги уже совсѣмъ мокры... что тогда? Какого страху вы наберетесь, пока доѣдете, да и несчастье легко можетъ случиться. Между тѣмъ, если бы лодка была осмолена, вы могли бы кататься въ ней совершенно безопасно. Теперь вамъ будетъ понятно, почему моряки смазываютъ смолой свои корабли и шлюпки:

Медленно пережигая хвойныя деревья, получаютъ *деготь*. Колеса экипажей и телѣгъ отъ постоянной ѣзды сильно скрипятъ. Лошади, бодрья и только что впряженные, вдругъ начинаютъ медленно везти васъ; вы останавливаетесь на станціи, просите кучера подмазать колеса, и тѣ же лошади такъ понесли, что вы сами принуждены ихъ сдерживать. Деготь не только облегчаетъ трудъ лошадямъ, но часто спасаетъ отъ опасности и сѣдоковъ. При быстрой ѣздѣ неподмазанныя колеса такъ сильно трутся объ оси, что могутъ легко загорѣться.

Многимъ изъ васъ, вѣроятно, приходилось во время прогулки заходить въ аптеку за *скипидаромъ*. Если откупорить пузырекъ,—по всей комнатѣ пойдетъ чрезвычайно

сильный запахъ. Сколько службъ сослужилъ этотъ скипидаръ! Лѣтомъ, когда всѣ разъѣзжаются по деревнямъ и дачамъ, въ городѣ поправляютъ дома, маляры бѣлятъ бѣлою краскою потолоки, стѣны, двери, перила на лѣстницѣ. Краска эта долго не просыхаетъ. Вотъ тутъ-то и легко испортить одежду. Купили скипидару, помочили въ него кусокъ сукна, стали крѣпко, крѣпко тереть имъ пятно,—черезъ минуту уже нѣтъ и слѣда краски; скипидара тоже не осталось, онъ испарился, улетѣлъ въ воздухъ. Скипидаръ добываютъ тоже изъ смолы.

Теперь вы согласитесь конечно, что ель и сосна чрезвычайно полезныя деревья, что онѣ приносятъ человѣку и здоровье, и много выгодъ. Но какія же удовольствія доставляютъ онѣ, какія радости? А забыли вечеръ наканунѣ Рождества! Помните, какъ мама позвала васъ въ залъ; вы, ничего не подозрѣвая, вбѣжали и остолбенѣли отъ удивленія и восторга. Въ комнатѣ бѣгало множество вашихъ товарищей, а посреди стояла елка и горѣла тысячью огоньковъ. Вы были въ такомъ восторгѣ, что не знали, куда броситься: къ гостямъ-ли, съ которыми вамъ такъ хотѣлось поиграть, или къ елкѣ, на которой красовалось столько прелестей!

Но не всѣ могутъ имѣть елку. Многимъ не на что купить ее, а крестьянскія дѣти и понятія не имѣютъ объ этомъ удовольствіи. Какія-же удовольствія даетъ ель бѣднымъ людямъ?

Въ лѣтній праздникъ, подь сумерки, гдѣ-нибудь на лужку, соберется вся деревня: молодые пляшутъ да поютъ, а старые слушаютъ да любятъ. И не будь *канифоли* (которую также добываютъ изъ очищенной смолы; ею натираютъ смычекъ прежде, чѣмъ играть на скрипкѣ), гораздо меньше было бы слышно пѣсенъ, и совсѣмъ не было бы пляса.

Въ деревнѣ Лукашиной, лишь только въ праздничный

день завидять високаго, худошаваго мужчину лѣтъ за 50, сейчасъ вся молодежь бросается къ нему.

— Сыиграй, Сидорычъ, плясовую!

— Есть мнѣ когда: сапоги солдатамъ нужно чинить, а то съ вашей игрой и перекусить нечего будетъ.

— Да мы тебѣ согласились копѣйку съ пары.

— Ну, ладно, неси деньги.

— Всѣ разбѣжались по домамъ, а Сидорычъ пошелъ за скрипкой. Черезъ нѣсколько минутъ гуча народа собралась на небольшомъ лужку, гдѣ Сидорычъ намазывалъ смычекъ канифолью и напѣвалъ про себя:

„Не будите молоду
Ранымъ-рано поутру,
Вы взбудите молоду,
Когда солнышко взойдетъ,
Когда птички запоютъ,
Когда выйдеть пастушекъ,
Заиграеть во рожокъ...“.

Всѣ подхватили пѣсню:

„Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ:
Собирайте, дѣвки красны,
Свое стадо на лужокъ“.

Когда кончилась пѣсня, Сидорычъ, помахивая головой и передергивая плечами, заигралъ русскую. Лишь только расплясались паренекъ съ дѣвушкой, Сидорычъ вдругъ пересталъ.

— Въ умѣ-ли ты, старый!—закричала жалобно дѣвушка, вся раскраснѣвшаяся отъ пляски.

— Будетъ... будетъ... вы свою копѣйку сплясали... подавай деньги!

— Какъ тебѣ не стыдно посреди самаго веселья дѣвицу обезкураживать...—упрекали его.

Дѣвушка бросила ему двѣ копѣйки, и онъ опять заигралъ. Когда сплясали двѣ, три пары, Сидорычъ и самъ

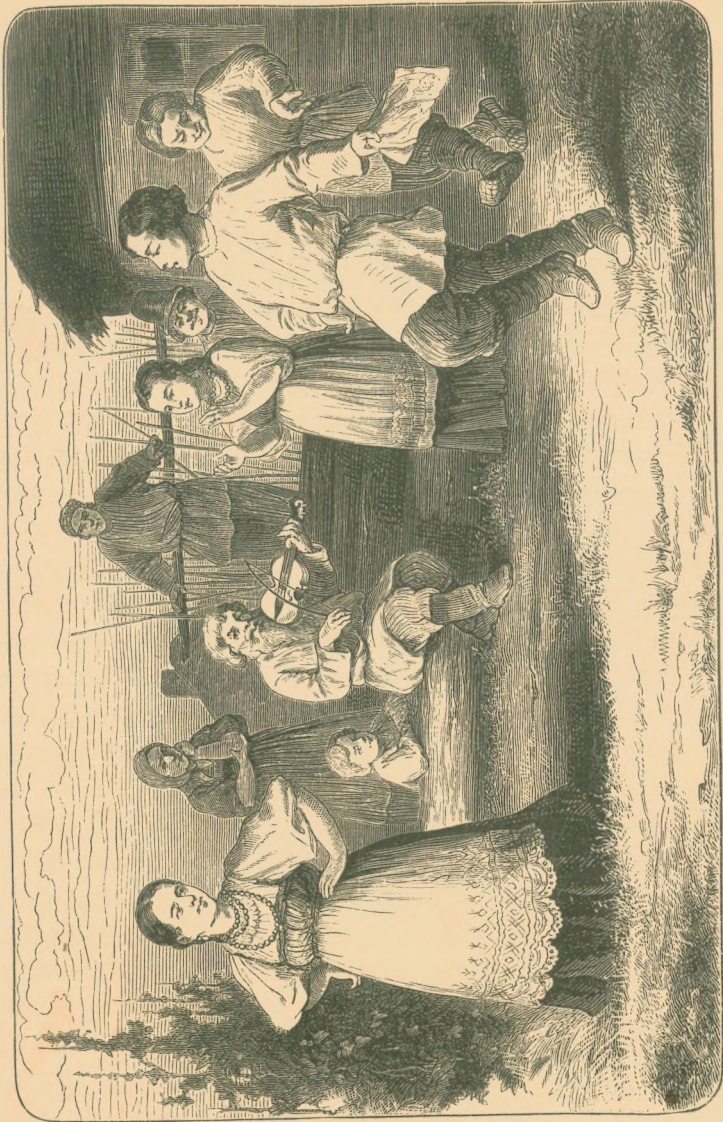

FIG. 34. FEMME.

расходился: все громче и громче напѣвалъ онъ и приплясывалъ и, наконецъ, весело и живо заигралъ «Комаринскую», а когда на середину выскочило нѣсколько дѣвушекъ и пареньковъ, Сидорычъ, со крикою въ рукахъ, вмѣстѣ съ другими пустился въ присядку. Остальныя женщины и дѣвушки прихлопывали въ ладоши, парни насвистывали и ногами при топтывали.

— Ай-да Сидорычъ! смотри, смотри: старый, а никому изъ молодыхъ не уступить, — кричали со всѣхъ сторонъ. Сидорычъ усталъ, весь вспотѣлъ, бросилъ наконецъ скрипку въ сторону и растянулся на травѣ. Плясавшіе стали ему бросать плату.

— Что вы? — кричалъ онъ, — глупый народъ... Прочь поди! — Но потомъ вдругъ вскочилъ, сгрѣбъ мѣдные гроши и побѣжалъ къ постоялому двору. Черезъ минуту онъ несъ въ пестромъ платкѣ нѣсколько пригоршней каленыхъ орѣховъ и черныхъ стручковъ.

— Ъшьте, молодки, веселись православный людъ! — кричалъ старикъ, бросивъ узелъ на лужокъ, гдѣ отдыхали дѣвушки. — Если кто теперь посмѣетъ грошь бросить, за вихры оттаскаю, а въ дурной часъ придется, такъ и скрипку брошу.

Пошла опять музыка, опять плясъ. Сидорычъ опять не можетъ удержаться, и каждый разъ подъ конецъ самъ пускается въ присядку. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что плясать «будетъ», потому ноги такъ расходились, что онъ сдержать ихъ не можетъ, а ему завтра далеко придется разносить свою работу. Чтобы не возобновлять пляса, не долго думая, онъ вышелъ на середину и запѣлъ:

„Ахъ вы сѣни мои, сѣни,
Сѣни новые мои...“

Другіе подхватили:

Сѣни новые, кленовые
Да рѣшетчатые...“

Но пѣсня вышла такъ весела, что Сидорычъ опять выскочилъ на середину, чтобы пуститься въ плясъ.

— Дядя! а вѣдь ты зарекался!—закричала ему дѣвочка лѣтъ семи.

— А вѣдь и то правда!—Онъ схватилъ ребенка на руки, сѣлъ на лавку и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Ну за это тебѣ сказъ будетъ! Ты, востроглазая, молодцомъ будешь, помни мое слово и въ ту пору старика помяни.

— Да развѣ ты старикъ?

— А какъ же?

— Старики воркуны, злые, я старыхъ не люблю... А ты лучше всѣхъ молодыхъ.

— Ишь, плутовка, орѣховъ захотѣла? — шутилъ Сидорычъ.

О п а у к а х ъ .

— Зачѣмъ, мама, — спрашивалъ мальчикъ, — ты такъ часто берешь длинную палку, привязываешь къ ней вѣнникъ и обводишь всѣ углы, потолокъ, окна, двери?— Иначе, — отвѣчала мать, — у насъ разведется много паутины: она будетъ попадать въ лицо, влѣсть по всѣмъ угламъ; пауки могутъ заползти къ тебѣ и подъ одежду...

— Изъ чего же дѣлаютъ пауки эту паутину? зачѣмъ она имъ? и почему, сколько ея ни уничтожаютъ, она снова заводится?—Тебя, какъ вижу, очень занимаетъ паукъ, — отвѣчала мать, — такъ мы лучше поймаемъ его, приколемъ къ бумажкѣ тоненькой иголкой и рассмотрим его въ увеличительное стекло: тогда ты самъ увидишь, что все тѣло паука устроено такъ, чтобы ткать паутину и искусно добывать себѣ пищу.

Голова паука совершенно слита съ грудью, такъ что называется *головогрудью*. На верхней сторонѣ головогруды

во всѣ стороны торчатъ 8 глазъ, которыми онъ хотя и не такъ зорко смотритъ, какъ муха, но всегда, и днемъ, и ночью, съумѣетъ подстеречь добычу. Восемь длинныхъ ногъ прикрѣплены по обѣимъ сторонамъ головогруды, вотъ почему онъ такъ проворно и ловко бѣгаетъ. Брюхо его безобразно большое, гораздо больше всего остальнаго тѣла, виситъ какъ мѣшокъ, чѣмъ нибудь набитый, и едва прикрѣплено самымъ тоненькимъ стебелькомъ къ головогруды. Въ своемъ большомъ брюхѣ паукъ запасаетъ себѣ пищу иногда на очень долгое время. Онъ можетъ заразъ очень много съѣсть, но за то способенъ и долго выносить голодь. Въ ненастные дни комары, мухи и другія насѣкомыя скрываются въ разныя щели, въ дупла деревьевъ, и ему приходится по нѣсколько недѣль сряду не находить никакой добычи. Вотъ, въ это-то время съ его плотно набитымъ брюхомъ и легко обойтись безъ всякой пищи. Правда, тутъ оно порядкомъ пообвиснетъ, но паукъ все-таки не ослабѣваетъ. Случается, въ его паутину попадетъ муха или другой, сытый паукъ; тощій хозяинъ почти всегда остается побѣдителемъ: въ это время онъ сильно раздраженъ и нападаетъ на врага съ отчаянной яростью.

На заднемъ концѣ брюха паука нѣсколько бородавокъ. Если смотрѣть въ увеличительное стекло, то можно замѣтить въ каждой изъ нихъ по нѣсколько отверстій: изъ нихъ и выходитъ жидкость, образующая паутину.

Посмотри, какъ онъ разбѣгался: побѣжалъ къ окну, теперь забѣгалъ то вверхъ, то внизъ; онъ шцетъ мѣста, гдѣ расположить свои тенета. Наконецъ, остановился въ углу окна: значитъ, здѣсь и раскинетъ ихъ. Отъ времени до времени онъ прижмется къ стѣнкѣ своими брюшными бородавочками, постоитъ съ минутку, выпуститъ изъ отверстій капельку жидкости и тотчасъ бѣжитъ прочь, а за

нимъ уже тянется тоненькая, едва замѣтная нить. Эта капелька клейкой, липкой жидкости сгустилась на воздухѣ, и изъ нея вышла нить, называемая паутиной. Паукъ ползеть на другую сторону и прикрѣпляетъ другой конецъ. Съ этой первой нитью, которая обыкновенно бываетъ краемъ паутины и потому требуетъ особенной крѣпости, онъ сцѣпляетъ другую и третью, все бѣгая назадъ и впередъ. Отъ кромки или, лучше сказать, отъ утолщенной нити паукъ протягиваетъ въ различныхъ направленияхъ другія и, переходя отъ одной къ другой, связываетъ ихъ новыми нитями до тѣхъ поръ, пока все это сплетеніе не приметъ видъ легкой, прозрачной, газовой ткани. Такимъ образомъ паутина, которая встрѣчается въ домахъ, обыкновенно представляетъ горизонтальную поверхность. Кромѣ этой главной сѣти, паукъ иногда протягиваетъ вверхъ множество отдѣльныхъ нитей, различно соединяя ихъ и перекрещивая. Но самъ хозяинъ никогда не остается на виду; онъ устраиваетъ себѣ помѣщеніе внизу и укрывается въ немъ такъ, что, подойдите къ нему съ какой угодно стороны, вы его не замѣтите. Но, сидя нѣсколько вдали отъ своей сѣти, какъ узнаетъ онъ, что въ нее попала добыча? Вѣдь онъ сидитъ совсѣмъ смиренно и ни за чѣмъ зорко не наблюдаетъ. Все это одна хитрость. Къ его убѣжищу отъ сѣти протянуто нѣсколько нитей и, лишь только муха хоть однимъ только крылышкомъ ударитъ о растянутыя тенета, эти нити задрожать и тотчасъ дадутъ ему знать о добычѣ.

Когда паутина готова, паукъ осматриваетъ свою работу; онъ суетливо бѣгаетъ то въ одну, то въ другую сторону, поправляетъ и склеиваетъ нити, которые показались ему некрѣпкими. Наконецъ помѣщеніе готово: сверху и снизу, справа и слѣва все въ порядкѣ,—и хозяинъ отправляется въ свой уголокъ. Муха сидитъ на вѣткѣ сирени, растущей подлѣ отвореннаго окна, и видитъ въ ком-

натѣ на столѣ много заманчивыхъ лакомствъ. Она бойко подняла свои легкія крылышки, летитъ и вдругъ зажужжала, забила на мѣстѣ... ба! Бѣдняжка попала въ паутину: она то вѣдь липкая, а у мухи ноги цѣпкія, мохнатая, тотчасъ и пристали. Стала она биться, много нитокъ оборвала, да все не можетъ выпутаться: отъ одной оторвется, къ другой пристанетъ. А тутъ и самъ хозяинъ подоспѣлъ. Онъ не торопится подойти къ своей добычѣ, знаетъ, что муха, завидѣвъ его, соберетъ, пожалуй, всѣ свои силы и вырвется изъ тенеть; но, подождавъ, онъ выпускаетъ новую паутину, еще болѣе опутываетъ муху, кусаетъ ее и выпускаетъ ядъ изъ суставчика, который находится во рту, въ его верхней челюсти. Муха перестаетъ двигаться и умираетъ. Тогда паукъ съ жадностью начинаетъ высасывать изъ нея сокъ, пока та не превратилась въ твердый, маленькій комочекъ. Теперь онъ сытъ, но не идетъ на покой, а поправляетъ сначала порванные сѣти. На этотъ разъ пауку особенно посчастливилось: сквозной вѣтеръ съ разныхъ сторонъ занесъ въ его сѣти трехъ комаровъ. Съ двумя онъ поступилъ такъ же, какъ и съ мухой; наконецъ, въ брюхѣ болѣе нѣтъ мѣста. Впустивши ядъ въ послѣдняго комара, онъ не высасываетъ его, а, запутавъ паутиной, оставляетъ про запасъ. Но вотъ залетаетъ къ нему большая пчела: одно ея крыло уже запуталось въ паутину. Ужъ на что, кажется, лучше пожива для хищнаго паука! Однако онъ быстро подошелъ и порвалъ тѣ мѣста своей сѣти, изъ которыхъ не могла выбиться пчела; высвободившись, она тотчасъ улетѣла. Отчего же паукъ не воспользовался пчелой? Оттого, что она могла порвать всю паутину, на которую онъ потратилъ много труда, а если бы и удалось ему задержать пчелу, то въ свою очередь она, пожалуй, впустила бы въ него свой ядъ: предвидя опасность, онъ сдержалъ свою алчность.

Паукъ ведетъ жизнь одинокую, нигуда не ходитъ и самъ не любитъ принимать гостей. Свое негостепрѣимство онъ выказываетъ даже къ паукамъ своей породы. Иной паукъ, потерявъ собственную паутину и, не замѣчая хозяина, вбѣгаетъ въ тенета. Тотъ, чувствуя малѣйшее сотрясеніе своей паутины, мгновенно бросается на гостя, и между ними начинается бой не на жизнь, а на смерть. Иногда они откусываютъ ноги другъ у друга; несмотря на это, хозяинъ, послѣ отчаянныхъ усилій, запутываетъ какъ его, такъ и собственные откушенные ноги новой паутиной и высасываетъ изъ непріятеля сокъ.

Однако, при всей своей хищности, пауки способны къ привязанности. Паукъ-самка любитъ съ такою нѣжностью своихъ дѣтенышей, что нерѣдко жертвуетъ для нихъ своей жизнью. Самка кладетъ осенью нѣсколько сотъ яичекъ въ плотный мѣшечекъ, свитый изъ паутины, и прикрѣпляетъ его къ своему животу. Нѣкоторые пауки имѣютъ постоянно при себѣ этотъ мѣшечекъ съ яичками и, не смотря ни на какія затрудненія, носятъ его съ собой повсюду. Попробуйте отнять у самки ея ношу, она употребитъ самыя отчаянныя усилія, чтобы возвратить ее, и тутъ никакія опасности ея не остановятъ. Если же при всемъ этомъ она лишается своего сокровища, то начинаетъ страшно тосковать; ей постыла охота за добычей, преслѣдованіе враговъ, словомъ, вся жизнь безъ дорогой ноши. Удастся ей снова завладѣть своимъ мѣшкомъ, она всѣми своими движеніями выражаетъ необыкновенную радость, быстро бросается на него и съ величайшимъ проворствомъ убѣгаетъ въ безопасное мѣсто.

Дѣти выходятъ изъ яицъ весною, въ маѣ мѣсяцѣ, и живутъ вмѣстѣ въ яичномъ мѣшечкѣ, пока онъ не разорвется. Но вотъ мѣшечекъ лопнулъ, и выползла изъ него толпа нѣжныхъ, красивенькихъ, желтыхъ паучатъ, величиною съ булавочную головку. Они совершенно покойно

сидять нѣсколько дней сряду, въ это время сбрасываютъ съ себя кожу, и тогда тотчасъ прекращается ихъ братская жизнь: они быстро расходятся въ разныя стороны, чтобы уже никогда болѣе не встрѣчаться.

Но пауки могутъ любить не только своихъ дѣтей: бывали случаи, что они привыкали и къ людямъ. Одинъ человѣкъ былъ посаженъ въ тюрьму. Въ своемъ одиночествѣ онъ сильно тосковалъ, какъ вдругъ замѣтилъ въ углу паука, сталъ его наблюдать и приручать къ себѣ. Долго, конечно, пришлось ему трудиться, однако онъ добился того, что паукъ сталъ приближаться къ нему по его зову, зналъ его и слушался, бралъ мухъ изъ его рукъ. Но лишь только паукъ разстался съ этимъ человѣкомъ, какъ забылъ все, чему тотъ научилъ его.

У каждаго изъ пауковъ, смотря по мѣсту охоты, и другой цвѣтъ одежды. Тѣ, что преслѣдуютъ комаровъ въ лѣсу, зеленые, подъ цвѣтъ листьямъ, по которомъ они пробираются за своей добычей. Тѣ же, что охотятся на поляхъ и въ углахъ домовъ, сѣраго и коричневаго цвѣта. Точно также различно и устройство ихъ сѣтей. Паутину, о которой мы говорили выше, ткуть, такъ называемые, пауки-ткачи. Они водятся, какъ мы уже видѣли, въ углахъ комнатъ и оконъ, въ конюшняхъ, погребахъ. Другіе растягиваютъ тенета подъ крышами, въ лѣсу между вѣтвями деревьевъ. Вотъ, эти-то пауки, предпочитающіе открытый воздухъ, искуснѣе всѣхъ другихъ ткуть свою паутину. Между ними наиболѣе извѣстенъ и чаще другихъ попадается паукъ *крестовикъ*. Называютъ его крестовикомъ потому, что у него черезъ всю спину проходитъ крестъ изъ свѣтлыхъ точекъ. Паутину свою онъ раскидываетъ, подобно солнечнымъ лучамъ, изъ одной точки во всѣ стороны. Потомъ онъ начинаетъ ходить кругами и натягиваетъ поперечныя нити, начавъ отъ средней точки и дѣлая каждый кругъ все больше и

больше. Такимъ образомъ вся сѣть получаетъ видъ колеса. Когда работа готова, крестовикъ подползаетъ къ центру (т. е. къ серединѣ) сѣти и откусываетъ ту паутину, которая соединяетъ всѣ нити, что идутъ отъ середины къ окраинамъ круга (радіусы). Отъ этого въ центрѣ всей постройки является круглое отверстіе; изъ него-то паукъ и высматриваетъ свою добычу, держа голову внизъ. Крестовики тоже устраиваютъ себѣ особое убѣжище, но не внизу сѣти, а съ боку, подъ какимъ-нибудь листомъ, и остаются тамъ только въ ненастную погоду или въ то время, когда принуждены скрываться отъ какой-нибудь опасности.

Пауки, о которыхъ мы говорили, ловятъ добычу своими паутинными сѣтями. Но есть множество и такихъ пауковъ, которые ткуть паутину только для того, чтобы обматывать ею свои яйца, а никакихъ сѣтей никогда не дѣлаютъ и подстерегаютъ добычу изъ засады. Скроется онъ за цвѣткомъ; муха прилетѣла и сосетъ изъ него сладкій сокъ, а паукъ только того и ждалъ. Черезъ минуту онъ, въ свою очередь, такъ же жадно сосетъ муху. Другіе пауки постоянно бѣгаютъ по землѣ, отыскивая себѣ пищу, и лишь только ее найдутъ, прямо на нее бросаются и пожправуютъ ее. Есть, наконецъ, и такіе, которые отыскиваютъ себѣ пищу въ водѣ. Лѣтомъ, особенно въ болотныхъ мѣстахъ, часто можно видѣть, что когда листокъ съ дерева падаетъ въ небольшую лужу, пловецъ-паукъ бросается на него или на какой-нибудь пучекъ травы: подуетъ вѣтеръ, поплыветъ трава, а на ней и паукъ. Упадетъ въ ту же лужу съ дерева какое-нибудь насѣкомое, барахтается, хочетъ высвободиться, — не тутъ то было: паукъ бросается на утопающее насѣкомое, впускаетъ въ него свой ядъ, втаскиваетъ на свой травяной плотъ и пожираетъ его.

Ж и л и щ е .

Каждому живому существу необходимъ уголь, чтобы укрыться отъ ненастья. Птицы вьютъ себѣ гнѣзда, звѣри устраиваютъ для себя логовища, иногда въ дуплахъ большихъ деревьевъ, а то и роютъ въ землѣ норы; многіе изъ нихъ даже очень искусно строятъ себѣ домики въ нѣсколько комнатъ. Пусть иной хищный звѣрь бродитъ по ночамъ, бросается на домашній скотъ, смѣло уноситъ изъ стада овецъ и телятъ, но и ему нужно пристанище. Жилище нужно звѣрю для отдыха, для того, чтобы защитить себя и своихъ дѣтей отъ холода, вѣтра и ненастья, а иногда и отъ нападенія другихъ звѣрей; оно нужно и для того, чтобы дѣлать запасы пищи своей семьѣ на такое время, когда звѣрю бываетъ невозможно ее себѣ добывать.

Звѣрь покрытъ пушистымъ мѣхомъ, съ самаго ранняго возраста рыскаетъ по дремучимъ лѣсамъ, слѣдовательно привыкъ ко всякимъ невздамъ, но и тотъ устраиваетъ себѣ убѣжище, — какъ же его не имѣть человѣку. Вотъ ему и приходится строить себѣ каменные и деревянные дома.

Въ городахъ обыкновенно лишь немногіе люди имѣютъ свои дома; остальные нанимаютъ себѣ квартиры. Но въ деревнѣ, лишь только крестьянинъ обзаведется семьей, онъ самъ ставитъ себѣ хату. Для этого онъ ѣдетъ въ лѣсъ съ топоромъ и рубитъ деревья. Съ грохотомъ и трескомъ валится сосна, ель и береза. Отскочитъ крестьянинъ, чтобы посторониться; но и тутъ не теряетъ времени. Онъ быстро сбрасываетъ поддевку, иногда даже въ самый страшный холодъ, и вотъ работа закипѣла. Онъ снова быстро хватаетъ топоръ, чтобы обрубить вѣтви и сучья деревьевъ, приготовляя бревна. Дома онъ обтесываетъ эти бревна и прилаживаетъ ихъ такъ, что-

бы они удобно укладывались одно на другое. Послѣ этого онъ начинаетъ строить и самый домъ.

Прежде всего берутъ 4 чурбана (плотники называютъ ихъ *стужьями*), немного обжигаютъ ихъ кругомъ, чтобъ они не гнили, и вкапываютъ въ землю; на эти обрубки кладутъ четыре толстыхъ бревна, по одному на каждую сторону. Чтобы одно бревно легло на другое и крѣпко держалось, плотникъ въ концѣ бревень вырубаетъ выемъ; въ него-то и вкладываютъ бревна концами одно на другое. Такъ сложенные четыре бревна называются *вѣнцомъ*. Сдѣлаютъ такихъ вѣнцовъ три, четыре, положить поперекъ перекладыны и настилаютъ полъ. Двѣ-три половицы въ полу сдѣлаютъ покороче, чтобы былъ ходъ изъ избы въ подполье.

Крестьяне рѣдко устраиваютъ для лѣта ледники; они поднимаютъ въ избѣ половицу (одну доску въ полу) и ставятъ въ подполье молоко и различную провизію, которая можетъ портиться отъ жары.

Когда полъ настланъ, опять кладутъ вѣнцы одинъ на другой: такъ выводятъ стѣны. При этомъ оставляютъ отверстія для оконъ и дверей и конопатятъ мхомъ промежутки между бревнами: это дѣлаютъ, чтобы вѣтеръ не проходилъ въ щелки, которыя остаются между бревнами. Такъ продолжаютъ строить, т. е. класть одинъ вѣнецъ на другой, смотря потому, какъ высоко хотятъ выстроить себѣ домъ. Когда стѣны достаточно высоки, поперекъ кладутъ *балки*, т. е. брусья, и по нимъ настилаютъ потолокъ. Послѣ этого еще кладутъ одинъ вѣнецъ; въ него наклонно упираютъ два бревна — *стропила*, а затѣмъ уже устраиваютъ *крышу*.

Л и с и ц а .

Ни одно въ мірѣ животное не пользуется такою громкою извѣстностью, какъ лисица. Въ сказкахъ, пого-

воркахъ, пословицахъ, басняхъ, пѣсняхъ не только русскаго, но и другихъ народовъ, она является олицетвореніемъ хитрости, лукавства, коварства, смышлености, отчаяннаго удалства и необыкновенной находчивости. Хотя многія стороны ея характера и ума чрезвычайно преувеличены, но интересъ, который возбуждаетъ лисица во всѣхъ, краснорѣчиво говорить о томъ, что по своему уму и характеру она превосходитъ другихъ животныхъ. И дѣйствительно, остроумная проказница одарена очень богато. Ловкости, съ которою лиса обдѣлываетъ свои воровскія дѣлишки, болѣе всего помогаетъ ея удивительная память и знаніе мѣстности: при этомъ она замѣчательно искусно, легко и быстро прыгаетъ, бѣгаетъ, лазить, перескакиваетъ плетни, безъ малѣйшаго шума ползаетъ, какъ змѣя, и прекрасно умѣетъ плавать. Какъ бы ея жертва ни была сильна, при хитрости лисицы и ея коварствѣ, для нея нѣтъ ничего невозможнаго, и разъ добыча намѣчена, она уже не ускользнетъ отъ ея зоркихъ глазъ. Предстоящую опасность лисица прекрасно понимаетъ, но нисколько не труситъ, такъ какъ можетъ вывернуться изъ самаго отчаяннаго положенія. Только умъ человѣка и его сила могутъ разрушить всѣ ея расчеты, а очень часто и стоитъ ей жизни.

Внѣшность лисицы довольно изящна: голова у нея широкая, лобъ плоскій, морда длинная, быстро суживающаяся; уши снизу широкія, кверху заостренныя, торчатъ совсѣмъ прямо; глаза—щелками. Вслѣдствіе длинной и густой шерсти туловище кажется толстымъ, но на самомъ дѣлѣ оно очень тонко и превосходно припоровлено къ быстрымъ и разнообразнымъ движеніямъ. Ноги тонкія и короткія, хвостъ длинный, пушистый. Лисій мѣхъ одинъ изъ самыхъ роскошнѣйшихъ—легкій, пушистый, теплый, а потому онъ очень цѣнится.

У насъ наиболѣе водится лисица желтовато-сѣраго

цвѣта съ краснымъ оттѣнкомъ: у такихъ грудь и брюшко почти бѣлаго цвѣта; но немало также и съ красноватою шерстью и сѣрымъ брюшкомъ; попадаются однако и черно-бурая лисицы, мѣха которыхъ особенно цѣнятся; самыя же дорогіе и рѣдкіе лисьи мѣха—совершенно черныя.

Лисица по своему образу жизни во многомъ напоминаетъ волка: они одинаково воспитываютъ своихъ дѣтей, одними и тѣми же средствами приучаютъ ихъ къ хищничеству, имѣютъ одинаковыя потребности и такую же склонность къ грабежу и разбою. Тѣмъ не менѣе лисица несравненно болѣе своего «куманька»-волка отличается подвижностью, легкостью въ движеніяхъ, находчивостью и сообразительностью. Тамъ, гдѣ волкъ пускаетъ въ ходъ свою силу, которой у него гораздо больше, чѣмъ у лисицы, она пзворачивается хитростью и ловкостью. Въ особенности она превосходитъ волка своимъ искусствомъ вырывать норы, которыя она устраиваетъ подъ землю. Лисья нора имѣетъ обыкновенно нѣсколько комнатокъ: въ одной изъ нихъ сохраняютъ запасы, другая предназначена для спальни, въ третьей—семья отдыхаетъ днемъ; эти комнаты соединены между собой корридорами. Нерѣдко лисица помѣщается въ норѣ другаго животнаго, выгоняя его силою, какъ напр. сурка и кролика, а еще чаще ей въ этомъ помогаетъ ея хитрость. Барсукъ сильнѣе лисицы, выгнать его изъ собственнаго жилища силою—невозможно, а потому относительно него она прибѣгаетъ къ такому маневру: отыскавъ барсучью нору, она начинаетъ безпрестанно беспокоить хозяина; то лаетъ надъ его норою, то разрываетъ ее понемногу и, наконецъ, выждавъ минуту, когда онъ въ отлучкѣ, влѣзаетъ въ его жилище и заваливаетъ главный входъ разными нечистотами. Барсукъ—чрезвычайно опрятное животное, и, возвратившись домой, онъ начинаетъ приводить въ порядокъ свою квартиру. При первомъ удобномъ случаѣ лисица опять повто-

рываетъ свою продѣлку и изо дня въ день беспокоитъ барсука до тѣхъ поръ, пока тотъ окончательно не выйдетъ изъ терпѣнія и не оставитъ своей норки. Лисица только и ждетъ этого: убѣдившись, что барсукъ выселился изъ своего жилища, она преспокойно занимаетъ его мѣсто.

Лисица выходитъ на разбой съ наступленіемъ темноты. Тихонько крадется она, обнюхивая каждый шагъ и оглядываясь кругомъ, выбираетъ удобныя дороги между камнями, кустарниками или въ высокой травѣ, чтобы не попасться кому нибудь на глаза. Она обращаетъ вниманіе рѣшительно на всякую мелочь. Ея ловкости въ воровствѣ очень помогаютъ прекрасное зрѣніе, слухъ и обоняніе. Къ тому же она чрезвычайно осторожна: она знакомится съ избами крестьянъ, скотнымъ дворомъ помѣщика, никогда при этомъ не забудетъ внимательно осмотрѣть ворота и заборы и тогда уже дѣлаетъ нашествіе. Когда въ деревнѣ все угомонится и потушатъ огни, она пробирается къ курятнику, но на каждомъ шагу останавливается и прислушивается. Вскочивъ въ курятникъ, она безъ разбора душитъ всякую птицу, какая ей попалась на глаза, и уноситъ свою добычу. Но едва начинается свѣтать или чуть она слышитъ малѣйшій шорохъ, она тотчасъ спасается бѣгствомъ. Награбленную добычу лисица прячетъ въ разныхъ боковушкахъ своего обширнаго жилища. Тамъ, гдѣ водится дичь, она охотится и за нею и подкрадывается къ ней такъ осторожно, что даже слѣды ея едва замѣтны на рыхлой землѣ. Она разоряетъ гнѣзда всѣхъ птицъ и пожираетъ ихъ яйца и птенцовъ. Она любитъ разгуливать и по берегамъ рѣкъ, чтобы при случаѣ вытащить рака или рыбу; забирается и въ сады ловить кузнечиковъ, дождевыхъ червей, майскихъ жуковъ и ихъ гусеницъ, или угощается яблоками, грушами, сливами и ягодами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ей не удалось раздобыть для себя чего-нибудь лакомага, она пожираетъ змѣй,

ящерицъ и другихъ гадовъ; но полевая мышь—ея самое любимое блюдо, и она истребляетъ ихъ въ несмѣтномъ количествѣ. Эти полевая мыши до такой степени соблазнительная для нея приманка, что она выбѣгаетъ за ними даже среди бѣлаго дня, безпрестанно остававливаясь по дорогѣ и прислушиваясь къ писку. Убить лисицу легче всего въ то время, когда она охотится за мышью: въ такую минуту она забываетъ все на свѣтѣ, и мѣткая пуля охотника легко можетъ положить ее на мѣстѣ съ мышью во рту.

Трудно представить себѣ всѣ хитрости, къ которымъ прибѣгаетъ лиса при ловлѣ добычи и чтобы избѣжать опасности. Она поймала ежа, но тотъ моментально свернулся въ клубокъ и выставляетъ лишь свои острые иглы. Сколько ни катаетъ его по землѣ лисица, ежъ не поддается на ея хитрости. Тогда она бросаетъ его на спину, смачиваетъ ему брюшко, тотъ тотчасъ развертывается и попадаетъ па лисьи зубы.

Лисица воеетъ и лаетъ на разные лады (впрочемъ лай ея можно слышать лишь въ трескучій морозъ или бурю); въ гнѣвѣ или во время опасности она ворчитъ и воеетъ; стонъ вырывается у нея лишь въ ту минуту, когда ее настигнетъ пуля.

Защищая дѣтей, лисица идетъ на смертельную опасность, и за вредъ, наносимый имъ человѣкомъ, она всегда старается отомстить. Однажды охотнику въ минуту отсутствія матки удалось раскопать лисью нору. Въ ней оказалось трое лисятъ; двое изъ нихъ были убиты, а третьяго охотникъ взялъ къ себѣ, надѣлъ на него собачій ошейникъ и привязалъ къ дереву подъ своимъ окномъ. На другой день рано утромъ онъ пошелъ посмотреть на лисенка и былъ удивленъ, когда увидалъ, что передъ нимъ лежала жирная индѣйка съ отъѣденной головой. Птичница охотника забыла наканунѣ загнать индѣекъ домой, и ли-

сица въ ту же ночь передупила болѣе десятка индѣекъ, а одну изъ нихъ принесла своему плѣнному дѣтищу.

Лисята—чрезвычайно граціозныя, рѣзвыя, милыя, шаловливыя звѣрьки. Въ первое время своей жизни, пока ихъ глаза не успѣли еще разгорѣться тѣмъ фосфорическимъ блескомъ, которымъ они свѣтятся у взрослой лисицы въ темнотѣ, они сильно напоминаютъ щенятъ. Если ихъ воспитывать съ домашними животными, они становятся совсѣмъ ручными, но отчасти потому, что они время отъ времени нападаютъ на домашнюю птицу, отчасти потому, что всюду вносятъ свой отвратительный запахъ и поднимаютъ жалобный вой, многіе отказываются отъ затѣи приручать ихъ.

Какъ живутъ муравьи.

Жизнь муравьевъ, ихъ нравы, отношенія другъ къ другу, необыкновенно искусныя и сложныя жилища, которыя они строятъ для себя, ихъ замѣчательныя дороги съ земляными сводами, образующими крытые проходы, часто значительной длины, поражаютъ удивленіемъ даже самыхъ опытныхъ архитекторовъ и краснорѣчиво говорятъ о замѣчательномъ умѣ, находчивости, трудолюбіи и необыкновенной склонности этихъ насѣкомыхъ къ общежитію.

Прогуливаясь въ хвойномъ лѣсу, вѣроятно, каждому приходилось наталкиваться на муравьиныя кучи: издали онѣ похожи на маленькія копны. Нагнитесь надъ одной изъ нихъ, и вы увидите, что она сдѣлана изъ маленькихъ щепочекъ, сосновыхъ и еловыхъ иглъ, листьевъ, камешковъ, комочковъ смолы, разныхъ соломенокъ, однимъ словомъ, изъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ.

Гибкое тѣло муравья сидитъ на 6-ти тонкихъ, покрытыхъ коротенькими волосками ногахъ, прекрасно приоровленныхъ къ быстрой и самой затруднительной ходь-

бѣ. Тѣло муравья состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: *головой*—вмѣстилища мозга, *груди*, къ которой прикрѣплены ножки и крылья (но послѣднія, какъ мы увидимъ ниже, бываютъ не у всѣхъ), и *брюшка*, въ которомъ находятся желудокъ и кишки. На головѣ—глаза и двѣ челюсти, которыя не только помогаютъ муравью при ѣдѣ, но и оказываютъ ему самыя разнообразныя услуги: онѣ служатъ ему вмѣсто пилы, ножа, ножницъ и клещей. Кромѣ челюстей, голова муравья увѣнчана еще двумя тоненькими усиками, замѣняющими ему пальцы. Своими усиками онъ не только можетъ ощупать и точно изслѣдовать каждый предметъ, но имѣетъ возможность даже объясняться съ своими собратьями, предупреждать ихъ объ опасности.

Однажды я начала слѣдить за муравьемъ, который выбѣжалъ изъ своего гнѣзда. Быстро пробѣжавъ пространство аршина въ три, четыре, онъ сталъ внимательно ощупывать каждый предметъ, попадавшійся ему на пути. Наконецъ остановился передъ соломенкой, которая была ему не по силамъ: какъ ни хлопоталъ около нея муравей, какъ ни толкалъ ее своими усиками, онъ ни на волосъ не могъ сдвинуть ее съ мѣста. Тогда онъ побѣжалъ назадъ, къ гнѣзду, и, встрѣтивъ по дорогѣ нѣсколькихъ товарищей, подходилъ то къ одному, то къ другому изъ нихъ, трогалъ каждыя изъ нихъ своими усиками, точно говорилъ: «поди помоги»... Тѣ немедленно отправлялись съ нимъ къ соломинкѣ и общими усилями поднимали тяжесть.

Ни одно животное не можетъ сравниться съ муравьями въ трудолюбіи, настойчивости, энергіи и постоянствѣ въ трудѣ. Они работаютъ въ холодъ и жаръ, весь день, а часто и всю ночь на пролетъ. Отойдите на нѣсколько шаговъ отъ муравейника, и вы увидите, какъ тотъ или другой муравей тащитъ къ жилью какой-нибудь комочекъ,

часто въ нѣсколько разъ тяжелѣе его самого. Сколько препятствій встрѣчается ему на пути: то бревно, на которое ему приходится взобраться съ своею тяжестью и, не выпуская ея, осторожно спуститься внизъ, то прутья, черезъ который онъ долженъ перелѣзть, то рывина или лужа. Онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ, часто нѣсколько разъ, обходитъ препятствіе, а если это невозможно, съ мужествомъ перетаскиваетъ свою ношу черезъ пригорки и бревна. Нерѣдко взобравшись на вершину и уже начиная спускаться внизъ, онъ вдругъ зацѣпится за какой нибудь листикъ, теряетъ равновѣсіе и падаетъ внизъ, навзничъ. Долго барахтается онъ, пока ему не удастся встать. Какіе бы ушибы онъ ни получилъ, если только у него уцѣлѣли ноги, онъ снова взбирается на злополучную горку, разыскиваетъ свою драгоценную ношу, иногда опять падаетъ, но каждый разъ снова и снова встаетъ и возвращается домой не иначе, какъ съ тѣмъ, зачѣмъ пошелъ.

Меня однажды заинтересовало, какъ поступятъ муравьи, если я имъ вдругъ помѣшаю во время ихъ обычныхъ занятій. Я сбросила палкой внизъ все, что они втащили на верхъ муравейника. Но отбить ихъ отъ работы оказалось невозможнымъ. Разъ десять сбрасывала я внизъ муравьевъ, и каждый разъ они снова принимались за дѣло: безпрестанно падали навзничъ, скатывались внизъ и опять все приводили въ прежній порядокъ. Наконецъ, взбѣшенные насѣкомыя бросились на меня, страшно щекотали и кусали мнѣ ноги, руки, шею... Я побѣжала домой и только тогда избавилась отъ мстителей, когда переѣнила все бѣлье.

Эти замѣчательные труженики позволяютъ себѣ иногда отдохнуть, повозиться, поиграть между собою. Нерѣдко кучки муравьевъ одного и того же муравейника, какъ два воинствующіе отряда, становятся другъ противъ друга,

поднимаются на заднія ноги, стараются повалить одинъ другаго; другіе, схватившись лапками или верхними челюстями, катаются по землѣ въ борьбѣ; нѣкоторые оттягиваютъ противниковъ далеко въ сторону, тамъ товарищи ласкаютъ другъ друга усиками, здѣсь даютъ примѣрныя сраженія, въ слѣдующей группѣ идетъ забавная игра въ родѣ пряткокъ... Но какъ борьба, такъ и всѣ игры и движенія происходятъ безъ злобы и раздраженія. Во время борьбы одинъ повалилъ другаго, и упавшій запачкался пылью и грязью. Побѣдитель бросается къ побѣжденному съ своими услугами и предружелюбно очищаетъ и облиываетъ загрязнившагося.

По первому взгляду муравейникъ можно принять за кучу мусора, между тѣмъ онъ въ высшей степени приуроченъ къ потребностямъ своихъ обитателей. Внутренность муравейника представляетъ безчисленное множество комнатъ, расположенныхъ въ разныхъ этажахъ: однѣ изъ нихъ находятся глубоко подъ землею, другія—выше поверхности земли. Корридоры и галереи соединяютъ комнаты однихъ этажей съ другими. Комнаты имѣютъ самый разнообразный видъ и назначеніе: большія залы расположены рядомъ съ маленькими дѣтскими, предназначенными для жизни молодыхъ муравьевъ, и кладовыми, приуроченными для сохраненія запасовъ. Широкія отверстія служатъ чрезвычайно удобными воротами; черезъ нихъ, въ случаѣ опасности, напримѣръ при приближеніи вражьяго отряда, муравьи, находящіеся во внутреннихъ покояхъ, могутъ смѣло и въ огромномъ количествѣ выйти на встрѣчу врагу, не давъ ему возможности проникнуть въ свое жилище. Но можетъ быть эти ворота, столь удобныя на случай вражьяго нападенія, даютъ свободный доступъ сырости, холоду и вѣтру? Ничуть не бывало! Предусмотрительность муравьевъ не имѣетъ границъ! Размѣры воротъ, ихъ высота и ширина вполне зависятъ отъ погоды:

въ свѣтлую, ясную и теплую погоду они бываютъ особенно просторны, въ дождь и холодъ уменьшаются, а ночью ихъ часто и совсѣмъ закрываютъ.

Муравьи постоянно заняты поправками и починками своего жилища и по мѣрѣ надобности увеличиваютъ его различными пристройками. Трудно вообразить, изъ какого разнообразнаго матеріала построено ихъ жилище! Тутъ найдешь и крылышко мухи, поддерживающее потолокъ изъ какого-то листика, на который для прочности навалены камни, каждый не больше песчинки. Миниатюрные прутики замѣняютъ балки и перекладины; крошечныя щепки, комочки, соломенки, сухіе стебельки, шелуха какихъ-то маленькихъ зеренъ,—все при постройкѣ идетъ у нихъ въ дѣло. Всѣ эти предметы муравьи перемѣшиваютъ съ землею и воздвигаютъ стѣнку за стѣнкой, этажъ за этажомъ.

Муравьиное общество каждаго гнѣзда состоитъ изъ *рабочихъ муравьевъ* (ихъ огромное большинство), *самокъ* и *самцовъ*. Рабочіе муравьи рѣзко отличаются отъ остальныхъ тѣмъ, что они безъ крыльевъ: исключительно на нихъ лежатъ рѣшительно всѣ работы въ муравейникѣ. Они заняты постройками и поправками своего жилища, заготовленіемъ провизіи, кормленіемъ и воспитаніемъ дѣтей,—словомъ всѣми хозяйственными заботами; они же охраняютъ гнѣздо отъ нападенія враговъ. Не имѣя крыльевъ, рабочіе муравьи этимъ самымъ уже прикованы къ землѣ и осуждены на вѣчныя работы въ муравейникѣ.

Въ самомъ муравейникѣ, здѣсь и тамъ, ползаютъ муравьи, нѣсколько отличающіеся отъ рабочихъ: тѣло ихъ длиннѣе, а къ груди прикрѣплено четыре большихъ перепончатыхъ крыла: это муравьи-самцы. Всю работу за нихъ исполняютъ безкрылые и бездѣтные работники, они же только наслаждаются жизнію.

Самцы также украшены крыльями, но онѣ обрываютъ

ихъ прежде, чѣмъ класть яички, и отличаются своимъ толстымъ брюшкомъ. Онѣ тоже не занимаются никакой работой, не беспокоятъ себя даже уходомъ за собственными дѣтми, и вся ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы постоянно производить на свѣтъ божій новое поколѣніе. Лишь только самки, гдѣ попало, ползая по гнѣзду, положить свои крошечныя, бѣловатыя яички, едва видимыя простымъ глазомъ, тотчасъ являются муравьи-работники. Они хватаютъ по нѣскольку яицъ въ ротъ, ворочаютъ ихъ взадъ и впередъ языкомъ, чтобы такимъ образомъ смачивать ихъ, безъ чего тѣ непременно погибли бы. Послѣ этого они несутъ ихъ въ особыя комнаты, гдѣ складываютъ въ кучи. Яички не долго остаются на одномъ мѣстѣ. Лишь только наступаетъ холодная погода, рабочіе переносятъ ихъ туда, гдѣ теплѣе, обыкновенно въ комнаты нижняго этажа, а въ особенно холодные дни садятся даже на яйца, чтобы согрѣть ихъ.

Наконецъ изъ яичекъ вышли небольшія, бѣлыя, слабая, безногія *личинки*. Но это не бѣда: у нихъ такъ много заботливыхъ, нѣжныхъ нянекъ, что имъ не придется страдать отъ невзгодъ и лишеній. Съ появленіемъ на свѣтъ личинокъ хлопоты и заботы рабочихъ-муравьевъ еще увеличались. Личинки чрезвычайно прожорливы, и приходится много работать, чтобы безпрестанно удовлетворять малютокъ. Какъ только личинка почувствовала голодъ, она поднимаетъ вверхъ свою головку и открываетъ ротъ; въ ту же минуту заботливая нянька отрыгаетъ ей изъ своего рта клейкую, полупереваренную жидкость.

Но у рабочихъ не одна забота выкормить прожорливыхъ личинокъ: тщательный уходъ за ними отнимаетъ у нихъ также не мало времени. Утромъ, какъ только первые лучи солнца упадутъ на муравейникъ, рабочіе, занятые на верху работами, спускаются внизъ, чтобы разбудить товарищей, толкаютъ ихъ усивами и вмѣстѣ съ ними,

огромной толпой, бросаются въ спальни личинокъ, хватаютъ ихъ и выносятъ на поверхность погрѣться. Когда жаръ начнетъ припекать или наступаютъ сумерки, они снова переносятъ ихъ въ спальни. Если же погода грозитъ продолжительнымъ холодомъ или сыростью, предусмотрительныя няньки совсѣмъ не выносятъ своихъ малютокъ изъ внутреннихъ покоевъ, вполне понимая, что неокрѣпшій организмъ ихъ питомцевъ не можетъ еще выносить, безъ опасности для жизни, сырости и холода. Но это еще не все: онѣ чрезвычайно заботятся объ опрятности. Лишь только личинки накормлены, воспитатели немедленно обтираютъ тѣло ихъ языкомъ и челюстями, отчего онѣ становятся совершенно бѣлыми.

У многихъ видовъ муравьевъ, когда личинки достигаютъ полнаго роста, онѣ заматываются въ шелковые коконы и превращаются въ *куколки*. Куколки ничего не ѣдятъ и этимъ облегчаютъ, хотя не надолго, рабочихъ муравьевъ. Но, конечно, рабочіе заботятся, чтобы куколки, также какъ личинки и яички, были чисты и согрѣты. Въ нашихъ деревняхъ эти муравьиныя куколки собираютъ и продаютъ, какъ лакомую пищу для соловьевъ; въ общежитіи ихъ обыкновенно называютъ муравьиными яйцами. Вырывать куколокъ изъ муравьиной кучи не легко: муравьи нападутъ на смѣльчака и преобильно искусаютъ его. Между тѣмъ куколки — хорошая пожива, за нихъ довольно дорого платятъ купцы, — вотъ крестьяне и придумываютъ такую хитрость: рассыпать муравейникъ по гладкому мѣсту, которое они еще заранѣе окружаютъ канавкой, а въ одномъ какомъ нибудь уголку накладываютъ еловыхъ вѣтвей. Муравьи поднимаютъ страшную суетню: видя, что они со всѣхъ сторонъ окружены водою, они хватаютъ своихъ куколокъ и сносятъ ихъ на вѣтки, гдѣ остается для нихъ единственное убѣжище.

— Куколка, наконецъ, превращается въ настоящаго му-

равья. Вотъ какъ это происходитъ: когда кто нибудь изъ рабочихъ муравьевъ замѣчаетъ, что куколка чуть-чуть шевельнулась, онъ въ ту же минуту подбѣгаетъ къ ней, всползаетъ на нее и челюстями прорываетъ оболочку до тѣхъ поръ, пока не будетъ возможно совершенно свободно вынуть изъ нея дѣтеныша. Малютка, кромѣ шелковичныхъ нитей кокона, обернуть еще пленкою, подъ которою сложены его крылышки. Его воспитатель бережно ихъ расправилъ и накормилъ его. Молодой муравей еще долго будетъ подъ присмотромъ. Прежде всего его учатъ находить дорогу къ своему жилищу, отыскивать себѣ пропитаніе, поправлять свое жилище, когда кто нибудь его попортитъ и т. под. Постоянно ухаживая за муравьями, рабочіе сильно къ нимъ привязываются; впрочемъ все общество живетъ между собою въ большомъ согласіи.

Муравьи питаются разными насѣкомыми, которыхъ они истребляютъ въ огромномъ количествѣ: убивая ихъ, они высасываютъ ихъ сокъ, не брезгаютъ даже дохлыми червями и животными, которые иначе, разлагаясь, заразили бы воздухъ, и такимъ образомъ они очищаютъ его. Съ одинаковымъ удовольствіемъ пожираютъ они плоды, цвѣты, сахаръ, медъ различныхъ гусеницъ и особенно падки до всего сладкаго. Вотъ отчего лѣтомъ, если домъ недалеко отъ хвойнаго лѣса, хозяйки жалуются на то, что имъ нельзя много заготовлять варенья. Иногда просто удивляешься, какъ забралась куча муравьевъ въ банку, когда она, повидимому, была совершенно плотно завязана. Стоптъ только ниткѣ чуть-чуть ослабнуть, и вы проститесь съ вашимъ сахаромъ, медомъ, вареньемъ. Но вѣдь человѣческія жилища не всегда близки отъ муравейника, слѣдовательно не всегда можно и добыть сахару да варенья,—вотъ, муравьи и нашли себѣ такія сласти, которыми они могутъ лакомиться, живя въ самыхъ глухихъ мѣстахъ. Есть на свѣтѣ крошечныя насѣкомыя —

тля; ихъ трудно отличать по цвѣту отъ тѣхъ растеній, на которыхъ они живутъ и соками которыхъ питаются. Эти насѣкомыя въ полномъ смыслѣ слова — коровы муравьевъ. На концѣ туловища тлей находятся двѣ короткія трубочки, изъ которыхъ течетъ липкая, сладкая жидкость: она даже мѣшаетъ тлямъ ползать, приклеивая ихъ къ мѣсту. Чтобы разыскивать повсюду тлей, приходилось бы терять много времени; муравьи сообразительны и придумали такое средство: они стали переносить ихъ на тѣ растенія, которыя недалеко отъ ихъ жилищъ. Муравьи подойдутъ къ тлямъ и пощекочутъ ихъ усиками; тѣ выпускаютъ изъ себя сладкій сокъ, который муравьи пьютъ съ необыкновенной жадностью.

Война муравьевъ и ихъ ненависть къ чужакамъ.

Муравьи не только занимаются добываніемъ пищи и воспитаніемъ своихъ дѣтенышей, но часто ведутъ съ муравьями другихъ гнѣздъ ожесточенныя войны. Каждый изъ насъ видѣлъ и маленькихъ, и большихъ муравьевъ, желтыхъ, красноватыхъ и черныхъ. Одни поселяются преимущественно въ однихъ, другіе въ другихъ мѣстностяхъ, часто мѣшая вамъ сѣсть на дернъ въ какомъ нибудь уютномъ уголку.

Однажды въ полдень, въ жаркій лѣтній день, шла по дорогѣ цѣлая куча красноватыхъ муравьевъ. Они подвигались въ большомъ порядкѣ рядами, какъ настоящіе солдаты. На трудномъ пути, черезъ траву, по неровной землѣ, они поневолѣ отставали другъ отъ друга и тогда безпрестанно дотрогивались до земли своими усиками, какъ собаки носомъ, чтобы отыскать своихъ товарищей. Вотъ они уже вблизи жилища черныхъ муравьевъ. Однако у входа стоитъ стража, и противники ихъ съ виду гораздо больше и сильнѣе. Черные муравьи бросаются на первые

ряды красноватыхъ враговъ, и между ними завязывается битва, въ которой красные берутъ верхъ. Они оттѣснили стражу, ворвались въ жилище черныхъ, прежде всего вбѣжали въ ихъ дѣтскія, похватили ихъ личинокъ и куколокъ и возвратились тѣмъ-же путемъ, откуда пришли. Когда эти личинки и куколки выростутъ, они навѣки сдѣлаются рабами своихъ похитителей, которые заставляютъ ихъ исполнять всѣ работы въ своемъ муравейникѣ.

Муравьи, принадлежащіе къ одному и тому же гнѣзду, живутъ между собой въ величайшемъ согласіи: раненыхъ въ сраженіи и упавшихъ по дорогѣ товарищей они нерѣдко переносятъ въ муравейникъ, въ хорошую погоду выносятъ своихъ больныхъ подышать чистымъ воздухомъ, наконецъ ихъ нѣжность къ малюткамъ по истинѣ трогательна. Добрыя, товарищескія чувства одного къ другому у нихъ сильно развиты. Если одинъ изъ нихъ отлучился за матеріаломъ для постройки и наткнулся случайно на лакомое блюдо, онъ немедленно бѣжитъ въ гнѣздо, трогаетъ своихъ товарищей усиками, толкаетъ ихъ ножками, кружится передъ ними въ какомъ-то волненіи, видимо сообщая имъ о своей находкѣ. Всѣ они, наконецъ, трогаются, съ нимъ во главѣ, по направленію къ соблазнительной приманкѣ. Но этотъ миръ и любовь существуютъ только между членами одного и того-же муравейника, ко всѣмъ же муравьямъ другихъ гнѣздъ, то есть къ чужакамъ, они питаютъ непримиримую вражду. Попробуйте въ тотъ или другой муравейникъ впустить муравья изъ другаго гнѣзда, и вы увидите, какъ на него немедленно набросятся: одинъ схватитъ его за усики, другой за ногу, и такимъ образомъ его вытолкаютъ вонъ изъ гнѣзда, но еще чаще его тутъ-же убьютъ. Изъ этого видно, что муравьи умѣютъ отлично узнавать другъ друга. Это особенно поразительно уже потому, что муравьевъ въ каждомъ муравейникѣ чрезвычайно много: въ большихъ ихъ

до 500.000, а бывают и такіе, гдѣ ихъ несравненно больше. Но муравьи не только хорошо знаютъ всѣхъ своихъ товарищей, но узнаютъ ихъ даже послѣ долгой разлуки.

Б о л о т о .

Знаете-ли вы, что такое—болото? Если и не приходилось вамъ самимъ его видѣть, то ужъ во всякомъ случаѣ слышали, что это топкое мѣсто, гдѣ можно увязнуть на каждомъ шагу во мху и во влажной, глинистой почвѣ, что тамъ скверный, сырой воздухъ и легко простудиться.

Болото—обыкновенно весьма низкое мѣсто, безъ пригорковъ и возвышенностей; только здѣсь и тамъ кой-гдѣ торчатъ кочки, жалкій кустарникъ и тощія деревья, негодныя ни на топку печей, ни на постройку. И въ самомъ дѣлѣ, деревья, растущія въ болотахъ, всегда бываютъ какъ-то дряблы, а иногда и гнилы внутри. На болотной землѣ и растенія плохи, тѣмъ не менѣе вы встрѣтите здѣсь кой-какія ягоды, нерѣдко даже цвѣты.

Большая часть болота покрыта мхомъ, которымъ въ деревняхъ конопатятъ избы и другія строенія; кромѣ того имъ перекладываютъ хрупкія вещи, когда ихъ нужно отправлять куда нибудь далеко. На маленькихъ кочкахъ растутъ ягоды: морошка и клюква. Морошка растетъ на низенькомъ, жесткомъ, травянистомъ стебелькѣ, на которомъ по большей части только одинъ жесткій, морщинистый листь, съ зубцами по краямъ, и одинъ бѣловатый цвѣтокъ; когда онъ отцвѣтетъ, на его мѣстѣ появляется крупная, желтая ягода, состоящая изъ множества мясистыхъ сѣмячекъ. Морошку не ѣдятъ со сливками, какъ другія ягоды, а маринуютъ въ уксусѣ съ разными душистыми приправами и подаютъ зимою, какъ салатъ, къ жаркому. А вотъ и клюква: длинный; тонкій стебель

ея, усаженный мелкими, темными листочками, разстилается по землѣ. На немъ небольшіе, свѣтлорозовые цвѣтки: осенью вмѣсто нихъ появятся круглыя, темнокрасныя ягоды, изъ которыхъ выжимають сокъ, дѣлають прохладительное питье для больныхъ и готовятъ всѣмъ извѣстный красный кисель, кушанье, столь любимое всѣми дѣтьми.

А! наконецъ-то и болѣе сухое пространство: между рѣдкими деревьями мелькають курчавыя головки ребятъ. Они веселы, хохочуть, другъ друга окликають. Но почему это у нихъ такіе черныя зубы, губы и руки? Они набрали на чернику и съ аппетитомъ ее покушали. Часто попадаются и блѣдно-голубыя, крошечныя незабудки. Но болотная незабудка не совсѣмъ такая, какъ та, что растеть на лугахъ. Голубой цвѣтъ болотной незабудки не такъ яркъ и самыя лепестки ея нѣсколько меньше.

Какъ ни тихо, какъ ни пусто въ болотѣ, но и тутъ есть свои обитатели: раздается то кваканье лягушки, то крикъ болотнаго кулика, котораго такъ легко узнать по длинному носу, длиннымъ ногамъ и сѣроватому или желтоватому цвѣту перьевъ. Но и эти звуки не манятъ въ болото, къ тому же кругомъ такая грязь, жалкая растительность, мириады комаровъ, слѣпней, шмелей и всякихъ кусающихъ тварей... А между тѣмъ существуетъ цѣлый классъ людей, которые большую часть рабочаго времени проводятъ въ болотахъ, въ тяжелой работѣ!

Лѣсъ становится все дороже и дороже. И это понятно: онъ идетъ и на топку печей, и для всевозможныхъ построекъ. Мало того: все, что вы видите, — всевозможныя матеріи, металлическія издѣлія, все это работаютъ машинами на огромныхъ фабрикахъ и заводахъ, на которыхъ выходитъ страшно много топлива. Теперь нашли, что дрова можно замѣнять торфомъ, а торфъ добываютъ въ болотахъ.

Клюква, морошка, мохъ да еще кой-что въ этомъ родѣ не даютъ большихъ выгодъ, и безъ нихъ всегда можно обойтись, поэтому болота до сихъ поръ и были въ пренебреженіи. Но лишь только тамъ нашли торфъ, который можетъ замѣнить дрова, болота тотчасъ поднялись въ цѣнѣ.

Теперь скажу вамъ, что такое торфъ и какъ его добываютъ. Если вы возьмете въ руки мохъ, то замѣтите, что снизу его стебелекъ бурый, листья темные, завялые, а наверху свѣжіе, зеленые. По мѣрѣ того, какъ верхушка растеть, нижняя часть умираетъ и гниетъ. Много мха гниетъ, но много и вырастаетъ его вновь изъ безчисленнаго множества сѣмячекъ, и онъ растеть такъ густо, что образуетъ сплошной коверъ. Въ то время, какъ подъ этимъ ковромъ отлагаются новые слои перегнившихъ растений, нижніе, все болѣе и болѣе сгнивая, чернѣютъ и отъ лежащей на нихъ тяжести плотнѣютъ. Эта-то рыхлая, бурая земля, состоящая изъ перегнившихъ болотныхъ растений, тѣсно переплетенныхъ между собою, и называется торфомъ. Но какъ умудриться достать этотъ торфъ изъ земли?

Начинаютъ работы обыкновенно весною, около половины мая, и кончаютъ большею частью въ половинѣ іюля. Съ раннимъ разсвѣтомъ придетъ работниковъ 40, разсыпятся они на 5, на 6 кучекъ и примутся за дѣло. Прежде всего съ поверхности болота снимаютъ дернъ, подъ которымъ и лежатъ первые слои торфа. Чуть его снимутъ хотя немного, и въ тѣхъ мѣстахъ по болоту стоятъ уже огромныя лужи грязной, мутной воды. Тогда работники вырываютъ глубокія ямы и сваливаютъ въ нихъ весь торфъ. Въ тоже время нѣсколько человекъ ведрами таскаютъ болотную воду изъ лужъ и вливаютъ ее въ ямы съ торфомъ.

Чрезвычайно трудно заниматься этою работою ран-

нею весною, когда по утрамъ бываютъ жестокіе морозы: тогда приходится копать промерзлую землю, стоя на ней босыми ногами, по колѣно въ грязи. Совсѣмъ сухою земля не бываетъ въ болотѣ, развѣ ужъ въ очень сильныя жары; къ тому же чѣмъ теплѣе, тѣмъ болѣе тогда здѣсь мучать работниковъ міриады различныхъ насѣкомыхъ: они жалятъ и кусаютъ ихъ до того, что распускаетъ все тѣло.

Когда вырытая яма до краевъ наполнена водою и грязью, нѣсколько рабочихъ раздѣваются, оставляя на тѣлѣ только одну рубаху и опускаются на самое дно ямы. Хотя торфъ уже разведенъ водою и напоминаетъ теперь тѣсто, но все еще въ немъ попадаются большіе комки; работники разбиваютъ ихъ, размѣшиваютъ тѣсто собственнымъ тѣломъ и такъ мѣсятъ по два, по три часа, стараясь, чтобы всѣ комья торфа по возможности распустились. Въ этой ямѣ они по поясъ въ грязи: тяжело барахтаясь и разбивая лопатой и руками встрѣчающіеся комья, они медленно двигаются взадъ и впередъ. Торфъ тихо распускается; густая и липкая грязь облѣпляетъ со всѣхъ сторонъ, точно корою, тѣло работниковъ. Комары и слѣпни столбомъ поднимаются надъ ними, жалятъ ничѣмъ незащищенный лицо и голову. Рабочіе дышатъ съ большимъ трудомъ, точно они всходятъ на крутую гору, — такъ трудно двигаться имъ въ этомъ густомъ тѣстѣ, а между тѣмъ необходимо дѣлать какъ можно больше движеній, чтобы собственнымъ тѣломъ разбить всѣ комья и неровности торфа. Когда работа кончена, истомленные и иззябшіе работники выкарабкиваются изъ ямы и голые отправляются мыться къ болотнымъ лужамъ: окунутся раза два въ такой же грязной водѣ и опять за лопаты — разрывать новые слои торфа. Рубахи ихъ, насквозь пропитанныя торфомъ, теперь окончательно прилипаютъ къ мокрому тѣлу, но откуда же въ болотѣ взять чистой

воды? Идти на озеро далеко: работникъ меньше сработаетъ и еще меньше получить за свою тяжелую работу.

Когда мѣсиво готово, его переливаютъ изъ ямы въ тачки, въ которыхъ подвозятъ къ формамъ и вливаютъ въ нихъ; послѣ этого формы разставляютъ по землѣ для просушки.

Когда торфъ сгараеть, отъ него остается зола, которую можно употреблять для удобренія полей. Много пользы приносить людямъ торфъ, да не легко, какъ мы видѣли, добывать его.

Накъ бабушкѣ Аксиньѣ мыши досаждали.

Читатели, вѣроятно, помнятъ, какъ у бабушки Аксиньи хорошо водилась домашняя птица; но этотъ годъ такая пошла неудача: то одна бѣда, то другая! На этотъ разъ всѣ напасти шли отъ мышей, которыхъ тьма-тьму-щая расплодилась въ ея избенкѣ, и безъ того уже ветхой. Кормъ, который бабушка съ вечера заготовляла своимъ птицамъ, теперь зачастую весь, до послѣдней крошки, къ утру истребляли мыши. Мало этого: ночью онѣ цѣлыми стадами пробирались къ кадкѣ съ зерновымъ хлѣбомъ или съ мукой, общими силами немного отодвигали тяжелую крышку и въ чуть замѣтное отверзтіе юркали одна за другой, точно въ просторныя ворота. Сегодня не хватало у бабушки цѣлаго гарнца зеренъ, что ей отпустили на прокормъ утокъ, на другой день мыши стащили тѣсто, которое она поставила на пироги для внучкиныхъ имянинъ.

— Ну, какъ это не горе? «Свое добро пропадаетъ и то какъ сердце болить», — думаетъ бабушка, — «а тутъ, того и гляди, на старости лѣтъ дурнымъ словомъ хозяйка обзоветъ! Изъ за этой нечисти мнѣ въ этакій день не пришлось даже пирогомъ побаловать Машутку!» — Такъ го-

ворила бабушка, а того не знала, не вѣдала, что все это только цвѣточки, а настоящая-то, большая бѣда была впереди.

Однажды рано утромъ стала она утятъ скликать. Тѣ закрикали, на зовъ отозвались, изъ своихъ корзинокъ по-выскакали и птенчики уже заковыляли, бѣгутъ къ ней, торопятся, только одинъ что-то на дорогѣ заплулся, старушка глядитъ, а его уже и слѣдъ простылъ, подъ полъ провалился.

— Съ нами крестная сила, — крестясь и въ сильномъ испугѣ произносить старушка. — Видно на старости лѣтъ нечистый дурачить! — И въ ту же минуту еще два утенка, одинъ за другимъ, точно также пропали. Она нагнулась къ тому мѣсту, на которомъ провалились утята, и тотчасъ замѣтила въ полу довольно большую дырку.

Въ эту минуту съ полатей, гдѣ спала маленькая Маша, раздались стоны и вопли. — Гляди, гляди бабушка, — со слезами лепетала дѣвочка, — это видно ты мнѣ въ подорожекъ сегодня новенькіе башмачки припасла, а отъ одного только подметка осталась... Я просыпаюсь, а подлѣ что-то такъ и шуршитъ, думаю: это изъ корзинки птицы вылѣзаютъ, нагнулась посмотреть, а изъ башмака какъ шархнетъ въ сторону большущая, пребольшущая мышь, съ длиннымъ, предлиннымъ хвостомъ.

Бабушка совсѣмъ растерялась; кинулась было на полати внучку утѣшать, да вспомнила, что въ дырку могутъ попадать и другія утята, навалила на нее тяжелый камень и выгнала птицъ изъ избы. Послѣ этого она раздула въ печкѣ уголекъ, зажгла сальный огарокъ, подняла половицу и, чтобы свѣчка какънибудь не погасла, заслонила свѣтъ своей дрожащей, костлявой рукою. Бабушка исползала на колѣняхъ все подполье, но живыхъ утятъ не нашла, только въ одномъ углу валялись головка да крылышки самого бойкаго, ручнаго сѣраго птенчика.

Сидитъ бабушка на лавкѣ да рукавомъ слезы утираетъ, которыя у нея то и дѣло катятся по щекамъ; но когда къ ней подбѣжала Машутка и прижалась своей курчавой головкой, чтобы тоже заплакать, старушка стала ее утѣшать.

— Вотъ мы, дитяtko, похлебаемъ съ тобой молочка да и отправимся къ сосѣдямъ просить кота злого, презлого... Онъ имъ уже покажетъ, какъ насъ съ тобою обижать.

— Только нужно очень умнаго кота достать,—болтала дѣвочка,—чтобы онъ нашихъ цыплятъ не трогалъ. А то помнишь Машку, какъ она бросалась на нихъ... такъ, бывало, пугаетъ.

— Куда Машка! Она совсѣмъ для этого дѣла негодная: какъ что нибудъ стащить, либо баловство затѣять, такъ она первая, а мышей ловить, она и хвостъ подожметъ, пошевелинутася боится.

И Машѣ въ тотъ же день удалось найти кота. Онъ оказался весьма благоразумнымъ: на птицъ не бросался, и хотя въ зубахъ его не видали никогда ни одной мыши, но дѣвочкѣ не разъ пришлось видѣть его, какъ онъ безъ малѣйшаго шороха, неслышными шагами, особенно въ темнотѣ, легонько пробирался по стѣнкѣ. Подкрадется къ уголку, наостритъ уши и, чуть заслышитъ легкій шумъ за стѣною или подъ поломъ, въ ту же минуту туда бросается и зацарапаетъ своими острыми когтями.

Страшно стало мышамъ вылѣзть изъ своихъ норокъ: можетъ быть на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ такъ хочется имъ поиграть, ждетъ ихъ злѣйшій врагъ; вѣдь онъ такой ловкій и хитрый, что ни однимъ движеніемъ себя не выдастъ, и во всякую-то щелку заглядываютъ его зловѣщіе, блестящіе, зеленые глазки.

Однако, бабушкѣ Аксиньѣ мыши дали покой только не надолго. Скоро опять онѣ стали поднимать между собою возню и страшный пискъ, и Маша видела, какъ мышъ

съ дѣтенышами играла на полу въ то время, какъ котъ Васька отлично спалъ на ея сѣнничкѣ, на полатяхъ. Маша притаила дыханіе и стала ихъ внимательно разсматривать. Это были премиленькіе звѣрьки, покрытые темно-сѣрой шкуркой. По бокамъ маленькой, красивой головки блестѣли умные, прелестные, агатовые глазки; надъ глазами и на каждой щекѣ сидѣло по длинному волоску, на губахъ—длинные черные усы. Хотя уши мышей торчатъ и очень велики, хотя заднія ноги и длиннѣе переднихъ, но всѣ члены такъ тонки, легки и красивы, что ни то, ни другое нисколько не безобразить этихъ животныхъ.

— Изъ себя-то онѣ красивы, — думаетъ Маша, — а все-таки на нихъ какъ-то противно смотрѣть! Видно потому, что хвостъ у нихъ такой длинный, голый, съ пучками рыжеватыхъ волосъ... Да нѣтъ! Я ихъ не терплю потому, что они мою бабушку разоряютъ! — И дѣвочка уже подняла руку, чтобы ихъ прогнать, но увидала, какъ мыши мило играли между собою, и засмотрѣлась. И было на что: маленькія мышки, чуть больше жука, вертѣлись вокругъ матери, влѣзали ей на спину, падали, кувыркались, пока, наконецъ, котъ не заворочался на своемъ сѣнникѣ.

Черезъ минуту, сидя съ ребятами на завалинкѣ, Маша съ злобою рассказывала имъ о лѣности кота и несчастіяхъ своей бабушки. Всѣ дѣти приняли въ ней самое искреннее участіе, а одинъ мальчикъ предложилъ ей даже промѣнять кота на свою собаку, которая отлично была имъ обучена ловить мышей. И мальчикъ сказалъ правду: въ нѣсколько часовъ, которые собака прѣвела у Маши, она поймала до пяти мышей, но въ первую же ночь съ ней случилось большое несчастіе. Когда все стихло и заснуло въ избѣ, поднялась страшная возня и пискъ. Лишь только вздула старушка огонь, она увидала, съ какой быстротой заметались мыши и прятались въ щели.

Собака визжала и, какъ угорѣлая, прихрамывая, бѣгала посреди избы. Когда бабушка стала ее ласкать и гладить, собака умильно глядя на нее, сама протянула къ ней больную ногу. Оказалось, что мыши, во время ночнаго сраженія, порядочно искусили ей ногу.

Тогда бабушка устроила ловушку. Она вырыла подъ поломъ, въ землѣ, довольно глубокую яму и выложила ее гладкими плитами. Кверху яма эта сѣуживалась, такъ что стѣны со всѣхъ сторонъ нависли, и попавшимся мышамъ нельзя было по нимъ взбираться обратно. На дно этой ямы бабушка налила меду и топленаго сала, чтобы этотъ, пріятный для мышей, запахъ приманивалъ ихъ въ ловушку. Затѣмъ она поставила въ яму горшокъ, положила на дно его немного соломы, а сверху куски жира, мяса, салныхъ огарковъ, коноплянаго сѣмени.

Пріятный запахъ и мягкая солома тотчасъ начали приманивать мышь за мышью; кончилось тѣмъ, что, не имѣя возможности выбраться вонъ, онѣ оставались въ ловушкѣ.

Вскорѣ мышей замѣтно поуменьшилось: не досчитываясь каждый день кого нибудь изъ своей семьи, мыши поняли, что имъ разставлена западня и переселились въ старый амбаръ, такъ что совсѣмъ оставили въ покоѣ бабушку и внучку, къ великой радости обѣихъ.

Какъ я любилъ охоту и что изъ этого вышло.

До одиннадцати лѣтъ я былъ очень слабымъ ребенкомъ. Погуляешь, побѣгаешь часъ, другой, ноги и руки отъ усталости трясутся, а на горку немного покруче взойду, — одышка такая сдѣлается, что съ полчаса слова не могу выговорить: такъ бьется сердце. Дома сестры поютъ, играютъ на фортепіано, а на меня при этомъ находить такая грусть, что я, самъ не знаю почему,

плачу, рыдаю. Бросать музыку и, чтобы меня развлечь, начать мне сказывать веселыя сказки: если я разсмѣюсь, буду смѣяться до мучительной боли въ груди, и долго опять ничѣмъ нельзя было меня остановить.

Много меня лечили, но одна тяжелая болѣзнь смѣняла другую, и я оставался необыкновенно хилымъ ребенкомъ. Отъ постоянной болѣзни я былъ до такой степени вялымъ, что меня мало привлекали даже новыя игрушки и шумныя, веселыя игры дѣтей. Одно лишь меня постоянно занимало: приготовленія отца къ охотѣ и его рассказы о ней. Вѣроятно, это было потому, что такіе рассказы не вызвали у меня ни смѣха, ни слезъ, между тѣмъ я тутъ узнавалъ столько новаго, занимательнаго. Усѣвшись куданибудь въ уголокъ, на крылечко, я съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ чистили ружья и пистолеты, какъ заряжали ихъ и пробовали заряды, стрѣляя въ какойнибудь пень или упавшее дерево.

Однажды отецъ подмѣтилъ, какъ я пристально за всѣмъ слѣжу, и подсѣлъ ко мнѣ съ своимъ патронташемъ. Онъ тщательно его выколачивалъ, во всѣхъ щелочкахъ аккуратно вытиралъ пыль и потомъ набивалъ его порохомъ, дробью и пулями.

— Только бы настали теплыя деньки,—сказалъ отецъ, обращаясь ко мнѣ,—непремѣнно, Васюта, возьму тебя съ собой на охоту.

— Ахъ, папа, какъ бы я этого хотѣлъ, только вотъ ноги у меня все какъ-то дрожать, и мама, пожалуй, не пустить: вѣдь она такъ боится ружей и пистолетовъ,—говорилъ я, тутъ же чуть не зарыдавъ отъ радости, и зная какъ мать боится огнестрѣльнаго оружія.

— Ну, мама какъ увидитъ съ какимъ волчьимъ аппетитомъ ты вернешься домой послѣ первой охоты, сама пошлетъ тебя въ другой разъ.

Мысль, что я буду охотникомъ, и даже, о радость!

буду ходить на медвѣдя, меня необыкновенно оживила. Въ ожиданіи счастливаго дня, я началъ принимать самое дѣятельное участіе въ дрессировкѣ нашихъ охотничьихъ собакъ. Каждое утро я скликалъ ихъ на дворъ и прежде всего начиналъ ученье со щенками. Я бросалъ то одинъ, то другой предметъ, заставляя молодую собаку подавать его мнѣ или класть куда нибудь въ сторону. Когда она не повимала, я осторожно разжималъ ей зубы, клалъ въ ротъ какую-нибудь вещь и тихонько тащилъ ее за лапки, туда, куда должна была она ее положить. Когда щенокъ могъ повторить это безъ моей помощи, я его гладилъ и въ награду давалъ ему косточку или ломоть булки. Если онъ упрямился, я никогда не билъ его, а только подзывалъ къ себѣ взрослую собаку и съ ней начиналъ заниматься болѣе серьезно. Я запрятывалъ на довольно далекомъ разстояніи, гдѣ нибудь въ густой травѣ, застрѣленную дичь и заставлялъ ее отыскивать; иногда даже пускалъ передъ ней только что подстрѣленную перепелку или рябчика. Собака должна была мнѣ поймать птицу, залѣзть для этого иногда даже въ воду нашего пруда и поднести ее мнѣ, не только не поранивъ зубами, но даже не помявъ на ней ни одного перышка.

Послѣ ученія я обыкновенно подносилъ каждой собакѣ миску простокваши съ чернымъ хлѣбомъ или овсянку, попробовавъ напередъ руками, не горяча-ли она. Горячей пищи нельзя давать, какъ объяснилъ мнѣ отецъ, потому, что собака отъ этого можетъ лишиться обонянія, т. е. своего хорошаго чутья къ добычѣ. Эта возня съ собаками и бѣганье обыкновенно возбуждали у меня сильнѣйшій аппетитъ и такъ быстро подкрѣпляли меня, что мать, видя какъ я замѣтно поправляюсь отъ постоянного движенія на свѣжемъ воздухѣ, сама не могла дожидаться, когда установится теплая, хорошая погода и я отправлюсь на охоту.

Наконецъ, отецъ объявилъ мнѣ, что вечеромъ я пойду съ нимъ на зайцевъ. Мать сейчасъ же стала меня снаряжать. Оказалось, что для этого случая у меня уже были готовы высокіе охотничьи сапоги, которые мать заказывала потихоньку отъ меня, чтобы доставить мнѣ больше удовольствія. Какъ и другимъ охотникамъ, мнѣ надѣли черезъ плечо сумку и на первый разъ, вмѣсто огнестрѣльныхъ снарядовъ, набили ее мясомъ и хлѣбомъ.

Все это приводило меня въ неописанный восторгъ.

Когда на деревнѣ прослышали, что мы отправляемся на охоту, къ намъ пристала огромная компанія: болѣе полудюжины крестьянскихъ дѣтей и нѣсколько молодыхъ парней. Всѣ мы вооружились палками, а нѣкоторые изъ насъ и осколками сковородъ, желѣзныхъ листовъ и такимъ образомъ, въ сопровожденіи собакъ, отправились въ путь-дорогу. Какъ весело было въ большой компаніи! Шумѣли, болтали, шутили... Каждый старался выдумать свой особенный способъ, какъ вѣрнѣе завлечь, поймать или убить зайца; рассказывали разные случаи во время охоты.

— Въ теперешнее весеннее время, — говорилъ одинъ опытный въ охотничьемъ дѣлѣ парень, — намъ лучше всего переправиться на островокъ: ихъ тамъ теперь тьма тьмушая.

— Островокъ такой маленькій; бажется, имъ и пища трудно себѣ на немъ промыслить... Зачѣмъ же зайцамъ быть тамъ? — любопытствовалъ я.

Заяцъ вообще трусливъ, а пуще всего боится воды. Иной разъ заберется онъ передъ оттепелями на островокъ, чтобы новое мѣстечко присмотрѣть, — вѣдь онъ очень любопытный, а то и просто, чтобы прутиковъ разныхъ погрызть. А какъ оттепели-то сразу пойдутъ, да покажется хоть гдѣ вода, онъ ни за что не рѣшится не только переплыть, чтобы назадъ вернуться, а даже и пройти: вотъ волей-неволей и останется здѣсь на все лѣто.

Въ шумной бесѣдѣ мы незамѣтно дошли до озера, сѣли съ пѣснями въ лодку и въ нѣсколько минутъ были уже на острову. Тутъ мы раздѣлились на двѣ партіи: отецъ и другіе стрѣлки стали съ ружьями по берегу, а мы, дѣти, начали постукивать палками по кустамъ, кричали на всѣ голоса, барабанили въ сковороды и доски.

Перепуганные зайцы, то и дѣло, мелькали въ густой травѣ, выпрыгивая изъ кустарниковъ. Намъ легко было гнать ихъ къ берегу, гдѣ держались наши стрѣлки. Впрочемъ, если какому нибудь зайцу и удавалось броситься въ сторону, куда нибудь въ кустъ, мимо нашихъ ногъ, собаки сейчасъ нападали на его слѣдъ и заставляли его присоединиться къ другимъ. Такъ гнали мы ихъ цѣлымъ стадомъ. Въ одномъ мѣстѣ мы даже окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, и намъ удалось живьемъ поймать трехъ молоденькихъ зайчиковъ, просто на просто шапками, а съ остальными очень скоро покончили наши стрѣлки.

Мое болѣзненное, безжизненное лицо въ два, три года охотничьей жизни покрылось румянцемъ, мои слабыя руки, съ трудомъ поднимавшія тяжесть въ пять, шесть фунтовъ, непривычныя ни къ какой механической работѣ, теперь по нѣсколько часовъ къ ряду управляли челнокомъ, гребли тяжелыми веслами. До нельзя избалованный и избѣженный по причинѣ болѣзни, я ни въ чемъ не умѣлъ себѣ отказывать; что разъ начиналъ, не могъ заставить себя кончить; боялся темноты, густаго лѣса, которымъ обыкновенно меня стращали, говоря, что это любимый притонъ колдуновъ и лѣшихъ; брезгалъ, да тоже и боялся еще... кого бы вы думали? мнѣ даже совѣстно предъ вами въ этомъ сознаться! невиннѣйшихъ и самыхъ маленькихъ въ мірѣ созданий—насъкомыхъ!

Охота заставляла меня вставать на зарѣ съ теплой и мягкой постели, бродить по ночамъ въ лѣсной чащѣ, во что бы то ни стало разыскивать норы и гнѣзда раз-

ныхъ животныхъ, которыя по нѣкоторымъ примѣтамъ должны были быть въ томъ или другомъ мѣстѣ. Сколько полезныхъ знаній я приобрѣлъ! Я скоро познакомился въ лѣсу съ каждымъ кустикомъ, въ ту же минуту могъ узнать, какого звѣря слѣды видны были на той или другой тропинкѣ, различалъ голосъ каждой птички, догадывался о причинахъ внезапнаго шума, каждаго звука въ лѣсу... Чу! что это? Точно плачь маленькаго дитяти! А, понимаю! Вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости бродитъ нашъ братъ охотникъ и въ эту минуту подстрѣлилъ зайца: если его поранять, онъ кричитъ какъ маленькій ребенокъ.

Волкъ.

Волкъ очень похожъ на большую дворовую собаку, но у него болѣе свирѣпый взглядъ, хищническая и кровожадная натура. Его широкій лобъ показываетъ, что это животное не лишено сообразительности; стоячіе уши чрезвычайно чутки къ малѣйшему шуму; толстая шея, сплывныя плечи и жилистыя ноги свидѣтельствуютъ о силѣ въ нападеніи и бѣгствѣ. Его замѣчательно острые, всегда оскаленные зубы, его взглядъ изъ-подлобья, глаза, блестящіе дикимъ, тревожнымъ блескомъ даже и въ темнотѣ, вполне убѣждаютъ въ его безпримѣрномъ хищничествѣ. Цвѣтъ мѣха его то сѣрый, то желтовато-черный, то буроватый.

Хотя волкъ съ виду и напоминаетъ собаку, но по характеру между этими двумя животными нѣтъ ничего общаго. Собака—ласковое, смѣлое и полезное животное, вѣрный другъ человѣка, волкъ—его заклятый врагъ, первый хищникъ и злодѣй между всѣми хищниками. Между собою волкъ и собака тоже самые заклятые, непримиримые враги. Стоитъ большой, сильной собакѣ издали почуять волка, и

она, какъ стрѣла, уже несется по его слѣдамъ. Между двумя животными немедленно происходитъ свирѣпая, кровавая схватка. Если волкъ одержалъ побѣду, онъ пожираетъ свою жертву, собака же напротивъ съ отвращеніемъ бросаетъ его трупъ на расхищеніе вѣронамъ и его же собратьямъ волкамъ. Волчье мясо имѣетъ до того противный запахъ, что его не ѣстъ ни одинъ хищный звѣрь, кромѣ волковъ же, съ одинаковою алчностью пожирающихъ какъ падаль, такъ и своихъ израненныхъ и погибающихъ товарищей. Слабосильная собака при видѣ волка нерѣдко приходитъ въ ужасъ, поджимаетъ хвостъ и съ визгомъ старается спрятаться. Но даже и трусливую собаку легко натравить на волка.

Несмотря на то, что волка обыкновенно представляютъ въ сказкахъ глупымъ, несообразительнымъ животнымъ, онъ чрезвычайно хитеръ и лукавъ. Чтобы обмануть собаку и заставить ее отстать отъ своего хозяина, онъ дѣлаетъ видъ, что и не думаетъ ее преслѣдовать: то катается по снѣгу, то съ равнодушнымъ видомъ вяло плетется впередъ, то притворяется хворымъ, иногда даже по нѣсколькѣ минутъ сряду лежитъ безъ движенія. Какъ только собака, обманутая хитрыми штуками своего врага, отдалается отъ хозяина на большое разстояніе, волкъ немедленно бросается на нее и разрываетъ ее на части. Очень часто нѣсколько волковъ прячутся при этомъ гдѣ нибудь за кустами. Въ минуту нападенія главнаго предводителя и остальные волки выскакиваютъ изъ засады и сразу набрасываются на бѣдное животное. Въ заходистыхъ деревняхъ собакъ, загубленныхъ волками, ежегодно оказывается огромное количество.

Волкъ живетъ въ самыхъ дикихъ, глухихъ лѣсныхъ тущобахъ и безъ устали рыщетъ по полямъ и лѣсамъ, отыскивая добычу. Днемъ онъ избѣгаетъ какой бы то ни было встрѣчи и прячется въ лѣсной чащѣ, въ снѣжныхъ

сугробахъ или въ тростникахъ по берегамъ рѣкъ, озеръ и по болотамъ, а на добычу выходитъ только ночью. Лѣтомъ его обыкновенно встрѣчаютъ въ одиночку или вмѣстѣ съ волчицей, но во время продолжительныхъ голодовокъ въ холодные осенніе дни волки соединяются въ огромныя стаи, сзывая другъ друга жалобнымъ, отвратительнымъ воемъ. Тогда тянутся они по дорогамъ и тропинкамъ гуськомъ, норовя ступать слѣдъ въ слѣдъ.

Вѣчно гоняясь за добычей, волкъ пробѣгаетъ изумительно громадныя пространства, и вотъ этимъ то можно прежде всего объяснить его непомѣрную алчность и ненасытность. Онъ такъ этимъ прославился, что когда человѣкъ чувствуетъ страшный голодъ, то говорятъ, что у него «волчій аппетитъ». Можно себѣ представить, какой ужасъ наводитъ волчья стая въ мѣстности, гдѣ она появляется! Когда волки замѣтятъ корову, гдѣ нибудь заблудившуюся въ лѣсу или въ полѣ, то немедленно окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ, чтобы сразу отрѣзать ей путь къ отступленію, пока одному изъ нихъ не удастся схватить ее и задушить. Тогда вся стая съ остервенѣлымъ воемъ и рычаніемъ набрасывается на добычу, и между волками завязывается ожесточенная драка, въ которой многіе падаютъ замертво, и наибольшіе куски добычи достаются сильнѣйшимъ.

Любимая пища волковъ—крупныя домашнія животныя, но они ничѣмъ не брезгаютъ и пожираютъ все, что попадаетъ: лягушекъ, мышей, жуковъ, гусей, коровъ, овецъ, лошадей и всевозможныя ягоды. Глухарей, рябчиковъ, куропатокъ и другую дичь волкъ умѣетъ ловко подкарауливать, когда птицы эти сидятъ еще на своихъ яйцахъ. Но болѣе всего его тянетъ къ стадамъ овецъ: онъ зорко высматриваетъ, когда пастухъ съ собакой отойдутъ въ сторону, бросается въ середину стада и хватается первую попавшуюся овцу. Глупыя, трусливыя животныя отбѣ-

гають въ испугѣ на нѣсколько шаговъ, со страхомъ жмутся другъ къ другу и ждутъ, пока волкъ снова не соблаговолитъ повторить тотъ же маневръ. Но съ крупными, сильными животными волки не такъ смѣлы, да и тѣ лучше овецъ умѣютъ постоять за себя. Осторожно приближаются эти хищники къ табуно лошадей, пасущихся ночью на лугу, и стараются скрасть животное, отдѣлившееся отъ стада. Если остальные лошади замѣтили волка, онъ бросается на него, бьютъ его передними копытами, а жеребцы хватаютъ его даже зубами. Часто волкъ падаетъ мертвымъ послѣ первыхъ ударовъ, но если ему удастся увернуться, онъ вдругъ набрасывается на одну изъ лошадей и сваливаетъ ее съ ногъ.

Еще враждебнѣе встрѣчаетъ волка стадо быковъ, и онъ только въ исключительныхъ случаяхъ рѣшается броситься на нихъ. Если быки примѣтили его, они смѣло идутъ ему на встрѣчу, направляя прямо на него свои рога.

Сравнительно съ своимъ ростомъ волкъ очень силенъ: нерѣдко, схвативъ барана зубами, онъ забрасываетъ его на спину, какъ чемоданъ, и бѣжитъ такъ быстро, что лишь пуля или опытная собака могутъ заставить его бросить добычу. Сила его ногъ и выносливость просто изумительны. Однажды волкъ попалъ въ капканъ; употребляя отчаянныя усилія, чтобы высвободиться, онъ отгрызъ у себя правую переднюю ногу, но все же достигъ своей цѣли и на трехъ ногахъ выскочилъ изъ засады и бросился на поросенка, привязаннаго къ охотничьимъ саянямъ, получилъ пулю въ ногу и затѣмъ еще пробѣжалъ версть тридцать, пока новая пуля не положила его на мѣстѣ. Зубы его такъ крѣпки, что онъ въ состояніи раздробить самыя громадныя кости. Желудокъ у него такой здоровый, что онъ безъ всякаго для себя вреда не только перевариваетъ животное со шкурой, но и всякую дрянъ, попавшуюся ему по дорогѣ: сапоги, прогнившій свер-

токъ тряпокъ, кожу и т. п. Однажды у волка, загрызшаго крестьянина, нашли въ желудкѣ кожу съ черепа съ волосами и мѣдный крестъ на шнуркѣ. Но всему онъ предпочитаетъ падаль и слышитъ запахъ ея за много верстъ. Онъ отлично умѣетъ понять крикъ ворона: каркаетъ ли тотъ для своего развлечения, или выражаетъ радость, почуввавъ добычу. Волкъ немедленно слѣдуетъ за своимъ товарищемъ-вѣщуномъ и часто вмѣстѣ съ нимъ насыщается однимъ и тѣмъ-же трупомъ; за то и воронъ пользуется его промысломъ и доѣдаетъ волчьи остатки. Такъ же товарищески дружно слѣдуютъ они по пятамъ сражающихся войскъ. Послѣ каждой боевой схватки вороны и волки съ немовѣрной жадностью пожираютъ трупы людей, павшихъ въ сраженіи.

Сильный голодъ волки выражаютъ вѣтьемъ и, Боже мой, какой ужасной, дикой музыкой раздается тогда вой голодной стаи въ какойнибудь захолустной деревенькѣ! Долгая голодовка дѣлаетъ этого хищника бѣшенымъ въ буквальномъ смыслѣ слова, и бѣшеные волки, какъ и бѣшенныя собаки, безстрашно нападаютъ на все, что имъ попадается на пути. Трудно вообразить, какая тяжкая участь ждетъ человѣка, укушеннаго бѣшенымъ волкомъ. На такого несчастнаго нападаетъ бѣшенство: онъ тоже бросается кусать людей, но когда приходитъ въ сознаніе, плачетъ, проситъ прощенія на колѣняхъ, умоляя присутствующихъ ускорить его смерть, а при потерѣ сознанія опять начинаетъ неистовствовать.

Волкъ одаренъ отличнымъ зрѣніемъ и слухомъ, а главное обоняніемъ не хуже самой прекрасной охотничьей собаки: онъ не только можетъ отличить слѣдъ животнаго на землѣ, но и чувствуетъ всякій легкій запахъ въ воздухѣ. При остромъ зрѣніи, тонкомъ слухѣ, прекрасномъ обоняніи и крайней осторожности и лукавствѣ этотъ хищникъ въ высшей степени опасенъ для человѣка. Онъ не выйдетъ

изъ засады, не убѣдившись вполне въ отсутствіи опасности. Какъ старательно избѣгаетъ онъ малѣйшаго шума въ то время, когда бѣжить! Приблизившись къ жилью, онъ не бросится во дворъ чрезъ открытыя ворота, а перескакиваетъ черезъ заборъ. Онъ скорѣе бросится на животное, свободно разгуливающее, чѣмъ на такое, которое стоитъ на привязи. Но когда волка мучить сильный голодъ, его характеръ совершенно мѣняется: тогда онъ забываетъ всякую осторожность, ничего не боится и становится безумно смѣлымъ.

Волчица очень заботливая и нѣжная мать: она устраиваетъ гнѣздо въ пустынномъ темномъ лѣсу, обыкновенно въ ямѣ, выкопанной ею самою или оставленной другимъ животнымъ, бережно укрываетъ своихъ дѣтей отъ глазъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, даже отъ своей братіи — волковъ, не исключая и отца своихъ малютокъ, такъ какъ онъ легко можетъ пожрать свое собственное потомство. Когда волчата начали уже глядѣть (они, какъ и медвѣжата, рождаются слѣпыми) и немного подросли, мать приноситъ имъ мяса. Но прежде, чѣмъ отдать его имъ, она заботливо пережевываетъ его и размягчаетъ сама и затѣмъ уже кормитъ имъ своихъ малютокъ. Когда они еще нѣсколько подрастутъ, она начинаетъ притаскивать имъ живыхъ рябчиковъ и куропатокъ и нарочно пускаетъ ихъ передъ глазами дѣтей, чтобы тѣ пріучались ловить животныхъ. Волчата сначала возятся и играютъ съ своею жертвою, а потомъ пожираютъ ее. Когда мать отправляется на промыселъ, волчата выползаютъ изъ норы, играютъ другъ съ другомъ, грѣются на солнышкѣ. Но лишь только они завидятъ собаку или человѣка, или чуть начнетъ накрапывать дождь, они, толкая другъ друга, торопятся въ свою нору.

Въ то время, когда у волчицы дѣти, она особенно зла и защищаетъ ихъ до послѣдней капли крови. Однажды

двое охотниковъ набрали на волчье гнѣздо, устроенное въ землѣ. Чтобы не дать возможности волчатамъ разбѣжаться, охотники разложили костеръ у самаго входа въ нору и начали вдвухъ вдувать въ нее ѣдкій дымъ. Въ эту минуту подоспѣла волчица и смѣло бросилась на охотниковъ. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ нее, но промахнулся; она шарахнулась въ сторону, отчаянно завывала и убѣжала. Между тѣмъ волчата въ норѣ застонали и охотники вытащили двухъ изъ нихъ, еле переводившихъ дыханіе, положили ихъ на траву и продолжали крючкомъ доставать остальныхъ. Когда всѣ они уже лежали на землѣ, охотники отошли въ сторону. Волчата скоро опомнились, но плотно прижимались къ землѣ, закрывали глаза, притворяясь мертвыми и только изъ подтишка чуть-чуть поглядывали вокругъ. Тогда охотники сирятались, чтобы наблюдать за ними. Волчата тотчасъ открыли глаза, живо поглядывая во всѣ стороны. Не видя никого подлѣ, они сначала тихонько поползли, а затѣмъ бросились бѣжать со всѣхъ ногъ. Охотники тотчасъ переловили ихъ, и тѣ снова начали припадать къ землѣ и притворяться мертвыми. Тутъ опять появилась волчица и теперь уже не одна, а въ сопровожденіи волка: они сѣли рядомъ на пригоркѣ и затянули свой раздирающій душу вой. Когда охотники приближались къ нимъ, чтобы въ нихъ выстрѣлить, они отбѣгали въ сторону, но затѣмъ снова появлялись на прежнемъ мѣстѣ. Наконецъ охотники связали волчатъ, положили ихъ въ мѣшки, взвалили ихъ себѣ за спину и отправились домой. Волкъ съ волчицею всю дорогу до самой деревни бѣжали за ними чуть не по пятамъ, безпрестанно дѣлая попытки напасть на нихъ и все время провожая ихъ страшнымъ воемъ.

Обезумѣвшая отъ горя волчица нерѣдко жестоко мститъ убійцамъ своихъ дѣтей. Крестьяне однажды нашли гнѣздо волчатъ и повѣсили ихъ тутъ же. Черезъ нѣкоторое время

въ село вбѣжало нѣсколько волковъ, одинъ изъ нихъ вскочилъ въ первый крестьянскій дворъ, гдѣ играло трое дѣтей, и утащилъ одного изъ нихъ — двухъ-лѣтняго ребенка. Другой вбѣжалъ въ пустую избу, выхватилъ изъ люльки спящаго ребенка и убѣжалъ съ нимъ. Остальные волки передавили нѣсколько штукъ скота. Когда народъ бросился на нихъ съ дрекольемъ, они съумѣли спастись бѣгствомъ.

Кровожадный и лукавый волкъ вреденъ живой и безполезенъ послѣ своей смерти. Мѣхъ его далеко не такъ дорого цѣнится, не такъ хорошъ и тепелъ, какъ медвѣжій, и волка преслѣдуютъ болѣе всего вслѣдствіе вреда, который онъ наноситъ жизни человѣка и его хозяйству. Всѣ средства для истребленія этихъ хищниковъ считаются дозволительными: огнестрѣльное оружіе, западни, ямы, травля хорошо дрессированными собаками, а въ захластныхъ деревняхъ прибѣгаютъ даже къ яду. Когда околѣваетъ какое нибудь домашнее животное, съ него снимаютъ шкуру, во многихъ мѣстахъ на трупъ дѣлаютъ надрѣзы и кладутъ въ нихъ мышьякъ или другой ядъ. Послѣ этого на животное снова натягиваютъ шкуру и бросаютъ эту отравленную пададь въ такое мѣсто, гдѣ бродятъ волки. Волкъ, почуявъ пададь, бросается на нее и платится жизнью за свою алчность.

Какъ лѣтомъ и зимою ловили рыбу на нашемъ озерѣ.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нашего деревенскаго жилища было довольно большое озеро: такъ, версть пятнадцать въ длину да версты три въ ширину; рыбы, въ немъ водилось очень много. Большая часть озера поросла разными водяными растеніями: осокою, кувшинчиками. Цвѣточки такъ заманивали насъ, дѣтишекъ, что, забывая

угрозы старшихъ, мы часто въ одеждѣ по поясъ залѣзали въ воду, чтобы ихъ нарвать. Водяныя растенія привлекали не только дѣтей, но и рыбъ, которымъ онѣ служатъ убѣжищемъ и мягкой постелькою. Неглубокій, песчаный берегъ замѣнялъ имъ свѣтлую, просторную залу: пригрѣваемая солнечными лучами, молоденькія рыбки такъ мило тутъ плескались, играли. Густой лѣсъ вблизи озера, кустарникъ и кривыя березки, окаймлявшія его берега, давали гостепріимный пріютъ тысячѣ различныхъ насѣкомыхъ, изъ которыхъ многія первые дни своей жизни проводятъ въ водѣ. Насѣкомыя и ихъ личинки, бывшія тутъ въ изобиліи, служили лакомымъ блюдомъ для рыбъ.

Это озеро, полное рыбы, было общимъ любимцемъ и единственною радостью прибрежныхъ поселянъ. Мѣстность наша лежала далеко отъ всякаго торговаго и промышленнаго города, слѣдовательно о заработкѣ гдѣ нибудь на фабрикѣ или при желѣзной дорогѣ и думать было нечего. Хлѣбъ тоже родился у насъ плохо: все—болото или суглинокъ; на такую землю клади какъ можно больше навозу, а то ничего не выйдетъ. Для навоза необходимо держать много скота, а чѣмъ его зимою кормить, когда самому бываетъ плохо. Вотъ озеро-то и выручало тутъ. Конечно, въ немъ не было ни стерлядей, ни форели, ни сига, которые въ большихъ городахъ такъ дорого цѣнятся, тѣмъ не менѣе оно было большимъ подспорьемъ для мѣстныхъ крестьянъ.

Рыболовы, которые ловятъ неводомъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, собираются артелями человекъ по сорока. Сойдутся вмѣстѣ и держатъ между собою совѣтъ, когда и гдѣ назначить имъ мѣсто лова; тутъ же каждый говоритъ, сколько сѣтей можетъ онъ принести для составленія общаго невода. Сѣть пли неводъ для ловли стоитъ очень дорого: три, а иногда четыре сотни рублей. Изъ крестьянъ рѣдко кто имѣетъ такую сумму, поэтому и со-

бпрается артель. Всѣ ея члены вносятъ деньги по ровну, и потому каждый изъ нихъ получаетъ извѣстную часть выловленной рыбы; кто пожелаетъ дать вдвое болѣе противъ товарища, тотъ и получить больше. На собранныя деньги покупаютъ въ городѣ неводъ, а то и жены артельщиговъ сами вяжутъ его изъ крѣпкихъ пеньковыхъ нитокъ. Въ послѣднемъ случаѣ рыбаки-артельщики назначаютъ по-ровну, кому сколько аршинъ сѣтей принести для невода. Послѣ этого они сообща выбираютъ себѣ хозяина, который распоряжается всѣми дѣлами артели. Вытянули тоню,—онъ глядитъ, чтобы народъ, который обыкновенно тутъ толчется все время, не растаскалъ рыбы, продаетъ ее желающимъ, заботится о просушкѣ и починкѣ невода. Понятно, стараются брать такого человѣка, который у нихъ извѣстенъ честностью, умомъ и сметкою.

Какъ только установятся морозы и озеро покроеся крѣпкою, толстою ледяною корою, рыбаки, одѣтые въ длинныя, кожаные передники и такія же рукавицы, выѣзжаютъ искать мѣста для лова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они счищаютъ снѣгъ, пробиваютъ во льду небольшія отверстія и всматриваются, много-ли рыбы: ничего, что окошечко маленькое, а изъ него видна рыба. Если въ какомъ нибудь мѣстѣ замѣтятъ, что рыба бѣжитъ большими стадами, тутъ и рѣшаютъ ловить ее. Сейчасъ же прорубаютъ въ этомъ мѣстѣ большую прорубь и опускаютъ неводъ. По краямъ этой огромной, длинной сѣти прикрѣплены камни, зашитые въ холстину: безъ этого сѣть, сама по себѣ легкая, не опустится въ воду, не заберетъ рыбы. Но, чтобы она не потонула, когда ее опустятъ въ воду, по краямъ ея также привязываютъ длинныя веревки, за которыя держатся рыбаки. Тянуть неводъ изъ воды очень трудно: онъ и такъ вѣситъ пудовъ полтора, а тутъ намокши, да еще съ рыбою, и вдвое больше. Но чѣмъ тяжелѣе сѣть, тѣмъ веселѣе та-

шутъ ее рыбаки: они надѣются, что уловъ богатый, и шутками и остроуми помогаютъ другъ другу бодрѣе на-прягать свои силы.

А тутъ ужъ, глядишь, и народу набралась тьма-тьмушая. Кто въ саяхъ сидитъ и смотритъ, какъ тоню тянуть, кто пріѣхалъ живой рыбы купить, а другой зорко за всѣмъ наблюдаетъ да соображаетъ, когда и какъ ему въ суматохѣ ловче стянуть.

Наконецъ, сътъ вытянулп: она кишмя-кишитъ рыбой. Чего, чего тутъ нѣтъ! Судаки, ерши, лещики, щуки, налмы... все это прыгаетъ, и кругомъ идетъ такой шумъ, точно вода кипитъ горячимъ ключемъ.

— Тятенька... будетъ милость ваша...—протягиваются сразу къ рыболовамъ множество рогожныхъ мѣшковъ и деревянныхъ мисокъ.—Ужъ мы какъ неводъ-то вамъ сте-режемъ...—пищать со всѣхъ сторонъ ребятишки.

— Расчищай мѣсто,—кричитъ хозяинъ.

— Да брось имъ гарнецъ-другой, — толкаетъ его въ локоть рыбакъ.—Точно не знаешь, что эта самая шушера изъ злобы такую бѣду учинить, что въ годъ не расхле-баешь... перервутъ кольями неводъ,—такъ это не въ гар-нецъ обойдется...

— Больно ты крѣпокъ, дѣдъ!—выкрикиваетъ стару-шенка во всеуслышаніе.—Чай, вода-то тутъ не одна твоя, а и наша... выходитъ, даръ-то Божій, общій!

— Ну, васъ!—съ сердцемъ кидая имъ сачкомъ рыбу, ворчитъ хозяинъ.

Лѣтомъ, когда ловятъ рыбу неводомъ, всѣ съѣзжаются въ большихъ лодкахъ; но въ это время у крестьянъ много полевой работы, и потому они гораздо меньше занимаются этимъ промысломъ. Когда же вечеромъ выпадетъ время, они ловятъ сачками, залѣзая для этого иногда по горло въ воду.

Ма́къ.

Можно-ли не залюбоваться красивымъ цвѣткомъ мака, когда онъ распухнетъ во всей своей красѣ!

Корень мака толстый, и когда вырвете его изъ земли, то увидите, что онъ бѣлый и идетъ вѣточками, — следовательно *вѣтвистый*. Отъ корня вверхъ поднимается зеленый, прямой, круглый стебель, весь усаженный волосками. Листья сидятъ на немъ по очереди, то съ одной, то съ другой стороны, по краямъ они глубоко надрѣзаны, такъ что кажется, будто одинъ и тотъ же листъ состоитъ изъ нѣсколькихъ листиковъ. Сверху листиковъ волоски и жилки, снизу средняя жилка обнаруживается чрезвычайно отчетливо. Пожмите покрѣпче стебель; видите, какой идетъ изъ него бѣловатый, млечный сокъ. Попробуемъ тоже сдѣлать съ листьями, и тутъ такой-же сокъ.

Вотъ нѣсколько кустиковъ мака... Сколько на нихъ большихъ, висящихъ внизу почекъ, точно яйца маленькой птички, только онѣ зеленыя и всѣ покрыты волосками. Нѣкоторыя почки уже нѣсколько раскрылись и виденъ красный или розовый цвѣтокъ, но красивѣе всего цвѣты, которые уже совсѣмъ разцвѣли. Одни изъ нихъ ярко-красныя съ темными пятнами, другіе блѣдно-розовыя съ блѣленькими краями, а тамъ и совсѣмъ бѣлыя, развѣ съ легкимъ фіолетовымъ оттѣнкомъ. А вонъ куртинки, гдѣ цвѣтокъ мака совсѣмъ отцвѣлъ и уже висятъ зрѣлыя головки: пойдѣмъ и потрясемъ себѣ маку.

Оборвите осторожно зеленое покрывало почки: смотрите, какой въ немъ скомканный цвѣтокъ! Ничего, — онъ отлично расправится, когда начнетъ распускаться. Вотъ эти два зеленыя листика, которыми обтянутъ цвѣтокъ, называются *чашечкою*. Но куда же дѣвалась эта *чашечка* у расцвѣтшаго мака? Солнышко согрѣвало растеніе, а дождь и роса смачивали сухую землю; цвѣтокъ

росъ все больше и больше; скоро ему стала тѣсна и надоѣла его душная темница. Онъ высунулся изъ окошка, сильно потянулъ въ себя нищу изъ земли, окрѣпъ, выпрямился и сбросилъ съ себя послѣднiя цѣпи. *Чашечка* (т. е. два зеленые листика) опала, засохла, а вѣтеръ разметалъ ее по бѣлому свѣту.

Теперь возьмемъ совсѣмъ разцвѣтшiй цвѣтокъ мака и будемъ считать листики цвѣтка: ихъ четыре. Листики въ каждомъ цвѣткѣ, въ отличiе отъ тѣхъ, которые вы видите на вѣтвяхъ и на стволѣ разныхъ растений, называются *лепестками*. Теперь мы знаемъ, что у цвѣтка мака четыре *лепестка*, а всѣ лепестки вмѣстѣ называются *вѣнчикомъ* цвѣтка. Скажите мнѣ, какой вѣнчикъ мака? *Лепестки* мака крупные, сидятъ попарно одинъ противъ другаго, а та пара, что внутри, меньше наружныхъ.

Оборвемъ всѣ четыре лепестка: мы видимъ множество темныхъ нитей, которыя на концѣ немного толще. Эти нити называются *тычинками*, а кончики этихъ тычинокъ, что потолще, — *пыльниками*. Между *тычинками*, въ самой срединѣ, какъ пуговка, сидитъ *пестикъ*. Видите-ли: сверху *пестика* точно звѣздочка; эта часть пестика называется *рыльцемъ*. Если сосчитаемъ черные лучи звѣздочки и потомъ срѣжемъ все рыльце, мы найдемъ внутри столько перегородокъ, сколько насчитали лучей.

Когда цвѣтокъ отцвѣтетъ, т. е. когда лепестки и тычинки отпадутъ, пестикъ мака (та часть, которая сидѣла между тычинками) начинаетъ все болѣе и болѣе разрастаться, такъ что скоро превращается въ довольно большую головку. Внутри головки находится множество сѣмянъ. Когда эти сѣмена совершенно созрѣютъ, они сами высыпятся черезъ дырочки, находящiяся подъ крышечкою головки.

Какъ не насѣять въ деревнѣ маку! гдѣ его ни бро-

сишь горсти двѣ, вездѣ его выростеть множество, и уже много лѣтъ потомъ онъ самъ сѣется.

Чего только не дѣлаютъ изъ мака! Изъ него можно выжимать масло, печь и жарить на немъ булки, рыбу и разныя печенья въ постные дни. Изъ мака готовятъ молоко и пьютъ его въ постные дни съ чаемъ и кофеемъ, ѣдятъ съ кашей и киселемъ. Макомъ обсыпаютъ булки и крендели. Въ каждой лавкѣ продаются маковники, а это ничто иное, какъ макъ, вареный въ меду. Но дѣтямъ не нужно бросаться на эти маковники: у нихъ отъ меду выступаетъ сынь на тѣлѣ, появляются и другія болѣзни. Какъ ни плохи маковники, они все-таки не такъ вредны, какъ маковый сокъ, что даютъ груднымъ дѣтямъ въ деревняхъ, когда они кричатъ, а родителямъ нѣкогда съ ними возиться. Дитя дѣйствительно успокаивается, засыпаетъ и долго, долго спитъ послѣ этого. Но когда ребенокъ просыпается, то уже не воркуетъ по прежнему, какъ голубокъ, а полуоткрытыми глазками смотритъ вяло, безжизненно, точно онъ еще не совсѣмъ проснулся, плохо ѣсть и скоро опять засыпаетъ. Матери обыкновенно радуются, что ребенокъ такъ долго и спокойно спитъ, но, чѣмъ чаще даютъ ему соску съ маковымъ снадобьемъ, тѣмъ болѣе онъ теряетъ аппетитъ и слабѣетъ; затѣмъ у него пухнетъ головка, страшно худѣетъ все тѣло, а животъ толстѣетъ, и наконецъ онъ засыпаетъ на вѣки. Мать удивляется, отчего умеръ ея ребенокъ въ то время, когда онъ былъ такъ покоенъ; ей не понять, что этотъ покой она купила цѣною его жизни. А если ребенокъ выживаетъ, то и тутъ еще не много радости: онъ въ большинствѣ случаевъ навсегда остается хилымъ, болѣзненнымъ человекомъ.

Есть страны, гдѣ макомъ засѣваютъ огромныя поля. Когда головки еще не совсѣмъ созрѣли, ихъ надрѣзаютъ, и оттуда вытекаетъ молочный сокъ; на воздухѣ сокъ

этотъ твердѣть и называется опиумомъ. Когда больной лежитъ въ страшныхъ страданіяхъ и ни минуты не можетъ спокойно уснуть, опиумъ служитъ благодѣтельнымъ средствомъ, доставляя ему сонъ. Опиумъ даютъ съ большою пользою при очень многихъ болѣзняхъ желудка. Но что помогаетъ больному, то часто отравляетъ здороваго. Въ этой же самой странѣ, гдѣ готовятъ опиумъ, не мало людей, которые пьютъ его и курятъ безъ всякой мѣры. Начинаютъ употреблять его обыкновенно понемногу, но чуть увеличиваютъ порціи, человѣкъ привыкаетъ къ нему, и привычку эту впоследствии невозможно побѣдить. Вы, конечно, спросите: да что же такъ тянетъ человѣка къ этому горькому опиуму? Послѣ его приема человѣкъ на время становится необыкновенно веселъ, забываетъ свое горе, труды и заботы, часто не чувствуетъ страшной болѣзни, которая его мучаетъ. Сначала, со свѣжей головой, онъ чрезвычайно легко все соображаетъ, потомъ засыпаетъ, и его прельщаютъ очаровательные сны. Люди, употребляющіе опиумъ, страшно платятся за нѣсколько минутъ наслажденія! За возбужденнымъ состояніемъ слѣдуетъ полное ослабленіе силъ. Тѣ, которые много лѣтъ принимали опиумъ, возбуждаютъ въ другихъ ужасъ и отвращеніе: ихъ лица искажены постоянными судорогами, глаза ихъ дико бѣгаютъ и сверкаютъ, колѣни трясутся. При этомъ потребитель опиума терлетъ аппетитъ и мало по малу превращается въ скелетъ, и на его до омерзения истощенномъ и исхудаломъ лицѣ трясется каждая жилка.

Земляника.

Земляника, вкусная, красная ягода, имѣетъ чрезвычайно пріятный запахъ, растетъ больше всего на солнечныхъ скатахъ и обрывахъ, но попадаетъ также на рав-

нинахъ, въ сухихъ, свѣтлыхъ лѣсахъ и кустахъ. Весною земляника почти первая ягода, которую можно ѣсть, а лишь только теплые лучи солнца станутъ посильнѣе согрѣвать землю, мы торопимся отвѣдать ее, пока другіе любители не предупредятъ насъ. Землянику не только ѣдятъ весною съ сахаромъ и сливками, но приготовляютъ изъ нея много прекрасныхъ и вкусныхъ кушаній. Прежде всего при этомъ каждый вспомнить варенья, всевозможныя пирожныя и наливки изъ водки. Землянику можно употреблять не только когда она свѣжа, весною, но и въ зимнее время. Для этого ее собираютъ и сушатъ, приготовляютъ вмѣстѣ съ плодами, другими ягодами и сахаромъ компотъ, который даютъ даже слабымъ больнымъ, какъ легкое, вкусное и вмѣстѣ съ тѣмъ здоровое кушанье. Кромѣ того въ деревняхъ сушеную землянику, а иногда и одни высушенные зеленые листики этого растенія, обвариваютъ въ чайникѣ кипяткомъ и пьютъ вмѣсто чая. И въ какомъ бы видѣ ни употребляли землянику—сушеную или свѣжую, или если даже пьютъ чай изъ изъ однихъ ея листиковъ, она всегда распространяетъ чрезвычайно пріятный запахъ.

Наклонившись къ землѣ, чтобы рассмотреть одинъ изъ кустиковъ земляники, мы увидимъ, что, какъ будто прямо изъ земли, выходятъ нѣсколько листьевъ на длинныхъ черешкахъ и длинная цвѣточная ножка. А гдѣ же стебель земляники? Выроемъ кустикъ изъ земли, и мы увидимъ короткій, краснобурый, деревянистый, вросшій въ землю стебелекъ, который внизъ пускаетъ тонкіе корешки, а вверхъ—листья и цвѣточную ножку. Мы вырыли растеніе и хотимъ взять его домой, но какая то зеленая нить съ краснымъ отливомъ тянется по землѣ и мѣшаетъ намъ отдѣлать его. Посмотрите! Она кончается у другаго молоденькаго кустика земляники. Чтобы не порвать нити, осторожно вырвемъ и этотъ кустикъ. Въ немъ всѣ части

мельче, тоньше, потому что растение молодое. Отъ этого молоденькаго кустика опять тянется такая же нить, которая заканчивается, наконецъ, недоразвившимся листикомъ. Оказывается, что все это одна нить, которая лежитъ на землѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пускаетъ вверхъ листья, а внизъ корешки. Эта нить, или, лучше сказать, *надземный побѣгъ* (ихъ также называютъ усами), крѣпокъ, какъ бичева, бываетъ до аршина длины, не поднимается вверхъ отъ земли, а только стелется по ней, и, когда новые кустики, выросшіе отъ этихъ побѣговъ, укрѣпятся, нить, которая связывала два, а иногда и три растенія, сохнетъ и разрывается; тогда каждое растеніе начинаетъ жить совершенно отдѣльно и въ свою очередь пускаетъ усы.

Черешки и лепестки земляники усажены рѣдкими, мягкими волосками. На одномъ черешкѣ сидятъ по три зазубренныхъ листика. Съ изнанки они гораздо свѣтлѣе, чѣмъ съ лицевой стороны; это происходитъ отъ того, что съ изнанки они гуще покрыты волосками, особенно въ жилкахъ. Волоски сидятъ такъ густо, что вся изнанка на ощупь какъ будто атласная. Въ зеленой чашечкѣ цвѣтка листиковъ болѣе обыкновеннаго: ихъ 10, и они по 5 расположены въ кружокъ, одинъ надъ другимъ; поэтому и говорятъ, что у земляники чашечка двойная.

Красивый бѣленькій вѣнчикъ имѣетъ пять круглыхъ лепестковъ. Тычинокъ съ желтыми пыльниками много. Пестиковъ также много, и всѣ плотно скучены и сидятъ на мясистомъ возвышеніи. Лепестки скоро опадаютъ, а чашечка остается.

Съ этого времени мясистое возвышеніе все болѣе разрастается, дѣлается сочнымъ и краснѣетъ. Вотъ это-то и есть ягода: она созрѣла; ее можно уже ѣсть. А что это за крупинки, которыми она усѣяна по поверхности? Это созрѣвшіе пестики (т. е. собственно нижнія ихъ части—

завязи), которыхъ такъ много было скучено на прежде еще маломъ, мясистомъ возвышеніи. Если никто ягоды не съѣсть, она высохнетъ, крупинки упадутъ на землю, и изъ нихъ выростеть новый кустикъ земляники. Вотъ мы теперь и знаемъ, отчего у насъ такъ много земляники: она разрастается и отъ побѣговъ, и отъ сѣмянъ.

Бабуся.

Въ С...кой губерніи, далеко не только отъ желѣзной дороги или какого нибудь уѣзднаго городка, но даже въ сторонѣ отъ почтоваго тракта, въ деревенской глуши, лежитъ деревенька Макаровка, принадлежащая старой помѣщицѣ Александрѣ Николаевнѣ Осиповой. Она и въ прежніе годы не считалась особенно зажиточной, но все же домикъ, въ которомъ живетъ старушка, былъ когда-то выстроенъ на барскую ногу, въ два этажа, украшенъ рѣзьбой и балконами, съ отдѣльной пристройкой для кухни, съ амбарами, владовыми, сараями, расположенными полукругомъ близъ барскаго жилья, съ большимъ скотнымъ дворомъ съ правой стороны, а съ лѣвой—съ хорошенькимъ, тѣнистымъ садикомъ. Но теперь большая часть построекъ запущена, покосилась, а что и совсѣмъ развалилось. Верхній этажъ дома на глухо заколоченъ, и Александра Николаевна ютится лишь въ двухъ небольшихъ комнатахъ нижняго этажа. Но еще лѣтъ десять тому назадъ Макаровка носила совсѣмъ другой характеръ: всѣ постройки тщательно поддерживались, всѣ уголки дома кишѣли жильцами, и лѣтомъ изъ открытыхъ оконъ раздавались звуки фортепіано, хороваго пѣнія, бѣготня, смѣхъ и оживленный говоръ молодежи. То была пора, когда еще живы были дочь Александры Николаевны и двое ея сыновей. Они пріѣзжали со своими товарищами гостить къ

матери на вакаціи, и въ это время къ нимъ наѣзжало много гостей. Сыновья, одинъ за другимъ, кончили курсъ въ военноучебныхъ заведеніяхъ. Во время войны съ турками они были опредѣлены въ дѣйствующую армію, и оба пали въ первой стычкѣ съ непріателемъ, геройски сражаясь съ врагами. Бѣдная мать! Сколько мукъ испытала она, какъ переболѣло у нея сердце при одномъ извѣстіи, что сыновья отправляются на войну, а тутъ вдругъ и роковая вѣсть! Какое тяжкое горе! Они умерли во цвѣтѣ лѣтъ, полные здоровья и силъ, одни на чужой сторонѣ, безъ материнской ласки и послѣдняго поцѣлуя передъ вѣчной разлукой! Ея дочь Катя, тогда уже взрослая, 19-ти лѣтняя дѣвушка, думала, что мать потеряетъ зрѣніе или сойдетъ съ ума отъ слезъ, горя и отчаянія. Всѣ усилія молодой дѣвушки разсѣять мать оказались тщетными, и она стала поддерживать желаніе старушки посѣтить могилу братьевъ на чужой сторонѣ. Катя отлично сознавала всю трудность разыскать ее, но смотрѣла на это путешествіе, какъ на единственное средство хотя нѣсколько развлечь мать въ ея безысходной тоскѣ.

Продавъ часть земли и добрую половину своего имущества, Осиповы, мать и дочь, отправились въ чужіе края. Страстное желаніе поплакать на могилѣ сыновей подкрѣпляло старушку и давало ей силы бороться съ трудностями дальняго путешествія. Утомленная дорогой, онѣ иногда останавливались отдохнуть на нѣсколько дней въ гостиницѣ того или другаго города. Днем онѣ бродили, осматривая его достопримѣчательности и окрестности, а вечеромъ дочь напѣвала матери своимъ задушевнымъ, чистымъ, мелодичнымъ голосомъ любимыя пѣсни братьевъ, которыя теперь такъ дороги были ея матери. Когда онѣ выходили изъ своей комнаты, сосѣди, встрѣчаясь съ ними, часто замѣчали старушкѣ: «Какой симпатичный, сильный и прекрасный голосъ у вашей дочери!

Она со временемъ, вѣроятно, будетъ знаменитой артисткой!» Вѣчно грустная, какъ лунь, сѣдая старушка, сгорбившаяся и постарѣвшая, особенно въ послѣднее время, и, какъ противоположность ей, цвѣтущая молодая дѣвушка, полная участія и предупредительности къ матери, всегда зорко высматривающая, какъ бы устранить отъ нея то или другое затрудненіе, какъ бы поудобнѣе посадить ее, чтобы она не испытала сквозняка или яркихъ солнечныхъ лучей, столь вредныхъ для ея слабыхъ глазъ, укутывающая пледомъ ея ноги, когда холодно, согрѣвающая питье въ своихъ рукахъ, привлекали вниманіе всѣхъ путешествующихъ съ ними, и многіе, обращаясь къ старушкѣ, говорили: «Вы имѣете такой печальный видъ, сударыня, а между тѣмъ вы счастливѣйшая изъ матерей!»

— Да, да, я еще не все потеряла!—думала Александра Николаевна, съ любовью глядя на дочь.—Мнѣ есть еще для кого жить! Я должна все устроить такъ, чтобы развить всѣ способности Кати, чтобы не зарыть въ землю какой нибудь ниспосланный ей Богомъ талантъ.

Александра Николаевна, хотя и не нашла на чужой сторонѣ дорогой для нея могилки, но возвратилась домой нѣсколько успокоенная и съ обновленными силами. Она снова распродала въ родной деревнѣ все, что могла, и поселилась съ дочерью въ столицѣ, чтобы развивать ея музыкальныя способности. Катя дѣлала быстрые успѣхи въ музыкѣ и пѣніи; все сулило ей въ будущемъ не только счастье, но и славу. Наконецъ она съ блестящимъ успѣхомъ окончила свое музыкальное образованіе, и ей предложили уже дебютировать въ оперѣ, но она вдругъ простудилась, схватила сильнѣйшее воспаленіе въ легкихъ и умерла.

Александра Николаевна осталась одна на свѣтѣ, одна какъ персть, безъ родныхъ, безъ друзей. Но пока она перевозила дорогой для нея прахъ, чтобы предать его землѣ

въ родной деревнѣ, пока хоронила дочь, она еще крѣпилась кое-какъ... Но когда послѣ похоронъ она возвратилась въ свой опустѣвшій домъ, силы ее оставили, ноги подкосились, и она грохнулась на землю безъ чувствъ.

Она шесть недѣль пролежала безъ памяти, въ злѣйшей горячкѣ, въ тяжелой борьбѣ между жизнью и смертью. Когда она очнулась, чуть-чуть свѣтало. Она подняла глаза и видитъ: одна баба спитъ на полу у ея ногъ съ маленькой 6-ти лѣтней дѣвочкой, другая дремлетъ сидя, прислонившись головой къ ея постели. Кругомъ стоятъ кувшины съ водой, валяются мокрыя тряпки. Она стала соображать, память быстро возвращалась къ ней, и она вспомнила свои тяжкія утраты... Ей представился съ полною ясностью, съ подробностями до мелочей, весь ужасъ одиночества, ея неприглядная, болѣзненная старость, и она зарыдала съ безысходной тоской.

— Бабуся очнулась! Бабуся очнулась! — вскричала дѣвочка, вскакивая на ноги и принимаясь расталкивать спящую возлѣ нея женщину.

— Ну, слава тебѣ, Господи! — въ одинъ голосъ проговорили обѣ женщины, крестясь и подбѣгая къ постели больной. — Какъ же тебѣ теперь, матушка, полегче ли будетъ? — спрашивала ее то одна, то другая. — Но Александра Николаевна ничего не отвѣчала, судорожно продолжая рыдать.

— Испей-ка ты водицы, болѣзная моя, горемычная. Христось съ тобой, — говорила одна изъ нихъ, взявъ стаканъ съ водою изъ рукъ подбѣжавшей дѣвочки и подавая его больной.

— Зачѣмъ вы меня выходили, зачѣмъ? Для кого мнѣ жить? — проговорила наконецъ Осипова, отпивая глотокъ воды и не будучи еще въ силахъ унять душившія ее рыданія.

— Какъ для кого? Нѣшто только и дѣти, что свои?

Приголубь только, а ихъ, дѣтей-то этихъ, сколько хочешь у тебя наберется...

И такъ какъ Александра Николаевна опять замолчала, женщины, то одна, то другая, начали, мало-по-малу сообщать ей все, что происходило съ самой минуты ея внезапной болѣзни. Когда докторъ былъ призванъ, онъ объявилъ, что у нея горячка и что ее ни на минуту нельзя оставлять безъ сидѣлки. Тогда деревенскія бабы рѣшили, что онѣ, по очереди, по двѣ сразу, будутъ сидѣть подлѣ нея день и ночь. Какъ только ребята объ этомъ прослышали и увидали, какъ за ней ухаживаютъ взрослые, они тоже стали тянуться въ горницу, просили завести очередь и между ними. «Статочное ли дѣло», разсуждала Марина, одна изъ сидѣлокъ, «чтобы ихъ тянуло къ больному человѣку изъ одной жалости! Вѣстимо ребятамъ только не отстать отъ взрослыхъ, во всемъ имъ подражать... А все же, правду говорить надо, ихъ о ту пору много погоняли, то за тѣмъ, то за другимъ, но потомъ не очень стали допускать: докторъ велѣлъ большую чистоту и тишину наблюдать, а они то воду прольютъ, то стулъ опрокинутъ... А вотъ эта дѣвчонка,—покойнаго Прокопа, такъ ее и протурить не за что: сидитъ въ комнатѣ, пошевеливаться боится, еле дышетъ, и такая проворная и ловкая, что подать, сбѣгать куда—въ одну минуту, просто огонь! «Я», говорятъ, «ни днемъ, ни ночью отъ бабуси не отойду»... И такъ съ тѣхъ поръ все и торчитъ здѣсь, тутъ же въ уголку и подремлетъ... Чуть что зашуршало, а у нея, какъ у птицы, точно и сна не бывало, ужъ она на ноги вскочила...

— Какъ тебя зовутъ? — спросила Александра Николаевна, всматриваясь въ лицо смуглой, черноволосой и черноглазой дѣвочки.

— Катя, — отвѣчала та, потушившись, но тотчасъ сконфузилась, шмыгнула въ дверь и выбѣжала изъ комнаты.

— Катя! — думала Александра Николаевна. — И у моей Кати были бы дѣти! Что жъ, буду бабушкой хотя чужимъ!

— И какъ она первая «бабусей» тебя назвала, такъ за ней всѣ ребята и подхватили, — продолжала словоохотливая Марина, не смущаясь молчаніемъ больной. — Идемъ теперь отъ тебя поутру, повстрѣчаешь ребятъ; они сейчасъ остановятъ: «а что бабуся, лучше ей»? Вотъ ты и нажила внучатъ цѣлую деревню! Поди, Катюшка оповѣщать ихъ теперь побѣжала, что ты очнулась... — Она остановилась, прислушиваясь. — Да кто это за дверями-то у насъ шушукается? — И Марина выбѣжала посмотреть. — Смотри-ка, матушка, — смѣясь говорила она, возвращаясь, — полныя сѣни внучатъ твоихъ понашло, да я ихъ выгнала, чтобы они тебя не беспокоили.

— Зачѣмъ гнать, — позови ихъ сюда.

— Ну, смотрите-же вы, босоногая команда, — внушала Марина ребятамъ, чрезъ минуту впуская ихъ въ комнату больной, — не шумѣть у меня!

Дѣти вошли гурьбой и стали молча у притолоки. Александра Николаевна взглянула на нихъ, слегка кивнула имъ головой, но не могла говорить. Дѣти, по знаку Марины, молча, на цыпочкахъ, вышли изъ комнаты.

Съ тѣхъ поръ Александра Николаевна уже ни минуты не могла оставаться безъ дѣтей. Она медленно поправлялась. Проснувшись, а она безпрестанно засыпала послѣ болѣзни, и лежа одна въ постели, она тотчасъ предавалась своимъ горькимъ мыслямъ, и отъ нихъ ее только нѣсколько отвлекалъ немолчный говоръ дѣтей. Уставала ли она, клонило-ли ее ко сну, и она, не стѣсняясь, просила ихъ уйти поскорѣе, оставляя при себѣ одну Катю, которая теперь неотлучно находилась при ней. Къ ней прибѣгали дѣти разнаго возраста: отъ 3 — 4 до 12-ти, 13-ти лѣтъ. Войдя въ комнату, они размѣщались, какъ

попало: на полу, на табуреткахъ, на порогѣ. Они сообщали ей всѣ новости деревенской жизни: «вечоръ Маринина свинья», рассказывали они, «опоросилась восемью поросятами съ уродцемъ на придачу, а у Прокопа во дворѣ, за прошлую ночь, сразу двѣ коровы отелились; четверговый градъ попортилъ всѣ всходы, только чудо: полосу Мищенскаго Ивана градъ обошелъ!.. Намедни Михѣичъ дрова рубилъ и руку занозилъ поперекъ всей ладони; Макарьевна ему иголкой занозу тащила и занозу-то вытащила, а конецъ иголки въ ладонѣ остался, такъ руку-то у него теперь, какъ бревно, разнесло...» и т. п. Тѣ же ребята навели старушку на мысль, что и ей нужно подумывать, какъ хозяйство свое вести.

— Бабуся! — сказалъ ей однажды Костя, мальчикъ лѣтъ тринадцати, — что же ты съ своей землей думаешь дѣлать? Если самой хозяйствовать, такъ рабочихъ нанимать время. Вѣдь ужъ травка показалась, и солнышко по лѣтнему пригрѣваетъ...

Старушка молча раздумывала. Участокъ земли, оставшейся теперь у нея, былъ очень не великъ; продать его, — мало дадутъ, и полно, найдется-ли еще покупатель въ такой глуши? Да и гдѣ ей въ городѣ жить одной-одиношенькѣ! Тутъ у нея Катина могила, и ее самую всѣ знаютъ, всѣ любятъ, тутъ она родилась, тутъ должна и умереть!

— Да... очень пора, — произнесла она, наконецъ. — Только какъ хлопотать-то? Ноги еще меня не носятъ... Сегодня на минутку встала, голова закружилась, еле за кровать удержалась...

— Да зачѣмъ тебѣ вставать... Только на селѣ оповѣстить! Сами набиваться будутъ. Вотъ возьми хоть Филиппа изъ Анучина.

— Ишь ты, — замѣтила 10-ти лѣтняя Саша, — Дмитриевна сказывала, — онъ больно зашибать началъ.

— Ну зашибаетъ, такъ его не надо, — возразилъ Костя тономъ взрослога человѣка, — возьмемъ Петра изъ Прилѣпова... Лихой косецъ!

— Петра, такъ Петра, — проговорила старушка, улыбаясь. — А ты у меня, Костя, ужъ старостой будь. Право, такой ты разсудительный да разумный! Не даромъ послѣ отца первый работникъ въ семьѣ. Ну, а какую же должность дать Сашѣ, — шутила она. — Главной скотницы, что-ли? Катя, а ты же чѣмъ у меня будешь?

— Экономкой! — вскричали всѣ дѣти въ голосъ. — Вишь, какъ банный листъ къ тебѣ прилипла, не отстаешь ни на шагъ, — говорилъ Костя.

— Что-же дѣтушки, не оставляйте своей горемычной бабуси! Нѣтъ никого у меня кромѣ васъ... Вы для меня, а я для васъ.

Дѣти съ каждымъ днемъ все болѣе привязывались къ «бабусѣ», за которой теперь окончательно утвердилось это прозвище. Тѣ, которые еще не заняты были никакой работой, приходили къ ней безпрестанно и по нѣскольку часовъ кряду просиживали у нея; старшія дѣти, возвращаясь съ работъ, забѣгали къ ней каждый день, хотя на время. Они непринужденно болтали съ ней, и имъ особенно нравилось то, что бабуся могла разъяснить имъ многіе вопросы, на которые они ни отъ кого въ деревнѣ не могли получить отвѣта. Мало по малу старушкѣ становилось лучше, и она начала имъ читать вслухъ книги, которыхъ такъ много осталось у нея отъ ея дѣтей. По окончаніи разсказа всѣ высказывали свое мнѣніе, приводили въ примѣръ множество событій изъ собственной жизни или изъ своихъ наблюденій, подходящихъ къ прочитанному случаю, требовали ея объясненій, какъ человѣка болѣе ихъ опытнаго и знающаго. Ея просьбу не оставлять ее дѣти приняли совершенно серьезно. «Можно ли ее бросить? Какъ ей одной хозяйствовать? Старая,

больная, горемычная, къ тому же и прежде мало смыслила въ хозяйствѣ, а теперь трудно-ли ее обидѣть», — думалъ почти каждый изъ нихъ и смотрѣлъ на себя, какъ на естественнаго покровителя, защитника и совѣтника доброй бабуся.

Осипова начала уже помаленьку вставать съ постели, но была еще слишкомъ слаба, чтобы выходить изъ своей комнаты.

— Что это, бабуся, на тебѣ сегодня лица нѣтъ? Хуже тебѣ, что-ли? — спрашивали ее дѣти, когда однажды по обыкновенію собрались къ ней и увидали ее прохаживающеюся по комнатѣ.

— Голова что-то болить...

— А потому, что ты все въ горницѣ сидишь, — наставительно замѣтилъ Костя. — Когда голова болить, даже зимой, лучше нѣтъ — одѣться потеплѣй, да выйти по морозцу безъ шапки.

— Хорошо тоже, — совѣтовала Саша, — мороженую гюкву въ уши положить. — У моей тетки отъ зимы ея много осталось... Хочешь въ минуту за ней сбѣгаю?

— Все это прекрасно, дѣтушки, отъ угара или отъ внезапной простуды... А моя болѣзнь отъ горя, дряхлости и слабости! Нѣтъ, ужъ лучше я на воздухъ выйду, — только все еще ноги не слушаются...

— Бабуся, дай ручку, я тебя поведу, — подбѣгая къ ней, предложила маленькая Катя.

— Ну, вы, мелкота, куда вамъ! — важно произнесъ Ксестя, выступая впередъ. — Ты, бабуся, обопришь на мое плечо: это понадежнѣе будетъ, — и онъ подставилъ старушкѣ свое плечо. — А вы, — сказалъ онъ дѣтямъ, — кресло да подушку несите.

И такъ, кто чѣмъ, помогая больной, дѣти повели ее на дворъ, усадили въ кресло и опять окружили ее. Въ эту минуту по двору проходилъ высокій, сухощавый,

сгорбленный, незнакомый старикъ, съ жидкой сѣдой бородой, съ добрыми, умными сѣрыми глазами, добродушно выглядывавшими изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей; слѣдомъ за нимъ шелъ огромный дворовый рыжій пестъ. Незнакомый человѣкъ подошелъ къ старушкѣ, почтительно снялъ шапку, поклонился въ поясъ и молча остановился передъ ней.

— Откуда ты, старикъ, къ кому и зачѣмъ идешь?

— Издалека, сударыня, изъ деревни Маѣвки, версты сорокъ отсюда будетъ. Прослышалъ я, сударыня, что рабочихъ ищете, такъ я пришелъ къ вашей милости спросить, не возьмете-ли меня къ себѣ?

— Да развѣ ты косить еще можешь!

— Какъ настоящій работникъ не могу: грѣха на душу брать не буду... Да и откуда ее силу-то взять, когда седьмой десятокъ почитай пошелъ.

— Какъ же быть то, старикъ, вѣдь мнѣ настоящіе работники нужны...

— Я у вашей милости хотѣлъ наняться не на одно лѣто, а на круглый годъ, на всю мою жизнь, сколько ее еще осталось... И ужъ какъ бы я поусердствовалъ для вашей милости! Вѣдь сдѣлать-то я все умѣю, и въ домѣ, и что надо вокругъ: заборъ ли починить, построечку ли простенькую поставить... И въ плотничьей работѣ смыслю, и въ печникахъ бывалъ... Только долго косить либо канавы копать старая спина мѣшаетъ. А то все, что могу, отъ всей души готовъ, и сидѣть сложа руки по сіе время не привыкъ. Все бы я съ полной охотой, безъ всякаго жалованья, только за одежду да изъ за куска хлѣба, а также, чтобы, когда время придетъ, по христіански въ могилку уложили. Эхъ... эхъ... эхъ... — горько прибавилъ онъ, помолчавъ и не дождавшись отвѣта Осиповой.— Долюшка ты моя горегорькая, жизнь злосчастная! Пока въ силѣ былъ, скажешь бывало: «Петрокъ

изъ Маёвки», и каждый тебя другъ передъ дружкой заманиваетъ, а вотъ выстарѣлъ, надорвался надъ чужой работой, такъ пропадай хоть подъ заборомъ. Никто тебя и знать не хочетъ, не принимаетъ тебя и мать сыра земля!

— Что съ тобой, Катя?—спросила Осипова дѣвочку, которая сидѣла на землѣ у ея ногъ и теперь вдругъ затрепетала вся, какъ осиноый листь, и судорожно начала прижиматься къ ея колѣнамъ.

— Возьми, бабуся, дѣдушку, возьми,—говорила она, рыдая.—Онъ добрый, старенькій такой, куда онъ дѣнется безъ тебя...

Осипова подняла глаза на старика. Его доброе лицо, искреннія, грустныя слова растрогали ее до глубины души.— Не мнѣ тебя гнать, старикъ, оставайся, живи, работай, что подъ силу,

— Что ты, бабуся, ну какой онъ тебѣ работникъ,—совсѣмъ перестарокъ. Ты сама погляди-ка на него хорошенько. Тебѣ прокормить его дороже будетъ того, что онъ сработаетъ,—сказалъ Костя.

— Что дѣлать, дѣтушки! Вотъ и я работать не могу, а какъ заболѣла, вы меня не выбросили, а ночи не спали изъ за меня, работу свою побросали и выходили... Какъ же мнѣ оставить его! Сохрани меня Богъ! Иди... иди-же, старикъ, вонъ въ ту избу, тамъ и жить будешь... Чего-же ты еще ждешь?

— Спасибо тебѣ, матушка, спасибо, родная... Приложу всю мою силушку... Имя твое въ молитвѣ, и вставая, и ложась, вспоминать буду. Только, матушка барыня, есть у меня еще одна просьба... да ужъ такъ то тяжело... языкъ къ гортани прилипааетъ, сказать не могу...

— Не робѣй, дѣдушка! Бабуся — добрая, — вдругъ выкрикнула Катя, вспыхнула и замолчала.

— А... Догадалась, — сказала Осипова. — Вѣрно, внукъ

какой нибудь маленькій или правнучекъ на деревнѣ остался... такъ ты и его съ собой прихватить хочешь... Что-же, я не прочь... веди и его...

— Охъ, болѣзная моя! не внученокъ... Объ этомъ тебя просить все-жъ какъ будто и не такъ зазорно было бы... Нѣтъ, не внученокъ у меня! Ахти мнѣ, бѣда моя, какъ и сказать—не знаю? Ни къ винищу меня не тянетъ, и трубку я давно бросилъ... Вотъ развѣ, когда понюхать требуется... для просвѣтленія.. А то нѣтъ у меня на свѣтѣ души живой, близкой... Вѣдь я солдатъ отставной, да уже срокъ свой давнымъ-давно отслужилъ, и о ту пору вся, какъ есть, у меня родня перемерла..

— Такъ въ чемъ-же дѣло?

— Мыкался я, мыкался по свѣту одинъ одинешенекъ и набрелъ я разъ... прости, сударыня-матушка, грѣхотника окаяннаго... на щенка... Онъ въ этого самаго большушаго пса теперь выросъ,—старикъ указалъ на свою собаку.—Не прогнѣвайся, сударыня, бросить его теперь силушки моей не хватитъ! Смилуйся, оставь его при мнѣ, видитъ Богъ, мы съ нимъ тебѣ заслужимъ.'

— Попомни мое слово, бабуся,—возразила Саша,—у тебя цѣлый кулъ муки въ зиму ему на одну мѣситку выйдетъ. И зачѣмъ тебѣ песь?—сказала она, уже обращаясь къ старику.—Хорошо еще, что самого накормятъ!

— Какъ на что! Ишь ты востроглазая, у тебя поди и сестры, и братья, и думать о смерти еще не приходится! А я умру,—меня на бѣломъ свѣтѣ и пожалѣть некому... Хоть песь на могилѣ повоетъ...

— Что дѣлать!—сказала вставая Александра Николаевна.—Если ужъ онъ всю жизнь съ тобою прожилъ, жалко мнѣ васъ разлучать. Ладно, доживайте вмѣстѣ свой вѣкъ у меня.—Старушка должна была уйти въ свою комнату и улечься въ постель; воздухъ на первыхъ порахъ сильно на нее подѣйствовалъ, и она была утомлена.

Она просила подать въ постель себѣ чаю; дѣти собрались было уходить и начали прощаться.

— Что вы, что вы?—со страхомъ заговорила старушка,—куда это вы собрались? вмѣстѣ время проводили, вмѣстѣ и чай будемъ пить!—И она приказала своей кухаркѣ налить чаю всѣмъ дѣтямъ.

— Ахъ, бабуся, бабуся!—укоризненно сказалъ Костя, покачивая головой. Онъ сидѣлъ на порогѣ, прихлебывалъ изъ блюдечка чай и бережно откусывалъ по крошечному кусочку сахару; его стаканъ тутъ же на порогѣ стоялъ подлѣ него.—Какъ посмотрю я на тебя, пропадешь ты совсѣмъ за свою доброту...

— Полно тебѣ, Костя, мнѣ все высчитывать да выписывать...

— Подумай сама,—зачѣмъ намъ къ этому пріучаться? Это я на счетъ чая тебѣ говорю... Одно баловство! Тебѣ—другое дѣло? Тебѣ о самой себѣ подумать надо: много-ли теперь у тебя добра-то осталось?

— Не хватить, такъ другое дѣло: сама не буду пить, и вы не будете... На нѣтъ и суда нѣтъ! А ты, Катюша,—обратилась она къ маленькой Катѣ,—что ты такъ умильно на меня посматриваешь? Довольна ты, что дѣдушка останется жить у насъ? Или ты что-нибудь другое собираешься мнѣ сказать?

Но Катя, вмѣсто отвѣта, продолжала теребить ее за рукавъ. Наконецъ ей удалось приподняться на цыпочкахъ до самой подушки.—Дай ты мнѣ въ накладку, хоть полчашечки, попробовать, какъ ты сама иногда пьешь,—прошептала она ей на ухо.—Только ты Костѣ не сказывай: онъ заругаетъ.—Но какъ тихо ни говорила дѣвочка, всѣ дѣти ее разслышали и расхохотались; разсмѣялась и старушка.

— Хорошо, Катя, хорошо, пей въ накладку.

— Ахъ ты, попрошайка,—не удержался Костя.

— Экій ты строгій, Костя... Развѣ не знаешь, что старый да малый всегда сладенькое любить!

Но въ эту минуту съ шумомъ вбѣжала старая, престарая старуха, вся закутанная въ какія-то лохмотья. Она бросилась на колѣни передъ Осиповой и принялась голосить, — только такъ можно было назвать все, что она говорила съ какими-то выкриками, воемъ и плачемъ. Въ ея рѣчи звучала и мольба, и отчаяніе, и угроза, попрошайство и зависть къ каждому человѣку, хотя нѣсколько лучше ея пристроенному. — Петрока изъ Маёвокъ взяла, такъ бери и меня! Онъ старъ, и я не молоденькая. Все же его дѣло мужское: ему полегче пристроиться. А мнѣ теперь куда? Возьми, барынька, возьми къ себѣ голу-бушка... Ты бобылка, и я бобылка; у тебя ни роду, ни племени, — и у меня тоже... Ты Петрока-то съ собакой взяла, — я не больше собаки у тебя съѣмъ... Да и какъ-же ты человѣка прогонишь, когда собакъ къ себѣ набираешь! Возьми, родненькая, — тебѣ это на томъ свѣтѣ зачтется! Ужъ какая я мастерица за пчелами приглядывать! У тебя теперь шесть колодъ пчель, на будущій годъ ей-ей двѣнадцать будетъ, если меня возьмешь... Мнѣ и копѣчки не надо, — значить, я къ тебѣ и безъ денегъ, изъ за куска поступаю. Развѣ когда трешницу подаришь на свѣчку къ образу, или вотъ чайку пожалуешь старое горло промочить... Пострѣлятамъ же этимъ даешь, — а чѣмъ я хуже ихъ? А когда обносокъ какой подаришь, такъ я и въ ножки тебѣ поклонюсь... Все заслужу я и за птицей могу присмотрѣть... Да мнѣ куда-же дѣваться, если не къ тебѣ? Я отъ тебя не уйду, — такъ у твоего крылечка и поколѣю. Хорошо тебѣ старой будетъ грѣхъ такой на душу брать? Ну гони, попробуй гнать, не уйду... Подумай сама, много ли мнѣ нужно ѣдвы-то этой?...

— Боже ты мой, — заметалась съ безпокойствомъ въ

постели Александра Николаевна, — какъ мнѣ тебя оставить! Вѣдь ты у меня со всѣми перессоришься! Совсѣмъ неуживчивая, сейчасъ вижу.

— А ты не бойся! зачѣмъ бояться, — успокоивала ее старуха, точно дѣло шло о третьемъ лицѣ. — Кормить будешь каждый день, такъ и неуживчивость мою какъ рукой сниметь...

— Да знаетъ ли кто ее здѣсь? Дѣти, кто она такая?

— Знать-то ее всѣ знаютъ, — Прасковья Митьковская... Сварливая она баба, больно сварливая, такъ здѣсь и слыветъ, — замѣтилъ Костя.

— И завидушая, — прибавила Саша. — Какъ что у кого увидить, такъ и ей подавай... А то ни въ чемъ дурномъ не замѣчена.

— Нечего сказать, много въ этомъ хорошаго, — перебилъ Костя, — не работой добудеть себѣ, а приставаньемъ либо попрошайствомъ. Ее съ Петрокомъ и сравнивать нельзя: она въ хозяйствѣ ни въ чемъ для тебя не пригодится, только ѣсть хлѣбъ даромъ будетъ, да еще ворчать за это. Ея дѣло извѣстно: то на одной печкѣ поваляется да поохаетъ, то на другой...

— Ахъ вы, пострѣлята!...

— Ну, Прасковья, — пока оставайся, но помни, только на пробу... Если ты будешь ссориться у меня съ рабочими, — какъ знаешь, я держать тебя не буду.

— Ахъ ты, яшенька моя! Дай тебѣ Господи! Милостивая ты моя, — смилуйся ужъ ты и теперь, дай для первоначалу горло-то промочить старой хрычевкѣ.

Александра Николаевна невольно размѣялась. Прасковья налили чаю.

— Ну, бабуся, набрала рабочихъ, нечего говорить, настоящая богадѣльня! — говорилъ Костя послѣ ухода сварливой старухи.

— Вѣдь и звѣрь хищный, — съ неудовольствіемъ за-

мѣтила бабуся, — о пропитаніи своемъ хлопочеть, но подумай самъ, какое-же у него будетъ отличіе отъ чело-вѣка? И что ты такъ изъ за меня убиваешься: готовъ каждаго на улицу выбросить, лишь бы только мнѣ было хорошо...

Костя дѣйствительно слишкомъ мрачно смотрѣлъ на хозяйство Осиповой. Не богата она была, очень не богата, и доходы съ крошечнаго ея хозяйства сами по себѣ были очень не велики; къ тому же она не была въ состояніи отказать ни одному бѣдняку. Но и то надо замѣтить, — бабуся была очень не требовательна: есть у нея платице ситцевое, пища незатѣйливая, деревенская, съ нея и до-вольно, и деньги нужны были ей развѣ на жалованье рабочимъ, на чай да сахаръ и еще на нѣсколько мелочей.

И хозяйство ея пошло вовсе не дурно: правда, поло-вина ея рабочихъ состояла изъ людей старыхъ и увѣч-ныхъ, которые приходили къ ней потому, что ихъ уже къ себѣ никто не бралъ; но всѣ, какъ молодые, такъ и старые, относились къ своимъ обязанностямъ чрезвычайно добросовѣстно: одни потому, что сами были люди рабо-тящіе и искренно любившіе и уважавшіе старушку, кото-рой всѣ въ околоткѣ были чѣмъ нибудь обязаны, за другими былъ зоркій надзоръ. Ребята отлично знали, кто сколько можетъ и долженъ сработать, и не давали въ обиду своей милой бабуси. Рабочій, раньше срока окон-чившій свою работу, лѣнливо или нерадиво относящійся къ ней, хорошо зналъ, что ребята пустятъ про него дур-ную молву по деревнѣ и своими насмѣшками и остротами будутъ вѣчно донимать его, да и старики въ глаза при всѣхъ корить станутъ, что у бабуси грѣхъ не работать. На одну только старуху Прасковью не дѣйствовали ни насмѣшки дѣтей, ни уговоры взрослыхъ, ни увѣщанія Александры Николаевны. Она скоро поняла безконечно добрый и мягкій характеръ Осиповой, и ея слова, что

она оставляетъ ее у себя только на пробу, она приняла, какъ угрозу, не имѣющую никакого значенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего водворенія она распоряжалась въ людской, какъ настоящая хозяйка. Хотя она очень часто хворала и совершенно не могла выполнять маломальски тяжелой работы, но, будучи здоровой, сложа руки сидѣть не любила: то птицъ кормила, то свиней выгоняла въ поле, то подметала хату. Но сварливый нравъ ея не измѣнился и теперь, хотя она была сыта и одѣта. Молодые парни потѣшались надъ ея ворвотней и, когда заставляли ее въ минуты бранчливаго азарта. пускали въ ходъ всѣ свои остроты, такъ что стекла хаты дребезжали отъ хохота, и Прасковья волей-неволей смолкала. За то весь потокъ бранчливаго краснорѣчія она цѣликомъ выливала на кроткаго, безобиднаго Петрока. Что бы онъ ни дѣлалъ въ ея присутствіи, особенно если никого не было въ избѣ, она ко всему придиралась. Онъ не отвѣчалъ на брань и этимъ еще болѣе поджигалъ и раздражалъ неугомонную, расходившуюся старуху. Онъ сидитъ и обтачиваетъ колышки. стружки летятъ на полъ.

— Для того ли я вымела избу? Пошелъ вонъ, не смѣй здѣсь сорить...

Петрокъ, не говоря дурнаго слова, пересаживается въ другой конецъ избы.

— Еще что выдумалъ, — въ красный уголь усѣлся! Эка персона! Убирайся прочь, — столъ засоришь..

Петрокъ пересаживался на порогъ.

— Вотъ новости, — проходъ загородилъ... Вотъ тебѣ всѣ твои палки, — и палки летѣли, куда попало, а она, что было силы, толкала старика метлой. Тогда его вѣрный песъ, который ни на минуту не отлучался отъ него и уже при первомъ крикѣ старухи оскаливалъ зубы, теперь съ остервененіемъ бросался на нее.

— А! Вотъ что задумалъ! Собаку натравливать! Жа-

ловаться побѣгу... Бабуся все расскажу... Ты ея любимчикъ... Не бойсья... А вотъ я до становаго жалобу-то доведу,—погоди у меня...—И она, швыряя то въ собаку, то въ старика, чѣмъ попало, бѣжала въ горницу.

— Собака меня съѣла... собака... въ волость иду, жалобу подавать... становаму жалиться буду.

— Какъ же ты прибѣжала, — хохотали дѣти, сидя у бабуся, — если она тебя съѣла?

— Руку отъѣла. Цѣлый фунтъ мяса изъ руки выѣла... Защиты здѣсь не найду, вотъ тебѣ крестъ дѣло дальше поведу... Это грѣхъ тебѣ, сударыня, тяжкій грѣхъ... Петрока такъ распустила, что онъ собаку на меня натравливаетъ...

— А вотъ и неправда, — вскричала Катя, — я сама видѣла, какъ ты дѣдушку метлой колотила, а онъ все молчалъ, все молчалъ... Собака сама на тебя бросилась...

— Поди ты вонъ отъ меня, Прасковья, — съ сердцемъ возразила бабуся. — Вѣчно ты съ жалобами! Знаю я, какъ Петрокъ на тебя собакъ натравливаетъ! Экая сварливая старуха!

— Да, я все виновата, а Петрокъ у васъ всегда хорошъ! — Она начала всхлипывать, утирая глаза рукавомъ своей объемистой кацавейки, и причитала въ голосъ, подбирая все, что ей приходило въ голову. — Говорять, бабуся добрая, жалостливая... Больныхъ лечить, бѣдныхъ одѣляетъ, а мнѣ что? На меня собаку натравили, исполосовали въ кровь вдоль и поперегъ, да такъ тебѣ и надо, старая хрычевка, тебя некому жалѣть...

— Хорошо, хорошо, покажи свои раны, я тебя полѣчу, пожалѣю, — улыбаясь уговаривала ее бабуся, какъ малаго ребенка.

Между многими смѣшными чертами характера Прасковьи самая уморительная была ея страсть къ лѣченью. — Здорова она или больна, каждый день чѣмъ нибудь ма-

заться, что nibудь пить, хотя бы чистую воду, лишь бы только изъ маленькаго аптечнаго пузырька и подь условіемъ, чтобы ей называли лекарство мудренымъ названіемъ. которое она тотчасъ переверкивала, — было для нея верхомъ блаженства.

— Правда, правда, таки царипнула тебя собака... еле сдерживая улыбку, говорила бабуса, хотя вмѣсто фунта выѣденнаго на рукѣ мяса, оказывалась лишь самая ничтожная царипина. Но чтобы поскорѣе покончить съ нею, объ этомъ уже не входили въ пререканія.

— Я же вамъ говорю, а вы все не вѣрите... Это еще что! Проклятый песь чуть меня не задушилъ, дышать теперь не могу...

Бабуса вынимала изъ шкафа примочку, отливала ее въ пузырекъ и объясняла, какъ слѣдуетъ ее употреблять. Прасковья тотчасъ успокивалась.

— Сердечная моя... ты мнѣ уже вечеркомъ чайку пришли или чего nibудь тамъ тепленькаго, чтобы отдышаться... А то изъ за пса проклятущаго продохнуть не могу... Такъ сюда и подкатываетъ... И она показывала своей дрожащей, костлявой рукой то на грудь, то на горло.

— Хорошо, хорошо, только Бога ради не жалуйся, — было ей отвѣтомъ, и Прасковья уходила, совершенно успокоенная и примиренная съ жизнью.

За то Петрокъ не только не доставлялъ никакихъ хлопотъ, но пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ и поражалъ всѣхъ своимъ необычайнымъ трудолюбіемъ. Онъ только во время покосовъ не могъ поспорить ловкостью и силою съ молодыми косцами, но за то въ остальныхъ работахъ превосходилъ всѣхъ мѣстныхъ рабочихъ; къ тому же не было дѣла, о которомъ бы онъ не имѣлъ понятія. Трудно было сказать, когда онъ отдыхалъ: онъ вставалъ раньше всѣхъ, ложился позже дру-

гихъ, не отдыхалъ даже въ полдень, когда для отдыха возвращались съ полевыхъ работъ. Въ такое время онъ обходилъ постройки, садъ: тамъ сдѣлаеть подпорку къ расшатавшейся балкѣ, здѣсь укрѣпить половицу, гдѣ срѣжетъ сломанную вѣтромъ вѣтку, или разбиваетъ куртнки, подчищаетъ дорожки. Онъ оказался прекраснымъ садовникомъ: замѣтивъ, что лучшее удовольствіе Александры Николаевны ходить на могилу ея дочери и сажать на ней цвѣты, онъ въ праздничное время обнесъ ее затѣйливой оградой, обсадилъ кругомъ акаціей и вьющимися растеніями, разбилъ на могилѣ цвѣтникъ и все это дѣлалъ съ большимъ вкусомъ и толкомъ.

— Зачѣмъ ты наклепалъ на себя, Петрокъ, что не можешь работать наравнѣ съ настоящими рабочими, — замѣтила ему какъ-то бабуся. Ты работаешь у меня даже больше другихъ и будешь получать настоящее жалованье. Считаю меня у себя въ долгу съ перваго дня своего вступленія...

— Нѣтъ, сударыня, денегъ брать отъ васъ я не могу... Самъ чувствую, скоро совсѣмъ потеряю силу... За что же вы тогда кормить меня будете? Пусть денежки, что вы мнѣ предназначили, у васъ остаются на то время, когда я задаромъ за печкой только хлѣбъ жевать буду, да вотъ еще когда хоронить придется...

Лучшимъ удовольствіемъ для Петрока было, когда бабуся звала его къ себѣ въ праздникъ въ комнату, и онъ садился среди дѣтей, слушалъ ихъ чтеніе и самъ читалъ вслухъ, такъ какъ онъ былъ грамотный, а затѣмъ онъ начиналъ свои безконечные рассказы о походахъ, о жизни на югѣ, гдѣ онъ провелъ много лѣтъ, о разныхъ случаяхъ изъ своего прошлаго, обильнаго приключеніями.

Такъ бабуся мирно поживала съ своими ребятами; крѣпко привязались они другъ къ другу. Только однажды,

да и то не надолго, ихъ мирная жизнь была нѣсколько нарушена самымъ неожиданнымъ образомъ. Бабуся послала Костю верхомъ на лошади на постоянный дворъ, находящійся верстахъ въ пятнадцать отъ ея деревни, купить бѣлой муки для предстоящаго праздника Рождества. Вдругъ Костя, гораздо раньше срока, пронесся мимо оконъ, привязалъ лошадь наскоро у забора, вбѣжалъ въ комнату весь блѣдный и растрепанный и съ плачемъ повалился въ ноги старушкѣ.

— Что съ тобою?—закричали въ испугѣ дѣти и бабуся. Всѣ знали Костю за парня нетрусливаго и далеко не слезливаго и подумали, что надъ нимъ стряслась какая нибудь большая бѣда.

— Бабуся! Бабуся! Не поѣзжай съ ней! Мы не пустимъ тебя!—болталъ онъ, не помня себя отъ горя, и горячія слезы падали ему на грудь и руки.

— Я ничего не понимаю, что такое?

— На постояломъ какая-то барыня лошадей кормить, скоро сюда будетъ... Она спрашивала о тебѣ... Сказала, что за тобой ѣдетъ, тебя къ себѣ возьметъ, потому что тебя здѣсь будто некому и похоронить... А мы то зачѣмъ? Не уѣзжай, бабуся, не оставляй насъ...

— Такъ ты оттого такъ и перепугался? Ахъ, глупенькій, глупенькій,—ни къ кому я не поѣду! Нѣтъ никого у меня ближе васъ!—И Александра Николаевна вспомнила свою дальнюю родственницу, которую она когда-то хорошо знала за особу, очень безцеремонную и падкую до наслѣдствъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ та написала ей очень трогательное письмо, въ которомъ просила ее пріѣхать въ Москву, переселиться къ ней навсегда, давала самыя торжественныя клятвы покоить ея старость, утѣшать въ одиночествѣ, съ честью похоронить и оплакать, когда придетъ время. Александра Николаевна ничего не отвѣчала на это чувствительное посланіе, и

родственница, вѣроятно, нашла болѣе удобнымъ повидать ее лично, подѣйствовать на нее словомъ. Осипова на первыхъ же порахъ высказала ей, что никогда не оставитъ Макаровки, и при ней продолжала вести ту-же скромную, незатѣйливую жизнь среди дѣтей, къ которымъ она была привязана всей душой. Чувствительная родственница изумлялась ея времяпрепровожденію, косо и брезгливо поглядывала на ребятъ, державшихъ себя въ домѣ полными хозяевами, и безцеремонно высказала въ глаза доброй старушкѣ, что среди грубой обстановки она сама «опустилась», повторяя это выраженіе съ голоса помѣщиковъ, которые были не довольны приѣмами бабуся. Осипова была слишкомъ не богата, чтобы задавать угощенія своимъ сосѣдямъ, которые прежде навѣщали ее: всѣ ея средства, за удовлетвореніемъ необходимыхъ нуждъ, уходили на книги дѣтямъ и на вспомошествованія старымъ, больнымъ и увѣчнымъ. Къ тому же, съ теченіемъ времени, она все болѣе и болѣе теряла способность занимать гостей. За то какъ привязаны были къ ней деревенскіе дѣтишки! И было за что! Она не только съ ними болтала, читала и попивала чаекъ... Когда она совершенно оправилась отъ своей тяжелой болѣзни, она начала учить ихъ грамотѣ. Поступалъ кто-нибудь изъ нихъ въ школу, и тутъ она не упускала его изъ виду: хорошо идетъ, — она старается опредѣлить его въ учебное заведеніе повыше, хлопочетъ, пишетъ старымъ знакомымъ, снабжаетъ мальчика, если есть какая нибудь возможность, деньгами на путешествіе, съ менѣе способнымъ сама занимается въ праздничное время, когда онъ приходитъ домой. И теперь еще жива и все также любима старая, добрая бабуся.

Г о р о х ъ .

Дѣти стоятъ между грядками гороха, но ихъ совсѣмъ не видно изъ-за его зелени. Но зачѣмъ-же для гороха дѣлають загородки изъ тонкихъ деревянныхъ колышковъ? А вотъ посмотрите, какой у гороха стебель: онъ хотя и толстый, но слабый,—не можетъ держаться самъ собою, вотъ потому-то ему и нужна опора. Попробуйте вынуть нѣсколько колышковъ: стебли гороха такъ и полягутъ другъ на друга.

Въ горохѣ каждая вѣточка оканчивается усамн, которыми она прицѣпляется за сосѣдніе стебли; стебли въ свою очередь обвиваются другъ около друга, перепутываются и въ скоромъ времени собьются въ кучу. Чтобы этого не случилось, и ставятъ деревянные колышки: усы обвиваются вокругъ нихъ, и все растеніе держится прямо. На вѣточкахъ, которыя оканчиваются усамн, сидятъ попарно листики.

Смотрите: они окружены ровными, но зазубренными краями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ стебля отдѣляются вѣточки, сидятъ еще по 2 листа, совершенно особенной формы: оба они кругомъ обхватываютъ стебель, гораздо больше тѣхъ листьевъ, которые висятъ на вѣточкѣ, и края ихъ кнзу зазубрены. А какой странный цвѣтокъ у гороха! Впрочемъ, чашечка у него весьма обыкновенная: она состоитъ изъ 5-ти, до половины сросшихся зеленыхъ листиковъ, свободные края которыхъ оканчиваются тонкими остріями. Но за то какъ не похожи другъ на друга и какъ неравны между собою четыре лепестка вѣнчика! За зеленой чашечкой слѣдуетъ первый и самый большой лепестокъ, который снаружи обхватываетъ остальные; къ низу онъ оканчивается коротенькимъ ноготкомъ. За нимъ слѣдуютъ два лепестка, сидящіе другъ противъ друга; они совершенно закрываютъ внутренній лепестокъ,

который похожъ на лодочку. Гдѣ же тычинки и пестикъ? Ихъ не видно; но стоитъ только отвернуть эту лодочку, и они тотчасъ выглянуть изъ нея. Чтобы хорошенько рассмотреть ихъ, надо совершенно оборвать лепестки; тогда мы увидимъ, что тычинокъ много, и всѣ онѣ, кромѣ одной, которая совершенно свободна и отдѣлена отъ другихъ, внизу срослись въ довольно высокую стѣнку; она окружаетъ пестикъ и только съ одной стороны остается щель, но и та прикрывается свободной тычинкой. Сверху этой стѣнки торчатъ тоненькія ниточки, на которыхъ замѣтны желтые пыльники. Изъ середины тычинокъ возвышается мохнатая головка пестика, а завязь его скрывается за стѣнкою. Она постепенно разрастается, и скоро въ ней уже можно замѣтить темныя точки: это будущія горошины. — Мало по малу вѣнчикъ и рыльце пестика отсыхаетъ, тычинки опадаютъ, завязь еще болѣе разрастается, — и наконецъ стручекъ гороха готовъ. Развернувъ стручекъ по одному изъ двухъ его швовъ, мы увидимъ, что горошины сидятъ попеременно по обѣимъ сторонамъ на маленькихъ зеленыхъ шнурочкахъ.

Горохъ въ деревняхъ сѣютъ на поляхъ. Когда онъ поспѣлъ, его скашиваютъ и развѣшиваютъ на рогаткахъ и вбитыхъ въ землю кольяхъ. Повисить онъ такъ на солнышкѣ, его перевернуть на другую сторону, чтобы ровнѣе просушить. Но вотъ онъ совсѣмъ пожелтѣлъ и высохъ; тогда его везутъ на гумно и молотятъ. Засохшій стебель — самый лучшій кормъ для скота. Крестьянинъ мѣритъ горохъ четвериками, разсыпаетъ его по кулямъ и везетъ на мельницу.

Много кушаньевъ дѣлаютъ крестьяне изъ гороховой муки: изъ нея и лепешки пекутъ, и кисель варятъ, и похлебку приготавливаютъ.

Картофель.

Вотъ кушанье, которое, въ томъ или другомъ видѣ, можно видѣть за столомъ богача и самаго бѣднаго человека. Его рѣжутъ ломтиками, а если картофелины малы, ихъ и цѣлыми жарятъ въ коровьемъ, коноплянномъ, подсолнечномъ, миндальномъ маслѣ и подаютъ къ жаркому. Его также варятъ въ водѣ, дѣлаютъ изъ него винигреть, салатъ, а то и просто ѣдятъ съ масломъ или только съ солью, а крестьяне особенно любятъ печь его въ золѣ. Вообще изъ него готовятъ столько разныхъ кушаньевъ, что и не перечесть: кто что съумѣетъ выдумать, тотъ то и дѣлаетъ, каждый по своему вкусу. Не смотря на то, многіе-ли знаютъ, что такое картофель, какъ онъ растетъ? Многіе-ли внимательно разглядѣли его стебель, цвѣты, самую картофелину, которую ѣдятъ ежедневно? Случалось-ли вамъ подумать, какъ его сѣютъ, какую готовятъ для него почву, какъ выкапываютъ его въ деревняхъ?

Рано, рано весною, передъ Николой, т. е. въ первыхъ числахъ мая, крестьяне начинаютъ заготовлять поле подъ картофель; готовится оно точно такъ же, какъ и подъ зерновой хлѣбъ. Прежде всего сохой разрыхляютъ землю, дѣлаютъ ее мягче, однимъ словомъ вспашутъ. Но послѣ этого нельзя еще прямо бросать навозъ, потому что въ узкія борозды земли, проведенныя сохой, попадетъ больше навоза, чѣмъ въ ея грядки; для этого и нужно прежде разровнять землю, слѣдовательно взборонить ее. Послѣ этого въ деревняхъ наступаетъ такая горячая рабочая пора, что всѣ заняты, отъ мала до велика. Каждая семья не можетъ удобрить поле только собственными силами: тутъ сразу нужно много рукъ. Поэтому устраиваютъ сходку, на которой крестьяне сговариваются, у кого прежде начать вывозить навозъ, и кому изъ другихъ деревень

прийти на помощь. На другой день, чуть забрежитъ свѣтъ, много народу, большіе и малые, таъ и валить къ той избѣ, у хозяевъ которой начнется работа. Хозяева съ лопатою и ломомъ идутъ въ хлѣва, выгребаютъ навозъ и накладываютъ на телѣги, въ которыя старшіе ребята уже впрягли лошадей. Лѣтъ пяти мальчикъ еле дышетъ отъ радости, что онъ уже помощникъ, садится въ телѣгу и изо всей силы дергаетъ возжами, чтобы скорѣе пріѣхать въ поле. Тамъ сбрасываютъ навозъ, и уже взрослые парни и дѣвки раскидываютъ его вилами по всему полю. Вотъ пришла обѣденная пора, и всѣ собираются за общій столъ, устраиваемый тѣми, чье поле удобряли. Этотъ обѣдъ бываетъ гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ другіе дни: тутъ собралось много народа, кушаньевъ наготовлено больше обыкновеннаго, и, когда нѣтъ дождя, столы разставляютъ на открытомъ воздухѣ.

Навозъ на поляхъ нужно смѣшать съ землею, потому и *двоятъ* землю, т. е. во второй разъ пахутъ и боронятъ. Наконецъ поле готово. Одинъ мужикъ опять выѣзжаетъ съ сохою, только на этотъ разъ проводятъ борозды гораздо глубже, а за нимъ идетъ другой человекъ; у него спереди привязанъ деревянный четверикъ, изъ котораго онъ бросаетъ картофель въ землю. Когда сохой проведутъ другую грядку, вырытая при этомъ земля совершенно покроетъ картофель, брошенный въ углубленіе первой грядки, и такъ сѣютъ его по всему полю.

Черезъ шесть-семь недѣль послѣ того, какъ его посѣяли, онъ далеко еще не такъ созрѣлъ, чтобы употребить его въ пищу, но стебель его уже высоко поднялся надъ землею и нѣкоторые цвѣты расцвѣли. Теперь возьмемъ лопату и поглубже запустимъ ее въ землю, осторожно выроемъ все растеніе и отряхнемъ его. Отъ нижней части стебля въ разныя стороны расходятся въ землѣ желтовато-блѣднаго цвѣта побѣги, на концѣ которыхъ, а

иногда и по срединѣ, висятъ такого же цвѣта картофелины, употребляемая нами въ пищу. Надземный стебель, зеленого цвѣта, поднимается отъ земли прямо вверхъ; онъ травянистъ (травянистый значить—не очень твердый, въ противоположность деревянистому, какой у кустарниковъ и деревьевъ), шероховатъ, съ ребрышками, или, лучше сказать, угловатъ; длиною онъ бываетъ съ полъ-аршина, а иногда поднимается и немного выше. Какъ стебель, такъ и его листья, усажены мелкими, тонкими волосками. На стеблѣ растутъ вѣточки съ листьями; сидятъ онѣ по очереди: то съ одной стороны стебля, то съ другой. Листья такого-же зеленого цвѣта, какъ и стебель, только нѣсколько темнѣе, края ихъ не зазубрены и сидятъ на вѣткѣ одинъ противъ другаго, парами, но въ концѣ одинъ листикъ лишній. Между крупными, попарно расположенными листьями, часто находимъ нѣсколько мелкихъ листиковъ разной величины.

Въ верхней части стебля, между вѣтвями, сидитъ ножка цвѣтка (цвѣтоножка). Цвѣтоножка эта отличается отъ вѣтки тѣмъ, что не имѣетъ никогда листьевъ, а только цвѣты. Въ картофелѣ цвѣтоножки бываютъ обыкновенно довольно длинны, на срединѣ нѣсколько вздуты и заканчиваются кистью цвѣтовъ. Оторвите одинъ цвѣтокъ и рассмотрите внимательно каждую часть его отдѣльно. Прежде всего съ наружной стороны цвѣтка вы увидите его чашечку. Она зеленого цвѣта, и листики этой чашечки (чашелистики) книзу срослись вмѣстѣ, а кверху раздѣлены. За чашечкой идетъ вѣнчикъ. Лепестки его (лепестками называются листики вѣнчика) не отдѣлены другъ отъ друга, какъ это мы встрѣчаемъ у многихъ растений, а также, какъ и у чашечки, срослись вмѣстѣ въ видѣ колеса, съ пятью углами. Цвѣта они бываютъ и розоваго, и бѣлаго, и фіолетоваго. Отворотивъ вѣнчикъ, мы увидимъ красивый желтый конусъ (въ видѣ

сахарной головы), состоящей изъ пяти сближенныхъ между собою, желтыхъ палочекъ; каждая изъ нихъ сидитъ на коротенькой нити. Палочка съ нитью называется *тычинкой*, а одна желтая палочка — *пыльникомъ*. Обратите вниманіе на этотъ желтый конусъ: у другихъ растений вы не найдете такихъ большихъ пыльниковъ. Изъ середины желтаго конуса выступаетъ пестикъ. Оборвемъ тычинки и увидимъ, что пестикъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: нижней, утолщенной, которая называется *завязью*, длиннаго *столбика* и наверху его зеленоватаго цвѣта *рыльца*. Когда пыльники созрѣютъ, находящаяся въ нихъ цвѣточная пыль попадетъ на рыльце пестика, и съ этого времени завязь начинаетъ все больше разрастаться, пока не превратится въ зеленый шарикъ, величиною съ вишню. Это и есть плодъ картофельнаго растенія. Внутри его находятся сѣмена. У всѣхъ растений, когда они отцвѣтутъ, на мѣстѣ цвѣтка является плодъ; картофелины же образуются не изъ цвѣтка, а растутъ на подземныхъ побѣгахъ, слѣдовательно, картофелины, которыя мы ѣдимъ, совершенно неправильно называютъ плодами. У многихъ растений, какъ напр. у смородины, гороха, вишни, мы употребляемъ въ пищу плоды. Но это бываетъ не у всѣхъ растений: у рѣдьки, моркови мы ѣдимъ мясистые корни, у картофельнаго растенія — картофелины, вырастающія на подземныхъ побѣгахъ.

Видъ картофелинъ различный: иногда онѣ круглы и длинны (цилиндрической формы), иногда просто круглы; но каждая картофелина усѣяна нѣсколькими возвышеніями, которыя сидятъ въ небольшихъ углубленіяхъ. Если картофель посадить въ землю, въ этихъ ямкахъ образуются почки, которыя въ будущемъ году вытягиваются кверху въ видѣ стеблей. Когда же его не садятъ въ землю, а долго оставляютъ въ кладовыхъ и погребахъ, онъ, какъ говорятъ, *прорастаетъ*, пускаетъ ростки, которые однако

не зеленаго цвѣта, какъ у стебля картофельнаго растенія, когда оно растеть на открытомъ воздухѣ, а блѣдны. Ростки вышли блѣдными отъ недостатка свѣта.

Мы рассказали вамъ, какъ изъ картофелины, если ее посадить, вытягиваются новые надземные стебли. Теперь подумайте вотъ что: если взять совершенно зрѣлый стручекъ гороха, вышелушить его и посадить горошины (горошины—это сѣмена гороховаго растенія) въ землю, онѣ чрезъ нѣсколько времени прорастуть, и изъ нихъ мало по малу выростеть горохъ. Отчего же не дѣлають такъ и съ картофелемъ? Отчего у насъ вездѣ садятъ картофелины, а не сѣютъ его сѣмянъ, находящихся, какъ мы знаемъ, въ его плодѣ—зеленомъ шарикѣ? Если посѣять картофельныя сѣмена, то выростеть ли изъ нихъ картофель? Посаженные картофельныя сѣмена, какъ и всякія другія, прорастуть, и изъ нихъ выйдетъ картофельный стебель, но онъ въ первый годъ еще не цвѣтеть, а осенью отсыхаетъ; подъ землею у него, однако, уже и въ первый годъ образуются мелкія шишечки. На второй годъ растенія, выросшія изъ мелкихъ шишекъ, цвѣтуть и производятъ болѣе крупныя шишки, хотя еще далеко не такія, какія производитъ картофель, выросшій прямо изъ сѣдобной картофелины, и которыя уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ былъ посаженъ, можно употреблять въ пищу. Нѣтъ нужды садить въ землю цѣлыя картофелины: если онѣ велики, ихъ обыкновенно разрѣзають на двѣ, а иногда и на три части, и отъ каждой изъ этихъ частей выходитъ растеніе, дающее такъ же много и такія же хорошія картофелины, какъ и выросшее изъ неразрѣзанной картофелины. А вотъ если вырѣзать изъ картофелины ея углубленія съ возвышеніями, она не пуститъ ростка, не примется и сгниеть въ землѣ. Теперь попробуйте поступить съ ней иначе, то есть вырѣжьте ея углубленія съ возвышеніями

и посадите ихъ въ землю, а картофелину выбросьте. Вы увидите, что каждая вырѣзанная частица примется такъ же хорошо, но растеніе, которое она дастъ, не будетъ такъ сильно, бабъ то, какое выйдетъ изъ цѣлой картофелины или изъ ямочки вырѣзанной съ кускомъ. Что же все это означаетъ? А вотъ что: ямочка картофелины съ возвышеніями и даетъ растеніе; безъ нея, т. е. когда мы лишимъ картофелину этой ямочки, ничего не выйдетъ, но за то самъ картофель, посаженный вмѣстѣ съ ямочками, своимъ крахмаломъ питаетъ растеніе. Вотъ потому то иногда находятъ въ полѣ пустой картофель: это, значитъ, намъ попалась старая, посаженная картофелина, котсрая свою внутренность—содержащійся въ ней крахмалъ—истратила на питаніе растенія.

И такъ вы видѣли, что сѣять картофельныя сѣмена невыгодно, и всякій, желающій ѣсть картофель, а не смотрѣть на него, ничего не получая по нѣскольку лѣтъ, посадить картофельныя шишки. Что же, однако, дѣлать съ плодами картофеля, его зелеными шариками? развѣ они ни на что не нужны? Да, они не нужны, и этимъ, пользуются крестьянскія дѣти.

Когда растеніе отцвѣтаетъ, стебель его начинаетъ увядать и чернѣть, значитъ,—картофель созрѣлъ. Опять работа для крестьянскихъ ребятъ! Огромная толпа ихъ бѣжитъ въ поле. Что это? даже маленькая Лиза, толстенъкая трехлѣтняя дѣвочка, спѣшать, переваливаясь съ боку на бокъ, съ жирнымъ блиномъ въ рукахъ.

— Лиза,—кричатъ ей дѣти постарше,—Ты куда?

— Картошку собирать... работать...—картавитъ она.

Всѣ хохочутъ и бѣгутъ въ перегонку съ кузовками и лукошками. А на полѣ ихъ ждетъ крестьянинъ съ сохой: онъ запускаетъ ее въ землю, все растеніе сначала приподнимается вверхъ, потомъ падаетъ и ложится на

землю, а дѣти обрываютъ картофелины и бросаютъ ихъ въ свои лукошки.

Время близко къ ужину, пора кончать работу. Парни и дѣвушки потащили мѣшки къ амбару, а ребята бросились обрывать съ картофельной травы зеленые шарики. На другой день мальчишки катали на дворѣ зелеными орѣшками, бросали ими другъ въ друга, а дѣвочки, въ одной кучкѣ, навизывали ихъ на нитку и обматывали ими въ два, три раза шею вмѣсто бусъ, украшали голову.

Береза.

Подъ осень подулъ сильный вѣтеръ. Въ воздухѣ закружилось и понеслось множество пыли, песку и всякаго сору. Смотрите, сколько крошечныхъ крылатыхъ насѣкомыхъ прилетѣло къ вамъ на письменный столъ. Однако, онѣ не двигаются. Ба! да это сѣмечки березы! А какъ похожи на мотыльковъ: и крылышки есть, и продолговато-круглое тѣльце! Не достаетъ только ногъ и дыханія, жизни: слѣдовательно, они не прыгаютъ, не бѣгаютъ, не ѣдятъ, не пьютъ, не издають никакого звука, словомъ не дѣлають ничего такого, почему ихъ можно было бы считать живыми. Продолговато-круглое сѣмечко березы помещено между тонкими крылышками съ легкимъ, желтымъ отливомъ. Опять рванулъ вѣтеръ, и всѣ эти сѣмечки поднялись надъ вашей головой и понеслись далеко, далеко; то опускаются они внизъ и падаютъ на землю, въ лужи, въ озера, въ песокъ; то, взлетѣвъ очень высоко, сядутъ на деревья, на развалившіеся дома и колокольни. Сѣмена, которыя упали въ озера, лужи и рѣки, безъ сомнѣнія, погибнуть; отъ другихъ можетъ родиться красивое, молодое деревцо. Хотя береза больше всего любитъ песчаную, богатую навозомъ,

землю, но она вообще весьма не прихотлива: растеть и на ровныхъ мѣстахъ, и на горахъ, даже часто можно ее видѣть на крышѣ стараго дома, на развалившейся колокольнѣ. На старыхъ зданіяхъ она можетъ вырости потому, что вѣтры уже успѣли нанести туда довольно песку, пыли, сѣмянъ разныхъ травъ, которые, сгнивши, подготовили землю, если и не очень плодородную, то все-таки сносную для неприхотливой березы.

Мы видѣли, какъ много сѣмянъ березы гибнетъ, но вѣдь они сыплются, какъ дождь, и очень многія изъ нихъ попадаютъ на хорошую почву. Сколько же, значить, каждый годъ должно родиться березъ на божій свѣтъ! Не такъ много, какъ кажется съ перваго взгляда. Къ осени щеглята, чижики и тетерева прилетаютъ клевать опавшія сѣмечки, а если которое изъ нихъ уцѣлѣетъ и взойдетъ, то молодой корешокъ еще не глубоко сидитъ въ землѣ и легко пропадаетъ отъ засухи или заглушается разными сорными растеніями. Лучше всего растеть береза, когда другія деревья тѣснятъ не очень близко около нея, такъ, чтобы теплые лучи солнца свободно могли освѣщать и согрѣвать землю. За то, какъ красиво растеть, какъ долго живеть береза, когда ни тѣнь, ни засухи не повредятъ ей въ юности: быстро станетъ она подниматься, иногда вырастетъ въ 100 футовъ высоты, живеть по сту лѣтъ, а то и полторы сотни.

Не даромъ любить народъ березку. Ея длинный, стройный стволъ покрытъ ослѣпительно бѣлой корой; гибкія вѣтви темно-краснаго цвѣта красиво свѣшиваютъ свою кудрявую зелень. На длинныхъ черешкахъ зазубренные листья зеленаго цвѣта покрыты цѣлою сѣтью нѣжныхъ жилокъ, а молоденькій листъ березы всегда покрытъ душистымъ, блестящимъ и липкимъ, смолистымъ веществомъ. За то цвѣты березы совсѣмъ ужъ не красивы: они висятъ сережками на длинныхъ вѣткахъ

дерева. Когда она отцвѣтетъ, и вы дотронетесь до такой сережки, то съ нея посыпятся чешуйки и находящіяся между ними крылатая сѣмена, а въ рукахъ останется тонкая, зеленая ниточка, на которой сидѣли и чешуйки, и сѣмена.

Кто только не любитъ березы! Въ лѣсу кротъ роетъ свои подземные ходы подъ ея привѣтливими вѣтвями, разныя птички прилетаютъ клевать ея сѣмечки; люди, благодарные, что она первая, послѣ снѣговъ и морозовъ, оживляетъ ихъ прелестною зеленью, пляшутъ, поютъ и встрѣчаютъ съ нею свой весенній праздникъ—Троицу. Еще наканунѣ этого праздника много молодыхъ березокъ гибнетъ подъ топоромъ дровосѣка. Много телѣгъ навалитъ несчастными деревцамъ и повезутъ и въ лачуги бѣдныхъ крестьянъ, и въ хоромы богатыхъ людей. Вездѣ пойдетъ суматоха: кто ставитъ березки въ уголь и подлѣ крыльца, кто загораживаетъ ими окна уже отъ яркихъ лучей весенняго солнца. Въ одномъ домѣ дѣти упрашиваютъ мать убрать деревьями всю кровать, чтобы при ихъ пробужденіи зелень тотчасъ напоминала о наступающемъ праздникѣ и весельѣ, а тамъ, въ старенькой избушкѣ, дряхлая старушка дрожащей рукой обрываетъ съ дерева вѣтки и листики и украшаетъ ими вѣнчики образовъ. Она уже все покончила; сверху, посреди цѣлаго ряда большихъ и малыхъ образовъ и мѣдныхъ крестовъ съ распятіемъ, она засунула большую вѣтку, зажгла лампадку, наконецъ поставила въ этотъ уголь цѣлое дерево: зелень покрыла всѣ лики святыхъ, только свѣтъ лампадки чуть мелькаетъ изъ подъ густыхъ листьевъ. Старушка положила три усердныхъ поклона и отошла въ сторону. И какой чудный запахъ пошелъ тотчасъ отъ березы по всей комнатѣ!

Обычай украшать домъ березками теперь далеко не вездѣ соблюдается: издано было распоряженіе, запрещаю-

щее къ празднику Троицы рубить эти деревья, чтобы для праздной потѣхи не губить березовыхъ лѣсовъ. Многие и сами поняли, какой вредъ можетъ произойти въ будущемъ отъ уничтоженія лѣсовъ вообще, и перестали придерживаться этого обычая. Но даже и тамъ, гдѣ уже болѣе не вырубаютъ березекъ, онѣ и теперь еще играютъ видную роль въ праздникъ Троицы. Наканунѣ его, въ деревнѣ, молодки останавливаютъ коробейника съ мелочнымъ товаромъ и торгуются, закупаютъ наряды: платки съ разводами и букетами, ленты алыя. А вотъ, въ той хатѣ, покосившейся отъ ветхости, хозяйка варитъ брагу. Наконецъ, наступилъ и самый праздникъ. И старые, и молодые отправляются въ церковь, а послѣ службы торопятся на могилы поминать родителей. Поплакавши и помолившись, всѣ усаживаются подлѣ могилъ, ѣдятъ яичницу и драчену, потомъ убираютъ могилки родственниковъ березовыми вѣнками и цвѣтами; нѣкоторые оставляютъ даже яйца, кладутъ земные поклоны и уходятъ.

Уже вечеръ; но еще такъ тепло и свѣтло, а потому большая часть народа отправляется въ рошу повеселиться: женщины съ провизіей, а дѣвушки впереди, съ березовыми вѣнками въ рукахъ, распѣваютъ:

„Во полѣ березынька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли стояла!

Взошли на лужайку передъ лѣсомъ и начали разстилать по травѣ свои платки и размѣщать яства: крупеники, сдобники, короваи. Другіе такъ и свой столъ приволокли и сидятъ себѣ съ семействами или съ кумовьями и пріятелями, хлѣбъ соль дѣлятъ. Дѣвушки съ парнями подошли къ березамъ и начали вѣнки завивать, хороводы водить, прятаться, кумиться: нагнуть два молодя деревца, свяжутъ ихъ между собою вѣтвями,

FIG. 3A. FOTIE.

а то лентами или платками въ видѣ вѣнка. Кумовья и кумушки ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и по три раза цѣлуются сквозь вѣнокъ, а потомъ мѣняются крестами. Вотъ, и крестные стали, родня, — должны теперь другъ друга жалѣть, помогать въ нуждѣ. Другіе въ это время поютъ, а вотъ тамъ пустились уже въ плясъ. Старики въ это время пьютъ, ѣдятъ, на молодежь любятъ и свою былую молодость, горе и радость вспоминаютъ. Только за полночь заламывають березку, обвѣшивають ее лентами и съ пѣснями несутъ домой.

Береза миловидна не только весною, но и осенью. Не задолго до опаденія листья окрашиваются въ лимонно-желтый цвѣтъ, и такъ какъ въ лѣсу береза часто растетъ между хвойными деревьями, то такая окраска березоваго листа на темномъ фонѣ хвойныхъ деревьевъ чрезвычайно красива.

Но не только радость приноситъ человѣку береза, а много и пользы. Все, начиная ея древесины до ея листовъ и малѣйшаго бугорка на стволѣ, идетъ въ дѣло и приноситъ людямъ большія выгоды. Раннею весною, прежде чѣмъ распусьтятся листья, когда соки дерева разогрѣты первыми лучами солнца и высасываемые корнями изъ земли, побѣгутъ вверхъ, чтобы напоить молодыя вѣточки и дать имъ силу скорѣе порадовать насъ своею зеленью, стволъ березы пробуравливають (просверливають); въ сдѣланную дырочку вставляютъ желобокъ, откуда вытекаетъ березовица — душистый, сладкій сокъ. Дѣти съ кувшинами и бутылками ждуть очереди, чтобы наполнить свою посудину любимымъ березовымъ квасомъ и снести его домой отвѣдать родителямъ.

Тѣ, которые наполнили посудину, весело бѣгутъ домой по дорогѣ, то и дѣло потягивая изъ горлышка вкусное питье; между тѣмъ многіе еще ничего не получили, а тутъ, какъ нарочно, березовица течетъ все медленнѣе

и медленнѣе, наконецъ, закапала понемногу и остановилась. Теперь отверстіе нужно заткнуть пробкой, назавтра дерево соберется съ новыми силами и опять освѣжить многихъ. Такъ въ продолженіе 5-ти, 6-ти дней изъ березы течетъ березовица; но вообще это вредно для дерева: тѣ соки, которые должны были бы питать дерево, поятъ вмѣсто этого людей, а у насъ въ деревняхъ тѣмъ больше бываетъ вреда деревьямъ, что когда березовица перестаетъ вытекать, часто вовсе забываютъ объ отверстіяхъ, которыя нужно было бы задѣлывать, и такимъ образомъ, дерево, время отъ времени, сочится и, наконецъ, вовсе портится.

Стволъ березы часто кривъ и сучковать, поэтому его рѣдко употребляютъ въ постройкахъ; но древесина *) ея бѣла, крѣпка, тверда и гибка, слои ея очень красивы; кромѣ того, когда березу приходится сгибать и пробуравливать, она не трескается и не ломается, значитъ, дерево это годно на всякую потребность въ домашнемъ быту. Изъ березоваго дерева дѣлаютъ разную мебель, сани, телѣги, оглобли, земледѣльческія орудія, деревянную посуду. Березовыя дрова цѣнятся вдвое дороже сосновыхъ. Въ зимніе морозы, чтобы согрѣться, приходится иногда охапки двѣ сосновыхъ дровъ положить въ печку, а березовыхъ на это нужно гораздо меньше. Молодые, липкія почки березы настаиваютъ въ спирту и готовятъ примочку, очень полезную при порѣзахъ. Береста (такъ называютъ кору березы) идетъ на разныя плетенья; на кузова, въ которые ребята собираютъ ягоды, котомки, въ которыхъ прѣстьяне держатъ провизію во время дороги, и на лапти. Къ тому же береста содержитъ много смолы и дегтярнаго масла; поэтому въ нее завертываютъ находящуюся подъ землею

---

*) Наружная, внѣшняя часть ствола всякаго дерева называется *корой*, за ней слѣдуетъ *древесина*, а самая середина дерева называется *сердцевинной*.

часть деревянныхъ тумбъ и столбовъ и такимъ образомъ предохраняють ихъ отъ гніенія. Чтобы добыть изъ бересты деготь, ее складываютъ въ огромныя кучи, сверху насыпають землю, вставляютъ желобокъ и поджигаютъ. Береста медленно горитъ и выпускаетъ изъ себя деготь, который такъ нуженъ для смазки экипажей.

Л и п а.

Это славное, полезное дерево стоитъ точно колонна: такая прямая, толстая, дѣтскими рученками ее не обхватишь. Вѣтви густо покрываютъ липу и сидятъ на ея стволѣ такъ низко, что, если вы вздумаете отдохнуть подъ ними въ знойный день, они привѣтливо спрячутъ васъ, и ваша мама, пожалуй, васъ и не замѣтитъ подъ нею. Но берегитесь садиться подъ дерево, когда оно цвѣтетъ. Пчелы цѣлыми роями летаютъ надъ липовыми цвѣтами, собирають изъ нихъ липовый сокъ для сладкаго меда. Сорвите съ дерева вѣтку съ листьями и цвѣтами и хорошенько рассмотрите ихъ. Хотя блѣдно-желтые цвѣточки липы совсѣмъ не красивы, но пчелы предпочитаютъ ихъ самымъ красивымъ цвѣтамъ, такъ какъ изъ сока ихъ выдѣлываютъ вкусный, душистый медъ.

Разсматривая части липоваго цвѣтка: *чашечку, тычичкѣ, тычички и пестикѣ*, мы увидимъ, что онѣ совершенно отдѣлены другъ отъ друга и тѣсно помѣщаются на небольшой, расширенной оконечности цвѣтовой ножки. Пока цвѣтокъ не разцвѣлъ, онъ представляется блѣдно-зеленымъ шарикомъ съ рубчиками. Когда же онъ распускается, пять листиковъ чашечки, прежде зеленоватые, все болѣе и болѣе желтѣють. Вы знаете, что въ цвѣткѣ картофеля лепестки почти совершенно сросшіеся, а въ цвѣткѣ липы они напротивъ совершенно отдѣлены другъ

отъ друга. *Тычинки* длиннѣе лепестковъ, и ихъ очень много; желтенькіе *пыльники* очень не велики. Когда липа отцвѣтаетъ, чашечки, вѣнчикъ и тычинки постепенно опадаютъ и остается только пестикъ. Завязь пестика имѣетъ видъ шарика и покрыта волосками, а наверху прямого столбика мы видимъ раздѣленное *рыльце*. Рыльце это мало по малу превращается въ плодъ—орѣшекъ, а внутри его находимъ одно, а то и два сѣмячка; упадутъ эти сѣмячки въ землю, и изъ нихъ скоро пойдетъ расти молоденькая липа. Подрѣжьте ея верхушку, и она также будетъ расти, и нисколько отъ этого не пострадаетъ. Вообще липа очень выносливое, крѣпкое дерево. Буря рѣдко выворачиваетъ ее, потому что корни ея крѣпко и глубоко сидятъ въ землѣ и далеко расходятся по сторонамъ. Кора сѣро-бурая, въ старости бываетъ вся изборождена глубокими трещинами; тамъ и сямъ на ней зеленоватые лишай. Вѣтви изкрасно-коричневаго цвѣта съ маленькими бородавочками. Листья по краямъ зубчатые, сидятъ на длинныхъ ножкахъ—*черешкахъ*, къ верху вытянуты въ длинный конецъ.

То виду листья липы похожи на значки, которые бываютъ на картахъ бубновой масти. И съ изнанки, и съ лица листики голы, т. е. не покрыты волосками, только въ уголкахъ жилокъ, которые ясно видны съ обѣихъ сторонъ, мы замѣчаемъ пучки мягкихъ красно-бурыхъ волосъ. Съ лица цвѣтъ листьевъ темно-зеленый, съ изнанки гораздо свѣтлѣе, а при солнцѣ они отливаютъ чуднымъ голубовато-зеленымъ цвѣтомъ.

Липовый лубъ употребляютъ на разнообразныя издѣлія: изъ него дерутъ лыко не только для лаптей, но и на рогожи, цыновки, кули, корзины и всякія плетенки. Бѣлое, легкое, упругое дерево липы очень мягко, хорошо горитъ и годится для всякихъ токарныхъ, столярныхъ и рѣзныхъ подѣлокъ. Деревянные ложки, чашки, солонки

обыкновенно дѣлаются изъ липовой древесины. Рюмочки, кружечки, яички, которые продають дѣтямъ на вербахъ, тоже большею частью выточены изъ липоваго дерева. Липа легко колется и хорошо горить; уголь ея идетъ на выдѣлку пороха, на зубной порошокъ. Листья годятся на кормъ скоту, а цвѣты полезны не только пчеламъ, но и людямъ; ихъ сушатъ и пьютъ отъ простуды. Часто сердцевина старой липы выгниваетъ, но и тогда она не бесполезна: дуплистые деревья выбираютъ для пчелиныхъ жилищъ, т. е. на улья.

О с и н а.

Раннею весною подулъ легкй ветерокъ, и вотъ, въ воздухѣ, вмѣстѣ съ поднявшимися песчинками, кружатся и несутся снѣжно-бѣлые, кудрявые охлопки: это ничто иное, какъ сцѣпившіяся хохолками своими осиновыя сѣмена. Тѣ изъ нихъ, которыя попали на сырое, болотистое мѣсто, пропадаютъ; другія-же, какъ на глинистой, такъ и на черной землѣ, скоро пускають отпрыски. Молодая осина вырастаетъ въ красивое дерево съ высокимъ, прямымъ, зеленовато-сѣрымъ, круглымъ стволомъ; вѣтви идутъ только съ половины, да и то ихъ на деревѣ не очень-то много. Корень не сидитъ глубоко въ землѣ, а стелется широко вокругъ ствола, близь поверхности почвы. Цвѣточки его очень мелки и собраны, какъ и у березы, въ длинныя сережки на тоненькомъ, какъ ниточка, стебелькѣ. Когда сѣмечки созрѣваютъ, они при малѣйшемъ вѣтеркѣ осыпаются и разносятся, чтобы рождаютъ все нова и новыя деревца. Такимъ образомъ осина размножается очень легко, но живетъ не дольше человѣка, тоже лѣтъ 70—80, и умираетъ отъ разныхъ болѣзней и отъ враговъ, которыхъ у нея очень много.

Особенно вредитъ дереву одинъ красивый жукъ съ

яркими, кирпично-красными крыльями. Листья на этомъ деревѣ совсѣмъ круглыя; зубчики по краямъ не ровны, точно обгрызаны. Какъ у большей части деревьевъ, съ изнанки, т. е. съ низу, листъ свѣтлѣе, чѣмъ верхняя его сѣроватозеленая сторона. Но вотъ что надо замѣтить въ листьяхъ осины: на верхней ихъ сторонѣ жилки гораздо виднѣе, чѣмъ на нижней, и кромѣ того эти листья постоянно дрожатъ. Иногда, кажется, совсѣмъ тихо въ воздухѣ, почти совсѣмъ не слышно вѣтра, на всѣхъ другихъ деревьяхъ листья висятъ совершенно спокойно, не шелохнутся, а на осинѣ они всегда слегка шевелятся, дрожатъ. Пронесется вѣтерокъ посильнѣе,—на другихъ деревьяхъ листья только слегка заколышутся, а на осинѣ закачаются сильно, громко зашелестятъ. Отчего это? Осинный листокъ сидитъ на длинномъ, тонкомъ, очень гибкомъ и сильно сплюснутомъ черешкѣ, поэтому онъ и легко колеблется при малѣйшемъ движеніи воздуха. Но откуда же этотъ особенный шелестъ, не похожій на шелестъ другихъ деревьевъ? Листья осины такіе сухіе, плотные, зубцы по краямъ ихъ твердые, вотъ они и шумятъ, когда при колебаніи ударяютъ другъ о друга. Это всегдашнее дрожаніе и почти немолчный шелестъ листьевъ придаютъ осинѣ какую-то особенную прелесть. Невольно засмотришься на нее, когда, при совершенной тишинѣ и неподвижности лѣса, она одна зашевелитъ листочками и что-то потихоньку зашепчетъ. Этотъ вѣчный шелестъ осиновыхъ листьевъ вошелъ даже въ поговорку,—говорятъ: «дрожить отъ страха, какъ осинный листъ».

Осиновое дерево идетъ на разныя деревянныя издѣлія: на корыта, лопаты, веретена, и такъ какъ оно легко, то въ нашихъ деревняхъ изъ ствола осины выдалбливаютъ маленькіе челноки, въ которыхъ такъ безстрашно, иногда во время волнъ, пускаются крестьяне по большой рѣкѣ или по озеру.

Орѣшникъ.

Орѣшникъ скорѣе высокій кустарникъ, чѣмъ дерево. Листья орѣшника круглыя, съ острыми зубчиками, и на верхушкѣ всѣ они сьуживаются въ тоненькое остріе; снизу листъ покрытъ мягкими волосками, сверху совсѣмъ гладкій. На вѣтвяхъ, кучками по нѣскольку вмѣстѣ, сидятъ и орѣхи, спрятанные до половины въ зеленой мясистой оболочкѣ, *лузгѣ*. Когда они созрѣютъ, то легко отстаютъ отъ этихъ оболочекъ, а нерѣдко сами изъ нихъ вываливаются. Лишь только наступаетъ осень, крестьянскія дѣти, съ кошелками и корзинками въ рукахъ, отправляются за орѣхами. Нѣсколько вечеровъ ребята очищаютъ орѣхи отъ мясистой кожи—«шелушатъ», какъ это называется въ деревняхъ. Это занятіе дѣти очень любятъ, такъ какъ во время работы они лакомятся вкусными, свѣжими орѣхами. Впрочемъ ихъ любятъ не одни дѣти.

Длинные зимніе вечера деревенскія дѣвушки сообща коротаютъ на *посидѣлкахъ*. Соберется ихъ нѣсколько человѣхъ, разсядутся по лавкамъ, однѣ изъ нихъ шьютъ, другія прядутъ, болтаютъ, нерѣдко тутъ же гдѣнибудь и паренекъ на балалайкѣ наигрываетъ, а то всѣ вмѣстѣ пѣсню затянутъ. Но вотъ кончили пѣть; хозяйка беретъ большую деревянную миску, до верха наполненную орѣхами, и обноситъ подругъ. Дѣвушки пощелкаютъ орѣховъ и опять за работу.

А почему орѣхи называютъ *калеными*? Потому что собранные осенью орѣхи калятъ, сушатъ на печахъ, чтобы они лучше сохранились.

Откуда выросъ орѣшникъ? Орѣхъ, который вы кушаете, упалъ въ свѣжую, плодородную почву и долго, долго, цѣлый годъ лежалъ въ землѣ. Да и не мудрено: чтобы прорости, всякому сѣмени нужна влага, сырость, которою

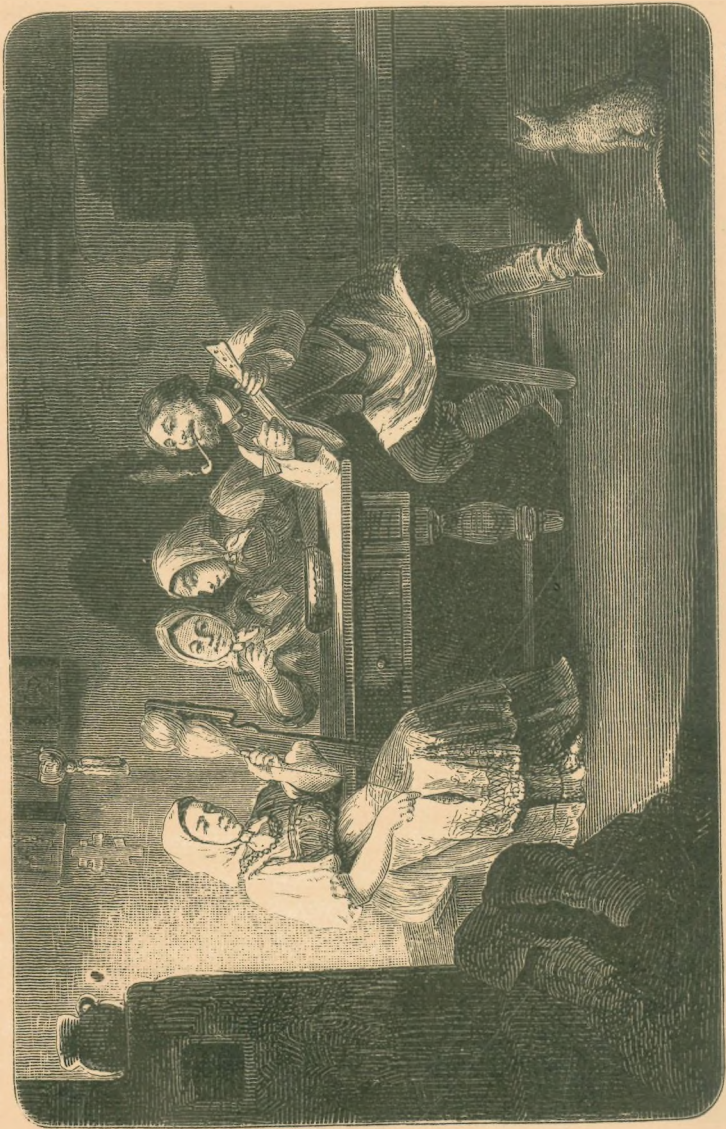
бы оно могло напитаться; а какъ водѣ пробраться въ ядро орѣха, когда оно покрыто такою твердою скорлупою? Однако, какъ ни тверда скорлупа, но и она лопается, и черезъ годъ изъ нея показывается стебелекъ и корешекъ.

Д у б ь.

Не даромъ дубъ называютъ царемъ лѣсовъ. Онъ крѣпче, могучѣе, сильнѣе, красивѣе всѣхъ другихъ деревьевъ! Бурамъ и вѣтрамъ трудно добраться до его корня, такъ онъ глубоко сидитъ въ землѣ: множество корней идутъ отъ главнаго корня и помогаютъ ему крѣпко держать громадное, тяжелое дерево. Всѣ эти корни растутъ въ глубокой, плодородной, рыхлой землѣ; лишь толстыя ребра ихъ выдаются у подножія.

Пока дубъ еще молодъ, т. е. пока онъ прожилъ пять-шесть десятковъ лѣтъ, стволъ его бываетъ до того гладкій, что даже лоснится. Но дубъ еще растеть и тогда, когда человекъ совсѣмъ дряхлѣетъ и умираетъ. И послѣ 6, 7-ми десятковъ лѣтъ дубъ все еще растеть, становится выше и толще. Кора дерева старѣетъ, вымираетъ, высыхаетъ и трескается: каждый годъ вырастаетъ новый слой коры и также потомъ вымираетъ снаружи; такимъ образомъ стволъ мало по малу весь покрывается глубокими трещинами. Стволъ дуба, наконецъ, становится такой толстый, что нѣсколько человекъ едва могутъ его обнять. Бывали такіе случаи: срубить дубъ, отрубать среднюю его часть, выдолбятъ нутро и сдѣлаютъ бесѣдку. Такъ представьте же себѣ, какъ толсть можетъ быть дубъ, когда изъ цѣльнаго дерева можно сдѣлать бесѣдку и помѣстить въ ней нѣсколько прыгающихъ и играющихъ въ мячикъ дѣтей! И вотъ, когда дубъ уже совсѣмъ возмужалъ, стоитъ онъ прямо, высоко поднимаясь надъ

Two St. Ponne.

землею, и верхушка его широко прикрываетъ людей и животныхъ, точно высокій, громадный шатеръ; мохъ красиво и причудливо, различными узорами, зелеными пучечками и узкими полосками, стелется на вѣтвяхъ и корѣ. Различные лишай пользуются также покровительствомъ дуба; и тамъ, и сямъ по немъ расползаются длинныя, бѣлыя бороды ихъ, висятъ съ его вѣтвей, какъ сѣдые волосы, и придаютъ всему дереву еще болѣе почтенный видъ. Подъ раскидистой зеленью дуба не только пріятно отдохнуть въ знойный лѣтній день, но можно и укрыться во время дождя. Отчего это на дубѣ вся зелень снаружи, точно на показъ? А это вотъ почему: дубъ, больше чѣмъ какое нибудь другое дерево, любитъ солнышко, такъ какъ вѣтви его не могутъ долго жить въ тѣни его зеленого шатра. Какъ красивы его продолговатые листья, вырѣзанные круглыми зубцами! Не мало красоты дереву придаютъ и зеленыя гроздочки цвѣтовъ съ цвѣтною пылью, и красноватые столбики сѣмянныхъ цвѣтовъ, которые висятъ между ними весной; осенью вмѣсто нихъ появляется множество желудей въ маленькихъ чашечкахъ. Когда желудь созрѣлъ, его скорлупа становится темно-кофейнаго цвѣта, и онъ выпадаетъ изъ чашечки, которая послѣ тоже отваливается вмѣстѣ съ черешкомъ. Возьмите созрѣвшій желудь, очистите его отъ скорлупы, и вы увидите, что онъ, какъ и миндаль, состоитъ изъ двухъ большихъ частей, *спмянодолей*, которыя соединяются только у верхушки желудя, гдѣ лежитъ зародышъ, а зародышъ этотъ состоитъ изъ корешочка и стебелька. Упавъ осенью желудь въ землю и долго спавъ непробуднымъ сномъ. Но вотъ теплое солнышко и весеннія воды будятъ его и заставляютъ расти; онъ запускаетъ ростокъ съ корешкомъ въ землю. Этотъ нѣжный корешокъ—будущая сила дуба, его главный корень, на которомъ, однако, скоро появляются боковые корни. Когда корешокъ

уже довольно глубоко сидитъ въ землѣ, стебелекъ боязливо выглядываетъ на міръ Божій; нѣсколько подрастетъ онъ,—и на немъ появляется пучекъ изъ листьевъ, которые по своей величинѣ весьма мало уступаютъ старымъ листьямъ дуба.

Дубъ—одно изъ немногихъ растений, у которыхъ *стѣмянодоли* и при прорастаніи остаются въ землѣ: молодое деревцо получаетъ изъ низъ пищу до тѣхъ поръ, пока корни и листья достаточно окрѣпнутъ и выростутъ, чтобы питать дерево. Дубъ самое долговѣчное дерево: находили дубы, которые прожили на свѣтѣ по 1000 лѣтъ и болѣе. Сколько насѣкомыхъ, птицъ и животныхъ пользуются его гостепріимствомъ, ѣдятъ его листья, желуди, наносятъ ему даже раны, и при всемъ этомъ мало вредятъ дереву! Бѣлки устраиваютъ себѣ жилище между широкими вѣтвями дуба и запасаются на зиму его плодами. Овцы и козы пощипываютъ его листья, свиньи лакомятся желудями, а одно насѣкомое, орѣхотворка, даже избрала себѣ дубъ мѣстомъ жилища. Эти орѣхотворки прокалываютъ листъ дуба, черешокъ, чашечку желудя и въ каждую такую ранку кладутъ свои крошечныя яички, а вмѣсто нихъ, черезъ нѣсколько дней, тутъ появляются различной формы наросты. Эти наросты на дубахъ, что растутъ въ теплыхъ странахъ, и есть тѣ чернильные орѣшки, изъ которыхъ приготавливаютъ чернила.

Дерево дуба отличается передъ всѣми нашими деревьями необыкновенною прочностью. Гдѣ бы оно ни лежало, на сухомъ ли мѣстѣ, или подъ водою, оно не скоро загниваетъ; вслѣдствіе этого его употребляютъ на постройки, требующія особенной прочности. Поэтому дубъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ у насъ деревьевъ. Изъ дубоваго лѣса строятъ у насъ корабли; диваны, столы, стулья, шкафы и тому подобная мебель изъ дуба цѣнится очень высоко. Бочки для жидкостей всегда приготавливаются изъ дубоваго

дерева. Дубомъ можно также топить печки, но этого не дѣлаютъ, потому что приберегаютъ его на такія вещи, гдѣ онъ незамѣнимъ, тогда какъ для топки печей хороша и береза. Наконецъ дома, церкви и часто цѣлые города стоятъ на дубовыхъ сваяхъ.

Разлука съ родительскимъ домомъ.

I.

Дѣтство свое я провела такъ, какъ его проводятъ всѣ, кого судьба забросила въ деревню.

Лѣтомъ, спрятавшись отъ палящихъ лучей знойнаго солнца въ густую траву зеленого луга, я плела вѣнки изъ разноцвѣтныхъ полевыхъ цвѣтовъ. Садилось солнце, и мы, дѣтишки, цѣлой гурьбой высыпали на тотъ же лугъ и прыгали, на сколько у каждаго было ловкости и охоты. Начнутся покосы, — мы кувыркаемся въ душистомъ сѣнѣ или своими маленькими грабельками помогаемъ рабочимъ сгребать его, метать въ скирды. Дремучій лѣсъ, полный гнѣздъ и птицъ, березовая роща съ грибами и сочными ягодами, огородъ съ зелеными стручками сахарнаго горошка, бобами, макомъ, озеро съ челнокомъ у берега, — все готово было къ моимъ услугамъ каждую минуту. Зима давала другія наслажденія. Цѣлые дни я проводила, катаясь съ горки на салазкахъ.

Въ длинные зимніе вечера, утомленная на цѣлый день бѣготней и катаньемъ, уже лежа въ кроваткѣ, я слушала сказки моей старой няни. Колдуны и лѣшіе, которые заставляютъ людей по нѣскольку лѣтъ блуждать въ совершенно знакомыхъ имъ мѣстахъ, терпѣть голодъ и ночные ужасы, — все это наводило на меня несказанный страхъ. Часто я совсѣмъ забывала сонъ, и даже

послѣ того, какъ уже сказка была кончена, я приподнимала свою горячую голову съ подушки, подпирала ее руками и, лежа въ такомъ положеніи, думала крѣпкую думу; подчасъ мнѣ сильно хотѣлось стать чуднымъ богатыремъ, чтобы сразу побѣдить всѣхъ злыхъ духовъ, которые заводятъ людей, куда имъ вздумается, и тѣмъ лишаютъ маленькихъ дѣтей матерей и отцовъ.

— Да, это очень трудно, особенно дѣвочкѣ, — раздумывала я, — а вотъ, достать бы шапку невидимку! въ ней никто тебя не увидитъ, а ты вездѣ можешь бывать, провѣдать злые умыслы всѣхъ лѣшихъ и предупреждать тѣхъ, кого они собираются погубить... Только какъ бы это добыть ее? — но тутъ обыкновенно меня начиналъ клонить сонъ и я, ничего не придумавъ, крѣпко засыпала.

Такъ проводила я свое дѣтство; но ни своей свободѣ, ни тому, что я всегда могла наслаждаться всѣмъ, что давала мнѣ деревня, я не придавала никакой цѣны. Правда, я видѣла кругомъ себя много бѣдныхъ и голодныхъ дѣтей, въ трескучій морозъ босыхъ и еле прикрытыхъ какимъ-то рванымъ тряпьемъ; видѣла, какъ они завидовали мнѣ, что я могла играть, сколько душѣ угодно, а ихъ въ разгаръ самой игры отзывали нянчить братьевъ и сестеръ... Приходило мнѣ въ голову еще и тогда: «а вотъ меня-то не позовутъ, — играй сколько хочешь!.. За то сколько людей счастливѣе меня!» успокоивала я нѣсколько встревожившуюся совѣсть. «Вотъ у тѣхъ дѣтей, что за озеромъ живутъ, ёлки бываютъ каждое Рождество, много игрушекъ, конфектъ, а мнѣ никогда ничего не покупаютъ». И обыкновенно все мое сожалѣніе къ бѣднымъ кончалось тѣмъ, что я сильно хотѣла добыть горшокъ, которому стоитъ только сказать: *варись каша*, и въ немъ въ минуту явится столько каши, что она выльзетъ даже чрезъ края, наполнитъ до потолка всю комнату, и, если не скамандуешь: *каша изъ горшокъ*, то и

на улицѣ отъ нея не будетъ проходу... «Но я бы, конечно, не доводила до такого потопа», разсуждала я, и «лишь только всѣ голодные насытились-бы, я приказала бы кашѣ идти въ горшокъ».

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, мать объявила мнѣ однажды, что я принята въ институтъ, куда она и должна везти меня черезъ мѣсяць. Это извѣстіе я выслушала почти равнодушно, но когда по разсказамъ матери объ институтской жизни я стала догадываться, что мнѣ придется тамъ цѣлыми днями сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и все почти за книгой. недоумѣвала, какъ привыкну я къ такой жизни. «Неужели останусь тамъ и въ праздникъ Пасхи, когда, съ лубками и красными яйцами въ рукахъ, всѣ высыпять катать яйца на лужокъ, только что подернутый молодою зеленью? Неужели придется сидѣть надъ книгой и въ ту минуту, когда въ открытое окно донесется жалобный пискъ молоденькой птички въ когтяхъ у кошки?.. Нѣтъ, это невозможно!» рѣшила я и подумала, что мать только въ сердцахъ пострадала меня школой. Правда, нѣкоторыя приготовленія меня безпокоили; но я обыкновенно скоро развлекалась. Однако всѣ сомнѣнія исчезли, когда наступилъ самый день отъѣзда. Веселая и беззаботная, я, по обыкновенію, выбѣжала рано утромъ на дворъ съ ломтемъ чернаго хлѣба въ рукахъ, чтобы кормить моихъ птичекъ, какъ вдругъ увидала слѣдующее: кучеръ подмазывалъ колеса дорожной брички, которую вывозили изъ сарая только для большихъ путешествій. То одна женщина, то другая съ какой-то нервной поспѣшностью выбѣгали на дворъ, вытрясали чемоданы, выбивали платья. Изъ кухни несся вкусный запахъ печенья, поджаренной капусты, рыбы...

Въ ту же минуту по всему моему тѣлу пробѣжала внезапная дрожь, красные круги и золотыя блестки мелькали и кружились въ глазахъ, въ ушахъ зашумѣло, и

я, чтобы не упасть, прислонилась къ столбу, который поддерживалъ ветхій навѣсъ нашего крыльца. Но дурнота тотчасъ-же прошла, только руки и ноги все больше кочевѣли, и на меня напало какое-то оцѣпенѣніе. Машинально я опустилась на одну изъ ступенекъ крыльца, какъ-то вся съежилась, прижалась въ уголокъ и довольно спокойно стала смотрѣть на все, что происходило вокругъ. Только странно: я не могла ни шевельнуться съ мѣста, ни говорить..

— Сладенькой ватрушечки не хочешь-ли?—выбѣгая за чѣмъ-то изъ кухни, спросила меня няня, останавливаясь передо мной. Я отрицательно покачала головой.

— Не придѣть-ли чѣмъ?—спросила она, показывая видъ, что опять въ попыхахъ забѣжала ко мнѣ, и, не дождавшись отвѣта, побѣжала въ комнаты, вернулась съ платкомъ и стала имъ меня укутывать.

— Ишь благодать какая сегодня... солнышко такъ и свѣтитъ, а ты у насъ что чугунъ черная—говорила она, и руки ея при этомъ тряслись сильнѣе обыкновеннаго, голосъ дрожалъ, но она, не глядя мнѣ въ глаза, продолжала болтать, перебѣгая отъ одного предмета къ другому.

— Господи, Боже мой! да что-же это у тебя въ рукахъ? Ну, скажите на милость! хлѣбушко-то какъ обхватила! — удивилась она, когда, забавывая на груди платокъ, она увидала, какъ я судорожно стиснула въ рукахъ хлѣбъ, который принесла, чтобы кормить птицъ.

— Зачѣмъ намъ черный хлѣбушко, дитятко!—говорила няня, бережно освобождая хлѣбъ изъ моихъ окоченѣвшихъ пальцевъ. — У насъ цѣлая печка слобныхъ да слоеныхъ булокъ пирожковъ съ вареньемъ. А теперь сколько этихъ сладенькихъ крендельковъ.. А еще знаешь что?..—Она таинственно нагнулась къ моему уху. — Маменька-то велѣла въ каждую круглую булку, вмѣсто на-

чинки, яйцо, какъ есть цѣлое, положить, да такъ и запечь... А я то на старости лѣтъ еще присочинила... только ты, смотри, чуръ маменькѣ не выдай, что старуха все разболтала... увивалась она все сильнѣе около меня, такъ какъ всѣ новости, еще недавно такъ радовавшія меня, я принимала теперь совершенно равнодушно, смотря посоловѣлыми глазами въ одну и ту-же точку.—Такъ я по цѣлому цыпленку въ булки посадила... Если ты разлочишь, подумаешь живой, съ ножками, съ головкой.. Пусть, думаю...— Но тутъ няня не выдержала: ея горячія слезы закапали мнѣ на руки. Шлепая своими старыми туфлями и безпрестанно утираясь своимъ передникомъ, она долго еще отрывочно причитала, все всхлипывая.

— Вотъ они какія сладкія да болѣзныя... врагу не пожелаю... выкормишь, выходишь съ рожденія, анъ, глядишь, тебя и не спросятъ, оторвутъ, да за тысячу верстъ. Мода какая пошла, въ этакую даль дѣвочку отправлять... Вишь здѣсь ученіе плохо, точно ей на службу потомъ поступать!..

Мое болѣзненное оцѣпенѣніе было такъ сильно, что даже и эти слова старой няни, такія добрыя и справедливыя, какъ мнѣ казалось тогда, не вызвали у меня ни одной слезы.

Но вотъ лошади поданы, отъ нетерпѣнья взрываютъ землю копытами, побрякиваютъ бубенцами. Нѣсколько женщинъ схватили меня на руки, внесли въ комнаты и начали одѣвать. Моя мать и всѣ присутствовавшіе благословляли меня, крестили, прикладывали къ образамъ, отходили въ передній уголъ и клали набожно поклоны. Кто-то хотѣлъ поставить меня на колѣни передъ кіотомъ, у котораго теплилась лампадка и горѣли толстыя восковыя свѣчи, но мать указала на мое полубезчувственное состояніе, и меня, окропивши святой водой, внесли въ экипажъ.

День уже былъ къ вечеру. Никогда еще, казалось мнѣ, не видала я нашу деревню въ такомъ красивомъ видѣ. Отъ солнечнаго заката всѣ предметы были чуднаго, пурпуроваго цвѣта. Легкій вѣтерокъ, который пахнулъ мнѣ въ лицо, нѣсколько освѣжилъ меня, и я устѣлась на подушку, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ я провела все свое дѣтство.

Народъ густою толпою окружилъ нашу бричку: кто просовывалъ руку съ корзиночкой печеныхъ яицъ, яблоковъ, черныхъ сладкихъ стручковъ... Двѣ старухи въ знакъ памяти вѣшали на шею кипарисные крестики... Въ ногахъ бережно уставляли горшечки съ масломъ, медомъ; въ карманы совали пряничные коньки и пѣтушки. Съ другой стороны нѣсколько ребятъ, съ которыми мнѣ больше другихъ приходилось играть, старались бросить ко мнѣ огромный ворохъ полеваго гороху, который они цѣлой компаніей только что вытащили для этого случая.

Лошади тронулись.—Вотъ эту березку я вижу въ послѣдній разъ, подумала я, когда передо мной замелькали различныя постройки нашего деревенскаго жилья. Между тѣмъ мы сами садили ее съ братомъ въ память умершаго воробушка... и въ головѣ моей быстро поднимались воспоминанія о воробушкѣ, обо всемъ, что было заманчиваго въ моемъ дѣтствѣ. Какой онъ былъ маленькій, безперый, весь покрытый струпьями, почти умиралъ, когда я нашла его на травѣ. Я устроила ему гнѣздышко изъ ваты, поила его изо рта молокомъ. Какъ онъ долго былъ голенькимъ, некрасивымъ! А какъ я обрадовалась, когда онъ въ первый разъ схватилъ червячка. За то потомъ какимъ красивымъ онъ выросъ: сидитъ, бывало, на плечѣ да теребитъ мои сережки,—видно потому, что блестяли. Выброшу его за окно, унесу далеко за деревню и посажу на дерево, пойдетъ дождь, а онъ «тукъ-тукъ», въ окно: въ свое гнѣздышко просится или ко мнѣ при-

ласкаться хочеть... Пожалуй, даже къ лучшему, что его съѣла кошка: какъ-бы мнѣ было съ нимъ разставаться!... Бѣдный: никто не придетъ на твою могилку, не принесетъ тебѣ маргаритокъ и гвоздики, которыя ты такъ любилъ щипать на моемъ окнѣ!

Ни одной слезы не выпало у меня и при этомъ; только ледяной холодъ еще чувствительнѣе сковаль мои члены.

— Кто-то завтра положить моимъ кроликамъ свѣжей зелени? Пожалуй, полѣнятся принести зайчику капустныхъ листьевъ, выпустятъ его ѣсть съ кроликами траву... непременно они передерутся... А черный кроликъ такой слабый! Ахъ нужно бы остановить лошадей... сказать нянѣ... Но вотъ ужъ и другія постройки мелькаютъ! Въ каждомъ углу этихъ двухъ полуразвалившихся избъ, на чердакѣ, куда ведетъ узкая, ветхая, витая лѣстница, у меня живетъ какой нибудь звѣрекъ, птички, которыхъ я приручила и вскормила собственными руками. Будутъ-ли смотрѣть за моей доброй галочкой?—и я вспомнила то время, когда ее чуть оперившимся птенцомъ нашли во рву и подарили мнѣ. Она такъ громко кричала по ночамъ, и я, чтобы ее успокоить, часто вставала ночью ее кормить. Вдругъ я слышу однажды, какъ мать передаетъ домашнимъ, что она хочеть забросить мою галку: «а то она еще ночью встаетъ къ этой мерзкой птицѣ». Это заставило меня тотчасъ снести ее на чердакъ всѣми брошенной избы. Въ тотъ-же вечеръ я проходила мимо озера, какъ вдругъ меня остановилъ страшный пискъ. На посажени отъ берега, въ тростникѣ, что-то барахталось и жалобно ныло. Не долго думая, я сбросила одежду и пошла въ воду. Густой тростникъ мѣшалъ мнѣ видѣть, что было на днѣ, и вотъ мнѣ пришлось огромное пространство обшарить руками; острые камни царапали мнѣ руки и ноги, тростникъ кололъ мнѣ лицо... наконецъ я схватила

что-то слизкое, противное и готова была уже бросить свою находку въ воду, но когда опять повторился жалобный пискъ, я вытянула ее съ рѣшимостью: то была премиленькая, крошечная, вся бѣленькая собачка, только съ однимъ черненькимъ пятнышкомъ на спинѣ.

— Точно пиковый тузъ, — подумала я, — такъ я тебя и назову... Тузъ, Тузикъ!... миленькій... — болтала я, — Бѣдный! какой рубецъ оставила веревка на твоей шеѣ! Злые, противные люди! Они привязали тебѣ камень, чтобы ты скорѣе потонулъ. Я тебя нарочно выращу большимъ и сильнымъ, и ты всѣмъ злымъ людямъ не будешь давать проходу!

Я принесла Тузика на чердакъ, устроивъ для него теплую конуру изъ стараго свѣчнаго ящика. И такъ, у моей галочки явился товарищъ. И что это были за чудные звѣрки! Какъ они скоро подружились между собой! Какъ при моемъ появленіи старались они другъ передъ другомъ выказать мнѣ свою любовь! Вотъ поднимаюсь я по лѣстницѣ: Тузикъ визжитъ и виляетъ хвостомъ, а галочка, съ распротертыми крыльями, бѣжитъ ко мнѣ навстрѣчу. Я протягиваю руку, и если Тузикъ раньше подоспѣетъ ко мнѣ, галка пребольно ударяетъ его своимъ клювомъ по головѣ. Но если Тузикъ примастится у меня на колѣняхъ, когда она успѣла уже вскочить ко мнѣ на плечи, то она обходится со своимъ товарищемъ совершенно добродушно; отъ времени до времени вскакиваетъ ему на спину, протягиваетъ свою шею и съ такой любовью засматриваетъ ему въ глаза, своимъ клювомъ вычищаетъ ему изъ шерсти разныхъ насѣкомыхъ или презабавно тербитъ его. Сколько радости доставляла мнѣ эта птичка! Оставить и ее? Можетъ быть, теперь она уже зоветъ меня, хочетъ ѣсть! Я въ ужасѣ вскочила на ноги, протянула руки впередъ, чтобы все удержать; но, когда оглянулась кругомъ, все знакомое, родное было уже

далеко позади, и насъ окружали мѣста, мнѣ мало извѣстныя.

Что-то, точно клещами, сдавило мнѣ горло, я опрокинулась на подушки, и, послѣ долгаго оцѣпенѣнія, у меня, наконецъ, вырвалось изъ груди рыданіе,—крикъ отчаянія и горя. Слезы нѣсколько облегчили меня, и когда я снова могла присѣсть, мать, лаская и цѣлуя, сказала мнѣ, что мы остановимся на первомъ постояломъ дворѣ, такъ какъ становится уже темно, и я могу, разгорячившись, легко простудиться на сыромъ, вечернемъ воздухѣ.

Но тутъ меня ждало новое испытаніе: лишь только я улеглась на полъ, на посланное сѣно, дверь занимаемой нами избы отворилась, и моя няня, съ Тузикомъ позади, бросилась ко мнѣ со слезами.

— Мужикъ-то съ сѣномъ, точно нарочно, въ эту сторону ѣхалъ... Не могла утерпѣть, чтобы еще разокъ не взглянуть на тебя... Смотри... не забудь, дитятко, свою старуху... — говорила она отрывочно, судорожно цѣлуя и обнимая меня.

Долго не могла я уснуть. Все, что было со мной, даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дѣти, съ которыми мнѣ приходилось дружитья, образъ доброй, веселой и любящей няни, игры, деревенскія забавы, пѣсни—все, картина за картиной, воскресало въ моей памяти, съ самыми мельчайшими подробностями. И странное дѣло: теперь прошедшее было мнѣ такъ дорого, мило...

«Золотое дѣтство», вдругъ пришла мнѣ на память фраза, которую я въ первый разъ списывала съ прописк. При этомъ вдругъ я вспомнила не только самую тетрадку прописи, но и размѣръ буквъ, и всю обстановку, при которой я въ первый разъ могла отчетливо разобрать по слогамъ, прочесть и написать эти два слова. Мать съ такою радостію поцѣловала меня, а няня отозвала въ

другую комнату, брестила меня и гладила по головѣ и все просила меня еще и еще прочесть ей по книжкѣ тоже самое: точно она не довѣряла, что и я, какъ другіе, могу читать и писать. Тогда я много приставала, чтобы объяснили мнѣ непонятныя для меня слова: «золотое дѣтство», и все таки не поняла объясненій. Но теперь я очень хорошо знаю, что значить: «прощай, мое золотое, золотое дѣтство!»

Чу, что это? передо мной опять пропись, но слова ея все увеличивались, наконецъ стали кружиться; вотъ онѣ приняли ярко-огненный оттѣнокъ... буквы отдѣляются... шагаютъ... ахъ, что это? Тутъ уже не буквы, а какія-то высокія, сердитыя женщины. — «У насъ нужно думать только о книгахъ, и придется забыть, какъ лазить по чердакамъ за животными!» говорить онѣ строго, съ какою-то злою насмѣшкою.

Но тутъ мать меня разбудила, такъ какъ уже свѣтало, и мы отправились въ дальнѣйшій путь.

Первые дни школьной жизни.

II.

Мы подъѣхали къ огромному зданію института, съ бѣлыми величественными колоннами, обнесенному высокою каменною стѣной. «Господи, какъ страшно!» мелькнуло у меня, не выдавшей до сихъ поръ зданій даже вдвое меньше.

Прежде чѣмъ добраться до инспектрисы, намъ пришлось добрый часъ походить изъ одного безконечно-длиннаго корридора въ другой. Но вотъ мимо насъ, одна за другой, стали пробѣгать дѣвочки, все одинаково одѣтыя въ коричневыя платья и коротенькіе бѣлые переднички:

онѣ осматривали насъ съ ногъ до головы. Наконецъ, намъ указали комнату инспектрисы, и мы вошли. Высокая женщина встала при нашемъ приходѣ съ своего кресла, указала матери на стулъ, а мнѣ, съ словами: «проѣзжайте новую послѣ», велѣла выйти въ корридоръ и подождать, пока меня позовутъ.

— Знаю: ты поступаешь въ нашъ классъ,—сказала подбѣжавшая ко мнѣ дѣвочка моихъ же лѣтъ:— хочешь быть моимъ другомъ?

— Что же для этого нужно дѣлать?—спросила я.

— А вотъ что! у тебя есть перочинный ножикъ?

— Есть, такъ что же?

— Поймай, поймай! ты меня не перебивай! Въдь ты *новенькая*: ничего нашего еще не знаешь, нужно тебѣ все это хорошенько пояснить... Вотъ у тебя есть ножикъ, а у меня его нѣтъ; ну, ты и должна будешь, если только согласишься быть моимъ другомъ. всегда мнѣ его давать, когда мнѣ понадобится чинить карандашъ или грифель. Перья мы здѣсь не чинимъ, а стальными пишемъ.

— Буду всегда давать ножикъ, — тотчасъ согласилась я.

— Ну вотъ ты навѣрно думаешь, что дѣло тутъ въ одномъ ножѣ! И резинку нужно давать, и бумагу...—и она аккуратно перечислила всѣ классныя принадлежности.—Но все это еще ничего,—продолжала она, — главное условіе—дѣлиться гостинцами, деньгами. Сколько-бы тебѣ чего ни принесли, ты все должна раздѣлить со мной на двѣ равныя половины.

— А если я другимъ захочу дать?

— Изъ своей части можешь давать, сколько угодно.

— А ты мнѣ будешь давать?—осмѣлилась я спросить послѣ нѣкотораго колебанія.

— Мнѣ давать нечего; но ты не будешь въ проигрышѣ: я буду тебя защищать! Ты *новенькая*, и тебя

всякій можетъ обидѣть... А теперь слушай... Къ тебѣ, сейчасъ подойдетъ такая длинноногая, бѣлобрысая и ко- сая дѣвочка, — тоже будетъ звать быть другомъ, такъ ты скажи ей, что ты подружилась уже съ Кошелевой. — Въ эту минуту къ намъ кто-то подходилъ съ другаго конца корридора. Моя знакомка сразу переѣнилась. — Смотри только, никому не рассказывай, о чемъ мы съ тобою говорили, — шептала она, нисколько впрочемъ не шевеля губами и нѣсколько отодвинувшись, такъ что другою, проходя мимо, навѣрно бы сказалъ, что мы вовсе и не разговаривали между собой. Она еще постояла немного, а затѣмъ быстро ушла. Въ ту-же минуту ко мнѣ подошла другая дѣвочка, но не длинноногая и бѣлобрысая, какъ я этого ожидала, а съ длинными, черными, вьющимися по плечамъ волосами.

— Ужъ вѣрно эта лисица Кошелева тебѣ свою дружбу навязывала, — сказала она мнѣ. — Она затѣмъ къ тебѣ поддѣлывается, чтобы выманить все, что у тебя есть въ шкатулкѣ. Она вѣдь знаетъ, что у каждой новенькой всегда что нибудь да есть. Ну, а когда у тебя ничего не останется, она еще хуже на тебя насядетъ.

— Какъ же это? я ничего не понимаю, — удивилась я.

— Очень просто... понравится какое нибудь кушанье, скажетъ: «дай мнѣ, я это больше всего на свѣтѣ люблю». Будетъ, какъ тряпкой помыкать: «перепиши урокъ, сдѣлай переводъ, сочиненіе, подскажи молитву, басню», — и ты все будешь дѣлать, такъ какъ сама увидишь, что если она нападетъ, такъ другія совѣмъ заключють. Скажи, она вѣдь обѣщала тебя защищать? Просила подружиться?

— Нѣтъ, она объ этомъ ничего не говорила, — сказала я, нѣсколько помолчавъ.

— Ты лгунья, — отрѣзала новая знакомая и не обращая на меня вниманія рѣзко повернулась, чтобы уйти.

— Нѣтъ, стой! Ты вотъ что мнѣ скажи, — гово-

рила я, въ отчаяніи хватая ее за платье, — хорошо или нѣтъ измѣнять своему слову? Ну, говори?

Дѣвочка на минуту задумалась.

— Это конечно плохо, — сказала она рѣшительно, встряхивая своими кудрями и прямо глядя мнѣ въ глаза, — только подумай: иногда также плохо и держать слово. Если-бы ты увидала у кого нибудь вещь, и хозяинъ ея просилъ бы тебя никому о ней не говорить, а потомъ оказалось-бы, что эта вещь краденая, да и украдена-то у бѣднаго... Ну вотъ ты и подумай, какъ тутъ быть?

— Это правда! тутъ не нужно держать слова. Только зачѣмъ-же тебѣ про Кошелеву знать?

— А вотъ зачѣмъ: она всѣмъ классомъ помыкаетъ; для нея готовы обокрасть другаго, обидѣть; а я ее хочу вывести на чистую воду; хочу освободить отъ нея классъ, особенно слабенькихъ и новенькихъ, которыхъ она страшно угнетаетъ...

— Конева, Конева! — кричалъ кто-то, и моя новая знакомая побѣжала туда, откуда раздавались голоса.

— Не связывайся съ Коневой; ее не только весь классъ не любитъ, — говорили мнѣ двѣ подошедшія дѣвочки, но и старшія. Станешь съ нею дружить, всѣ возненавидятъ тебя, будутъ считать тебя такою-же дурной, какъ и она.

— Что это, ты уже съ Коневой подружилась? — живо спросили меня еще двѣ подошедшія дѣвочки. Нечего сказать, находка не дурна, съ чѣмъ мы тебя и поздравляемъ. — Все это онѣ говорили съ гримасами и насмѣшливыми поклонами.

— Прощайся скорѣе съ матерью, — сказала вышедшая дама, — я отведу тебя къ подругамъ.

Я бросилась къ матери, но слово «скорѣе», такъ сурово и жестко прозвучавшее въ моихъ ушахъ, заставило

меня тотчасъ вырваться изъ ея объятій. Швейцарь, въ красной мантии и съ огромной булавою въ рукахъ, какъ-то разомъ распахнулъ передъ матерью дверь, и она исчезла, а у меня закружилась голова, затряслиеь колѣни, и я помню только, что меня кто-то крѣпко схватилъ на руки въ эту минуту, и мнѣ сдѣлалось дурно.

Когда я очнулась, у кровати стояла высокая, худая женщина, лицо которой было мнѣ какъ будто нѣсколько знакомо. Но, сколько я ни всматривалась въ него, рѣшительно не могла припомнить, гдѣ я встрѣчала эту даму. Кругомъ меня была незнакомая обстановка: чистая, большая комната со множествомъ кроватей вдоль и поперекъ, съ большимъ столомъ и двумя-тремя стульями.

— Тебѣ, кажется, лучше, дитя мое! Я очень, очень рада!—сказала высокая дама, и тогда я тотчасъ вспомнила все и поняла, почему была теперь окружена чужими людьми.

— Гдѣ мама?—спросила я, и слезы градомъ покапались изъ моихъ глазъ, и мнѣ долго, долго не хотѣлось ничего говорить, такъ что я даже не отвѣчала на вопросъ инспектрисы: «не надо-ли тебѣ чего?» Наконецъ выпила нѣсколько глотковъ воды, присѣла на кровать и попросила позвать ко мнѣ Коневу.

— Отчего это тебя всѣ такъ не любятъ, всѣ такъ бранятъ?—спрашивала я ее, обнимая и цѣлуя, какъ только она ко мнѣ подошла.

— Нѣтъ, не всѣ!.. Маша Иванова меня любитъ, еще двѣ подруги, ты вотъ будешь любить...

— Да васъ же, дѣвочекъ, такъ много здѣсь: ужъ черезъ чуръ мало, если изо всѣхъ ихъ тебя только три-четыре любятъ!

Багровый румянецъ покрылъ блѣдныя щечки Мани Коневой, и она, сконфуженная, не глядя мнѣ въ глаза, заговорила какъ то скороговоркой:—Папа всегда говорилъ,

что я хорошая... я все дѣлаю, что и прежде... но здѣсь все не такъ... дѣвочекъ много хорошихъ, но онѣ всѣ трусишки, въ рукахъ у Кошелевой съ компаніей и распоряжаются остальными, какъ имъ вздумается... Могутъ забрать себѣ всѣ вещи, какія имъ понравятся, совсѣмъ притѣснить, кого захотятъ, и весь классъ помогаетъ имъ и тѣснить, и обирать ту, на которую онѣ нападутъ. Всѣ страшно ихъ боятся, а я противъ нихъ, — ну меня и бранятъ. Теперь вдвоемъ съ тобою мы не будемъ ихъ боятся?—и при этихъ словахъ она подняла на меня свои большіе, задумчивые глаза.

Недѣли черезъ полторы я совершенно оправилась, и меня выпустили изъ лазарета. Въ этотъ день была суббота, уроки рано кончились, дѣти были по спальнямъ, называемымъ дортуарами, и мнѣ указали туда дорогу. То была огромная, длинная комната, съ большимъ столомъ посреди, съ нѣсколькими шкафами, со множествомъ кроватей и маленькими табуретками при каждой изъ нихъ. Когда я вошла, всѣ дѣвочки сидѣли на своихъ табуретахъ и что-то шили.

— Гдѣ Маня Конева?—спросила я, боязливо подходя къ одной изъ нихъ.

— Въ музыкальной комнатѣ урокъ музыки беретъ и вернется только къ молитвѣ. Да зачѣмъ тебѣ она?—заговорила подбѣжавшая ко мнѣ Кошелева. — Вишь, со мной обѣщались быть другомъ, а теперь измѣнила. Развѣ я тебѣ что нибудь дурное сдѣлала?

— Ничего дурнаго, только мнѣ больше всѣхъ понравилась Конева, я ее и люблю больше.

— Ого-го-го... скажите на милость! — процѣдила сквозь зубы возлѣ сидящая дѣвочка. — Больше люблю, больше нравится, — передразнила она меня... Ты еще новенькая, и для тебя всѣ должны быть равны, если не хочешь сама для всѣхъ стать смѣшной и противной.

Въ эту минуту горничная внесла охапку бѣлья и, бросая его на кровать, закричала на всю комнату:— Дежурныя, раздавайте! Вотъ, новенькая, ваше бѣлье, смотрите, вы, какъ и другія, прежде чѣмъ смѣнять по субботамъ бѣлье, все его перечините и заштопайте. Нитки и все, что для васъ потребуется, вы найдете въ своемъ табуретѣ. Классная дама черезъ часъ придетъ и посмотритъ, все ли у васъ въ аккуратѣ.

— Въ аккуратѣ,—грубо передразнила ее та-же дѣвочка, которая передъ этимъ только что успѣла меня выбранить.—Ты лучше, деревенщина неотесанная, проваливай отсюда поскорѣе и не учи насъ; мы сами знаемъ, что надо дѣлать.

— Вотъ я намерена не сбѣгала для васъ за гостинцами и впередъ никогда ничего вамъ не услужу, потому что сейчасъ вижу, что вы не барышня образованная, а злая собаченка, что ни за что, ни про что готова обляять всякаго встрѣчнаго.

— Какая дерзкая!—разомъ закричало на нее болѣе половины класса, развѣ ты смѣешь насъ такъ бранить?— Но дѣвушка, не обращая на это никакого вниманія, преспокойно вышла изъ спальни.

— Зачѣмъ ты ее такъ обидѣла?—тихо начала было очень блѣдная, высокая и худая дѣвочка.

— Смотрите! Иванова изъ-за всякой дряни готова разрюмзаться! Теперь Авдотью защищаетъ за то, что она мнѣ нагрубила.

— Что же? она правду говорить,—сказала я вдругъ, не стерпѣвъ и совсѣмъ забывая, что мнѣ, на положеніи новенькой, лучше было-бы молчать... Если она не умѣетъ говорить, зачѣмъ-же ее попрекать этимъ, чѣмъ же она тутъ виновата?

На меня закричалъ весь классъ: «да какъ ты смѣешь намъ наставленія читать! Вотъ дрянъ-то попалась!..»—

И съ разныхъ концовъ на меня сыпались насмѣшки, переиначивались мои слова, отовсюду летѣли угрозы. Только одна Иванова молчала и сидѣла, опустивши голову.

— А, посмотрите!—вдругъ закричала Кошелева.— Иванова и по ней готова убиваться... Корчитъ такую фizioномію, точно мы ее обижаемъ, а не она первая начала нами командовать...

— Ахъ, оставьте меня,—сказала Иванова, какъ-то испуганно, покраснѣвъ до самыхъ ушей.— У меня голова болитъ, а онѣ пристають... и она встала и съ книгой въ рукахъ начала ходить взадъ и впередъ по спальнѣ. Потомъ она точно что-то искала на моей кровати и вдругъ точно нечаянно толкнула меня,—я взглянула и увидала иголку, воткнутую въ мой передникъ. Я только тогда вспомнила, что классная дама скоро должна придти, а у меня еще ничего не заштопано. Какъ я ей была благодарна за эту иголку! Мои вещи изъ лазарета мнѣ обѣщали принести только на другой день, а теперь послѣ всей этой исторіи, я ни за что ничего не попросила-бы у этихъ дѣвочекъ. Я раскрыла свой табуретъ, вынула бѣлыя нитки и начала было штопать совершенно оборванные чулки, которые были положены на моей кровати.

— Ты хоть и измѣнила мнѣ въ дружбѣ,—ласково сказала вдругъ Кошелева, подходя ко мнѣ,—а мнѣ все-таки жалко, если тебя будутъ бранить; а что безъ этого не обойдется, такъ это я знаю, какъ дважды два четыре. Вотъ, ты начинаешь чинить чулки бѣлыми нитками, потому что мы всѣ это такъ дѣлали дома. Но тутъ вѣдь все другое... паголенки приказываютъ бѣлыми нитками штопать, а пятки черными.

— Такъ отчего-жъ съ самаго начала не покупаютъ чулокъ съ черными пятками?—спросила я въ совершенномъ недоумѣніи...

— Очень просто: чулки эти тканые, покупают ихъ на общей фабрицѣ, которая для одного нашего заведенія не станетъ-же готовить особенныхъ чулокъ; если они намъ не понадобятся, такъ у нихъ никто ихъ и не купитъ.

— И правда, тутъ все по другому, рѣшила я наконецъ и стала штопать черными нитками.

— Надъ тобой издѣваются... скорѣй пори!—прошептала Иванова сзади меня, улучивъ минутку, когда всѣ сидѣли у стола, и сейчасъ же отошла въ сторону. Я взяла ножницы и стала обрѣзать кругомъ уже заштопанное. Въ эту минуту дверь отворилась, къ намъ вошла класная дама, позвала дежурныхъ и вмѣстѣ съ ними стала что-то перебирать въ шкафу. Сзади ея показалась Конева съ нотами въ рукахъ: я забыла все и чуть не бросилась ее обнимать.

— Какія онѣ всѣ злыя и гадкія,—заговорила я, когда она подошла ко мнѣ.—Смотри, какъ насмѣялись надо мною... сказали, такъ надо здѣсь...

— Тише, тише,—перебила она меня, даже лучше совсѣмъ не говори, а то заплачешь... Только помни, что я тебѣ сейчасъ скажу: къ тебѣ подойдетъ дама, будетъ спрашивать, отчего ты такъ сдѣлала, такъ ты, Бога ради, если любишь меня, не выдавай ихъ... ничего не говори ей про нихъ.

— О чемъ у васъ тутъ совѣщаніе?—спросила дама, ласково наклоняясь надъ нами.

— Вотъ она, Александра Егоровна,—начала Маня твердо,—заштопала свой чулокъ черными нитками, такъ я ей говорю, чтобы она его перепорола.

— Ха, ха, ха,—смѣялась Александра Егоровна.—Что же, это тебя дома научили такой премудрости? Нѣтъ, серьезно, отвѣчай! Неужели ты это такъ дѣлала прежде... Можетъ просто полѣнилась? Попались прежде черныя нитки... Скажи же мнѣ скорѣй.

Если не выдавать ихъ, такъ солгать на себя, ужъ лучше ничего не говорить,—рѣшила я.

— Что-же ты молчишь? Долго я тебя буду ждать? Есть у тебя языкъ или нѣтъ? Упрямая!—съ досадой крикнула наконецъ Александра Егоровна, нѣсколько минутъ напрасно прождавшая моего отвѣта.—А это что у тебя,—закричала она на меня, когда по дорогѣ въ свою комнату заглянула на мою кровать. Я тоже глянула на нее и изумилась,—такъ были перерыты на ней всѣ мои вещи. Между тѣмъ только за минуту передъ этимъ я все время сидѣла у своей кровати, и все было въ совершенномъ порядкѣ.

— Это опять онѣ нарочно сдѣлали, чтобы меня больше бранили. Хорошо совѣтовать: «не выдавай!», думала я съ раздраженіемъ о Манѣ Коневой, — что бы она сама сказала, если бы была на моемъ мѣстѣ?.. Нѣтъ, все расскажу. — Это не я... право, все онѣ... начала было я, рыдая.

— Отними отъ лица платокъ и говори ясно. Я ничего не понимаю,—сказала Александра Егоровна. Но тутъ я встрѣтилась съ глазами Мани, которая дѣлала мнѣ отчаянные знаки молчать.

— Да ужъ и она не въ заговорѣ-ли,—вдругъ пришло мнѣ въ голову, когда Александра Егоровна, и на этотъ разъ не добившись отъ меня никакого отвѣта, такъ рассердилась, что пригрозила даже, если то-же повторится еще разъ, строго меня наказать.

— Ага, что? Вотъ и выбрали!—вдругъ сказала Копелева, когда Александра Егоровна ушла въ свою комнату.

— Какъ! ты еще смѣешь это говорить!—подлетѣла къ ней Конева. Щеки ея покрылись багровымъ румянцемъ, и вся она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.—Это навѣрно ты, а если не сама ты, такъ по твоему наускиванію продѣ-

ланы надъ ней всѣ эти гадости! А вамъ-то всѣмъ неужели не стыдно, что вы слушаетесь такого звѣря?— обратилась она къ остальнымъ.—Какъ вы на мѣстѣ-то отъ стыда не провалились, когда ее изъ-за васъ бранили! Она могла каждую минуту все рассказать и ни одной изъ васъ не выдала...

— Ты-бы лучше замолчала!—вдругъ перекричала ее Кошелева,—а то вонъ совсѣмъ охрипла.

— Хорошо-же, я сама расскажу Александрѣ Егоровнѣ всю эту исторію! — рѣшительно выкрикнула Маня. Кошелева при этихъ словахъ поблѣднѣла, но все-таки нашлась.

— А я скажу, что вы вдвоемъ все это выдумали! посмотримъ, кому больше повѣрять: вамъ двумъ или всему классу?

— Да откуда-же ты взяла, что ни у одной изъ нихъ нѣтъ совѣсти, что для тебя всѣ такъ и будутъ лгать прямо въ глаза? Правда, тебя всѣ боятся, потому что ты безсовѣстиѣ всѣхъ: злопамятна, мстительна, можешь выкинуть всякую гадость, но за то тебя всѣ и ненавидятъ, каждая въ свою очередь готова отомстить тебѣ. Маша, что ты скажешь, если Александра Егоровна спросить тебя, какъ было дѣло?

— Конечно, не солгу, — заговорила Иванова послѣ нѣкотораго колебанія и съ дрожью въ голосѣ.—Молчала, думала, Богу угождаю, и ихъ этимъ усовѣстить могу, выходитъ еще хуже... Онѣ еще безсовѣстиѣ стали мучить, тиранить cadaго... Въ эту минуту въ дортуаръ вошла Александра Егоровна; всѣ смолкли и начали становиться въ рядъ, а одна дѣвочка вышла впередъ и стала вслухъ читать молитву. Маша Иванова тотчасъ упала на колѣни и молилась, не обращая ни на кого вниманія. Молитва кончилась, почти всѣ уже разошлись, а Иванова все стояла на томъ же мѣстѣ на колѣняхъ.

— Маша, сказала ей Конева, легонько дергая ее за локоть, — иди къ своей кровати.

— Знаете? — сказала она, когда мы съѣли съ Маней Коневою къ ней на кровать. — Если-бы намъ отсюда уйти куда нибудь, найти маленькое, маленькое мѣстечко хотя въ какой нибудь пещерѣ... только для насъ троихъ... Кроватей не нужно было бы ставить, мы спали бы на камняхъ и все-бы молились... Всѣ грѣхи отмолили бы... — и она полулежа подперла голову своими худыми, прозрачными руками.

— Да вѣдь и Кошелева, если услатъ ее на необитаемые острова, тоже была бы праведницей: некого было бы грабить и обманывать, — возразила ей Маня.

— Вы противъ Кошелевой? — вдругъ спросила, подходя къ намъ, Петрова, небольшого роста, толстенъкая, кругленькая дѣвочка. — Пожалуйста возьмите и меня въ свою компанію. Подумайте, какая она безсовѣстная: третье воскресенье кряду у меня гостинцы обираетъ и теперь сейчасъ объявила: «къ тебѣ», говорить, «завтра придутъ, — смотри, меня первую угости», а это значить дать отхватить ей отъ всего больше половины... И такое несчастіе! Завтра, какъ нарочно, мнѣ слоеныхъ пирожковъ принесутъ, а она до нихъ такая жадная! Можетъ за одинъ разъ двѣнадцать штукъ ихъ съѣсть... Что же мнѣ самой-то останется?

— Такъ зачѣмъ-же ты ей даешь? — спросила ее Маня.

— Точно ты не знаешь, — возразила ей Петрова, — что иначе всѣ нападутъ, а главныя ея лакейки, тѣ просто набросятся и все отнимутъ! Нѣтъ, ужъ лучше по своей волѣ дать, — тутъ все хоть что нибудь себѣ перепадетъ.

— Ну, хорошо: ты сегодня ничего ей не говори, а когда принесутъ гостинцы, постарайся ихъ тотчасъ принести мнѣ.

— А ты потомъ потихоньку мнѣ и отдай.

— Конечно, отдамъ, только не потихоньку.

— Что ты больше любишь, Маня?—вдругъ спросила толстенъкая дѣвочка совсѣмъ неожиданно для насъ,—слоеные пирожки или барбарисовые леденцы?.. Впрочемъ, я лучше такъ сдѣлаю: дамъ тебѣ пять леденцовъ и два пирожка, а ты Маша Иванова?

Иванова, кажется, не слыхала вопроса, такъ какъ лежала все въ прежнемъ положеніи, устремивъ глаза въ одну точку.—Когда же вы уйдете отъ меня?—вдругъ спросила она рѣзко, приподнялась и сѣла на кровать.—Уйдите поскорѣе, я хочу остаться одна, Богу молиться.

— Скажите, какая монахиня проявилась! — начала было съ гримасой любительница гостинцевъ. Но Маня Конева такъ крѣпко и съ такою злостью потянула ее за руку прочь отъ кровати, что та даже и не успѣла опомниться.

Я долго ворочалась въ кровати, однако, не смотря на всѣ тяжелыя огорченія и обиды дня, я все-таки не чувствовала себя особенно подавленной. Правда, меня мучила еще тоска по родительскому дому, и она, мнѣ казалось, еще долго будетъ меня тревожить, но я все-таки не была здѣсь одна, среди чужихъ: Маня, думала я, всегда будетъ лучшимъ моимъ другомъ.

Пить чай, обѣдать, завтракать насъ становили парами: маленькія впереди, потомъ дѣвочки побольше и наконецъ позади самыя рослыя. Въ столовой мы получали все по порціямъ, которыя были совершенно равны между собой. Это меня особенно поразило на другой-же день за завтракомъ, когда къ картофелю стали всѣмъ раздавать масло; всѣ кусочки точно вышли изъ-подъ машины: такіе они были ровные, гладкіе, аккуратные. Я взяла на свою тарелку кусочекъ масла Мани, которая сидѣла подлѣ меня, и онъ оказался и въ длину, и въ ширину, и въ

высоту точно такой-же, какой былъ у меня. Я долго ломала себѣ голову, какъ выходятъ они такими: въ формочку что-ли ихъ втискиваютъ, прежде чѣмъ подавать на столъ? Да вѣдь сколько-же формочекъ этихъ нужно имѣть, чтобы приготовить такую массу кусочковъ. А если класть все въ одну и ту же форму, много времени пожалуй придется потратить. Хотѣла я всѣ эти соображенія сообщить Александрѣ Егоровнѣ, но она въ эту минуту видно вспомнила вчерашнюю исторію и такъ сурово глянула въ мою сторону, что я отложила это намѣреніе до того времени, когда ознакомлюсь со всѣми порядками.

Послѣ завтрака насъ повели въ залу съ колоннами: тамъ уже многихъ дѣвочекъ ожидали родители. Я никого не ждала къ себѣ, и мнѣ стало такъ тяжело, такъ завидно смотрѣть на другихъ, какъ онѣ весело болтали съ своими братьями и сестрами, что я попросилась уйти на верхъ, въ спальню. Черезъ часъ туда вошла и Конева съ огромною корзиною въ рукахъ и прямо подошла къ Кошелевой, которая уже сидѣла на своемъ табуретѣ.

— Вотъ, — сказала она, подавая ей корзинку, — Петрова просила меня передать тебѣ, чтобы ты спрятала ее гостинцы...

— Хорошо, хорошо... — очень ласково повторяла та нѣсколько разъ, вѣрно радуясь, что и Конева наконецъ за умъ взялась и тоже признала ее право распоряжаться чужою собственностью по своему усмотрѣнію.

Въ эту минуту съ разныхъ сторонъ стали входить дѣвочки. Я глянула въ противоположный уголъ и вижу: Кошелева очень удобно усѣлась передъ своей табуреткой и уже развязывала корзинку. Я хотѣла подтолкнуть Маню, но ея уже не было подлѣ меня.

— Петрова вовсе не поручала тебѣ развязывать ея корзинку, — говорила Маня Кошелевой, стоя противъ нея.

— Мы съ ней друзья и дѣлимъ пополамъ все, что у насъ есть.

— Да что ты-то ей даешь, въ чемъ помогаешь? Когда два, три раза въ годъ у тебя появляются собственные гостинцы. такъ вѣдь она, какъ и всѣ прочіе твои друзья, только и видятъ, что твою корзинку. Ну, а чѣмъ ты въ ученѣй можешь помочь, когда книги въ руки не берешь и цѣлую недѣлю занимаешься только тѣмъ, что съ утра до вечера объѣдаешься награбленными гостинцами?

— Кого я грабила? Говори... говорите? У кого изъ васъ я хоть разъ взяла что нибудь насильно?—громко кричала Кошелева, стараясь перекричать Маню.

— Ты не спрашивай ихъ, брала-ли ты насильно? Конечно, ты не вырывала у нихъ изъ рукъ... Но ты вотъ что скажи: давалъ-ли тебѣ кто, что бы то ни было, изъ любви или за твою доброту?

— Этакая добродѣтель отыскалась!.. Неправда... неправда!—кричала Кошелева, бѣгая по комнатѣ, заткнувши уши обѣими руками.

— Вѣдь ты не слышишь... Почему же ты знаешь, что говорятъ неправду,—вдругъ злобно кто-то закричалъ ей изъ толпы, и при этомъ многія расхохотались...

— Нечего изъ подтишка-то смѣяться и прятаться другъ другу за спину,—заговорила Иванова, съ каждымъ словомъ дѣлая усиліе говорить громче, но при этомъ она вдругъ сильно раскашлялась.

— Туда же бранится...—злобно закричала на нее Кошелева,—на ладонь дышетъ, того и гляди, тутъ же растянется, а тоже шипить.

— Злость-то какая! Ужъ чѣмъ попрекаетъ!—вдругъ опять раздалось изъ толпы. Что же касается Ивановой, она приняла слова Кошелевой довольно равнодушно; только красныя, круглыя пятна выступили на ея щекахъ.

— И что это вы опять расшумѣлись?—твердо заговорила Иванова, обращаясь къ классу.—Только напрас-

но барыню-то свою безпокоите... Но ты не бойся,—сказала она Кошелевой,—это онъ только такъ, немножко похрабрились... Да, наконецъ, что въ томъ, если двѣ, три и выйдутъ изъ-подъ твоей власти? Вѣдь у тебя все еще останется до трехъ дюжинъ самыхъ смирныхъ, послушныхъ служанокъ! Однако сегодня онъ что-то замѣшкались... Что же это вы барыни угощеніе не подносите?

— Поди ты, Маша,—перебила ее Конева,—какія онъ горничныя... Ну кто, кромѣ Кошелевой, взялъ бы ихъ къ себѣ въ услуженіе: при нихъ такъ срамятъ госпожу, а онъ только подъ носъ что-то бурчатъ.

— Ты все Маша, да Маша, а она сама давно-ли стала говорить?—въ одинъ голосъ закричалъ почти весь классъ.

— Правда, мало говорила, но ни за кѣмъ и не ухаживала... За то и теперь еще совѣстно, что прежде молчала!

— Ну, и мы теперь молчать не будемъ!—кричали со всѣхъ сторонъ.

— Какъ мной-то она помыкала! Ночи заставляла просиживать, переписывая ея уроки! — кричали со всѣхъ сторонъ.—А мнѣ такъ и отвѣчать учителямъ не позволяла, когда думала, что она только одна изъ всего класса не будетъ знать урока.

— Ужъ тебѣ не ѣсть больше моихъ гостинцевъ!—ринулась къ ней Петрова, а за ней и всѣ бросились къ Кошелевой, окружили ее, толкали ногами, показывали языки.

— Какъ вамъ не стыдно! Оставьте ее, вы сами гораздо больше виноваты!—кричали попеременно то Иванова, то Маня, но увѣщанія ихъ совершенно пропадали среди общаго шума, гвалта и остервененія. Наконецъ Кошелева съ перекошпвшимся лицомъ, бормоча какіе-то

невнятные звуки, вырвалась изъ толпы и побѣжала въ коридоръ, но покачнулася въ дверяхъ и грохнулася на полъ безъ чувствъ.

— Хищные звѣри!—вдругъ пронзительно закричала Иванова и, съ бѣшенствомъ расталкивая недоумѣвающихъ подругъ, бросилась къ Кошелевой, стала разстегивать ей платье, смачивала голову водой, которую Маня держала, стоя передъ больной на колѣняхъ и тоже стараясь привести ее въ чувство.

— Прости меня, Ольга, милая... голубушка... говорила Иванова Кошелевой, когда та открыла глаза и стала рыдать.—Я только теперь поняла, что мы гораздо хуже тебя и болѣе виноваты!.. Да развѣ ты стала бы ими помыкать, если бы онѣ всѣ считали это для себя унизительнымъ, а я еще виновнѣе..

При первыхъ словахъ Ивановой всѣ переконфузились, стихли и стали расходиться по своимъ угламъ.

Съ этихъ поръ Кошелева не только не командовала и не обирала подругъ, но и не осмѣливалась попросить у нихъ никакой мелочи. Только Иванова и Маня, къ которымъ она сильно привязалась, старались угадывать ея нужды и снабжали ее всѣмъ, чѣмъ могли.

М о я н я н я .

Всѣ радости и печали моего дѣтства такъ тѣсно связаны съ личностью моей доброй, милой няни, что говорить о немъ значитъ вспоминать и ее. Дѣтство свое я провела въ полуразвалившемся помѣщицьемъ домѣ, съ двухъ сторонъ котораго шумѣли и чинно покачивались густыя темно-зеленыя вѣтви двухъ огромныхъ могучихъ дубовъ. Спереди маленькій, уютный, весь засѣянный цвѣтами палисадникъ былъ обсаженъ

кривыми березками въ опрятной, бѣлоснѣжной одеждѣ и тонкими, граціозными тополями съ дрожащею, серебристою листвою. Сзади на необозримое пространство разстился бархатный, зеленый коверъ луговъ, фантастически испещренный разнообразными узорами всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Дальше тянулись безконечныя поля, золотистымъ колосомъ которыхъ няня такъ искусно убирала мою голову, когда она по обыкновенію первая зажинала только что созрѣвшую рожь. Густые лѣса кругомъ служили прелестной рамкой общей картинѣ; на нихъ могъ съ наслажденіемъ остановиться взоръ, утомленный необъятнымъ просторомъ полей и луговъ.

Полная свобода, раздолье полей и лѣсовъ и розказни няни о всевозможныхъ приключеніяхъ заставляли меня иногда по цѣлымъ днямъ пропадать изъ дому, чтобы хотя что-нибудь испытать на дѣлѣ самой. Мои деревенскіе сверстники стращали меня голодными волками, которыхъ дѣйствительно много водилось въ нашей глухой мѣстности, но я не унималась, и только моя старая изба, наполненная животными и птицами, мой палисадникъ, цвѣты и растенія котораго были взлелѣяны няниными и моими заботами, веселые розказы, пѣсни, смѣшныя прибаутки доброй старушки, а порой и ея ловкая пляска,—вотъ что привязывало меня къ родному гнѣзду, что вмгъ могло заставить меня прекратить мою одинокую прогулку по лѣсамъ и безъ оглядки бѣжать домой.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я точно сейчасъ вижу, какъ она, замѣтивъ меня, маленькими шажками и шлепая своими старыми туфлями, торопится ко мнѣ на встрѣчу: солнце жжетъ ея старыя, больныя глаза, но она, желая поскорѣе разглядѣть меня, защищаетъ ихъ рукой и въ видѣ острастки уже издали трясетъ головой. За долгую отлучку она встрѣчаетъ меня кроткимъ упрекомъ, но сама первая пугается этого упрека и тотчасъ ста-

рается изгладить его изъ моей памяти горячими поцѣлуями, нѣжными ласкательными именами и лакомымъ кускомъ любимаго блюда.

Чтобы хорошенько понять характеръ няни и ея положеніе въ моей семьѣ, необходимо рассказать ея прошлое, которое мы дѣти знали изъ ея же рассказовъ.

Болоткино, — такъ звали село, въ которомъ няня провела свое раннее дѣтство, — было самой жалкой деревенькой, какую можно только себѣ представить. Оно было окружено со всѣхъ сторонъ болотами, выжженными лѣсами, огромными пустырями, гдѣ среди однообразныхъ кочекъ, поросшихъ мхомъ, да гниющихъ пней здѣсь и тамъ торчали только поломанный кустарникъ да одинокія ели и сосны. Но и эти деревья нисколько не очищали своею зеленью затхлый воздухъ болотъ; подъ ихъ сѣнью не могъ отдохнуть ни одинъ усталый путникъ: буря и непогода могли безпрепятственно разгуливать по огромному пространству пустырей и безжалостно ломали вѣтви деревьевъ; множество различныхъ насѣкомыхъ, неразлучныхъ съ болотистой атмосферой, точили хвои, голодные звѣри глодали кору. Ясно, что въ такой мѣстности хлѣбъ родился такъ плохо, что къ веснѣ его уже не хватало многимъ. Идти же на заработки не было никакой возможности: такъ далеко было Болоткино отъ какого-бы то ни было торговаго или промышленнаго города. Разумѣется, въ такой безъисходной нуждѣ и слова не могло быть о томъ, что, дескать, скучно идти на заработки въ чужую сторонку, дальняя дорога — заморишься или «жалко малыхъ ребятъ, жену, — больно одни стоскуются». Ничего подобнаго не знали болоткинцы. Не ходили они на заработки потому, что въ дальнюю дорогу денегъ нужно скопить, а какъ хотя грошу улежать въ кошнѣ, когда ребята, малъ-мала-меньше, сердце надрываютъ слезами, ѣсть просить, а ты знаешь, что хозяйка еще вчера утво-

ряла послѣдній хлѣбъ и то уже мука на него была «по амбарамъ выметенная, да по сусѣчкамъ выскребленная».

— Теперь,—говорила няня,—столько лѣтъ проживши въ вашихъ чистыхъ, свѣтлыхъ хоромахъ, почитай какъ есть ни минуты лишней безъ крайней нужды не осталась-бы въ нашихъ болоткинскихъ хатахъ. А тогда и горюшка мало. Да еще какъ въ праздникъ дѣвушки соберутся гадать или на посидѣлки, такъ нѣтъ, кажется, ничего слаще на свѣтѣ: только не гони къ ребятамъ, въ избѣ оставь. А когда народу то найдетъ, такъ вѣдь духота еще пуще. Изба только про свою семью, и когда всѣ соберутся, такъ и мѣста на лавкѣ нѣтъ, а лишнюю и поставить некуда: такія избы наши маленькія, а низенькія какія, такъ рослому парню ни за что не войти, не согнувшись въ три погибели. Ну, а какъ кромѣ своихъ, наберется еще человѣкъ десять, такъ вотъ точно сельди въ бочкѣ: кто усядется на кадку пустую, перевернувши ее вверхъ дномъ, иной чурбанъ изъ сѣней приволокеть, а то и просто шлепнется на битую деревянную посудину... и такая это отъ народу смородина пойдетъ! А все привычка!

— И зачѣмъ, няня, вы воздухъ не прочищали? спрашивали мы, зачѣмъ чистоту не наблюдали: ужъ для этого-то денегъ не нужно, только свое стараніе?

— И, дитяtko, совсѣмъ не въ этомъ дѣло!... болото болотомъ и останется: у насъ вишь кругомъ всѣхъ деревень жидкая грязь по колѣно, и эта самая жидкая грязь не проходитъ и лѣтомъ, развѣ только въ такую жаричу, что вездѣ все выгораетъ, такъ и она подсохнетъ. Правда, тогда хоть и колко ходить по ней босыми ногами, потому какъ скотина и люди ее ногами измѣсятъ, такъ она сучковатымъ колъемъ и позасохнетъ; да за то по крайности изъ подъ полу да изъ щелей въ избу не лѣзетъ, ну и своими ногами въ хату ея не заносишь. А въ холодъ

такъ еще хуже бывало: позамерзнетъ вся эта грязь въ углахъ сугробами, и сколько ты ея ни выгребай, глядишь, а ея опять столько же. Печбу истопишь, всѣ углы и щели станутъ оттаивать, съ потолка точно дождь крупными каплями закапаетъ, и отовсюду-то потекутъ какъ есть настоящіе ручьи да лужи, и такъ это они текутъ, пока въ хатѣ тепло; похолоднѣй станетъ—сыростью да затхлою кислотой понесетъ. И посмотрѣть-то кругомъ себя просто тошнехонько! Потолокъ и стѣны въ грязныхъ пятнахъ: отовсюду торчитъ и сыплется мохъ, такъ вотъ и наблюдай тутъ чистоту!

— Ахъ, няня, какъ не хорошо!.. прижимаясь другъ къ другу, говорили мы, подавленные тяжелымъ чувствомъ.— Какъ же ты-то жила?

— Какъ я жила? Всѣ думали, что мнѣ лучше всѣхъ... Насъ считали самыми богатыми въ деревнѣ... а мнѣ было всѣхъ тяжелѣе. Ужъ видно на роду такъ написано, чтобы дитей отъ своего же безумства всякую горестъ терпѣть, а въ старости у васъ въ этакой холѣ да нѣгѣ жить.

Отецъ мой взялъ въ приданое за моей матерью полтора ста рублей, а это на нашей сторонѣ просто несмѣтнымъ богатствомъ считалось. На эти деньги онъ купилъ строеваго лѣсу и отстроилъ большую избу для постоя: на ночь пускалъ ямщиковъ и другихъ прохожихъ и проѣзжихъ. За постоя съ ужиномъ платили гривну, а брали овесъ для лошадей, такъ и больше. Немного, вѣстимо, въ этомъ было ему выгоды: сторона наша глухая, заѣзжихъ было мало, да вѣдь чтобъ и накормить человѣка, хлѣбъ-соль подать и варево какое ни на есть состряпать, на все это деньги надо затратить.

Хоть и была то суцная клевета, что у отца деньги водились, однако много-ли, мало-ли,—намъ никогда не приходилось сидѣть безъ хлѣба, и только ужъ предъ самымъ жнитвомъ мы подмѣшивали въ рожь мякину.

Я была одна у родителей. Отца я до смерти боялась: такой онъ былъ строгій, суровый, да мы его почитай по цѣлымъ днямъ не видали. То онъ далеко уѣдетъ овесъ скупать, дрова вывозить или за какимъ другимъ дѣломъ. За то съ матерью мы были всегда вмѣстѣ: она была такая кроткая, во мнѣ души не чаяла, всякую думку свою мнѣ повѣряла, крѣпко она меня любила. И для меня не было ничего лучше на свѣтѣ, какъ ей услужить. Такая бывало мнѣ радость, какъ заворачиваютъ къ намъ постояльцы. Вотъ, думаю, ей бы теперь ни за что безъ меня не управиться: прыти у нея такой нѣтъ. И сейчасъ это я вскочу и, пока ямщикъ лошадь распрягаетъ, я печку растоплю, столъ накрою... Гость въ сѣни, а я ужъ и двери настезъ, въ передній уголь зову, съ низкимъ поклономъ чистый ковшикъ квасу подаю, «испей», говорю, «съ дороги, родименькій, отдохни маленько у насъ, а я лошадку твою пригляжу»... это все я такъ тараторю, чтобы матушкину душеньку потѣшить... «Что у тебя за дочка!» хвалить ямщикъ, «этакая разбитная да смышленная! Я дѣвченокъ не люблю, а будь этакая,—не прочь бы вскормить!» Извѣстно, гостю только угоду да почтеніе по обычаю окажи, вѣдь у насъ это очень цѣнно. И такъ бывало это имъ моя болтовня да бѣготня по праву, что, разъ у насъ побывавши, ямщикъ уже навѣрно и еще завернетъ, да и меня не забудетъ: то баранокъ, то писаный пряникъ въ гостинецъ привезетъ.

Мать никогда словами меня не одобряла, да никогда и не бранила, а я все какъ есть по ея лицу узнавала. Чуть бывало съ нетерпѣніемъ говорить со мной станеть, и лицо ея будто съ сердцовъ вспыхнетъ, я сейчасъ и начну приставать: «что, мама, говорю, вѣрно вечеръ тата бранилъ, или можетъ у сосѣдей что недоброе?»

— Да вонъ Макарьевна,—скажетъ она,—пристаетъ,

гречихи для ребятъ просить, ругается.. такая сякая, жадная, говорить,.. а откуда мнѣ взять, когда у самихъ съ гарнецъ осталось? Я бы и тотъ отдала, да отца боюсь...

— А правда, мама,—спрашиваю я,—что жадные да злые на томъ свѣтѣ весь вѣкъ свой сковороды горячія лизать будутъ?

Тутъ не въ сковородахъ дѣло,—скажетъ она,—а такъ по человѣчеству ребятъ жалко. Надесь иду, а меньшинь-кая-то ея дѣвчонка во всю что есть моченьку вопить, что животь у нея сводить... вѣстимо отъ голыхъ щей... сидитъ она почти что вовсе голая; я какъ посмотрѣла на нее поближе, такъ меня точно ножемъ шарапнуло: руки да ноги—тоненькія такія, точно плетки повисли, а животь—что котель нашъ чугунный: большой, круглый да черный такой.—Жалко мнѣ стало Макарьевну: какъ только матушка отдохнуть прилегла, побѣжала я къ ней во дворъ, стою да изъ-за притолоки и выглядываю. Примѣтила она меня, да какъ схватить полѣно...

— Чего,—говорить,—сытое брюхо, зенки вытаращила? Надъ нашей бѣдностью да убожествомъ зубы скалишь?.. Вотъ я те сейчасъ башку разможжу...

Бѣгу это я отъ нея, ногъ подъ собой не слышу, а сама отъ стыда да обиды такъ и плачу, такъ и надрываюсь. Разсудку-то еще мало было, смекнуть не могла, что безъ дѣла не за чѣмъ было туда и ходить.

— Чего, мама, она меня безвинно обидѣла? спрашиваю я мать, рассказавши ей, какъ было дѣло.

— Вина твоя въ томъ, что ты ѣла, а она голодна. Не надо, дитятко, вовсе никуда ходить: у нихъ столько зависти къ намъ, что взаправду, можетъ, еще кто и голову прошибетъ.

Въ чемъ же тутъ вина моя, думаю, что я ѣла, а она нѣтъ?

И такая думка меня взяла, ажно совсѣмъ ото сна отшибло. Лежу это я ночью, открывши глаза, на печкѣ, а на умѣ все одно: «что если бы это я была теперь голодная?» это я сама про себя такъ раздумываю—«и пришла бы ко мнѣ сосѣдка или другой кто?.. Я бы рада была... горю, значить, моему болѣзнуетъ. Да нѣтъ!... чего рада?... вѣдь ѣсть бы все также хотѣлось, и пожалуй, еще злость взяла бы, что этимъ болѣзнованьемъ только голодъ напоминаютъ. И все этакъ лёжа, я пуще и пуще объ этомъ раздумываю... Ужь сама не знаю, наяву или во снѣ видѣніе мнѣ явилось... Голова моя закружилась, въ глазахъ запрыгали блески, и вдругъ меня какимъ-то сіяньемъ сразу чуть не ожгло... Такое оно было яркое да лучистое... Я силюсь глаза открыть и вижу какой-то старый, престарый старикъ въ свѣтозарныхъ, легкихъ, какъ облака, одеждахъ, съ длинной клюкой изъ горячихъ лучей, въ огромномъ вѣнцѣ, разукрашенномъ луною и звѣздами... А на груди его такъ и горитъ, такъ и жжетъ меня настоящее солнышко... Хочу перекреститься, молитву сотворить,—рука не поднимается... страхъ да холодъ такой, точно во льду закована. И явственно, явственно, внушительно такъ заговорилъ этотъ самый старикъ.

— Отдай гречу Макарьевнѣ! Отдай! Не оставляй безъ облегченія ни одной слезы, что примѣтишь, ни одного вздоха, что услышишь.

Говорить это онъ, а въ меня каждое слово точно гвоздемъ вбиваетъ,—и страшно такъ, и спросить то его хочется... известно дитѣ, — и тутъ любопытство беретъ... И не утерпѣла, такъ-таки спрашиваю: «Какъ молъ дядинька, звать васъ?» Поднял онъ правую руку вверхъ, и на потолокъ, въ нашей хатѣ, какъ вотъ есть настоящая радуга явилась... И его свѣтлый ликъ все сумрачнѣе становился, вытянулся, сталъ грозный такой; свѣтозарныя

одежды заходили, точно тучи свинцовыя: не видать на нихъ ни лувы, ни звѣздъ, ни яснаго солнышка, а передо мной, надъ самыми моиими ушами, раскатился страшнѣющій громъ, блеснула молнія и задѣла...

— Матушка! мнѣ молнія лицо опалила!.. помоги!.. кричу я безъ памяти.

Переполошилась мать, прибѣжала... — Дитячко, Христось съ тобой, — крестить она меня. — Это тебѣ приснилось.

— Матушка родная! Отдай ты гречу Макарьевнѣ, непремѣнно отдай... Надысь вѣдь мы съ тобой папошникомъ полудничали, а они уже съ коихъ поръ перебиваются.

А мать-то смотритъ мнѣ во всѣ глаза... — Съ нами, — говоритъ, — крестная сила, что ты, дитячко, среди ночи объ этомъ толкуешь? — Очень она испугалась, что я, ни съ того ни съ сего, въ этакую пору объ этомъ заболтала.

Какъ рассказала я ей свой сонъ, крѣпко она задумалась, потомъ затеплила восковую свѣчку предъ иконой и долго, долго клала земные поклоны, а погода, взлѣзла на печку ко мнѣ. «Ладно», сказала она мнѣ на ухо, — «возьми гречу, только вотъ уже смотри, что будетъ отъ отца»!..

Несу это я на другой день Макарьевнѣ мѣшокъ съ гречей и думаю: «поди какъ ей будетъ стыдно, что она меня ни за что, ни про что надысь такъ обидѣла». Вхожу въ сѣни, дверь настежъ отворена, а она на лавкѣ сидитъ и на рубаху заплаты кладетъ.

— Чего тебѣ, пострѣленокъ! — вскинулась было она на меня, поднявши голову, и навѣрно вскочила бы, чтобъ чѣмъ нибудь въ меня швырнуть, да на колѣняхъ куча стараго тряпья лежала.

— Вотъ молъ, — перебила я ее, — твоимъ ребятамъ мать гречу посылаетъ...

— А она мнѣ на это: — фу ты пропасть? Ужъ правда

пословица сказываетъ—старость не радость, совсѣмъ тебя не распознала... за Филиппову Аннушку приняла.

— Полно, тетка, грѣхъ-то на душу брать,—ужь не стерпѣла я,—ты доселева насъ никогда не распознавала: если бы наемни не убѣгла, такъ можетъ и теперь бы съ прошибленною головой ходила...

— Ахъ грѣхъ какой! Неужто ты и надысь попалась?.. Помню, помню... суцая правда... ты знаешь, моя Марфутка такая сорви-голова, наемни ухватъ куда-то затащила... а мнѣ горшки въ печку сажать... злость такая взяла... я тутъ ужь ничего и не видала: свои-ли, чужіе-ли подъ руку попали...

Хотѣла было я про мать напомнить, какъ она надъ ней глумилась, да очень постыло стало мнѣ съ ней разговоры больше вести. Прибѣжала я домой, а лихomanка такъ и бьетъ меня отъ злости, такъ вся я и дрожу...—Зачѣмъ, говорю, мама, лукавая она такая?

— Житье ейное не очень сладкое, вотъ она въ извороты и пускается... Эхъ! дитятко! поживешь—поймешь поговорку: нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ.—Пожила и взаправду узнала, какъ правдива эта поговорка.

— Да что я! куда съ вами забрела,—заговорила няня, совсѣмъ по молодецки тряхнувъ головой, какъ будто желая прогнать отъ себя несчастные образы, грустные воспоминанія.—Поди, какую скуку на васъ навела! Нѣтъ, дѣтушки! прочь черныя думки. Веселитесь, силушки набирайтесь, здоровья, а подрастете, съ умными людьми почаще совѣтъ держите, какъ со свѣту нужду прогнать. Поѣдомъ заѣдаетъ она многое множество людей. Вотъ я сколько ни думала, ни гадала,—ничего не вышло, потому никакого у насъ просвѣтлѣнія не было. А вотъ у васъ науки разныя... да что я опять объ томъ же!—И она уже вскочила съ мѣста, подперла руки въ боки, чтобы

пуститься въ плясъ, какъ она это дѣлала обыкновенно, чтобы насъ расшевелить.

— Нѣтъ, няня, не хотимъ смотрѣть... говори, что съ тобой дальше-то было,—кричали мы со всѣхъ сторонъ, точно желая до дна испить горькую чашу.

— Ужь если вамъ охота слушать пришла, такъ лучше я про «Жарь-птицу»...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!..

— Да это будетъ ужъ не та «Жарь-птица»: совсѣмъ новая...

— Да нѣтъ, говори, что потомъ было съ тобою?

— Эхъ вы, народъ несговорчивый, бѣда съ вами да и только! ну, слушайте, на чемъ бишь я остановилась? Да, на Макарьевнѣ!

Хватился отецъ гречи,—мать все приняла на себя, и отецъ такъ осерчалъ на нее, что она всѣ глаза себѣ выплакала. Я ничего ужъ больше не брала изъ матушкинова хозяйства, боялась, чтобы ей опять не досталось изъ за меня. Свой ломоть за пазуху стала прятать; только когда отецъ сидѣлъ супротивъ меня, мнѣ это никогда не удавалось.

Разъ Макарьевна стала слезно меня просить добыть ей пятакъ: сосѣдъ въ городъ ъхалъ, такъ нужно ей меньшинькой дочкѣ грудной травки купить, больно она кашляла о ту пору. «Надо тоже соли», сказывается она мнѣ, «ухъ какъ надо! да ты ужъ мнѣ хоть пятакъ добудь».

Иду домой, а ямщикъ мяѣ на встрѣчу. На, говорить, за соль, за хлѣбъ гривну, хозяйева ваши куда-то запропастились, а мнѣ ждать некогда. Я тутъ-же воротилась къ Макарьевнѣ, и отдала ей эти самыя деньги. Прихожу домой, а отецъ за столомъ сидитъ и очень на матушку серчаетъ, что она постояльца не усторожила. Какъ тутъ быть? Не сказать,—матери достанется, да пожалуй, какъ

ямщикъ-то опять завернетъ, такъ отецъ, слова не сказавши, съ нимъ драку затѣетъ.— «Такъ и такъ батюшка», говорю, «ямщикъ мнѣ деньги отдалъ».

— Такъ что-жъ ты молчишь,—давно бы такъ и сказала,—ну, неси же деньги... слышишь, спрашиваю?

Стою я ни жива, ни мертва, съ ноги на ногу переминаюсь, а какъ открыла ротъ, такъ и ну корзину плести... «Шла, говорю, къ хлѣву, собака бросилась, я деньги обронила»... да тутъ же опять понесла другое...

Какъ сейчасъ вижу, отецъ сидитъ и хотъ-бы пальцемъ пошевельнулъ, значить, безъ всякаго движенья, глазомъ даже не сморгнетъ, такъ въ упоръ и глядитъ. Мать въ углу, свѣсила голову, а руки и ноги у ней, что осиноый листь, дрожать... Я стою у двери и болтаю, сама не знаю что, точно съ ума спятила, совсѣмъ не могу съ языкомъ своимъ совладать. Отецъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, да какъ выскочить изъ-за стола и схватилъ меня за чупрынкъ; въ спину ногами пинки даетъ, да такъ и таскаетъ за волосѣнки по всей пзбѣ, а самъ еще приговариваетъ: говори, гдѣ деньги? Мать бросилась передъ нимъ на колѣни, плачетъ, въ ногахъ у него валяется... «Не тронь», вопить она, «это дитя Божье. На баловство не стащить. Вишь: не дошьетъ, не доѣстъ, а неимущему подастъ...» говорила она, обезумѣвъ и съ отчаяніемъ выхватывая меня изъ рукъ отца. — «Она перстомъ Божіимъ отмѣчена»...

— Какъ? Богъ велѣлъ отца обкрадывать! Прочь, безразсудная!.. а то самой достанется...—кричалъ отецъ, толкая мать, а самъ еще пуще, больнѣе давалъ мнѣ пинки.—Сама заработала,—ну и раздавай, кому хочешь... а то чужое беретъ. Я тебѣ покажу, каково воровкой быть...

И, послѣдній разъ пригнувъ меня за волоса къ своимъ ногамъ, такъ что у меня изъ глазъ искры посыпались, онъ вытолкалъ меня изъ избы. Вышла я на задворки

да и бросилась въ густую траву. горе свое въ тихомолку выплакать. Слышу, коровы мычатъ... Эка напасть, думаю, и поплакать-то въ сласть не даютъ, вотъ и иди опять въ избу отцу глаза мозолить: матери подойникъ доставать надо... Вдругъ слышу народъ бѣгаетъ, галдитъ, ругается. Видно, думаю, бѣда какая на деревнѣ приключилась.

— Машка, а Машка!—раздался надо мной голосъ нашего пастуха... Я вскочила совсѣмъ передъ его носомъ.

— Фу, пропасть! Изъ земли, что-ли ты выросла?—пробормоталъ онъ, вздрогнувши и перекрестившись.—Ну, Машутка, бѣда какая надъ нами стряслась, только кому изъ насъ двоихъ придется расхлебывать? Съ полчаса тому назадъ пригналъ я вашу корову: смотрю, на дворѣ у васъ никого нѣтъ, а въ избѣ гвалтъ... Все одно, думаю, она замычитъ, а мать твоя сейчасъ и выйдетъ ее доить; къ тому же она, какъ всегда, такъ къ вашему крыльцу и побѣжала... Я и не окликнулъ васъ и прошелъ къ Ивану за лыкомъ. Отошелъ это я маленько отъ вашей хаты, смотрю,—кто-то въ травѣ на карачкахъ сидитъ, глянулъ, а Макарьевны мальчуганъ такъ къ землѣ и припалъ. Сначала подумалъ, не у васъ-ли онъ что высматриваетъ, не стащить-ли собирается, что плохо лежитъ, а можетъ зайца подстерегаетъ, либо птицу какую, пришло мнѣ потомъ на умъ, и ничего я ему не сказалъ, такъ и прошелъ. Иду это я взадъ съ лыкомъ, а изъ хаты Макарьевны дочки ея бѣгутъ. «Ахъ батюшки!» кричатъ онѣ всѣ, «потрава, потрава!»—А какого звѣря словили? спрашиваю ихъ. — «Да корову Максимову».—Что вы, креста что-ли на васъ нѣтъ! Я вотъ ее только-что къ нимъ во дворъ загналъ... Берегись, говорю, Макарьевна, вѣдь насквозь вижу, что сама кашу заварила,—не даромъ же твой пострѣленокъ по землѣ вокругъ ихней хаты ползалъ.

— Ахъ ты такой, сякой!—ругается она, а сама такъ къ горлу и подступаетъ.—Больно ты смѣлъ! Есть у тебя на это свидѣтели? А то мало-ли что можно говорить: языкъ безъ костей, а наши свидѣтели, вонъ гляди, возвращаются и корову Максимову за рога тащатъ.

— Опомнись, Макарьевна; вѣдь ты себя съ головой и съ руками выдаешь... Какіе они свидѣтели? Это вмѣстѣ съ тобой шайка грабителей, вотъ какіе вы свидѣтели!.. Тутъ народъ подошелъ, гвалтъ поднялся, а я къ тебѣ... Поди отецъ твой ребра мнѣ переломаетъ, да и тебѣ, Машутка, не слобровать, зачѣмъ не слыхала, когда коровъ съ поля гнали...

«Да ничего не будетъ», сказываю я ему, и опрометью пустилась къ Макарьевнѣ.

— Ну, Машутка,—кричитъ она, еще издали меня за-видѣвши,—только тебя жалѣючи, не хочу я съ твоимъ отцомъ дѣло до волости доводить. Знаешь, какой тамъ съ коровы шрафъ за потраву, а ты лучше бѣги къ отцу, да скажи ему, чтобъ онъ половину мнѣ несъ, что по закону слѣдуетъ, такъ мы на этомъ съ нимъ и порѣшимъ. Что же ты, Машутка, насупилась? Обдумываешь, что-ли, не тягаться ли намъ съ вами?

— Такъ неужто вамъ грабителямъ за дневной разбой деньги платить?—съ крикомъ я ей въ отвѣтъ,—ни за что этого не будетъ! Сама въ волость побѣгу... всю землю на колѣняхъ исползаю и ужъ вымолю суда праваго...

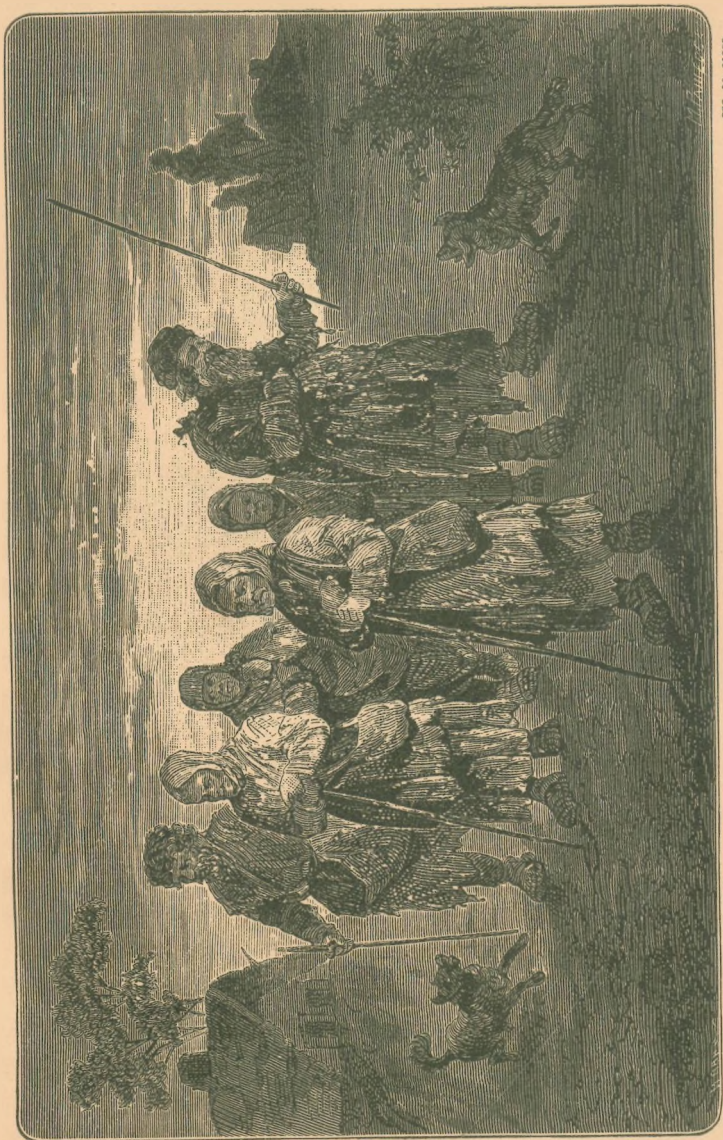
Но дѣло никуда не пошло: свидѣтели Макарьевны отказались, смекнули, что фальшь ихъ очень замѣтна была,—только мнѣ отъ этого облегченія не было. Съ этихъ-то самыхъ поръ дѣло стало у меня какъ-то совсѣмъ не клеиться; хожу, какъ шальная, еще новыя думки пришли, спокою никакого не даютъ: какъ бы это людей всѣхъ добрыми да справедливыми сдѣлать? Отчего это они такъ лгутъ и тутъ-же прямо въ глаза могутъ смо-

трѣть? Куда ихъ совѣсть на это время дѣвается? Очень тоже все еще мучило меня и о ту пору, зачѣмъ батька меня воровкой окрестилъ. Дѣдушка, что надесь весь въ звѣздахъ небесныхъ явился, помогать велѣлъ, а батька за это воровкой прозываетъ. Тоска да думки эти неотступныя ужъ такъ порой душили меня и больше всего по ночамъ, совсѣмъ бессонница меня одолѣла: всѣ въ избѣ спать, а я лежу на печи и глазъ не могу сомкнуть, ажно страшно станеть... хочу закричать, матушкѣ голосъ подать, воды поспить попросить,—и ни гу-гу: такъ у меня въ горлѣ дыханіе сопреть.

Да правду говорить пословица: «на бѣднаго Макара всѣ шишки валяются», и такъ ни тяжело мнѣ тогда было, а еще горшая бѣда была впереди. Матушка занемогла отъ простуды и, какъ слегла, чрезъ пять дней умерла. Очень тяжело, дѣтушки, объ этомъ вамъ сказывать да и нечего, потому изъ всего того, что тогда было, я вотъ что только помню: кладутъ мать въ гробъ, у насъ цѣлая изба народу, суетятся, голосають, подходятъ ко мнѣ, наклоняются, засматриваютъ мнѣ прямо въ глаза, что-то говорятъ мнѣ на ухо... Подошла какая-то старуха, погладила меня по головѣ, вытерла концемъ косынки катившіяся градомъ слезы и зашлепала отъ меня опять къ гробу... А я стою у притолоки и пошевелинуться не могу. Отецъ сгребъ меня въ охапку, положилъ на печку, сбрызнулъ водой, а я лежу и все слышу, что говорятъ, только сама, какъ и прежде, ни языкомъ, ни ногами не могу пошевелить.

Хотя и не надолго я заболѣла послѣ матушкиной смерти, но совсѣмъ оправиться съ тѣхъ поръ не могла. Мнѣ было уже пятнадцать лѣтъ, но работа не клеилась у меня въ рукахъ: то я зачашу каждый вечеръ къ матери ходить на могилку, а то мимо кладбища придется идти, такъ совсѣмъ съ дороги сворачиваю, дѣлаю по три,

Титл. 9А. Гомме.

по четыре версты лишку, чтобы она на глаза мнѣ не попалась.

Прошло съ полгода, и люди со стороны стали уже отцу досаждать: зачѣмъ-де ты свою дѣвку къ рукамъ не приберешь, въ ея лѣта другая и хозяйку могла бы замѣнить. Очень мнѣ было этого стыдно, потому понимала я, что это сущая правда. Принялась я со всѣмъ усердіемъ хозяйничать, отцу услуживать, только проку изъ этого мало выходило. Подыму что, такъ одышка такая, что передохнуть цѣлый часъ не могу, горшки въ печку стану сажать,—руки обжгу да и варево пролью. Что же это, думаю, сыра земля меня не принимаетъ, коли я для работы негодная такая?

О ту пору какъ-то разъ завернулъ къ намъ ямщикъ, вошелъ въ избу, легъ на лавку и сталъ съ отцомъ толковать про ту сторону, гдѣ онъ проѣздомъ былъ. Тамъ, сказывалъ онъ, хлѣбъ не такъ родится, какъ у васъ, люди не спдятъ безъ хлѣба и работа не въ примѣръ лучше цѣнится, да и найти ее легче... И какое тамъ приволье, благодать, такъ и сказать трудно! Вотъ у васъ уже осень, листь желтѣеть, цвѣты въ поляхъ позавяли, а тамъ все еще въ полномъ цвѣту да во всей красѣ и теплынь такая, что всѣ еще въ однѣхъ рубахахъ ходить.

— А поди и тамъ,—перебилъ его отецъ,—бобылемъ плохо жить, непремѣнно во дворъ хозяйка нужна?

— Вѣстимо, жеватому повадвѣй... а что? жениться, что-ли, собираешься?

— Думаю, очень думаю, потому мнѣ никакъ нельзя: дѣвчонка у меня въ умѣ что-ли маленько рехнулась, только лядащая такая, ненадежная стала... Хозяйка въ домѣ нужна, время тоже учить ее уму-разуму, всякому женскому рукодѣлью и хозяйству, а мое дѣло мужское...

Долго они промежь себя толковали, только я больше

ничего не слыхала: «неужели въ нашемъ домѣ кто-нибудь матушкино мѣсто займетъ, и мачиха станетъ корить меня за хворость! Уйти, безпремѣнно уйти надо!»

Однако уже съ мѣсяць времени прошло, отецъ и свадьбу собираетъ играть, а я все живу дома: какъ ни раскидываю умомъ, а придумать никакъ не могу, откуда на дорогу денегъ добыть.

Разъ подъ вечеръ сажу я на завалинкѣ, вдругъ слышу: со всѣхъ концовъ деревни собаки подняли страшнѣйшій лай, и одна за другой такъ и пробѣгаютъ мимо меня. Смотрю, по дорогѣ бредутъ нищіе — богомольцы, съ котомками чрезъ плечо и съ палками въ рукахъ. Кругомъ ихъ ужъ собралась цѣлая стая нашихъ деревенскихъ собакъ, лаютъ, хватаютъ нищихъ за ноги, за оборванные ихъ балахоны... Нищіе тѣмъ себя немного и защищаютъ, что покажутъ палку или ткнутъ его въ собаку, что позлѣе. Сзади ихъ уже бѣжала цѣлая толпа ребятишекъ... Съ такимъ-то шумомъ и лаемъ подвигались нищіе все ближе и ближе къ нашимъ хатамъ. Когда они дошли до середины деревни, то раздѣлились, точно въ церкви, на два хора, и запѣли. Словъ-то я не помню, да вы бы ихъ и не поняли, но зато никогда не забуду, что меня больше всего въ нихъ прельстило. Въ пѣснѣ, что они пѣли, рассказывалось о томъ, какъ одинъ царскій сынъ хочетъ оставить свой царскій дворецъ и престолъ и удалиться въ пустыню.

«Не жить тебѣ въ пустынѣ», поетъ одинъ хоръ, «потому нѣтъ во мнѣ царскаго яства, нѣтъ во мнѣ царскаго поила; только водица болотная, акриды да мѣдъ дикій».

«Буду я нищъ и босъ», отвѣчаетъ другой хоръ, «но никогда не польщусь я на палаты златыя, на чертоги свѣтлыя; не надо мнѣ ни славы, ни почести людской. Только ты, мать-пустыня, прими меня къ себѣ, хочу я

жить въ тебѣ одинъ одинешенекъ, — заживо тамъ себя погребсти, дни и ночи работать, за грѣхи да суетность мірскую молиться».

«Не утерпѣть тебѣ», отвѣчаютъ ему, «какъ придетъ весна красная, всѣ деревья листомъ одѣнутся, сыра земля пышной зеленью покроется, когда птички прилетятъ, пѣсни райскія запоютъ, — тогда ты уйдешь и меня мать-пустыню позабудешь».

— Вы, дѣтушки, много умнаго слышите, книжки читаете и все-таки готовы слушать, кто только ни начни съ вами толковать. Такъ подумайте же, какъ мнѣ-то было все это любо-дорого слушать... Собака ли за угломъ заворчить, звякнутъ-ли чѣмъ въ хатѣ, ребенокъ-ли гдѣ пикнетъ, — я, кажется, готова была о ту пору всякаго разорвать на части, такъ я боялась хоть словечко проронить. И всѣ прежнія думки опять пришли мнѣ на умъ. Вотъ бы мнѣ въ пустыню уйти, думаю... А можетъ Богъ привелъ-бы, раньше чѣмъ поселиться въ пустынь, повидать ту благодатную сторонку, о которой сказывалъ ящикъ.

Тутъ изъ всѣхъ хатъ стали женщины выходить съ подаваемъ: кто краюху хлѣба давалъ, кто лукошко яицъ, старую шапку, полотенце. Нищіе стали закусывать: нѣкоторые сѣли на траву, другіе пришли ко мнѣ на завалинку.

— Послѣ болѣзни, что-ли, на припекѣ грѣешься! спрашивали они меня.

— Нѣтъ...

— Что же ты такая дохлая?

И такъ слово за слово у насъ завязался разговоръ.

Въ это самое время проходитъ Петруша, нашъ деревенскій паренекъ; изъ стороны въ сторону покачивается, на веселѣ, значить, на насъ посматриваетъ и съ такимъ-то ехидствомъ ухмыляется. Смотрѣлъ онъ, смотрѣлъ, да какъ гаркнетъ на всю деревню.

— Зорко глядите, народъ честной, за своимъ добромъ... Въ сундуки его подъ замки замыкайте... живность всякую тоже на запоры крѣпкіе приприте!.. Жалко, Машутка, жалко, что такое знакомство свела. Вѣдь никто не думалъ, не гадалъ, что изъ тебя попрошайка выйдет!..— Это онъ ужъ мнѣ сказалъ.

— Какъ попрошайка! Когда? Говори!—всполошилась я,—а нищенки-то, что возлѣ сидѣли, меня за юбку такъ и дергаютъ, молчать приказываютъ. И самп они парню этому ничего не сказали, только, какъ онъ кричалъ, такъ онѣ крестились да молитву творили въ полголоса, чтобъ Богъ его простилъ.

Я тутъ же рѣшилась бѣжать отъ отца, сказала пмъ объ этомъ, и онѣ согласились ждать меня на другой день въ деревнѣ, за пять верстъ отъ родительскаго крова.

И стала я нищенкой. Двѣ недѣли бродили мы въ холодъ и непогоду, ночуя часто даже и во время проливнаго дождя подъ открытымъ небомъ, на голой, мокрой землѣ. Протягивали мы руку и пѣшему, п конному, богатому и бѣдному. Собираются-ли насъ слушать, или впхремъ мчатся мимо, мы все-таки на удачу затыгиваемъ Лазаря:

Жили-то были два братца,
Два братца родныхъ да два Лазаря:
Что одна ихъ матушка породила,
Не однимъ ихъ Господь счастьемъ надѣлилъ.

Дальше-то въ этой пѣснѣ сказывается, что одинъ изъ нихъ былъ богатый, да корыстолюбець, а другой Лазарь— нищій, но милосердый. Послѣ смерти душу бѣднаго Лазаря несутъ съ почестями въ пресвѣтлый рай. Пропоешь это, и на душѣ какъ будто отляжетъ.

На дворѣ еще осень была, а у меня уже кости ныть стали отъ холода да сырости. Все, что намъ удавалось

собрать, мы отдавали нашему «старшому»; онъ-же и пишу намъ дѣлилъ, когда мы садились закусывать, онъ и командовалъ нами: куда идти говорилъ, что дѣлать.

Неприглядна, тяжела, охъ, какъ тяжела была наша жизнь: проснешься, и зубъ на зубъ по часу не можешь свести, такая дрожь тебя пробираетъ. Только солнышко иной разъ порадуетъ, какъ тепломъ пригрѣетъ, точно оно хотѣло съ любовью да миромъ съ людьми передъ зимой разстаться. Къ тому же наши все говорили мнѣ, что они идутъ въ ту самую благодатную сторону, про которую я отъ ящика слыхала, и это меня много утѣшало.

— Что, мы, батюшка, отецъ родной, Иванъ Порфирьичъ, — говоритъ разъ одна изъ нашихъ «старшому», — не думаемъ двухъ, трехъ ребятъ скрасть... день, два глядишь, а тамъ и городъ покажется...

— Есть чего это добро раньше набирать, — только лишній расходъ. Вотъ къ вечеру версть пять въ сторону возьмемъ, тутъ деревня будетъ, такъ мы это завтра дѣло и обдѣлаемъ, — только чуръ у меня раньше вставать.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда мы подошли къ деревнѣ. На этотъ разъ мы нигдѣ не стучались, не просили Христа ради, а въ саженьяхъ тридцати отъ хатъ завалились въ старомъ, сгнившемъ сараѣ.

— Маринушка, ты давно въ нищенкахъ? — положивъ подъ голову суму, спрашивала я шепотомъ одноглазую, подслѣповатую, лѣтъ пятнадцати дѣвочку, которая чаще другихъ со мной заговаривала, — скажи, что это они дѣлать собираются?

— Развѣ ты не слыхала? Старшой двоихъ отрядилъ чуть свѣтъ завтра ребятъ скрадывать...

— Какъ скрадывать? Неужели это значить красть? Зачѣмъ же имъ дѣти? — до смерти пугалась я.

— Вѣстимо, зачѣмъ: дитю всякій больше жалѣеть; глянетъ на руки, а у тебя такай махонькій, на холоду,

весь перезяблый, синій, да еще въ нечистомъ тряпѣ, особливо если еще калѣченькій,—тутъ всякій прохожій такъ разжалобится, иной даже бумажку подасть.

— Тагъ зачѣмъ же красть, вѣдь если спросить у матери, она и такъ дастъ, поди съ какою еще благодарностью, если только деньги, что на него соберутъ, и ребенка ей въ сохранности возвратятъ...

— Что ты, на свѣтъ вчера народилась? Вѣстимо, скрадутъ, чтобы себѣ деньги оставить!

— Какъ же это такъ? Дитя у матери украсть! Она можетъ на работу куда отойдетъ, а его унесутъ! Вѣдь какъ она потомъ тосковать-то будетъ! Нѣтъ Маринушка! Этого никакъ нельзя! Экій грѣхъ!.. Встанемъ, родная, пойдемъ потихоньку на деревню, оповѣстимъ, что наши задумали дѣлать.

— Молчи, глупая твоя башка!—и Марина такъ больно ткнула меня въ бокъ, что я сама собой перевернулась на другую сторону.—Моли Бога,—крикнула она мнѣ, что тебя старшой не слышалъ, а то тебѣ бы и съ мѣста не встать...

— Что-же мнѣ дѣлать?—металась, я какъ угорѣлая, изъ стороны въ сторону, и опять заработала моя безпокойная головушка. Бѣжать одной на деревню и все рассказать,—такъ вѣдь, пожалуй, не повѣрятъ, да и свои еще подстерегутъ... Если они дѣтей крадутъ, само собою они могутъ красть и чужое добро! И я вмѣстѣ съ мошенниками? Но чѣмъ-же я то виновата? Я по чести и совѣсти, кровью и потомъ добываю свой нищенскій кусокъ!.. Какъ ни горѣло у меня все нутро, какъ ни ныло на сердцѣ, а все же черезъ часъ-другой стало ко сну клонить.

— « Попрошайка », вдругъ стало раздаваться надъ моимъ ухомъ, и вдругъ я вижу, что мы всѣ нищіе сидимъ на лужку, подъ деревомъ, а недалеко отъ насъ

идеть, какъ и тогда, когда я собралась бросить родимую сторонку, Петруша, нашъ деревенскій паренекъ. Какъ и тогда, онъ переваливается съ боку на бокъ, и злобная усмѣшка скривила его губы. «Петруша, голубчикъ!» кричу я и бросилась предъ нимъ на колѣни. «Погоди смѣяться, пожалуйста, родной, погоди... Пусть насъ съ тобой разсудятъ, и тогда смѣйся надо мной, сколько душѣ угодно, кличку мнѣ какую хочешь давай! Но прежде приведи ты несмѣтную рать строгихъ правдивыхъ судей... А, вотъ они! Всѣ лики со святыхъ иконъ, которые я въ храмахъ встрѣчала, всѣ собрались сюда судить меня. Ну, судите же,—я вся передъ вами... Что-же вы молчите? Вотъ онъ попрошайкой меня называетъ. Я милостыньку собирала, чтобы другимъ отдавать! Ушла изъ дому потому, что батюшкинаго добра бѣднымъ отдавать не смѣла... Хотѣла и грѣхи его отмолить... Что же тутъ дурнаго? Не мучьте, говорите, въ чемъ я провинилась передъ Богомъ и людьми? Что-же вы молчите?

Но вдругъ лица ихъ померкли, что тучи свинцовыя, я бросилась было къ Петрушѣ, но онъ со всей силы толкнулъ меня отъ себя... Я вскочила и проснулась: старшой толкалъ меня своей клюкой во всѣ бока и нещадно бранилъ, что меня добудиться нельзя и что я на всѣ вопросы несу нескладицу. Наши всѣ уже были на ногахъ и чуть не ползкомъ вылѣзали изъ сарая. Я вышла послѣдняя и явственно слышала, какъ старшой говорилъ двумъ женщинамъ, которыхъ онъ отрядилъ скрадывать ребятъ: «коли васъ изловятъ, изловчайтесь, какъ знаете, а ко мнѣ возвращаться не смѣйте... Ждать будемъ васъ въ лѣсу у дуба, что недалеко отъ дороги стоитъ».

Долго пришлось намъ ждать, пока наконецъ мы слышали трескъ хворостины. Мнѣ показалось, что у возвращавшихся съ собою не было дѣтей, но вдругъ одна изъ нихъ съ такою хвастью, точно и невѣсть что сдѣ-

лала хорошаго, подняла вверхъ узелокъ. Я подумала сначала, что то была небольшая коврига хлѣба: такой узелокъ былъ маленькій, кругленькій. Но вдругъ она сѣла на траву, положила узелокъ на колѣни и стала его развязывать.

— Водицею нужно вспрыснуть,—говорили кругомъ,— а то сразу-то отдышаться не можетъ...

А я на ребеночка и посмотрѣть-то не посмѣла, въ сторону отбѣжала.

— Это все равно, что душегубство!—думаю.—Нѣтъ! вы мнѣ не компанія! Лучше на большой дорогѣ голодною смертью помру, а дальше не сдѣлаю съ вами ни шагу... Такимъ-то манеромъ разсуждаю я сама съ собой и со-всѣмъ не слышу, не примѣчаю, что наши про меня толкуютъ. Только тогда и голову подняла, какъ старшой съ поднятой клюкой ко мнѣ подбѣжалъ. Какъ глянула я на него о ту пору, такъ вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я точно вчера вижу его звѣрское лицо. Его длинные, жидкіе, рыжіе волосы склеились клочьями отъ грязи и въ беспорядкѣ разметались по шеѣ; его круглые, совиные глаза такъ и бѣгали изъ стороны въ сторону. Онъ еще и палку не успѣлъ опустить на меня, какъ изъ-за кустовъ выскочила огромная лягавая собака и залаяла; ей тотчасъ отвѣчала изъ лѣсу цѣлая стая собакъ, и въ ту же минуту отовсюду раздался охотничій свистъ, крики...

— Самъ Богъ тебя спасаетъ!—стиснувъ зубы и угрожая палкою, говорилъ старшой, — а если ты вздумаешь въ городѣ на кладбищѣ христорадничать или гдѣ на паперти церковной, либо жаловаться куда на насъ соберешься,—смотри,—п въ преподней отъ меня не схоронишься...—и нищіе ползелись въ ту сторону, откуда не слышно было никакого шума. Отдохнувъ часа полтора на голой землѣ, я встала и тоже потащилась впередъ.

Съ утра до вечера пробродила я въ тотъ день одна единешенька, и никто не подалъ мнѣ ни гроша, ни сухаря. Къ вечеру голодная, усталая я шла уже по городу. Первый разъ въ жизни пришлось мнѣ увидѣть городъ, и ужъ какъ все-то въ немъ было мнѣ въ диковинку. Очень дивилась я и на бѣлыя, высокія церкви съ золотыми куполами и крестами, что даже въ темнотѣ блестяли, и на каменную мостовую, на высовіе дома, на длинныя, прямыя улицы, мощенныя и гладкимъ камнемъ, и крѣпко вбитымъ щебнемъ... И такъ все это мнѣ любопытно было, такъ я все это разглядывала, что даже голодъ на время забыла. Тутъ зажгли фонари, свѣтло такъ стало и съ уллицы видно, что въ лавкѣ дѣлается. Подошла я къ одному окну, а на немъ разныя булки лежатъ, — у меня вдругъ животъ и подтянуло, отойти не могу... Вотъ, кажется, разбила бы стекла, да такъ-бы все и поѣла! И подъ конецъ не смогла: двери не нашла, взяла да въ окошко, что было мочи всею пятернею и забарабанила,

— Это что такое? — закричала выбѣжавшая оттуда какая-то женщина.—Прочь, сейчасъ прочь уходи, а не то я тебя такъ этимъ огрѣю, что ты и съ мѣста не встанешь,—и она подняла вверхъ скалку, которою, вѣрно, раскатывала тѣсто.

Въ окнахъ уже потушили огни, а я, не находя ни хлѣба, ни пристанища, все еще бродила, боясь куданибудь постучаться. Вдругъ вижу у одного дома ворота приотворены, я взшла и стала бродить по двору. Подойду къ стѣнѣ, приложу ухо, ничего не слышно; подъѣздъ и разныя тутъ постройки были заперты. Только замѣчаю у воротъ одного сарая чурбанъ лежитъ и ну по-маленьку его оттягивать,—поддался, еще понатужилась, анъ смотрю и совсѣмъ его сдвинула. Не долго думая, я пролѣзла въ дыру, которую онъ закрывалъ, и ощупью отыскивала мѣсто, гдѣ бы мнѣ прилечь. Но все было завалено

какими-то палками, колесами и экипажами. Нѣсколько разъ я больно ударялась о какое-то желѣзо, чѣмъ-то острымъ раскроила себѣ лицо, руки. Двигаюсь я этакъ во всѣ стороны и замѣчаю, что справа рогатинъ да колесъ поменьше навалено, еще отползла да пощупала — сѣно. Вся въ немъ закопалась и, рада радешенька, сейчасъ же и растянулась.

Тутъ въ первый разъ я почувствовала все свое бездолье. «Зачѣмъ я отъ отца бѣжала», горько я себя упрекала, «развѣ и при злой мачихѣ могла я терпѣть такое горе? Пошла нищенствовать», злобно смѣялась я надъ собой, «чтобъ помогать другимъ... Хороша помощь, когда самую голодь разрываетъ на части! Поди, какъ я обогащу другихъ теперь, когда исцарапанная, промокшая до костей, рада, что нашла и этотъ клочъ сѣна, за который завтра, можетъ быть, избыютъ меня до полусмерти!» И я, проклиная свое безумство, обливалась горькими слезами. Это былъ самый тяжелый день въ моей жизни, и во снѣ мнѣ все мерещилось, что будто мать печетъ блины, до которыхъ я была большая лакомка, или видѣла я, будто разношу ямщикамъ въ ковшахъ молодой сладкій квасокъ.

Чуть въ щели сарая забрезжилъ свѣтъ, я рѣшила выползти вонъ чрезъ то же отверстіе, чрезъ которое пришла. Но я не сразу встала: подыमुखъ — голова закружится, въ глазахъ блески зацыгаютъ, ноги такъ задрожать, что сама собой опять на землю опускаюсь... Однако встала такъ разъ пятокъ и подъ конецъ удержалась таки на ногахъ. Пуще всего меня пугало, что вотъ-вотъ совсѣмъ разсвѣтетъ, придутъ сюда и исколотятъ меня, что забралась безъ спросу.

Вышла и преспокойно прошла въ ворота; не только никто не попался на встрѣчу на дворѣ, но было еще такъ рано, что никого не видно было и на улицѣ. Прошла я

нѣсколько домовъ, ноги все больше тряслись и подкашивались, а я знала, что если теперь упаду, такъ не поднимусь больше, вотъ я и сѣла на первой попавшейся скамейкѣ. Скамья была у ограды небольшого садика, изъ-за рѣдкихъ вѣтвей котораго хорошо былъ виденъ большой, каменный, двухъ-этажный домъ. Скоро во всѣхъ домахъ послышался скрипъ дверей и плачь ребятъ; на улицу высыпалъ народъ, мимо меня то и дѣло пробѣгали съ корзинками, мѣшками и съ кипяткомъ въ мѣдныхъ чайникахъ, отъ которыхъ билъ паръ тонкими струйками. Сколько разъ я протягивала имъ руки, затыгивала Лазаря, никто даже и не посмотрѣлъ на меня. Тогда я рѣшила не вставать больше съ мѣста, не просить подаянья,—установилась и смотрю, а мимо меня то пара рысаковъ быстро несетъ разодѣтую барыню въ каретѣ, то, поступкая тросточкой по тротуару, пройдетъ баринъ, то пройдетъ въ телѣжкѣ, сидя на кадкахъ, крестьянинъ и на разные голоса выкрикиваетъ: «масло, масло хорошее». Вдругъ слышу,—кто-то откашливается сзади меня: я собрала всѣ силы и обернулась назадъ. Смотрю—за оградой, на вышкѣ, сидитъ какой-то молодой господинъ и читаетъ книгу.

— Господинъ, дайте мнѣ поѣсть... Я два дня не ѣла, помогите, Христа ради,—молила я. Но, или голосъ мой былъ очень слабъ, или онъ слушать не хотѣлъ, только онъ даже и не глянулъ въ мою сторону, а продолжалъ сидѣть, какъ и прежде, наклонившись надъ книгой. Но тутъ голодъ такъ подступилъ ко мнѣ, точно сразу задумалъ покончить со мной, и я, задыхаясь, совсѣмъ охрипшимъ голосомъ, продолжала пищать, сколько было мочи.

— Вотъ-то попрошайка! чего надоѣдаешь? небось кланчить переняла, а работать нѣтъ?

— Накормите, и я весь вѣкъ свой буду на васъ работать... Я никого здѣсь не знаю, никто не даетъ мнѣ работы...

— Ну, иди за мной,—сказалъ господинъ, спускаясь съ вышки и подходя ко мнѣ,—иди... я накормлю тебя.

Встала я съ лавки, только въ глазахъ потемнѣло, холодъ подступилъ подъ самое сердце, и я безъ памяти, какъ снопъ, повалилась на землю.

Когда я очнулась, я такъ удивилась, увидѣвши себя на кровати, въ большой, свѣтлой комнатѣ, подъ мягкимъ шерстянымъ одѣяломъ. Я стала оглядываться кругомъ и вижу во всю длину комнаты стоять въ два ряда кровати и на каждой пзъ нихъ лежатъ или сидятъ женщины. Я стала заговаривать съ ними и узнала, что это больница, въ которую прняли меня по хлопотамъ какого-то господина, который уже приходилъ справляться о моемъ здоровьѣ, но я не узнавала его, такъ какъ лежала все время безъ памяти, въ горячкѣ.

Время, которое я провела въ больницѣ, было самое лучшее во всей моей скитальческой жизни. За мной ласково ухаживала сидѣлка и сверхъ больничныхъ порцій сытно кормила меня на деньги, которые ей давалъ тотъ же господинъ. Вы знаете, теперь, дѣтушки, что этотъ господинъ былъ вашъ отецъ; ему тогда было двадцать пять лѣтъ, и онъ самъ еще перебивался въ большой нуждѣ.

Какъ только я по настоящему пришла въ себя, я съ нетерпѣніемъ стала ждать его прихода. Всякій разъ, какъ отворялась дверь, у меня такъ сильно билось сердце: я страшно боялась, что больше никогда его не увижу. Вдругъ разъ, когда я уже встала съ постели, меня кликнула сидѣлка и указала на пріотворенную дверь пріемной. Я вошла и обомлѣла отъ радости: предо мною стоялъ вашъ отецъ. Онъ что-то спросилъ меня, но я ничего не слыхала, бросилась предъ нимъ на колѣни и только рыдала, но говорить и благодарить его не могла. Онъ садилъ меня на стулъ, далъ выпить воды, успокаивалъ и сталъ разспрашивать о моей сторонѣ, о родныхъ. Сначала я еле

могла отвѣчать ему на его вопросы, но потомъ мнѣ захотѣлось оправдать себя передъ нимъ въ своемъ попросайствѣ, и я стала рассказывать ему и всю свою подноготную, и всѣ свои бредни... Извѣстно, я остановилась бы на срединѣ, ни зачѣмъ не кончила бы, чуть бы я только замѣтила, что ему хоть маленько смѣшно или надоѣли мои рассказы. Такъ нѣтъ-же, онъ съ такимъ любопытствомъ развѣдывалъ то, что ему казалось непонятнымъ, что еще больше подстрекалъ меня, и я вылила передъ нимъ всю свою душу.

— Непремѣнно,—говорилъ онъ въ раздумьи, шагая по комнатѣ,—тебѣ нужно-бы добыть какое нибудь мѣстечко въ семействѣ, гдѣ бы тебя разному руководѣлью научили... Видишь-ли, Маша, горе какое!—обратился онъ ко мнѣ и такъ-то ласково, какъ отецъ родной.—Такая бѣда, что я самъ-то здѣсь чужой, да и по дѣламъ далеко отсюда нужно ѣхать! Впрочемъ я могу сдѣлать одно: въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда фабрика, такъ у меня тамъ знакомый управитель, хочешь опредѣлю? А то вѣдь безъ паспорта мнѣ и дѣтъ-то тебя въ незнакомомъ городѣ больше некуда...

Разумѣется я съ радостью стала его благодарить.

— Да ты не радуйся напередъ: фабричная жизнь не очень-то сладка, только что же дѣлать... Все же лучше, чѣмъ нищенствовать...

Я пожила еще съ недѣлю въ больницѣ, совсѣмъ оправилась, и такъ подкрѣпилась послѣ болѣзни, что такой здоровой я въ малыхъ годахъ, при матушкѣ развѣ была. Тогда вашъ отецъ самъ свезъ меня на фабрику. Прощаясь, онъ далъ мнѣ записку, на которой означено было его мѣстожителство.—Вотъ,—говорилъ онъ мнѣ, отдавая записку,—если заработаешь когда-либо на фабрикѣ столько, чтобъ отправиться въ дальній путь или судьба занесетъ тебя въ наши края, разыщи въ этой мѣстности мой домъ,

и я или мои родные всегда по этой запискѣ примутъ тебя къ себѣ.

И такъ я поступила на бумаго-прядильную фабрику. Очень въ началѣ меня все тутъ радовало: и народу много, — значить есть съ кѣмъ поговорить, душу отвести, и работа, и машины все разныя, было на что посмотреть, и одежду отецъ вашъ купилъ новую, тепло будетъ, хорошо.

Меня отрядили на «шпульки». Тутъ работало много дѣвочекъ, и всѣ мы должны были ровно, гладко, не пачкая и не засусливая нитокъ, наматывать ихъ на катушки или шпульки. За каждую такую катушку намъ платили по двадцати копѣекъ, а то и по двадцати пяти. Да катушки-то были большія, убористыя и особенно въ началѣ, не наметавшись въ этомъ дѣлѣ, ни за что не смотаешь такой катушки меньше, какъ дня въ два. Да безъ привычки деньги-то получать за работу, — Господи какая это была радость! Вдругъ въ голову придетъ, что вотъ уже четверть катушки смотала — пятакъ выработала, такое веселье тебя разберетъ, что отъ радости цѣлый день рта не закрыть. А какъ пришлось получить за мѣсяць три съ половиной, такъ даже отъ счастья слезы изъ глазъ брызнули. Такъ меня и подмываетъ, такъ и ношусь, что вотъ молъ своимъ трудомъ денежки себѣ заработала, да еще какъ много. Это съ первоначала мнѣ такъ показалось, а денегъ-то совсѣмъ было немного. На эти три съ половиной нужно было и кормиться, и одѣваться, когда одежка сносится, и уголь себѣ нанять. Да на душѣ такая радость была, — надежда свѣтлая, вотъ и сметка, откуда ни возьмись, пришла. Разсудила, разочла свои капиталы и вижу, — ихъ только хватить на хлѣбъ съ квасомъ, и стала просить у нашей же фабричной женщины уголь въ ея квартирѣ. За это я общала въ свободное время мыть на ея ребятъ, кото-

рыхъ у нея было много, присмотрѣть за старикомъ отцомъ: у него уже годовъ пять машина оторвала ногу на самой этой фабрикѣ, а теперь онъ совсѣмъ расхворался и еле двигался на печкѣ.

И такъ стала я жить да поживать на фабрикѣ. Работа у насъ начиналась съ шести часовъ утра и кончалась въ восемь часовъ вечера; два часа на отдыхъ и ѣду, такъ что проработать нужно было двѣнадцать часовъ въ сутки. Домой придешь—тоже не сразу завалишься: на ребятъ постираешь, а бѣлья грязнаго нѣтъ, такъ другое что въ хозяйствѣ пособишь; не хотѣлось тоже, чтобъ угломъ хозяйка корила. Потомъ наметалась я и проворнѣй сматывать нитку, значить, маленько побольше и выработывать стала, да какъ пришлось обувь справиться, такъ у меня и на хлѣбъ бы не достало, еслибъ впередъ не взяла. Такъ прожила я съ полгода на фабрикѣ, ничего не могла отложить на дорогу, но все-таки не теряла надежды, хоть потомъ что-нибудь скопить себѣ. На фабрикѣ были разныя работы, и какъ узнала я, что въ «чесальной» померла одна дѣвушка, стала просить меня перевести на ея мѣсто.

«Что ты за ней что-ли хочешь отправиться?» говорили мнѣ наши, увѣряя, что нужно имѣть большую сноровку и здоровье, чтобы тамъ не зачахнуть. Но въ чесальной платили вдвое больше жалованья, я польстилась на это и перешла.

Прежде чѣмъ выпрясть нитку изъ хлопка, его разбивали, трепали, чесали и всѣ эти работы производили въ отдѣленіи, куда я теперь поступила и которое называлось чесальной. Работа въ часальнѣ была совсѣмъ не трудная, и я такъ ловко да живо съ ней справлялась, что управитель, который часто приходилъ посмотреть, не сидитъ-ли кто, сложа руки, очень одобрилъ меня за усердіе и даже поставилъ товаркамъ въ

примѣръ. Я-то усердствую еще пуще, работа такъ и горить у меня въ рукахъ и надивиться не могу, что всѣ тѣ толки значать. Только потомъ стала я присматриваться и вижу, дѣвочки-то желтыя такія да вялыя, ходять совсѣмъ сгорбившись, точно старухи старыя, а начнешь у нихъ спрашивать что, такъ толку-то не сейчасъ добьешься, — съ языкомъ что-ли плохо справляются, точно горло у нихъ осипло.

Проработала я этакъ деньковъ пятокъ и примѣчаю, что въ нашемъ отдѣленіи пыль никогда не проходитъ, такъ столбомъ и стоитъ: когда хлопокъ чешутъ или треплютъ, пушинки мелкія такъ и летять отъ него. Съ горяча-то я вначалѣ и не замѣчала этого, а теперь больно стали досаждать пыль да пушинки: лѣзутъ въ горло, въ носъ, въ глаза. Сперва-то чиханье меня одолѣло, однако, потомъ обтериѣлась, да и какъ горя не забыть, когда въ концѣ мѣсяца должна была семь рублей получить...

Въ день получки жалованья на фабрикѣ пиръ всегда такой идетъ: пѣсни, веселье... На этотъ разъ и я была не въ своемъ умѣ отъ радости. День-то былъ праздничный, работы не было, я хожу по лужку, что передъ нашимъ жильемъ, схвачу кого изъ ребятъ хозяйки и ну, какъ коза, прыгать съ нимъ, хохотать, одно слово — потѣшалась, ни дать ни взять пятилѣтній ребенокъ.

Въ чесальнѣ проработала я восемь мѣсяцевъ, но скопить могла только четыре рубля, потому что подъ конецъ глаза больно стали гноиться и ужъ очень донималъ кашель проклятый, такъ что бывало всю грудь разобьетъ, — вотъ день-другой работать не въ могути и останешься дома или въ больницѣ проваляешься, а за это изъ жалованья вычеты большіе.

— И стала я опять къ управителю приставать: смилуйтесь-де, переведите на станокъ.

— И думать не смѣй, — отвѣчаетъ онъ мнѣ. — Да и

чего тебя съ одного мѣста на другое бросаетъ? Рая ты, что ли, здѣсь ищешь? Къ тому же въ шестнадцать лѣтъ на станкѣ еще и рановато работать...

Однако пришелъ какъ-то вскорѣ и видить, работаю я, что есть мочи, только кашель мнѣ большая помѣха: какъ начнетъ меня бить, такъ изъ рукъ работа вывалится и потомъ долго трясеть,—держать ничего не могу.

— Такъ и быть,—говорить: черезъ недѣлку, другую освободится мѣсто на станкѣ, такъ туда тебя переведу: ничего, что мала,—съ твоимъ усердіемъ да проворствомъ ты и со станкомъ совладаешь...

На станкахъ ткали миткаль. Продольныя нитки, натянутыя вдоль станка, зовутся *основой*, а поперечныя— *утокомъ*. Фабричныя станки не похожи на наши ручныя ткацкіе станки, на которыхъ женщина сама ткеть плотно, утомляя и руки, и ноги. На фабрикѣ все дѣло за человѣка справляетъ машина, и вся моя работа была вотъ въ чемъ: какъ только пустятъ въ ходъ машину, я глазъ не смѣла отъ станка отвести,—такъ зорко должна была слѣдить, чтобъ нитка въ основѣ не порвалась, а чуть порвется, сейчасъ машину остановить и нитку связать. Проглядишь нитку, и на миткалѣ дырка, да и рѣдины во многихъ мѣстахъ пойдутъ, и тогда не только не отдадутъ тебѣ жалованья за работу цѣлаго куска, а еще и своихъ денегъ долженъ будешь рубль штрафа заплатить.

Работа была здѣсь не очень вредная для здоровья; правда, отъ пристального смотрѣнья въ глазахъ немного рябило, но за то и выработать въ мѣсяць, если бъ не штрафы, можно до двѣнадцати рублей. Только здоровье-то у меня опять немного пошатнулось, пришлось уголь лучше нанять, да и къ хлѣбу приварокъ какой ни на есть брать, потому теперь я такого недостатка совсѣмъ переносить не могла.

Прожила я на фабрикѣ четыре года, скопила тридцать

рублей и задумала навсегда распротиться съ фабричною жизнью и попытать счастья на той сторонѣ, куда звалъ меня вашъ батюшка.

— Человѣкъ непостоянный какой, подумаете вы, или дескать вотъ она отъ работы какъ бѣгаетъ? Если вы такъ полагаете, такъ я вамъ, какъ передъ Богомъ, скажу, что вы неправильно разсуждаете. Жизнь-то фабричная— очень ненадежная, вотъ въ чемъ мое непостоянство. Тамъ вотъ какъ: сегодня здорова,—хоть малость могу себѣ заработать, завтра калѣка,—Христа ради ступай побираться. Вѣстимо, и по ровной дорогѣ человѣкъ можетъ поскользнуться и ногу сломать, значить все тутъ случай одинъ... оно такъ-то такъ, только ровная да гладкая дорога супротивъ машинъ да колесья всякаго во сто тысячъ кратъ рѣже калѣчить человѣка. Ну и опять буйства эти фабричныя, безпутства, онѣ подчасъ хуже убожества пугали меня.

Придетъ бывало на фабрику дѣвочка, краснѣетъ, плачетъ, когда ее въ трактиръ за чѣмъ пошлютъ, гдѣ пьяные бранятся, безобразничаютъ, анъ глядишь, походила, привыкла, а тамъ черезъ мѣсяца три, четыре мѣсто это ей такъ полюбилось, что и сама несетъ туда-же свой грошъ. Какъ бывало придетъ все это въ голову, да еще припомнишь дѣтство свое тревожное, злосчастное, вотъ ѣдкая жгучая горечь такъ на душу-то и наляжетъ, что просто не знаешь ты, куда и дѣваться. Господи, подумаешь, жизнь-то безотрадная, постылая какая была... Какъ только одинъ человѣкъ столько горя перенести можетъ? Да и то приходило въ голову: хоть я теперь и при мѣстѣ, но что же у меня впереди? Ни одной души живой, старость горькая, одинокая, даже словомъ теплымъ или лаской несогрѣтая... Такъ какъ-же мнѣ было устоять, не испытавши послѣдняго: бросить все и отправиться туда, куда звалъ меня вашъ отецъ? Вотъ такъ-то я, Богу помолив-

шись, на всѣ четыре стороны поклонившись, и отправилась въ путь дорогу. Тогда еще не было чугунки, лошадь нанимать дорого, вотъ и пришлось около семисотъ верстѣ сдѣлать на своихъ на двоихъ, только прежде, чѣмъ дойти до васъ, пришлось мнѣ цѣлыхъ десять лѣтъ мыкаться среди разнаго народа. Прошла я недѣли въ три верстѣ двѣсти, заболѣла и провалялась съ полгода въ одной городской больницѣ, встала — денегъ три, четыре рубля: вотъ и пошла по мѣстамъ бродить. Тамъ полы наймусь вымыть, кто на стирку бѣлья позоветъ, въ иномъ мѣстѣ гряды возьмусь полоть, воду таскать.

Въ такой перемѣнной работѣ иногда и порядочно работаешь, такъ за то часто и безъ работы насидишься. Но не все это время я поденной работой перебивалась: послѣдніе четыре года на одномъ мѣстѣ жила, въ купеческомъ семействѣ дѣтей нянчила. Имъ пришлось переселиться въ другую губернію, за триста верстѣ отсюда, и я съ ними отправилась, а отъ нихъ уже безъ горя, помаленьку, добралась и до васъ, отыскала вашего папеньку, а онъ о ту пору уже былъ женатъ и вашему старшему братцу Петѣ второй годикъ пошелъ.

— Тебя, говорятъ, самъ Богъ послалъ: нянчи, рости моихъ ребятъ, живи у насъ какъ родная...— такъ я и живу у васъ съ тѣхъ поръ.

Няня совершенно измѣнилась подъ вліяніемъ новой обстановки. Сомнѣнія и разные вопросы, какъ и прежде, приходили ей въ голову, но теперь она не давала имъ овладѣвать собой и представляла ихъ на нашъ общій судъ. Если мы, большіе и малые ея питомцы, не могли разрѣшить какого-нибудь вопроса, то вмѣстѣ съ ней всей гурьбой бѣжали за совѣтомъ къ отцу. Ея мрачное настроеніе замѣнилось неподдѣльною веселостью; часто слышались ея веселыя пѣсни, нерѣдко начинала она живую пляску, обыкновенно, чтобы насъ потѣшить, и кончала

тѣмъ, что сама отдавалась ей всей душой. Все это я могу объяснить себѣ тѣмъ, что отъ природы она была веселаго характера и только неблагоприятныя обстоятельства заставляли ее быть другой.

Родители мои были весьма не богаты, между тѣмъ семья у насъ была громадная. Она состояла изъ отца, матери и одиннадцати человѣкъ дѣтей. Мать успѣвала только хозяйничать, обшивать и учить старшихъ изъ насъ; до семилѣтняго-же возраста каждый изъ насъ былъ исключительно подъ няниной опекой.

И при ней никто изъ насъ никогда не оставался безъ дѣла. Мальчикамъ она непременно найдетъ какую нибудь поправку въ домѣ: подстругать дверь попросить, чтобы не скрипѣла, дать сколотить разохшуюся табуретку; дѣвочекъ учила женскому рукодѣлю. Вечеромъ она сама затѣвала съ нами какую-нибудь игру, съ самыми маленькими бѣгала даже въ лошадки. Но и старшихъ своихъ питомцевъ, поступившихъ на ученіе къ матери или въ какое-нибудь учебное заведеніе, она также никогда не теряла изъ виду, усердно слѣдила за ихъ успѣхами и сама принимала самое дѣятельное участіе въ ихъ развитіи. Къ несчастію, нянѣ не пришлось выучиться грамотѣ. Когда она поступила къ намъ въ домъ, служба отца состояла въ постоянныхъ разъѣздахъ и отлучкахъ изъ дому, на матери лежало множество обязанностей, и обученіе няни было отложено въ долгій ящикъ. Между тѣмъ зрѣніе ея все ослабѣвало, и когда мы подросли и она со страстью привялась за книгу, то чтеніе уже причиняло сильную боль ея слабымъ глазомъ. Тѣмъ не менѣе она развивалась вмѣстѣ съ нами. Мы должны были читать ей вслухъ всѣ книги, которыя попадались въ наши руки, пересказывать всѣ наши уроки. Впрочемъ, зная какъ ее все интересуетъ, мы сами увлекались ролью учителя.

— Няня, няня, Володя ѣдетъ! — кричали мы, когда по дорогѣ показывалась малорослая, толстая лошаденка, на которой мой двѣнадцати-лѣтній братъ Володя каждый день ѣздилъ учиться къ одному знакомому. Но няня не слыхала нашего возгласа, она уже гораздо раньше все посматривала на часы, и теперь, шлепая своими старыми туфлями, она то и дѣло исчезала изъ комнаты, что-то вносила въ разныхъ судочкахъ, латочкахъ, мисочкахъ и опять торопливо выходила.

— Кушай, кушай, — говорила она, когда братъ усаживался за столъ, подставляя ему то одно, то другое сладобье. — Поросеночка-то холодного попробуй... чудо! А ватрушки эти у насъ сегодня — сахаръ настоящій, да и только! Такъ во рту и таютъ, такъ и разсыпаются! А печеночки, — что-же ты не возьмешь? Отвѣдай... хоть маленькій кусочекъ возьми... Мы уже два раза ѣдимъ, а ты вѣдь ни разу!

— И я тоже второй разъ... Вѣдь ты-же сама наложила мнѣ всякой всячины...

— Да что это! — оправдывалась няня. — Кое-какъ, второпяхъ, не то на умѣ было. Нѣтъ, ты теперь хорошенько покушай: на бѣлоснѣжной скатерѣткѣ, съ приправой всякой... что съ горчичкой, а что и съ сахаромъ.

— Ну, няня, объ чемъ сегодня рассказывалъ намъ Петръ Васильевичъ! — восклицалъ братъ, усердно уплетая за обѣ щеки.

— Что-же ты молчишь? Сказывай, батюшка, сказывай скорѣй... Вѣдь ты у меня умница, поди ни словечка не проронилъ... Ну, что-же ты, начинай? — торопила няня.

— Дай-же прожевать... Ну, ладно слушайте, — и Володя подробно излагалъ прочитанный или услышанный на урокѣ рассказъ. При этомъ няня съ необыкновеннымъ вниманіемъ вслушивалась во все, что рассказывали, без-

престанно останавливая и забрасывая каждого из насъ разными вопросами.

— Антоша, — закричала однажды няня нашему пастуху, мальчику лѣтъ 11-ти, который въ эту минуту гналъ скоть съ поля. Не смотря на теплоту вечера, онъ былъ въ овечьей шубѣ, одѣтой шерстью вверхъ. Онъ то и дѣло похлопывалъ бичемъ по землѣ и забѣгалъ во всѣ стороны, чтобы не дать разбрестись скотинѣ. — Приходи ко мнѣ, батюшка, приходи родименькій, когда загонишь скотину... звала его няня.

— Ахъ, няня, сказала Оля, — ты не видала: онъ такой грязный, и болячки на пальцѣ!.. — и она сложила свое маленькое личико въ уморительную брезгливую гримаску.

— Ну, это, положимъ, — перебилъ ее Володя, — важно только для дѣвчонокъ чистый онъ или грязный. Вымоется и будетъ чистъ не хуже тебя. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ, а вотъ только то скверно, что съ нимъ скучно будетъ, — вѣдь въ пастухи выбираютъ самыхъ глупыхъ, ни на что неспособныхъ.

— Эхъ, дитятко, съ нимъ почитай никто и въ разговоръ не пускался: самый бѣдный сиротка, — вотъ пастухомъ и сдѣлали, да этимъ же недобрые люди и попрекаютъ. Ничему сами не научили, а дуракомъ называютъ...

— Няня, развѣ стыдно быть пастухомъ, развѣ это что нибудь нехорошее? — нѣсколько задумавшись вдругъ спросила Ольга.

— Нѣтъ, мое сердченько... только то стыдно дѣлать, что на другомъ вредомъ отзовется, а что до Антоши, такъ еще ему честь и слава, что онъ съ этакихъ поръ самъ себѣ кусокъ зарабатываетъ.

— Антоша, Антоша! — кричали мы, когда увидѣли, что онъ подошелъ къ забору нашего сада и посматриваетъ на насъ исподлобья, боясь къ намъ подойти. Няня подо-

шла къ нему, взяла его за руку и провела мимо насъ на заднее крыльце. Когда черезъ нѣсколько минутъ изъ комнатъ вышелъ къ намъ Антоша, мы просто не узнали его. Чистая, бѣлая рубашка была опоясана краснымъ шуркомъ; его густые, льняные волосенки лежали теперь на шеѣ красивыми кудрями, а когда онъ загорѣлыми, худенькими рученками откинулъ назадъ нависшій на лобъ глгокъ волосъ, мы увидали его зардѣвшееся отъ стыда личико.

— Что, развѣ не бравый? — говорила няня, обдергивая на немъ рубашевку. — Да то-ли это? Вы еще не знаете, какъ онъ сказки всякіе сказывать гораздъ! Поди всѣхъ васъ за поясъ заткнетъ... Спервоначала конфузъ кого не разберетъ, а потомъ какъ еще разойдется.

Володя сейчасъ же притащилъ нѣсколько книгъ, разложилъ ихъ на полу, а мы вокругъ улеглись ничкомъ и, подперевъ голову руками, стали разглядывать картинки, болтая по поводу ихъ все, что каждому приходило въ голову. Антоша все внимательно смотрѣлъ и слушалъ, не произнося ни одного слова; но когда мы открыли передъ нимъ картинку, изображавшую зеленый лугъ, на которомъ пасется домашній скотъ, а подъ деревомъ сидитъ пастухъ и плететъ лапотъ, онъ вспыхнулъ, закрылъ лице длиннымъ рукавомъ своей рубахи и сталъ хохотать.

— Баушка, а баушка, — сказалъ онъ, — обернувшись къ нянѣ: насъ-то зачѣмъ здѣсь написалъ?

— Ахъ, Господи Боже мой, — всполошилась няня: — нешто, если ты пастухъ, такъ все одно, что тля нестоющая? Всякаго звѣрька тутъ представляютъ, а его вишь не тронь, безъ вниманія оставь.

— И все-то какъ доподлинно бываетъ, такъ въ аккуратѣ тутъ и показано... — разсуждалъ Антоша, покачивая головой, и съ удивленіемъ разсматривалъ все ту-

же картинку.—Вишь, вотъ тутъ, какъ и взаправду, подлѣ пастуха только и есть одна собака...—и представилась ли Автошѣ въ эту минуту его одинокая доля среди безмолвныхъ полей и животныхъ и въ знойный день подъ палящими лучами лѣтняго солнца, только какой-то огонекъ вдругъ мелькнулъ и погасъ въ его глазахъ.

— Экія чудеса,—говорилъ онъ, видимо не желая поддаваться охватившему его тяжелому чувству,—даже и эта глупая тварь попала!

— Какъ! овечка?—вскричала Оля,—я такъ люблю овечекъ... особенно маленькихъ, онѣ прелесть какія миленькія.

— Миленькія онѣ!—началъ Антоша,—вотъ на прошлой недѣлѣ громъ сразу ударилъ, а скотина-то у меня въ полѣ была... Я ну ихъ собирать, такъ куда тутъ! Овцы вдругъ бросились къ канавѣ, да такъ всѣ и лѣзутъ въ одно мѣсто, въ одну кучу сбиваются. Многія въ воду попадали, шею себѣ свернули, ноги переломали... и нѣтъ же, все прутъ въ то-же мѣсто... И просто не знаю, что имъ эта канава далась! Я ихъ и бичемъ, и палкой пробую разгонять, да имъ все ни почему: отъ страха совсѣмъ голову потеряли... А вотъ тоже наемднн у Михѣича постройки стали горѣть: побоялся онъ, чтобы до хлѣвовъ дѣло не дошло, и кликнулъ меня своихъ овецъ выгнать подальше на лужокъ. Только я имъ хлѣвъ отворилъ, онѣ завидѣли пламя, да какъ заблеять, совсѣмъ меня оглушили. Ничего, выгоняю, а самъ маленько поднялъ кнутъ, да и держу въ той сторонѣ, куда имъ скакать не надо... Такъ что же вы думаете: онѣ меня съ ногъ сбили, а сами къ самому-то пожару бросились, что было мочи. Ну, думаю, жаръ-то расчухаютъ, такъ авось повернутъ назадъ... къ тому-жъ у пожара вся деревня собравшись стояла, и какъ завидѣли, что овцы всѣмъ

стадомъ въ огонь несутся, народъ сейчасъ похваталъ дреколье и ну ими махать на нихъ, отъ пожара ихъ прочь отгонять... Такъ имъ хоть что, онѣ и на дреколину пруть, давять другъ друга; тутъ же многое ихъ множество отъ тѣсноты попадало, позадохлись, а другія почти что изъ подъ рукъ да въ огонь пробились, такъ и пережарились. Одно горе съ ними да напасть, — вотъ онѣ какія миленькія! — даже съ нѣкоторою досадою проговорилъ Антоша, мелькомъ взглянувши на Ольгу.

— Неужто, — спросилъ Володя, — управитесь съ ними, заставитъ ихъ хоть мало-мальски себя слушать, такъ-таки совсѣмъ и нельзя?

— Да вотъ козу теперь приучилъ впереди ходить, такъ за ней овца будто-бы получше идетъ... Козу легче, куда вздумается, направитъ, — супротивъ овцы она во сто кратъ умнѣе...

— Такъ-таки овцы, значить, совсѣмъ, совсѣмъ безъ всякаго ума? — спросила Ольга.

— Очень его мало, только всячески можно замѣтить какое-то пониманіе... Вотъ теперь я на свирѣли али на балалайкѣ заиграю: онѣ сейчасъ остановятся и головы въ мою сторону всѣ обернутъ, и стоятъ онѣ иногда такъ, даже не шелохнутся, пока я совсѣмъ не кончу.

И такъ долго рассказывалъ Антоша: много говорилъ онъ о волгахъ, лосяхъ, сообщилъ намъ множество любопытныхъ случаевъ, которые были съ нимъ въ его еще непродолжительной, но исполненной всякими приключеніями жизни. Густой туманъ давно разстился по землѣ, между тѣмъ мы все еще сидѣли на крыльцѣ, не сводя глазъ съ оживленнаго, раскраснѣвшагося личика Антоши, заслушавшись его занимательныхъ рассказовъ.

Скоро мы крѣпко подружились съ Антошей, бѣгали къ нему на пастбище и, возвращаясь домой, всегда съ удивленіемъ рассказывали остальнымъ о томъ, какъ онъ

ловко умѣлъ справляться со всякимъ дѣломъ, какъ зорко умѣлъ выглядѣть, подмѣтить все, что было кругомъ его. Знакомство съ Антошей открыло намъ многія тайны полей и лѣсовъ, которыя были для насъ заманчивы, но до тѣхъ поръ недоступны. Мы узнали, какъ можно перехитрить бдительность зайца и бѣлки, когда и какъ пересмотрѣть всѣ яички въ гнѣздышкахъ и всѣхъ птенчиковъ такъ, чтобы этимъ не повредить малюткамъ, которыхъ послѣ такихъ посѣщеній матери кидаютъ часто на произволъ судьбы или переносятъ на другое мѣсто; различными способами научились ловить рыбу, раковъ. Какіе отличные силки устраивали мы теперь перепелкамъ, рябчикамъ, воробьямъ! Съ какою ловкостію мы научились пользоваться разными мелочами, которыя однако для деревенскаго жителя имѣли большое значеніе. Умѣнье ловко плавать и нырять въ водѣ, лазить по деревьямъ, чему мы тоже научились отъ Антоши, послужило намъ средствомъ избѣгать при случаѣ серьезной опасности. Даже такіе пустяки, какъ сноровка плести кузовки, гдѣ и подъ какимъ деревомъ отыскать какой грибокъ, сочную ягоду, какъ, не портя дерева, добывать сладкій сокъ березовицы, — все это тогда доставляло намъ неизъяснимую радость.

Скоро наша компанія еще расширилась: мы свели дружбу съ нѣсколькими расторопными, умными ребятами нашей деревни, и всѣми этими сближеніями мы обязаны нашей безконечно-доброй нянѣ. Да развѣ только этимъ мы ей обязаны? Вся ея жизнь, до послѣдняго вздоха, служила примѣромъ для всѣхъ насъ, ее окружающихъ. Покончить она, бывало, утромъ всѣ дѣла по дому, убрать комнаты, починить наши платья, выдастъ на кухню запасы и, взявъ съ собою кого нибудь изъ насъ, отправляется въ поле.

— Ахъ, Иринушка, — говоритъ она нагнувшейся

надъ рожью жницѣ,—ну, какъ это ты младенца-то своего противъ самага солнца положила? Смотри, какъ онъ бѣдненькій весь истомился,—говорить она, взявъ ребенка на руки.—Поди, Оленька, зачерпни водицы изъ ручья этимъ ковшичкомъ, да неси сюда скорѣе.—Цѣлуя ребенка и давая ему самыя нѣжныя клички, няня переносила его туда, гдѣ было больше тѣни: клала къ себѣ на колѣни, обтирала ему головку и личико свѣжей водой и перемѣняла бинтики, пеленочки, а иногда и рубашку.

— И соска-то изъ чернаго хлѣба,—чай, какая боль у бѣдняжки отъ этого,—и опять изъ того же объемистаго кармана, изъ котораго няня доставала чистое бѣлье малюткѣ, она вытаскивала бѣлую булку.

— Вотъ, Оленька,—говорила няня сестрѣ,—ты собиралась сегодня вечеромъ на куклу шить, а я лучше скрою распашенокъ изъ разныхъ тряпокъ: ихъ теперь у меня много набралось отъ вашего стараго бѣлья, и будемъ мы съ тобой рубашонки да распашонки этимъ крошкѣмъ шить... Вишь, какъ хорошо, что у меня готовенькая была рубашечка; вѣдь бабамъ-то объ эту пору и помыть самимъ некогда, да другой разъ и лишней тряпки въ домѣ не найдется... Ты смотри, смотри, — толкаетъ она Олю, указывая ей на малютку:—ужъ онъ и заснуть успѣлъ! А какъ онъ славно улыбается! Хорошо ему теперь сердечному!—Послѣ этого Оля съ величайшею радостью перевязывала какимъ-нибудь попавшимся суркомъ грязное бѣлье, забрасывала его себѣ на спину, перегибалась въ три погибели, какъ это дѣлаютъ настоящіе работники, удрученные тяжелою ношею, и отправлялась съ нянею къ ручью. Ольга и тутъ съ точностію выполняетъ роль прачки и, приблизившись къ водѣ, тотчасъ сбрасываетъ свою обувь. Башмаки и чулки свои она надѣваетъ на вѣтви перваго попавшагося дерева и становится на камень подлѣ няни, гдѣ онъ стирають

бѣлье и развѣшиваютъ его тутъ же на изгородкѣ. Жница знаетъ, гдѣ найти бѣлье своего ребенка. Такое мытье бѣлья, а также и маленькихъ дѣтей, происходитъ въ полѣ чуть не каждый день, и всѣ къ этому уже давно привыкли.

Обулась Ольга, и отправляются онѣ съ няней на другія работы.

— Бабушка!—кричитъ какой нибудь ребенокъ, дергая няню за юбку, гляди, какъ пчела меня укусила! Вишь, щеку-то какъ разнесло. — Няня прикладываетъ землю къ распухшему мѣсту, подвязываетъ разболѣвшійся глазъ, а тамъ, глядишь, къ ней уже подошло еще нѣсколько человѣкъ. Одинъ, опустившись на землю, разувается: снимаетъ свои лапотки, развязываетъ онучи и показываетъ нянѣ ногу, которую онъ только что задѣлъ своей остронаточенной косой; другой снимаетъ тряпку съ пальца и проситъ пластыря. Няня отправляетъ Ольгу домой за нужными для нея бинтами, примочками и лекарствами, а сама пока обмываетъ раны и спрашиваетъ о несчастіи. И за то, какъ любилъ народъ нашу няню! То одна, то другая женщина умоляла ее крестить своего ребенка, молодыя дѣвушки, выходя замужъ, со слезами упрашивали ее придти къ себѣ на свадьбу, вѣря, что ея присутствіе и благословеніе принесетъ счастье.

— Бабушка!—кричитъ то одинъ, то другой ребенокъ, когда она проходитъ по деревнѣ, — постой маленько, я для тебя молодой картошки накопалъ. — «Ко мнѣ лучше иди на завалинку», — перебиваетъ его другой, — «я тебѣ зеленого горошку налущу». — А тамъ, глядишь, на крыльцо ужъ и женщина вышла, съ глубокимъ поклономъ къ ней подходить, свою хлѣбъ-соль отвѣдать зоветъ. Но никогда уваженіе и любовь, которую она пріобрѣла кругомъ, не трогали ея въ такой степени, какъ это случилось разъ, во время одной ея тяжелой болѣзни.

Дѣло было осенью. Больная, она лежала въ угловой комнатѣ, окна которой выходили на дворъ. Чуть только свѣтаетъ, а у насъ уже поднимается страшнѣйшій шумъ и стукъ. Телѣги, нагруженные снопами и сѣномъ, со скрипомъ подвѣзжаютъ къ сараямъ и овинамъ; народъ съ грохотомъ сбрасываетъ возы, скрипитъ дверями, стучитъ замками.

— Ольга, скажи, вѣдь уже не рано теперь?—спрашивала няня сестру, когда та зашла къ ней въ комнату. Та отвѣчала ей, что люди должно быть скоро будутъ обѣдать, такъ какъ у насъ въ домѣ давно уже отпили чай.

— Да какъ-же это я все прислушиваюсь, а ничего не слышу? Точно всѣ вымерли: ничѣмъ не брякаютъ, не галдятъ, не бранятся...

— А знаешь отчего?—сказала Оля, переминаясь съ ноги на ногу. — Только чуръ, смотри, мамѣ не говори... Пока ты больна, она не велѣла тебѣ объ этомъ сказывать. Видишь-ли: на деревнѣ слухъ разнесся, что ты очень больна, что по ночамъ у тебя бессонница, а когда подь утро заснешь, то отъ шума просыпаешься... Вотъ всѣ женщины и ребята эти два дня всю солому изъ своихъ дворовъ таскали, многіе даже у себя съ крышъ ее посняли, и этой соломой они землю устлали на всемъ дворѣ и кругомъ нашего дома... оттого тебѣ и грохоту никакого не слышно. И очень они остерегаются кричать, чтобъ тебя не потревожить, такъ все другъ друга и оставливаютъ.

— Повтори еще, что ты сейчасъ мнѣ сказывала, я маленько не дослышала... сказала няня, неподвижно лежа на кровати.

Сестра исполнила ея желаніе, и при послѣднихъ словахъ у няни загорѣлись глаза, лицо еще сильнѣе поблѣднѣло, она встала съ кровати, дрожащими руками отворила дверь своей комнаты и вышла на крыльцо. Она

долго стояла и смотрѣла кругомъ, точно желая своими глазами убѣдиться въ истинѣ Олиныхъ словъ, но вдругъ вся затряслась, и слезы градомъ полились изъ ея глазъ.

— Няня, милая, отчего-же ты плачешь?—спрашивала Ольга, бросившись къ ней на грудь и осыпая ее поцѣлуями; тогда сестра еще не знала, что и отъ счастья можно плавать.

Въ дѣтствѣ мы любили няню не потому, что кругомъ всѣ оказывали ей глубочайшее уваженіе (хотя, конечно, и это дѣйствовало на насъ), но болѣе всего потому, что она сама умѣла насъ привязать къ себѣ. Няня искренно радовалась каждому нашему удовольствію, твердо запоминала малѣйшія наши желанія, которыя мы высказывали ей среди забавъ, и при случаѣ горячо помогала осуществлять всѣ наши дѣтскія мечты. Ольга любила куклы, и когда въ домъ шла кройка, няня ужъ никогда не забывала припрятать ей разныхъ лоскутковъ, изъ которыхъ потомъ кроила для сестры маленькія платица. Спать сестра, а няня шьетъ различной величины кукольные торсы и прикрѣпляетъ къ нимъ раскрашенныя бумажныя головки или устраиваетъ для нихъ мебель изъ картъ и другія принадлежности. Въ звѣринцѣ, который былъ устроенъ нами въ старой избѣ, няня принимала живѣйшее участіе. Приготовляла-ли она салатъ, она никогда не забывала откинуть нѣсколько листьевъ для зайцевъ. Она всегда первая подмѣтитъ и укажетъ намъ сочную траву, которую особенно любили кролики. Правда, она каждый разъ сильно ворчала на меня, когда я по полусгнившей лѣстницѣ взлѣзала на чердакъ, чтобы накормить маленькихъ птицъ, которыхъ я тамъ держала... Разъ даже, когда подо мной затрещала лѣстница, она закричала на меня, строго приказывая тотчасъ опуститься внизъ и потомъ долго проклинала всѣхъ моихъ птицъ и звѣрей, угрожая выкинуть ихъ всѣхъ за заборъ. Однако, когда я на другой день

пробѣжала къ знакомой избѣ, подлѣ стояла новенькая лѣстница, разыскивая которую, какъ я узнала потомъ, няня чуть свѣтъ обѣгала всю деревню.

Если днемъ няня была занята различными домашними дѣлами, то вечеръ она посвящала исключительно намъ, дѣтямъ. И съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали этого времени! Разсядемся, бывало, на стульяхъ и диванахъ, а няня посреди насъ сидитъ и чулокъ вяжетъ. Но вотъ она спустила петлю и кому-нибудь передаетъ чулокъ поднять ее. Такъ идетъ у насъ дѣло въ началѣ. Понемногу няня разошлась и говоритъ уже, расхаживая по комнатѣ и размахивая руками и, если сказка съ оборотнями, чертями и вѣдьмами, наводитъ на насъ такой непостижимый ужасъ, что волосы дыбомъ становятся. Мы боимся шевельнуться, кашлянуть, чтобы не проронить слова. Чаще всего она рассказывала сказку о правдѣ и кривдѣ. Не думайте, однако, что мы терпѣливо слушали одно и то-же; напротивъ, няня никогда не повторялась, и на одну и ту же тему она давала намъ разнообразныя по содержанію рассказы. Но хотя она представляла намъ жизнь людей во всевозможныхъ обстоятельствахъ, основная мысль вездѣ была одна и та же. Героємъ рассказа всегда былъ человѣкъ, который и въ жизни, и въ словѣ держался самой строгой правды. Картину несчастій добраго, но злосчастнаго человѣка няня рисовала такими живыми красками, что, уже въ началѣ сдерживая слезы, мы подъ конецъ безутѣшно рыдали.

— Ребятунки, чего, чего вы? испуганно спрашивала няня, украдкой вытирая катившіяся по ея щекамъ слезы, такъ какъ въ сказку она обыкновенно вносила много личныхъ воспоминаній.—Вѣдь конецъ-то будетъ счастливымъ, право слово...

— Такъ кончай-же скорѣе... говорили мы, смѣясь сквозь слезы.

Но какъ няня ни старалась порадовать насъ концомъ, все-таки впечатлѣніе, полученное отъ сказки, было такъ сильно, что нѣтъ, нѣтъ, да кто нибудь изъ насъ и задумается. Чтобы разсѣять и послѣднее облачко грусти, она бойко и живо затягивала плясовую, выскакивала на средину комнаты и хлопала подъ тактъ въ ладоши.

При первыхъ звукахъ веселой пѣсни, мы также вскакивали со своихъ мѣстъ подхватывали послѣдній куплетъ и вмѣстѣ съ нею начинали хлопать въ ладоши. Глядишь, а няня подбоченясь поводитъ плечами, а чрезъ минуту ужъ пустилась и въ плясъ.

Ей было тогда за 60 лѣтъ, но если-бъ вы видѣли, какъ она ловко отхватывала козачка, какъ при этомъ дрожала каждая жилка въ ея лицѣ, какъ ходили подъ тактъ всѣ суставы ея ногъ и рукъ, какимъ живымъ огнемъ горѣли ея глаза... О, тогда вы едва-ли дали-бы ей и половину ея лѣтъ!

Но вотъ Ольга вскочила съ своего мѣста и сзади няни попрыгиваетъ по комнатѣ; ея примѣру тотчасъ послѣдовалъ Володя, и черезъ минуту мы всѣ пустились, кто во что гораздъ, и такъ плясали обыкновенно до тѣхъ поръ. пока, совсѣмъ выбившись изъ силъ, мокрые отъ пота, мы не растягивались, гдѣ попало.

Совсѣмъ иначе проводили мы время по воскресеньямъ. Въ праздничный день мы не только и думать не смѣли о пляскѣ, но даже не надѣялись услышать отъ няни какой-нибудь разсказъ; рѣдкія исключенія изъ этого правила могли быть только въ случаѣ болѣзни кого нибудь изъ насъ. Иначе весь воскресный день мы проводили такимъ образомъ: съ утра уже няня раздвигала большой, складной столъ, нѣсколько разъ и какъ-то особенно тщательно стирала съ него пыль и ставила на него довольно объемистую картонку. Сдунувъ малѣйшія, приставшія къ ней соринки, она, наконецъ, открывала крышку и выни-

мала оттуда одну за другой нѣсколько чистыхъ ветошекъ. Но вотъ, наконецъ, она, поднимаетъ бѣлое шерстяное платье, нѣсколько шелковыхъ и кисейныхъ покрываль, тонкую, чистую перемѣну бѣлья и все это раскладываетъ на столѣ. Весь этотъ нарядъ, уже въ продолженіи многихъ лѣтъ, она готовитъ себѣ на смерть. Долго шила она его потому, что ей непремѣнно хотѣлось прострочить всѣ швы бѣлымъ шелкомъ, а глаза уже были очень слабы... Но если шитье подвигалось медленно, то самый нарядъ пришлось ей еще дольше себѣ зарабатывать. Почти въ продолженіи 10 лѣтъ, опять тоже по воскреснымъ днямъ, вязала она на продажу различныя косыночки, чулки, шарфы, плела бахрому, пока, наконецъ, на выручку съ этой воскресной работы она могла купить себѣ посмертный нарядъ.

— Чѣмъ со старухой-то скучать... — говорила она обыкновенно въ такихъ случаяхъ, усѣвшись за свою работу, — идите-ка лучше, дѣтушки, на улицу... Вишь, какое тамъ сегодня приволье...

Однако, не смотря на такое предложеніе, мы брали стулья и сядились кругомъ стола. Няня тотчасъ подавала кому нибудь изъ насъ иголку, просила продѣть въ нее нитку, безпрестанно остерегая, какъ нибудь ея не замуслить, потомъ благоговѣнно крестилась и затягивала молитву за молитвой. Мы пропикались ея благоговѣніемъ къ предметамъ, которые лежали передъ нами, тоже крестились и вторили ей своими дѣтскими голосками. Однако черезъ полчаса, уже наскучивъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ и однообразнымъ пѣніемъ, мы, подъ какимъ нибудь предлогомъ, другъ за другомъ выходили изъ комнаты и уже чрезъ минуту поднимали на дворѣ страшную возню.

Однако няню не пришлось одѣть послѣ смерти въ то платье, которое она такъ долго шила и добыла такимъ усидчивымъ трудомъ. Но, чтобы рассказать объ

этомъ, миѣ нужно васъ познакомить еще съ одной, довольно оригинальной чертой ея характера.

Вслѣдствіе-ли бродячей жизни, во время которой судьба бросала ее изъ одного мѣста въ другое, отъ однихъ людей къ другимъ, или вслѣдствіе подвижности и живости характера, только няня, и совсѣмъ уже старой старухой, никогда не могла надолго приковать себя къ одному и тому-же мѣсту.

— Охъ, посмотрѣла бы я теперь на свѣтъ Божій!— повторяла она все чаще, особенно когда весна наступала.— На матушкину могилку взглянула-бы... весенними цвѣточками ее приукрасила-бы, а то, чай, и крестъ на ней сгнилъ и повалился...

— Что же, няня, види,—говорила мать.

— И, какъ можно,—скажетъ она.—Что вы со всей этой ордой безъ меня подѣлаете?

Какъ однако ни перемогала она себя, но пройдетъ нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она никуда не ходила, и она начинала задумываться и такъ скучать, что отбивалась даже отъ пищи. Тогда мать серьезно настаивала на томъ, чтобы она шла освѣжиться и отдохнуть, и няня отправлялась. Нечего и говорить, сколько горячихъ слезъ проливалось при прощаніи, съ какимъ нетерпѣніемъ мы считали дни ея возвращенія. Всю недѣлю, въ которую по нашему разсчету она должна была возвратиться, мы уже съ ранняго утра выходили на дорогу. До сихъ поръ помню, какъ разъ, завидѣвши ее еще издали, мы вскрикнули и, бросившись къ ней съ безумнисьальной радостью, совсѣмъ сбили ее съ ногъ.—Няня... ну, рассказывай: что видѣла, какъ шла... скорѣе-же говори...—тараторили мы со всѣхъ сторонъ, не успѣвши съ ней хорошенько поздороваться.

— Пойдите вы... дайте миѣ опомниться да на васъ

поглядѣть,—говорила она, обнимая то того, то другого изъ насъ. .

— Покажи, что у тебя тутъ въ узелкѣ? Гостинцы намъ принесла?—не унимались мы.

— Само собой разумѣется, какъ же къ своимъ-то роднымъ изъ этакой дали да безъ подарковъ придти... — и няня тутъ-же садилась на траву и развязывала одинъ за другимъ свои узелки. И вотъ начинается она одѣлать насъ всѣхъ стручками, просфирками, пряниками, калачиками. Все, полученное нами отъ няни, имѣло для насъ особенную прелесть, и мы съ наслажденіемъ грызли всѣ эти гостинцы, превратившіеся въ сухари. Потомъ идетъ задача разныхъ вещицъ и игрушекъ, и каждый изъ насъ непременно получаетъ то, о чемъ онъ давно мечталъ: одному изъ насъ няня даритъ глинянаго пѣтушка, другому—оловянную посуду, а тамъ идутъ лошадки, коровки, а для Антоши припрятанъ и кипарисный крестикъ на красной, бумажной тесемкѣ.

Когда няня кончила свой посмертный нарядъ, ей стало чудиться, что она непременно должна умереть въ тотъ-же годъ, такъ какъ къ смерти уже все готово. Вотъ поэтому-то, когда она на этотъ разъ задумала взглянуть на могилку своей матери, она захватила на всякій случай и свое платье. На родинѣ она случайно встрѣтилась съ дочкой своей прежней сосѣдки Макарьевны. Та имѣла уже не только множество взрослыхъ дѣтей, но и внучатъ. О ту пору въ ея семействѣ подати собирали: въ уплату податей должна была пойти лошадь, послѣдняя поддержка семьи. Какъ тутъ было устоять нянѣ предъ такимъ горемъ? А тутъ, какъ нарочно, по близости, богатые господа въ свое помѣстье пріѣхали и задумали справить свадьбу своей любимой горничной. Сказывали, что они собираются въ городъ ѣхать, бѣлое, подвѣчное платье ей

покупать. Няня отправилась къ нимъ, продала свое платье и выручила изъ бѣды знакомую семью.

— Что-же, будешь другое себѣ платье шить?—спрашивала мама, узнавши о случившемся.

— И, куда? Вѣдь и все-то это было отъ баловства и отъ жизни привольной... Вотъ, небось, наши Болоткинцы не знаютъ такихъ затѣй! Чѣмъ я то ихъ лучше?

— А все-таки признайся, няня,—допытывала ее моя сестра Саша, дѣвушка лѣтъ 18-ти, — столько лѣтъ ты мысль эту лелѣяла, что вотъ послѣ смерти одѣнуть тебя въ твое бѣлое платье, надъ которымъ ты столько лѣтъ трудилась... и вдругъ отдать его?

— Чего, Сашенька, ты меня пытаешь? Если мнѣ по совѣсти въ этомъ тебѣ признаться, такъ мнѣ и въ глаза тебѣ стыдно будетъ смотрѣть. Ну, да была не была, слушай: какъ пришлось мнѣ съ платьемъ-то разставаться, я, точно молоденькая дѣвчонка, всю ночь проплакала, всю какъ есть подушку такъ слезами и смочила... Вишь, живая не наряжалась, такъ по смерти захотѣлось; только ужъ какъ вспомнила, какое горе ждетъ семью, когда послѣднюю лошаденку со двора сведутъ, такъ сама себѣ даже постыла стала.

Года черезъ три послѣ описаннаго событія, няня уже не думала посѣтить свою родину. Когда кто нибудь шутя замѣчалъ ей, что скоро весна, и ей пришелъ срокъ прогуляться, она, грустно покачивая головой, отвѣчала, что наступилъ срокъ ея послѣдней прогулки, изъ которой она больше никогда не вернется. И дѣйствительно, няня замѣтно угасала съ каждымъ днемъ и, уже лежа въ кровати, только освѣдомлялась: не теплѣе-ли грѣетъ солнышко, не прилетѣли-ли къ намъ изъ за моря птички.

— Ахъ, вотъ онѣ милыя гости,—твердымъ голосомъ вдругъ вскричала няня, хотя утромъ того дня она была особенно слаба.

— Да, я слышу, надъ самымъ домомъ чирикають птички! Отворите окно, пожалуйста, отворите!— умоляла она мать, которая все уговаривала ее не просить этого, потому что свѣжій весенній воздухъ можетъ сильно повредить ея здоровью.

— Какое тамъ здоровье,—возразила она.—Вы сами знаете,—мой часъ пришелъ... отворите же... Я хочу въ послѣдній разъ полюбоваться яснымъ солнышкомъ, хочу слышать птичекъ, и скорѣе сюда зовите моихъ милыхъ дѣтушекъ,—прибавила она, схватившись за грудь, и какъ-то странно глядя на мать.—Мы съ рыданіями бросились было на колѣни предъ ея кроватью, цѣлуя ея исхудалыя руки.

— Встаньте, встаньте!.. И что вы это, дѣтушки, такъ плачете.. что я вамъ такого особенно хорошаго могла сдѣлать, чтобы по мнѣ такъ убиваться..

— Ахъ, няня,—сказала Саша, страстно цѣлуя ея глаза и холодѣющее лицо. Развѣ есть кто на свѣтѣ лучше тебя? Развѣ кто другой на свѣтѣ умѣлъ больше, лучше тебя любить всѣхъ несчастныхъ, прощать тѣхъ, кто дѣлалъ тебѣ зло!

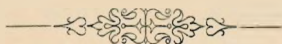
— Хорошо, хорошо вы такъ говорите. Спасибо вамъ, мои милые, родные... Какъ хорошо у меня на душѣ,—говорила она, и свѣтлая, радостная улыбка озарила ея лицо.

— Какъ свѣтло!—и она дрожащей рукой указала на окна. Яркій лучъ свѣта ворвался въ комнату; совершенно отчетливо раздалось звонкое, серебристое, съ переливами пѣніе жаворонка, и въ ту же минуту въ окно влетѣли два нашихъ ручныхъ голубя, стали кружиться на полу, ворковать, общипали другъ другу носики, расправляли перышки. Мы съ минуту засмотрѣлись на эту картину и когда взглянули на няню, блѣдная и все съ тою же улыбкою на губахъ она, какъ и прежде, лежала

обернувшись къ свѣту, только глаза ея теперь крѣпко сомкнулись.

— Умерла!—сказала мать,—наклонившись надъ ней и отходя отъ нея на нѣсколько шаговъ, чтобы отдать ей глубокой поклонъ.

Черезъ три дня было погребенье, и няню хоронили съ такимъ почетомъ, съ какимъ, какъ сказывали старожилы, они не запомнятъ, чтобы когда вибудь хоронили на селѣ первыхъ богачей. Народъ со всѣхъ деревень, по крайней мѣрѣ на сорокъ версть въ окружности, со всѣми дѣтьми собрался въ церковь. Всѣ пришли въ послѣдній разъ поклониться женщинѣ, которая всю свою жизнь строго выполняла, хотя и во снѣ услышанный ею, приказъ стараго дѣдушки: «ни одной слезы не оставлять безъ облегченія». Она всю свою жизнь отдавала другимъ, за то при ея погребеніи народъ оспаривалъ другъ у друга честь выказать ей сочувствіе: дѣти осыпали цвѣтами ея могилу, старшія пзъ нихъ несли на своихъ плечахъ ея гробъ, лучшіе мастера на деревнѣ сдѣлали ей ограду и поставили массивный дубовый крестъ, а старики насадили самыя густыя деревья.

180 -

446

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

109310

Biblioteka WSP Kielce

0152402